МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФГАОУ ВО «КРЫМСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ. В. И. ВЕРНАДСКОГО»

ИНСТИТУТ «ТАВРИЧЕСКАЯ АКАДЕМИЯ»
ЮРИДИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

Кафедра истории и теории государства и права

«Фундаментальные категории права в XXI веке: переосмысление базовых понятий в условиях современных социальных и политических процессов»

МАТЕРИАЛЫ XI ВСЕРОССИЙСКОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ С МЕЖДУНАРОДНЫМ УЧАСТИЕМ ПРОФЕССОРСКО-ПРЕПОДАВАТЕЛЬСКОГО СОСТАВА,
АСПИРАНТОВ И СТУДЕНТОВ
(08 АПРЕЛЯ 2026 г.)

г. Симферополь, 2026

«Фундаментальные категории права в XXI веке: переосмысление базовых понятий в условиях современных социальных и политических процессов». Материалы всероссийской научно-практической конференции с международным участием профессорско-преподавательского состава, аспирантов и студентов. - Симферополь: Институт «Таврическая академия» «КФУ им. В.И. Вернадского», 2026. – 259 с.

Настоящий сборник составлен по материалам всероссийской научно-практической конференции с международным участием профессорско-преподавательского состава, аспирантов и студентов, состоявшейся 08 апреля 2026 г. в г. Симферополе. Работы посвящены вопросам трансформации фундаментальных правовых категорий в контексте глобальных изменений XXI века. Авторы статей анализируют, как современные социальные и политические процессы, включая глобализацию и цифровую трансформацию, влияют на базовые понятия юриспруденции и требуют их концептуального переосмысления. В публикациях освещаются вопросы из таких ключевых областей знаний, как онтологический и аксиологический аспекты фундаментальных правовых категорий в эпоху глобальных трансформаций, эволюция понятий суверенитета, государства и права под влиянием глобализации и цифровых технологий, трансформация конституционных прав человека в условиях цифровых и биоэтических вызовов, а также проблемы интерпретации правовых понятий и оценочных категорий в публичном и частном праве. Статьи демонстрируют широкий спектр научных подходов и методологий, сочетают теоретико-правовые исследования с анализом актуальных правоприменительных практик.

Ответственность за аутентичность и точность цитат, имен, названий и иных сведений, а также за соблюдение законодательства об интеллектуальной собственности несут авторы публикуемых материалов.

СОДЕРЖАНИЕ

Секция 1.
Фундаментальные правовые категории в XXI веке: онтологический и аксиологический аспект в эпоху глобальных трансформаций

1. **Басов А.В., Аметка Ф.А. РАЗВИТИЕ ОРГАНИЗАЦИОННОГО И ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРОВЕДЕНИЯ ЭВАКУАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ……..…8**
2. **Змерзлый. Б.В., Венедиктов А.А. ОРГАНИЗАЦИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ДАТСКОЙ ЦЕРКВИ ЗАРУБЕЖОМ……..…11**
3. **Кондрашов Ю.А. ПРИНЦИП НАУЧНОЙ ОБОСНОВАННОСТИ В ПРАВОВОМ ПРОГНОЗИРОВАНИИ……...……13**
4. **Конина Е.Н. ФУНКЦИИ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ……..……16**
5. **Миннекаева Д.Р. ФОРМИРОВАНИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО АТМОСФЕРНОГО ПРАВА: ФИЛОСОФСКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ НОВОЙ ОТРАСЛИ МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЧНОГО ПРАВА……...…19**
6. **Осипов Р.А. ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА КАК ОСНОВА РАЗВИТИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА……...…22**
7. **Халиулин В.Е.ПРАВОСОЗНАНИЕ КАК АДАПТИВНЫЙ МЕХАНИЗМ: ПЕРЕОЦЕНКА ЦЕННОСТНОГО ОСНОВАНИЯ ПРАВА В ЭПОХУ СОЦИАЛЬНОЙ ТУРБУЛЕНТНОСТИ……...…24**
8. **Хрущев Р.С. СПЕЦИФИКА ОРГАНИЗАЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПАРТИЙ В ЗАМОРСКИХ РЕГИОНАХ ДАНИИ……27**
9. **Кошкин А.С. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ И ОСНОВЫ УГОЛОВНОГО ПРАВА ГРЕНЛАНДИИ……..…30**
10. **Крайнев В.В. АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ……...…34**
11. **Крутых Д.А. РОЛЬ ФЕНОМЕРА «ПОЛИЦИИ НРАВОВ» В СИСТЕМЕ ИСЛАМСКОГО ПРАВОПОРЯДКА В ИРАНЕ……...……36**
12. **Лушавина И.П. ЗАКОН О НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТАХ: ОПЫТ ПРОШЛОГО И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ……..……41**
13. **Ситников И.О. ТРАНСФОРМАЦИЯ КАТЕГОРИИ «СУБЪЕКТ ПРАВА» В УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ……...…44**

Секция 2.
Суверенитет, государство и право в эпоху глобализации и цифровых трансформаций: перезагрузка базовых категорий

14. **Лазарева О.В. ЗАКОНОДАТЕЛЬНАЯ ПЕРЕЗАГРУЗКА ПОНЯТИЙНОГО АППАРАТА ОТДЕЛЬНЫХ РАЗНОВИДНОСТЕЙ ПРАВОВОЙ ПРОЦЕДУРЫ В ЭПОХУ ЦИФРОВЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ……...……47**
15. **Пискунова О.В. КРАУДСОРСИНГ КАК ПРАВОТВОРЧЕСКАЯ ФОРМА……49**
16. **Анохин А.Н. ОБ АСПЕКТАХ РАЗВИТИЯ ПОДХОДОВ К ПОНИМАНИЮ ГОСУДАРСТВА В 21 ВЕКЕ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ……...…52**

17. **Шармоянц А.Н. ЮРИСДИКЦИЯ ДАННЫХ КАК ВАЖНЫЙ ПРИЗНАК ГОСУДАРСТВА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ И ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ ДЕТЕРРИТОРИАЛИЗАЦИИ СУВЕРЕНИТЕТА.……...……56**
18. **Лапутько К.В. АЛГОРИТМИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ И ПРЕДЕЛЫ ВЫТЕСНЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА ИЗ ПРОЦЕССА ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЙ.……..…59**
19. **Пискунова Н.И. ДОГОВОР БЕСПИЛОТНОЙ АЭРОДОСТАВКИ ГРУЗА: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА.……..…63**
20. **Бальский А.В. ЗНАЧЕНИЕ ПУБЛИЧНЫХ ВЕЩЕЙ ДЛЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО СУВЕРЕНИТЕТА.……...…65**
21. **Мельников А.В. К ВОПРОСУ О ТРАНСФОРМАЦИИ МЕХАНИЗМА ГОСУДАРСТВА В УСЛОВИЯХ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941-1945 гг.).……69**
22. **Соколов В.Н. ЭВОЛЮЦИЯ БАЗОВЫХ ПРАВОВЫХ ПОНЯТИЙ ОБРАБОТКИ ОТХОДОВ В РОССИИ ПОД ВЛИЯНИЕМ ВЫЗОВОВ XXI ВЕКА: ЦИФРОВИЗАЦИЯ КАК ФАКТОР ТРАНСФОРМАЦИИ…….72**
23. **Соколов В.Н. ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРИРОДООХРАННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В УСЛОВИЯХ ПОСТРОЕНИЯ ПОЛИЦЕНТРИЧНОГО МИРА: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ.……74**
24. **Алексеева К.А., Дудина К.М. ПРЕДЕЛЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ПРАВОТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ…….77**
25. **Жевед К.К., Соболев О.Е. ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ ЦИФРОВОГО СУВЕРЕНИТЕТА ГОСУДАРСТВА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ ИНФОРМАЦИОННОГО ПРОСТРАНСТВА.……..81**
26. **Кештов И.З., Утов К.К. ЦИФРОВИЗАЦИЯ КАК ФАКТОР ТРАНСФОРМАЦИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ.……84**
27. **Киселева А.Д. ТРАНСФОРМАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО СУВЕРЕНИТЕТА В КОНТЕКСТЕ ПРИЗНАКОВ ГОСУДАРСТВА……...87**
28. **Куличевский С.А., Сечная А.А. ЦИФРОВОЕ ГОСУДАРСТВО КАК НОВАЯ ФОРМА РЕАЛИЗАЦИИ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ…….90**
29. **Кумарев К.Г, Сморудова Э.В. ЦИФРОВОЙ СУВЕРЕНИТЕТ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В УСЛОВИЯХ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ: СОДЕРЖАНИЕ И ОСОБЕННОСТИ…….93**
30. **Лёшина Ю.Ю. «LEX INFORMATICA КАК НОВАЯ НОРМАТИВНОСТЬ: ВЫЗОВ ТРАДИЦИОННОЙ ДОКТРИНЕ ИСТОЧНИКОВ ПРАВА»……..96**
31. **Литовкин П.А. ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОВД……..99**
32. **Полозова Д.О. ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОБРАЩЕНИЙ ГРАЖДАН В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ……..102**
33. **Трубач Э.Э. ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА В АДМИНИСТРАТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОВД……..106**
34. **Хочуев А.Х., Мейланов Н.Н. ЭЛЕКТРОННОЕ ГОСУДАРСТВО КАК ЭТАП РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ……...109**
35. **Шилин Н.С. ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА ПРИ ПРОТИВОДЕЙСТВИИ ТЕРРОРИЗМУ: ПОИСКА БАЛАНСА В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ ВЫЗОВОВ……...113**

Секция 3.
Конституционные права человека как правовая категория в XXI веке: трансформация содержания под влиянием цифровых и биоэтических вызовов

36. **Адельсеитова А.Б., Конопелько А.М. ИНСТИТУТ МНОЖЕСТВЕННОГО ГРАЖДАНСТВА В КОНСТИТУЦИОННОМ ПРАВЕ: БАЛАНС ЧАСТНЫХ И ПУБЛИЧНЫХ ИНТЕРЕСОВ……117**
37. **Буткевич С.А. РЕАЛИЗАЦИЯ СТАТЬИ 29 КОНСТИТУЦИИ РОССИИ В КОНТЕКСТЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ……...119**
38. **Казанцева Е.В. ЗАЩИТА ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА В КОНТЕКСТЕ НОРМ ОСНОВНОГО ЗАКОНА РОССИИ……122**
39. **Пашнева В.А. ПРАВО НА ДОСТУП К ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИИ……..125**
40. **Сильванович Ю.Н. ПРАВО НА ОБЖАЛОВАНИЕ РЕШЕНИЙ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РФ: ВЕКТОР РЕФОРМ И АКТУАЛЬНЫЕ ИНИЦИАТИВЫ……...…128**
41. **Абсеттаров Т.Р. ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ИНФОРМИРОВАННОГО ДОБРОВОЛЬНОГО СОГЛАСИЯ В СТОМАТОЛОГИИ: НОВЫЕ РЕАЛИИ ЦИФРОВИЗАЦИИ И БИОЭТИЧЕСКИЕ РИСКИ……131**
42. **Белецкая М.Ю. ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ЦИФРОВОГО ОБЩЕСТВА: ЦИФРОВЫЕ ПРАВА ГРАЖДАН В КОНСТИТУЦИОННОМ ИЗМЕРЕНИИ……...136**
43. **Бокова В.А. ТРАНСПЛАНТОЛОГИЯ И КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО НА ЖИЗНЬ И ЗДОРОВЬЕ: ПРЕЗУМПЦИЯ СОГЛАСИЯ/НЕСОГЛАСИЯ……140**
44. **Виноградова С.А. КОНСТИТУЦИОННЫЕ ПРЕДЕЛЫ ОГРАНИЧЕНИЯ ЦИФРОВЫХ ПРАВ……143**
45. **Голованов П.Л. КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ СТАТУС ЭМБРИОНА IN VITRO: СООТНОШЕНИЕ ВЕЩНО-ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ И ПРАВ ЛИЧНОСТИ……146**
46. **Гольберг Д.А. РОЛЬ ПРОКУРАТУРЫ В ОБЕСПЕЧЕНИИ СОЦИАЛЬНЫХ ПРАВ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ……148**
47. **Емельянов И.А. ВЛИЯНИЕ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА НА НОРМОТВОРЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ……152**
48. **Заинчковский С.Д. КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЗАЩИТЫ БИОМЕТРИЧЕСКИХ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ……..155**
49. **Иванова С.О., Мафенбеер В.А. КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ГАРАНТИИ УЧАСТИЯ НАСЕЛЕНИЯ В РЕШЕНИИ ВОПРОСОВ МЕСТНОГО ЗНАЧЕНИЯ……...159**
50. **Никифорова С.С. ЦИФРОВОЕ ГРАЖДАНСТВО: ТРАНСФОРМАЦИЯ КОНСТИТУЦИОННОЙ СВЯЗИ ЧЕЛОВЕКА И ГОСУДАРСТВА……...161**
51. **Керкез Н.С. ЭВОЛЮЦИЯ ПРАВА НА НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ И СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ «ПРАВА БЫТЬ ЗАБЫТЫМ» В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ……166**
52. **Ковтун В.В. СОМАТИЧЕСКИЕ ПРАВА: КОНФЛИКТ ГОСУДАРСТВА И ЛИЧНОСТИ В БИОЭТИЧЕСКИХ ВОПРОСАХ……...169**
53. **Кравченко А.Ю. ЭВОЛЮЦИЯ И НОВОЕ ПОКОЛЕНИЕ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ (НЕЙРОПРАВА) ……...173**

54. **Лапик Н.В. ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ……...177**
55. **Лебедева Е.С. ЗАЩИТА ЧЕСТИ И ДОСТОИНСТВА В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ……180**
56. **Маслич А.Е. ПОСТМОРТАЛЬНАЯ (ПОСМЕРТНАЯ) РЕПРОДУКЦИЯ КАК БИОГЕНЕТИЧЕСКОЕ ПРАВО ЧЕЛОВЕКА XXI ВЕКА……184**
57. **Невструева А.А. КОНСТИТУЦИОННЫЕ ПРЕДЕЛЫ ОГРАНИЧЕНИЯ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА ПРИ РЕГУЛИРОВАНИИ МИГРАЦИОННЫХ ПОТОКОВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ……187**
58. **Одуденко С.Е. ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРЕДВЫБОРНОЙ АГИТАЦИИ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ И ПЕРСПЕКТИВЫ ОТМЕНЫ «ДНЯ ТИШИНЫ» В РОССИЙСКОМ ИЗБИРАТЕЛЬНОМ ПРАВЕ……...190**
59. **Сафронова А.И. ВИДЫ, ГЕНЕЗИС И ЗНАЧЕНИЕ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ ЦЕНЗОВ В РОССИИ……...……193**
60. **Цепенникова Е.А. РОЛЬ НАБЛЮДАТЕЛЕЙ В ИЗБИРАТЕЛЬНОМ ПРАВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ……..……198**

Секция 4.
Проблема понимания правовых понятий и оценочных категорий в правоотношениях публичного и частного права

61. **Заулочная С.А. ПРАВОВЫЕ ПОДХОДЫ К РЕГУЛИРОВАНИЮ ОТКАЗА ОТ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ: СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА НАЦИОНАЛЬНЫХ МОДЕЛЕЙ……...201**
62. **Казанцева Е.В., Казанцев А.Ю. ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ КОМПЕНСАЦИИ МОРАЛЬНОГО ВРЕДА ЗА ВРЕД, ПРИЧИНЕННЫЙ ОРГАНАМИ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ……..…204**
63. **Краснобаева Л.А. ОЦЕНОЧНЫЕ КАТЕГОРИИ В АДМИНИСТРАТИВНОМ ПРАВЕ……207**
64. **Морозов А.А. ПРАКТИКИ ВОЗМЕЩЕНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ВРЕДА: ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ……..…210**
65. **Анкудинова Я.С. ПРАВОВАЯ ПРИРОДА И ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА ПРОТЕСТА ПРОКУРОРА В ПРОИЗВОДСТВЕ ПО ДЕЛАМ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ……213**
66. **Дмитриенко А.Я. СУЩНОСТЬ И МЕСТО ВИРТУАЛЬНОГО ИМУЩЕСТВА В СИСТЕМЕ ГРАЖДАНСКОГО ОБОРОТА……216**
67. **Соляная М.А. СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КАТЕГОРИЙ «НАЦИОНАЛЬНОЕ МЕНЬШИНСТВО» И «МЕНЬШИНСТВО» В КОНТЕКСТЕ КОНСТИТУЦИОННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ……..…219**
68. **Аблятифова С.Э. К ВОПРОСУ О РЕФОРМИРОВАНИИ АДМИНИСТРАТИВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ……222**
69. **Агуреева В.Н., Бедоева Д.Т. ОСОБЕННОСТИ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОГО СТАТУСА ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ……..…227**
70. **Алейникова В.А. ИНОАГЕНТ: ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ПОНЯТИЯ И ЕГО ТРАНСФОРМАЦИЯ……...……230**

71. **Богданова А.О. АДМИНИСТРАТИВНАЯ ЮСТИЦИЯ В РОССИИ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ……233**
72. **Ибрагимов Э. Р. ДИНАМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПРАВОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ КАК МЕХАНИЗМ РАЗРЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ ПРЕКРАЩЕНИЯ ПРАВ НА НЕИСПОЛЬЗУЕМЫЕ ЗЕМЕЛЬНЫЕ УЧАСТКИ……...236**
73. **Катренко А.И. МЕДИАЦИЯ КАК ОСНОВА ЛЕГИТИМНОСТИ ПРАВА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ И ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ В ПУБЛИЧНОЙ И ЧАСТНОЙ СФЕРАХ……...…239**
74. **Огданец Д.В. АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЙ СТАТУС САМОЗАНЯТЫХ ГРАЖДАН: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ……...243**
75. **Одуденко С.Е., Таймазова А.К. ЗАНЯТИЕ ВЫСШЕГО ПОЛОЖЕНИЯ В ПРЕСТУПНОЙ ИЕРАРХИИ: ПРОБЛЕМАТИКА КВАЛИФИКАЦИИ……...……247**
76. **Рабаданова Д.М. ОЦЕНОЧНЫЕ КАТЕГОРИИ «ВОЗРАСТ», «СОСТОЯНИЕ ЗДОРОВЬЯ», КАК ОСНОВАНИЯ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА ГРАЖДАНИНА НА СУДЕБНУЮ ЗАЩИТУ В ПОРЯДКЕ СТ. 45 ГПК РФ……...…250**
77. **Шубин И.А. ПРАВОВОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ МОЛОДЕЖИ В КОНТЕКСТЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ: СОВРЕМЕННЫЕ ВЫЗОВЫ И ПУТИ РЕГУЛИРОВАНИЯ……..…253**
78. **Шупенков Д.В. ИЗМЕНЕНИЕ АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРОЦЕССА С ПОЯВЛЕНИЕМ ЭЛЕКТРОННОГО СЕРВИСА «ГОСУСЛУГИ» И МЕССЕНДЖЕРА MAX……256**

Секция 1.
Фундаментальные правовые категории в XXI веке: онтологический и аксиологический аспект в эпоху глобальных трансформаций

УДК 340 (470)

Басов А.В.
доктор юридических наук, профессор
Аметка Ф.А.
кандидат юридических наук, доцент
Крымский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, Россия, г. Симферополь

РАЗВИТИЕ ОРГАНИЗАЦИОННОГО И ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРОВЕДЕНИЯ ЭВАКУАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.

Аннотация. В статье проведен анализ некоторых аспектов развития правового и организационного обеспечения эвакуации населения в России как ключевого способа защиты при чрезвычайных ситуациях. Выделены основные этапы данного развития. Особое внимание уделяется современному этапу: принятие Федерального закона № 68-ФЗ, введение в 2021 году обязанности граждан эвакуироваться, утверждение Правил (2022 г.) и национального стандарта ГОСТ Р 42.1.01-2024. Выявлены некоторые проблемные аспекты в данном направлении деятельности.

Ключевые слова: чрезвычайная ситуация, правовое обеспечения, население.

Annotation. The article analyzes certain aspects of the development of legal and organizational frameworks for population evacuation in Russia as a key method of protection during emergencies. The main stages of this development are identified. Particular attention is paid to the current stage: the adoption of Federal Law No. 68-FZ, the introduction in 2021 of the citizens' duty to evacuate, the approval of the Rules (2022), and the national standard GOST R 42.1.01-2024. Some problematic aspects in this area of activity are identified.

Keywords: emergency, legal framework, population.

Обеспечение безопасности населения при возникновении чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера является одной из приоритетных направлений деятельности Российского государства. В условиях возрастания масштабов и количества чрезвычайных ситуаций природного характера, сохранения рисков техногенных аварий, а также с учетом современных вызовов безопасности, ключевое место в системе защитных мер занимает эвакуация населения. Эвакуация представляет собой комплексный и наиболее эффективный способ спасения людей, позволяющий минимизировать потери среди населения путем организованного вывода (вывоза) его из зон действия поражающих факторов и размещения в безопасных районах [1].

Формирование организационных и правовых основ эвакуации в России прошло длительный путь развития. Отметим, что «Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия» 1881 года, «заложило» основы для введения особых режимов управления при возникновении различного рода чрезвычайных ситуаций [2,3,4].

События 1917 – 1920 годов имели насыщенный, динамичный характер. В этот период реализация чрезвычайных мер являлась повседневной правоприменительной практикой органов власти. Законы военного времени делали ненужным наличие исключительного законодательства. Эвакуация в указанный период осуществлялась

преимущественно в порядке оперативного реагирования на конкретную обстановку, без закрепления ее процедурных основ в едином нормативном акте.

Необходимость в систематизации чрезвычайных мер привела к их законодательному закреплению в мирный период. На законодательном уровне в СССР до принятия Конституции 1936 года установление чрезвычайных мер регулировалось Постановлением Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров СССР «О чрезвычайных мерах охраны революционного порядка» от 3 апреля 1925 года, которое предусматривало три вида чрезвычайных мер: исключительное положение, военное положение не на театре военных действий и военное положение на театре военных действий [4, с. 56]. В данном Постановлении вопросы эвакуации населения также не получили самостоятельной регламентации, поскольку основное внимание уделялось поддержанию правопорядка и режимным мерам, а не организованному перемещению граждан в безопасные районы.

Наиболее масштабную практику применения механизмы эвакуации получили в годы Великой Отечественной войны. Исследуя вопрос об эвакуации следует помнить, что эвакуация в СССР во время Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.) являлось одним из самых крупномасштабных перемещений в начальный период войны с нацистской Германией из оккупационной зоны в восточные регионы страны не только населения, но промышленных предприятий, культурных и научных учреждений, запасов продовольствия, сырья, скота, материальных ресурсов и др., что оказывало невероятную нагрузку на транспортные пути.

Средняя Азия, наряду с Уралом и Западной Сибирью в годы Великой Отечественной войны стала одним из ключевых тыловых регионов СССР, и приняла значительное количество эвакуированных граждан [5, с. 26]. Так, в период с июня 1941 года до 01 февраля 1942 года по только железной дороге в тыловые районы страны было эвакуировано 10,4 млн. человек, 2 млн. было перевезено водным транспортом. Всего за указанный период было перевезено 12,4 млн. человек. Еще 8 млн. человек было эвакуировано во время второй волны эвакуации летом 1942 года. Всего за войну число эвакуированных составило около 25 млн человек [6, с. 102]. «Элитной зоной» эвакуации считался Ташкент, именно туда эвакуировали Советскую Академию Наук [7, с. 139], более 200 замечательных писателей (среди которых поэтесса А. Ахматова, эвакуированная из блокадного Ленинграда в Узбекистан в ноябре 1941 года, Алексей Толстой, Всеволод Иванов, Корней Чуковский, Мариэтта Шагинян, Борис Лавренев, Илья Эренбург, Борис Горбатов и многие другие).

В последующем, особенно после аварии на Чернобыльской АЭС (1986 г.) [8] и Спитакского землетрясения в Армении (1988 г.) [9], происходило накопление практического опыта проведения эвакуационных мероприятий в условиях крупномасштабных чрезвычайных ситуаций. Чернобыльская катастрофа продемонстрировала недостаточную готовность системы к эвакуации населения из зоны радиоактивного загрязнения, выявив проблемы оповещения, организации вывоза людей и их последующего размещения в безопасных районах. В свою очередь, землетрясение в Армении показало необходимость экстренного вывода населения из зоны разрушений Железнодорожным и воздушным транспортом были эвакуированы 100 тыс. раненых и оставшихся без крова. Накопленный в результате этих событий опыт требовал своего нормативного закрепления. Однако долгое время правовое регулирование эвакуации носило фрагментарный характер, а механизмы взаимодействия между различными уровнями власти были недостаточно проработаны.

Современный этап развития эвакуации характеризуется комплексом мер направленный на создание целостной системы организационного и правового обеспечения. На первоначальном этапе был принят базовый Федеральный закон № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера». Показательно, что только в 2021 году были внесены изменения и дополнения в

соответствии с которыми впервые на законодательном уровне установили обязанность граждан эвакуироваться (п.6 ст. 19) при получении соответствующей информации, что, с одной стороны, устранило правовой пробел, а с другой – обусловило возникновение научной дискуссии о балансе публичных интересов и прав человека. Дальнейшее развитие правового и организационного обеспечения эвакуации получило в подзаконных актах. Так, В 2022 году были утверждены Правила проведения эвакуационных мероприятий при угрозе возникновения или возникновении чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, определившие порядок действий органов власти и организаций [10]. Кроме того, важным шагом в сторону унификации требований стала разработка и утверждение 3 декабря 2024 года национального стандарта ГОСТ Р 42.1.01-2024 «Гражданская оборона. Эвакуация населения, материальных и культурных ценностей в безопасные районы. Общие требования» [1], который вступил в силу 1 мая 2025 года. Этот документ установил единые методологические подходы к планированию, подготовке и проведению эвакуации, а также четко определил терминологический аппарат, разграничив понятия «эвакуационные мероприятия», «безопасный район» и «первоочередное жизнеобеспечение».

Вместе с тем, анализ практики реализации эвакуации показывает, что несмотря на развитие современного правового и организационного обеспечения, сохраняется ряд системных проблем: сложности межведомственного взаимодействия, неполная урегулированность вопросов правового статуса лиц, отказывающихся от эвакуации (несмотря на установленную законодательством обязанность), недостаточная регламентация процедур временного отселения и добровольного переселения.

Список использованных источников:

1. ГОСТ Р 42.1.01-2024 Гражданская оборона. Эвакуация населения, материальных и культурных ценностей в безопасные районы. Общие требования URL: https://internet-law.ru/gosts/gost/84106/ (дата обращения 30.03.2026).

2. Басова Ю.Ю. Генезис чрезвычайного законодательства в зарубежных странах: историко-правовой аспект // Современный ученый. – 2017. – № 5. – С. 433–438.

3. Гессен В.М. Исключительное положение. Х «Эспада», 2005. 240 с.

4. Басова Ю.Ю. Теоретические, организационные и правовые аспекты обеспечения законности в условиях глобального риска возникновения чрезвычайных ситуаций: монография / Ю.Ю. Басова. Под общей ред. А.В. Мелехина. – Симферополь : Изд-во «Ариал». 2021. – 244 с.

5. Трушин А Эвакуация как индустриализация // Огонёк. 2015. № 12. С. 26.

6. Терёшина, Н.П., Флягина, Т.А. История экономики транспорта / Шеремет, Н.М. – Учебное пособие. Москва: МИИТ, 2011. С. 102.

7. Метель, О.В. Академическая наука в эвакуации: институт истории АН СССР В 1941–1943 гг. // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 472. С. 139.

8. Авария в 1986 году на Чернобыльской АЭС. Историческая справка URL: https://mchs.gov.ru/deyatelnost/press-centr/informacionnye-proekty/30-letie-katastrofy-na-chernobylskoy-aes/avariya-v-1986-godu-na-chernobylskoy-aes-istoricheskaya-spravka (дата обращения 30.03.2026).

9. Землетрясение в Армении, 7 декабря 1988 года URL: https://23.mchs.gov.ru/glavnoe-upravlenie/professionalnye-prazdniki/4-oktyabrya-den-grazhdanskoy-oborony/istoriya-grazhdanskoy-oborony-rossii/zemletryasenie-v-armenii-7-dekabrya-1988-goda (дата обращения 30.03.2026).

10. Постановление Правительства РФ от 19 сентября 2022 г. № 1654 «Об утверждении Правил проведения эвакуационных мероприятий при угрозе возникновения или возникновении чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» URL: https://base.garant.ru/405334477/ (дата обращения 30.03.2026).

УДК 342/348

Змерзлый Б.В.
доктор исторических наук, доктор юридических наук, профессор
Венедиктов А. А.
аспирант кафедры истории и теории государства и права
Институт «Таврическая академия»
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»,
г. Симферополь

ОРГАНИЗАЦИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ДАТСКОЙ ЦЕРКВИ ЗАРУБЕЖОМ

Аннотация. Сообщение посвящено изучению и раскрытию проблемы организации датской национальной церкви за рубежом в период второй половины 19 – начала 21 вв. Установлено, что распространение влияния датской национальной церкви за пределами королевства происходило несколькими путями: 1) паломническая деятельность священников; 2) организация церковной жизни в колониях и на зависимых территориях; 3) путем организации церковной жизни в иных странах по мере возникновения национально-религиозных общин. Особое положение датской национальной церкви сложилось в Исландии, на Фарерских островах и Гренландии.

Ключевые слова: датская национальная церковь, организация церковного управления, распространение, министерства культуры, церкви и образования

Abstract. This paper examines the organization of the Danish National Church abroad from the second half of the 19th to the early 21st centuries. It is established that the influence of the Danish National Church spread beyond the kingdom in several ways: 1) through the pilgrimage activities of priests; 2) through the organization of church life in colonies and dependent territories; 3) through the organization of church life in other countries as national-religious communities emerged. The Danish National Church enjoyed a special status in Iceland, the Faroe Islands, and Greenland.

Keywords: Danish National Church, organization of church administration, dissemination, ministries of culture, church, and education.

Министерство церкви и просвещения было создано сразу после политического переворота в марте 1848 г. и просуществовало до апреля 1916 г., когда оно было разделено на Министерство по делам церкви и Министерство просвещения. Неформально министерство всегда называли Министерством культуры, хотя на самом деле это относилось только к церковной части деятельности министерства.

При создании министерства к нему перешли офисы и сферы деятельности, принадлежавшие Королевскому управлению университетов и обучения и департамент Датской канцелярии.

Зона ответственности последнего (церковные и школьные дела) была разделена в апреле 1848 года путем выделения школы новое Управление гражданских и общих школ. Таким образом, была создана структура канцелярии, существовавшая до тех пор, пока существовало министерство культуры.

Кроме того, с 1849 г. существовал специальный секретариат (по делам художественных заведений и т. д.). Он был упразднен в 1859 г., а делопроизводство было передано в министерство культуры. Министерство культуры было исключительно министерством Королевства, включая так называемые королевские анклавы в герцогстве Шлезвиг. До передачи в 1864 г. церковное и школьное управление герцогствами находилось в ведении министерств Шлезвига и Гольштейна и Лауэнбурга. Острова Эрё и Альс образовывали епархию, отделившуюся от Фюна в 1819 г. [1], и была, таким образом,

датской церковной провинцией, которая (за исключением Сёндерборг-Кёбстад и Кегнес-Согн) относилась к Министерству культуры.

В ней находились церковь и школа. Кроме того, к Тёрнинглену Провсти (северные приходы Хадерслева Вестерамта) относились церковные, но не школьные вопросы, к Рибе Штифт и, таким образом. Министерству культуры. Когда герцогства были уступлены в 1864 г., так называемые «восемь огней» для Кольдинга (нар. Tyrstrup Herred) герцогства Шлезвиг и был включен в состав Королевства и, соответственно, в юрисдикцию Култусмина. Дела исландских церквей и школ обрабатывались и отправлялись в Исландский департамент, но решения принимались министром культуры, а с 1874 года - министром по делам Исландии, без участия министерства культуры, которое не имело уже к ним никакого отношения.

Фарерские церковные и школьные дела также относились к исландскому департаменту и рассматривались так же, как и исландские дела. В 1874 г. фарерские дела были отделены от исландского департамента и министерская обработка, рассмотрение фарерских церковных и школьных дел были переданы в министерства культуры.

В течение всего этого периода гренландская церковь и школьная система находились под управлением министерства культуры [2].

Канцелярские дела Вест-Индии, включавшие в себя гражданскую и школьную систему, управлялись датской канцелярией. Постановлением правительства от 18 августа 1848 года все вопросы, касающиеся колоний, были переданы в ведение канцелярии Дании. В этот же день, т.е. 18 августа 1848 г. все дела, касающиеся колоний, были переданы в ведение Временного торгового министерства, а в декабре того же года были переданы в Центральное правление колоний. До принятия Закона о колониях от 28.3.1852 г. [3], министерство культуры представляло вест-индские церковные и школьные вопросы на заключение, но затем только министерство финансов.

Центральный совет колоний был компетентен в делах Вест-Индии, а с министерством культуры консультировались лишь в некоторых случаях. консультировался только в некоторых случаях, в том числе при назначении священников. Однако епископ Зеландской епархии по-прежнему был церковным начальником лютеранских пасторов.

В результате принятия Колониального закона от 6 апреля 1906 г. [4], министерство культуры с 1 апреля 1907 г. вновь взял на себя управление делами общин Церкви Дании в Вест-Индии, в то время как дела, касающиеся других религиозных общин, остались в ведении Центрального совета колоний (Centralbestyrelse), но дела, касающиеся других религиозных общин, были переданы на рассмотрение в министерство культуры [5].

Как минимум с начала XIX в. началась активная история датской церкви за рубежом. Начало данному процессу положили моряки, прибывающие в заграничные порты и нуждающиеся в духовной помощи. Массовая эмиграция в конце XIX – начале XX в. датчан в различные страны также привело к усилению структур данной организации в иных странах.

Сегодня Датские церкви существуют на большинстве континентов и во многих странах: Европе, Азии, Австралии, США, Канаде и Аргентине. Каждую церковь возглавляет датский священник (за исключением Аргентины), который следит за тем, чтобы церковные службы и мероприятия проводились в соответствии с датскими традициями.

Эти церкви предлагают духовный дом вдали от дома. Датчане могут участвовать в церковных службах и других церковных мероприятиях, таких как крещение и конфирмация. Более 50 церквей расположены в городах с большой датской общиной. А в портовых городах с частыми мероприятиями датских кораблей они обеспечивают датчанам за границей доступ к церковным службам на родном языке. Организация была основана в 2004 г. путем объединения Датской церкви моряков в зарубежных портах и Датской церкви за границей. Он имеет долгую историю поддержки моряков и датчан, проживающих вне Дании [6].

Список использованных источников:

1. TROELS G. JØRGENSEN DE ØRSTEDSKE STRAFFELOVE UDGIVET AF BESTYRELSEN FOR DET ANDERS SANDØE ØRSTEDSKE PRISMEDAILLE-LEGAT. - GYLDENDALSKE BOGHANDEL NORDISK FORLAG. 1948. – URL: joergensen_de_oerstedske_straffelove_1948.pdf (дата обращения: 05.04.2026).
2. RIGSARKIVET OG HJÆLPEMIDLERNE TIL DETS BENYTTELSE II 1848-1990 l. bind Statsrådet. Domstole Ministerier og departementer. REDIGERET AF WILHELM von ROSEN. - RIGSARKIVET. 1991 I kommission hos G·E·C GAD. – S. 136. – URL: Rigsarkivet-og-hjaelpemidlerne-til-dets-benyttelse-II-bind-I.pdf (дата обращения: 05.04.2026).
3. Verner Madsen Peder Hansen- en dansk koloniembedsmands historieю - Odense Universitetsforlag 1984. – S. 121. – URL: Peder Madsen - en dansk koloniembedsmands historie (дата обращения: 05.04.2026).
4. KOLONIERNES CENTRALBESTYRELSE UDGIVET AF RIGSARKIVET. – RIGSARKIVET. KØBENHAVN 1975. – URL: Koloniernes Centralbestyrelse (дата обращения: 05.04.2026).
5. Koloniernes Centralbestyrelse / udg. af Rigsarkivet. - København: Rigsarkivet, 1975. – 108 s.
6. Den danske kirke på ferie i udlandet: Sømænd og udenlandske kirker. - Den danske kirke på ferie i udlandet: Sømænd og udenlandske kirker — Kirker.dk

УДК 34.01

Кондрашов Ю.А.
кандидат юридических наук, доцент
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», г. Саратов

ПРИНЦИП НАУЧНОЙ ОБОСНОВАННОСТИ В ПРАВОВОМ ПРОГНОЗИРОВАНИИ

Аннотация. В тезисах рассматривается принцип научной обоснованности как фундаментальное начало правового прогнозирования. Раскрывается его содержательное наполнение, включающее применение системного анализа, статистических методов, моделирования и экспертных оценок. Обосновывается практическое значение данного принципа для повышения точности прогнозов, оптимизации законотворческой деятельности, предотвращения правовых конфликтов и стратегического управления правовой системой.

Ключевые слова: правовое прогнозирование, принцип научной обоснованности, методология права, системный анализ, экспертные оценки, законотворчество.

Abstract. The theses examine the principle of scientific validity as a fundamental basis for legal forecasting. Its substantive content is revealed, including the application of system analysis, statistical methods, modeling and expert assessments. The practical significance of this principle for improving the accuracy of forecasts, optimizing law-making activities, preventing legal conflicts and strategic management of the legal system is substantiated.

Keywords: legal forecasting, principle of scientific validity, methodology of law, system analysis, expert assessments, law-making.

В современных условиях динамичного развития общественных отношений, сопровождающегося быстрыми политическими, экономическими и технологическими изменениями, возрастает потребность в научно обоснованном предвидении тенденций развития правовой системы. Правовое прогнозирование выступает в качестве ключевого

инструмента, позволяющего формировать достоверные суждения о будущем состоянии правовых явлений и обеспечивать «интеграцию аналитических, статистических и экспертных методов для выработки стратегических решений» [1, с. 26]. В системе принципов, образующих методологическую основу данной деятельности, принцип научной обоснованности занимает фундаментальное положение, предопределяя качественные характеристики прогнозов — их точность, достоверность, объективность и практическую значимость.

Принцип научной обоснованности предполагает, что любой прогноз в сфере права должен базироваться на проверенных и достоверных научных методах исследования, а также на объективных эмпирических данных. Это обеспечивает не только высокую степень надежности результатов, но и их практическую применимость при выработке управленческих решений и законотворческих инициатив.

Реализация принципа научной обоснованности требует применения широкого арсенала методов познания правовой действительности. Первостепенное значение среди них имеет системный анализ, позволяющий рассматривать правовую систему как единую целостную структуру, выявлять взаимосвязи между различными правовыми институтами и оценивать последствия изменений в одном элементе системы на другие элементы.

Важное место в методологическом инструментарии научно обоснованного прогнозирования занимают статистические методы. Их применение предполагает количественную обработку данных о правоприменительной практике, динамике законодательных инициатив, судебных решениях и иных количественно измеримых параметрах функционирования правовой системы. Анализ того, сколько и какие законопроекты вносились и принимались в Государственной Думе за определённый период, позволяет не просто зафиксировать тенденции, но и выявить приоритеты правового регулирования, а на их основе — предсказать будущие направления законотворческой работы.

Моделирование и сценарный анализ выступают важными элементами методологического инструментария, обеспечивающего научную обоснованность прогнозов. С их помощью можно просчитать разные варианты развития правовой системы с учётом динамики социальных, экономических и политических факторов. Особенно очевидна необходимость такого подхода в области цифрового права: прежде чем устанавливать правила для кибербезопасности, искусственного интеллекта или цифровых платформ, необходимо спрогнозировать, как нововведения повлияют на регулируемую сферу, и смоделировать возможные риски.

В основе метода экспертных оценок лежит обращение к специалистам узкого профиля — практикующим юристам, учёным-правоведам, представителям государственных органов. Благодаря этому удаётся распознать скрытые тенденции, предвидеть последствия, которые трудно поддаются формализации, и определить степень вероятности наступления тех или иных изменений в правовом регулировании. Экспертное знание, основанное на глубоком понимании специфики отдельных сфер правового регулирования, дополняет формализованные методы и придает прогнозным результатам дополнительную глубину и обоснованность.

Практическое значение принципа научной обоснованности проявляется в нескольких аспектах. Во-первых, его реализация напрямую влияет на качество прогнозных результатов. Научные методы позволяют свести к минимуму ошибки при оценке вероятности течения правовых процессов, что в итоге даёт более точные и надёжные прогнозы.

Во-вторых, принцип научной обоснованности обеспечивает совершенствование самой законотворческой процедуры. Опираясь на научно выверенные прогнозы, законодатель способен расставлять приоритеты в законопроектной работе, выстраивать перспективный план подготовки нормативных актов с учётом действительных запросов

общества, а также своевременно вносить коррективы в действующее регулирование при появлении новых вызовов.

В-третьих, научно обоснованное прогнозирование создает условия для превентивного предотвращения правовых конфликтов. Выявление потенциальных противоречий между нормативными актами на стадии их проектирования позволяет заранее разрабатывать меры по устранению коллизий, обеспечивая тем самым согласованность и непротиворечивость нормативного массива.

В-четвертых, принцип научной обоснованности содействует решению задач стратегического характера. Именно он выступает той опорой, которая позволяет планировать развитие правовых институтов на долгую перспективу, включая кадровую политику, обновление юридических процедур, а также внедрение новых технологий в правотворческую и правоприменительную практику.

Следует подчеркнуть, что принцип научной обоснованности находится в тесной взаимосвязи с иными принципами правового прогнозирования. Его реализация создает необходимые предпосылки для соблюдения принципов комплексности (учета взаимосвязей права с иными сферами общественной жизни), системности (рассмотрения права как целостной взаимосвязанной системы), вероятностности (разработки альтернативных сценариев развития) и практической направленности (обеспечения прикладного значения прогнозных результатов). Взаимодействие этих принципов образует целостную методологическую основу прогнозной деятельности в сфере права.

Законотворческая практика показывает: без опоры на прогностические методы значительная часть вносимых законопроектов либо нуждается в существенной доработке, либо утрачивает актуальность ещё на стадии рассмотрения. Системное же применение правового прогнозирования, построенного на принципе научной обоснованности, способно придать правовой системе необходимую устойчивость, повысить качество законодательных решений, а главное — обеспечить своевременную и адекватную реакцию государства на социальные, экономические и технологические изменения. От этого напрямую зависит и доверие к институтам власти.

Следовательно, принцип научной обоснованности — не просто декларация, а реальный инструмент, позволяющий сделать правовую систему более предсказуемой и гибкой. Его последовательная реализация в практике правового прогнозирования создает необходимые условия для повышения качества законотворческой и правоприменительной деятельности, минимизации правовых рисков и обеспечения устойчивого развития правовой системы в условиях современных вызовов. Дальнейшее развитие методологического инструментария научно обоснованного прогнозирования, совершенствование методов сбора и обработки информации о правовых процессах, а также внедрение современных технологий анализа данных являются важными направлениями повышения эффективности правового прогнозирования в Российской Федерации.

Список использованных источников:

1. Никитин, А. А. принципы правового прогнозирования / А. А. Никитин, Ю. А. Кондрашов // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2025. – № 6(167). – С. 25-32.

УДК 340.12

Конина Е.Н.
кандидат юридических наук, доцент
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», Россия, г. Саратов

ФУНКЦИИ ПАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ

Аннотация. В статье исследуется категория «функции правовой культуры». Автор выделяет гносеологическую (познавательную), коммуникативную, семиотическую (информационную), гуманистическую, прогностическую, воспитательную, регулятивную, охранительную, правопреобразующую, оценочную, правосоциализаторскую функции, функцию трансляции социально-правового опыта и др., характеризуются отдельные виды функций правовой культуры.

Ключевые слова: правовая культура, функция социального явления, функции правовой культуры, функциональная характеристика правовой культуры.

Abstract. The article explores the category of "functions of legal culture." The author identifies the epistemological (cognitive), communicative, semiotic (informational), humanistic, prognostic, educational, regulatory, protective, law-transforming, evaluative, and legal-socialization functions, as well as the function of transmitting socio-legal experience, and describes the individual types of functions of legal culture.

Keywords: legal culture, function of a social phenomenon, functions of legal culture, functional characteristics of legal culture.

Преодоление стоящих перед современным Российским государством проблем экономического, социального, политического, демографического и прочих характеров требует наряду с волевыми решениями соответствующих органов публичной власти, ответственным исполнением их со стороны государственного аппарата, также и высокого уровня развития общества и отдельных его членов. Качественное, соответствующее вызовам действительности состояние правовой культуры имеет особую значимость, как так именно эта разновидность духовно-материальной культуры во многом определяет эффективное функционирование правовой системы, совершенствование юридической теории и практики, поддержание законности и правопорядка в обществе. Происходящие изменения во всех сферах жизнедеятельности современного общества отражаются в том числе и на его правовой культуре (в частности, ориентация на традиционные духовно-нравственные ценности). Научно обоснованная классификация функций правовой культуры, выделение системы функций правовой культуры способствуют познанию ее социально-преобразующей роли в различных сферах жизнедеятельности общества.

В юридической литературе существуют многочисленные определения правовой культуры, а множество разнообразных подходов к определению природы данного понятия (философский, логический, психологический, лингвистический, социологический, семиотический, антропологический и др.), позволяет нам сделать вывод, что в настоящий момент в юридической науке нет единой концепции правовой культуры.

Одной из дефиниций данного понятия служит определение Медведева В. А., который полагает, что «правовую культуру можно определить как обусловленную экономическим, политическим, социальным и духовным уровнем развития общества, как разновидность общей культуры, представляющую собой меру освоения и использования накопленных человечеством правовых ценностей, передаваемых в порядке преемственности от поколения к поколению» [1, с. 19-20].

В правовой науке широкое распространение получила точка зрения Алексеева С.С, согласно которой, под функцией социального явления понимается его «направления

воздействия на реальную действительность, в которой отражается сущность явления, его назначение и закономерности развития» [2, с. 191]. Данное определение суммирует наработанный отечественной юриспруденцией материал по функциям социальных явлений, наделяет исследователей необходимым категориально-понятийным инструментарием.

Согласно мнению Баумовой М. Г. «под функциями правовой культуры следует понимать относительно обособленные прогрессивные направления воздействия правовой культуры на сознание и поведение людей, их коллективов и организаций, все сферы общественной и личной жизни, в которых проявляется ее сущность, социальная и специально-юридическая роль и назначение в механизме правового регулирования общественных отношений» [3, с. 18].

Функции правовой культуры являются её внешним проявлением. Через свои функции правовая культура воздействует на общественные отношения и на их участников. Они проявляются и осуществляются в единстве таких структурных элементов правовой культуры, как право, правосознание, юридическая практика. Однако многокомпонентность правовой культуры, ее функционирование на различных уровнях социального взаимодействия порождает определенные трудности в определении перечня ее функций. Так, выделяют гносеологическую (познавательную), коммуникативную, семиотическую (информационную), гуманистическую, прогностическую, воспитательную, регулятивную, охранительную, правопреобразующую, оценочную, правосоциализаторскую функции, функцию трансляции социально-правового опыта и др. Рассмотрим отдельные из них.

Правопреобразующая функция правовой культуры обладает определяющим значением при проведении государственно-правовых реформ и совершенствовании законотворческой деятельности. Данная функция направлена на преодоление таких устоявшихся черт российского законодательства, как неточность нормативных предписаний, возможность субъективного толкования их содержания вследствие «размытости» формулировок, несоответствие принимаемых законов материально-финансовым возможностям их реализации на практике. Под правопреобразующей функцией понимается созидательное и творческое направление воздействия правовой культуры, оказывающее влияние на любые проявления практической деятельности участников правовых отношений. Поддержание указанной функцией системности правового регулирования, как необходимого условия функционирования гражданского общества и правового государства в Российской Федерации, требует повышения культуры законотворчества, соблюдения всех установленных стадий и процедур рассмотрения и принятия законопроектов.

Регулятивная функция правовой культуры в научной литературе обычно рассматривается как направление воздействия правовой культуры по созданию юридических идеалов, основополагающих принципов права и последующему внедрению данных нормативных установок в общественную жизнь с целью обеспечения устойчивости, согласованности, упорядоченности общественных отношений Рассматриваемая функция переводит правовые предписания из плоскости идеи и концепций в практику социального взаимодействия. «Цель регулятивной функции правовой культуры заключается в том, чтобы указать на наиболее приемлемый вариант поведения, … в конкретных случаях склонить к предлагаемому варианту и способу действия как оптимальному в данных политических, социальных и экономических условиях» [4, с. 106]. Регулятивная функция правовой культуры способствует переводу правовых предписаний в привычку социально-активного субъекта права, который уважает право, осознает его социальную ценность.

Реализация конституционного принципа наиболее полного обеспечения прав и свобод человека выступает ценностным ориентиром для всей государственной политики. Правовая культура и ее функции, исходя из интересов современного общества, обязаны быть направлены на достойное и свободное существование человека в государственно организованном обществе. Однако в регулировании отношений между индивидом и

обществом должен соблюдаться определенный баланс. По мнению И. И. Лукашук: «Признание приоритета прав и интересов отдельного человека перед правами общества нарушило бы один из основных принципов демократии, согласно которому осуществление человеком своих прав не должно нарушать права и законные интересы других» [5, с. 12]. Построение взаимоотношений личности и государства на базе социального партнерства, добросовестное осуществление гражданами своих прав, исполнение обязанностей и осуществление органами публичной власти своих полномочий в соответствии с правами и свободами человека и гражданина служат содержанием функции правовой культуры по охране (обеспечению) прав, свобод и обязанностей индивидуальных и коллективных субъектов права.

Гуманитарные науки особое значение придают базовым ценностям общества. Такие ценности обладают общесоциальным значением, составляя ядро культуры. К числу таковых также относят и правовые ценности. Правовая культура включает в себя на ряду с ценностями - объективными явлениями социума, также оценки и оценочные критерии, выступающие субъективными интерпретациями этих ценностей в сознании человека и общества. Аксиологическая функция правовой культуры выражается в построении системы правовых ценностей и определении критериев их значимости. Данная функция правовой культуры отграничивает истинные ценности (свобода, справедливость, др.) от ценностей мнимых.

Значение правовой культуры заключается не только в определении наиболее подходящих способов и средств для достижения целей правового регулирования, но и в прогнозировании возможных последствий применяемых средств, способов, приемов методов, в прогнозировании появления новых юридических ценностей. Прогностическая функция правовой культуры намечает ход развития права, правосознания и юридической деятельности и формирует их отдельные элементы, которым предстоит стать составными частями более прогрессивной правовой культуры общества. Творческий элемент в юридической деятельности обуславливает применение правовой интуиции и юридического воображения в подготовке любого правового акта.

Состояние правовой культуры на определенном историческом этапе - закономерный результат предшествующего правового развития. Такая функция правовой культуры, как трансляции позитивного социально-правового опыта, обеспечивает преемственность в правовой системе общества. Сохранение преемственной связи между различными историческими ступенями (этапами) развития права дает возможность удержать, сохранить и использовать все самое ценное в юридической сфере предшествующего этапа в последующем.

Особенностью человека как социального существа служит то, что значительную часть своих знаний, умений и опыта он получает в результате коммуникации с другими людьми, их коллективами и организациями. Коммуникация представляет собой непрерывный процесс построения межличностных связей между субъектами социального взаимодействия, она может быть направлена как на определенного адресата, так и на неограниченный круг лиц. Построение системы сообщений о юридических предписаниях, о допустимом и неправомерном поведении, о сложившейся в обществе системе взглядов и оценок по поводу осуществляемых действий отвечает условиям функционирования всей государственно-правовой системы и правовой культуры, в частности. Коммуникативная функция правовой культуры выражается в построении коммуникационных каналов, по которым информация поступает от коммуникатора к ее адресатам. Данная функция прежде всего проявляется через речевую коммуникацию, однако все большую значимость приобретают аудиовизуальные средства. Совершенствование правовой культуры означает построение системы многосторонних связей, которая позволит адресатам правовой информации проявить активность, направить органам власти юридически значимый информационный сигнал о собственных предпочтениях.

Список использованных источников:

1. Медведев В.А. Правовая культура российского общества: особенности и тенденции развития: дис. … канд. юрид. наук. Чебоксары, 2004. 213 с.
2. Алеексеев С.С. Общая теория права. Т.1. М.,1981. 359 с.
3. Баумова М.Г. Функции правовой культуры: дис. … канд. юрид. наук. Ярославль, 2005. 220 с.
4. Карташов В.Н. Правовая культура: понятие, структуры, функции: монография / В.Н. Карташов, М.Г. Баумова. Ярославль: ЯрГУ, 2008. 200 с.
5. Лукашук И.И. Глобализация, государство, право, XXI век. М., 2000. 280 с.

УДК 101.1:34

Миннекаева Д.Р.
кандидат юридических наук, член РАМП
Республика Татарстан, г. Казань

ФОРМИРОВАНИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО АТМОСФЕРНОГО ПРАВА: ФИЛОСОФСКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ НОВОЙ ОТРАСЛИ МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЧНОГО ПРАВА

Аннотация. Атмосфера, как и вся биосфера и космос, обладают особой ценностью для человека и живых существ. Рациональное использование, эффективное управление и сохранение биосферы являются важнейшей задачей человечества. Цель исследования: выделение основных философских методов и способов познания и бытия применительно к международному атмосферному праву. В исследовании использованы методы анализа и синтеза, индукции и дедукции, сравнительно-правовой и формально-юридический методы. В работе определено место международного атмосферного права в системе отраслей международного публичного права, его роль и значение. В качестве подотраслей международного атмосферного права выделены: международное метеорологическое право, международное воздушное право, международное климатическое право, международное озоновое право. Выдвинут тезис о необходимости кодификации норм об атмосфере (об атмосфере и космосе) на универсальном уровне.

Ключевые слова: атмосфера, биосфера, международное атмосферное право, детерминизм, онтология, гносеология, аксиология, философия, статика, динамика, герменевтика, доктрина, концепция, климатическое право, океан, озоновое право, воздушное право, морское право, гуманитарное право, права человека, медицинское право.

Abstract. The atmosphere, like the entire biosphere and outer space, is of particular value to humankind and living beings. The rational use, effective management and conservation of the biosphere are among humanity's most important tasks. The aim of this study is to identify the main philosophical methods and approaches to cognition and existence as they apply to international atmospheric law. The study employs methods of analysis and synthesis, induction and deduction, as well as comparative legal and formal legal methods. The paper defines the place of international atmospheric law within the system of branches of public international law, along with its role and significance. The following sub-branches of international atmospheric law are identified: international meteorological law, international air law, international climate law, and international ozone law. A thesis is put forward regarding the necessity of codifying norms concerning the atmosphere (and space) at a universal level.

Keywords: atmosphere, biosphere, international atmospheric law, determinism, ontology, epistemology, axiology, philosophy, statics, dynamics, hermeneutics, doctrine, concept, climate law, ocean, ozone law, air law, maritime law, humanitarian law, human rights, medical law

Introduction (Введение). Атмосфера (от греческого atmos – пар и spharia – шар) – это воздушная среда вокруг Земли, вращающаяся вместе с нею. Атмосфера – это многогранный объект и/или субъект международно-правового регулирования и управления. Базовой категорией для определения ее правового статуса является естественно-научное фундаментальное определение, которое является универсальным для отраслей и сфер развития человечества. На современном этапе развития мировой цивилизации сохранение биосферы (в том числе атмосферы) в первозданном виде или стабилизация состояния окружающей природной среды является одной из наивысших ценностей.

Materials and Methods (Материалы и методы). Атмосферу можно исследовать с различных позиций: естественный биосферный ресурс; целостный планетарный природный объект; климатообразующий фактор; физическое пространство; химическое пространство; физико-химическое пространство; акустическое пространство; геоинженерия и погода; космос и атмосфера; экономический актив; логистическое пространство; цифровое пространство и искусственный интеллект; защитная оболочка Земли (озон); исчерпаемый ресурс и т.д.

Международное атмосферное право основывается на базовом философском принципе детерминизма – всеобщей взаимосвязи и взаимообусловленности всех явлений окружающей действительности.

Международное атмосферное право базируется на общеизвестных фундаментальных философских методах познания: онтологии (учение о бытии) – учении об атмосфере и происходящих в ней процессах, с точки зрения международного, регионального и национального права и управления, гносеологии (теория познания) – изучении доктрины, концепций, теорий, тезисов, взглядов, позиций, аргументов специалистов естественно-научных областей и гуманитарных наук, практикующих экологов, экономистов, юристов, политиков, социальных работников о пробелах в международно-правовом регулировании атмосферы, атмосферы и океана, погоды, климата, озонового слоя и иных смежных областей.

Международное атмосферное право как отрасль современноего международного права основана на общефилософских методах реализма и номинализма, рационализма и эмпиризма (сенсуализма), идеализма (спиритуализма) и материализма (натурализма), детерминизма и индетерминизма и др. Новая отрасль права сформирована на базе методов синтеза философии и международного права, метода комплексного изучения права, экономики, экологии и других отраслей наук, учитывая философские основы логики, этики, эстетики, антропологии. Философия, как основа любого научно достижимого познания и бытия, дистанцируется от любых форм наличного (сложившегося) знания, ставя их под вопрос и делая предметом рассмотрения их явные и неявные предпосылки.

В данном исследовании использованы метод статики (право в покое, это классическое международное право) и метод динамики (право в движении, в развитии, прогрессивное международное право, управление и политика) в синтезе на примере формирования международного атмосферного права как новой отрасли международного публичного права.

Герменевтика – это искусство толкования информации (текстов), учение о принципах их интерпретации. В гуманитарных науках познание предполагает понимание сути вещей. В естественных науках познание достигается посредством объяснения сущности явлений, объектов, субъектов. Применительно к международному атмосферному праву применение методов герменевтики (экзегетики) предполагает толкование действующих норм международного права с целью выявления пробелов в правовом регулировании и управлении атмосферой.

Учение о ценностях (аксиология) является базовым философско-методологическим основанием выделения международного атмосферного права в отдельную отрасль международного права. Так, например, климатическая повестка дня пронизывает мировую

экономику и мировое хозяйство, влияет на возникновение, формирование и развитие новых отраслей развития человеческой цивилизации [4, с. 114].

«Ценность - это положительная или отрицательная значимость объектов и явлений окружающего мира для человека, определяемая их вовлеченностью в сферу человеческой жизнедеятельности. Критерии и способы оценки этой значимости получают выражения в нормативных представлениях, идеалах, установках, целях» [1, с.1740].

Discussion (Обсуждение). С позиции аксиологии, рассматривая атмосферу как ценность, центральную позицию теории бытия и познания, можно определить высшую степень вовлеченности атмосферы в сферу человеческой жизнедеятельности. Критерии и способы этой оценки частично получили выражение в Чикагской конвенции о гражданской авиации 1944 года, Рамочной конвенции ООН об изменении климата 1992 года, Киотском протоколе 1997 года, Парижском соглашении 2015 года, Венской конвенции об охране озонового слоя 1985 года и Монреальском протоколе 1987 года, Конвенции о трансграничном загрязнении воздуха на большие расстояния 1979 года и протоколах к ней и других межотраслевых универсальных, региональных и национальных актах.

Атмосфера является общей средой возникновения, функционирования и развития большинства видов товаров, работ и услуг, объектов живого и неживого мира. В различных областях наук атмосфера, как объект международно-правового регулирования, рассматривается исходя из целей и задач конкретной отрасли народного хозяйства. Так, в частности, в рамках международного публичного права международно-правовое регулирование атмосферы касается целого спектра отраслей науки.

В классическом международном воздушном праве атмосфера - это воздушный столб, ограниченный границами государства, на который распространяется суверенитет государства (в настоящее время изменение климата способствует ограничению суверенитета государства над воздушным пространством в целях общих интересов).

В международном медицинском праве атмосфера - это физико-химический состав, по которому передаются смертоносные вирусы, инфекции, болезнетворные бактерии и др.

В международном гуманитарном праве атмосфера - это физико-химическое пространство ведения боевых действий, театра военных действий. Объектами международно-правового регулирования международного атмосферного права, в данном случае, являются ядовитые, удушливые газы, оружие массового поражения и т.д. Конвенция о запрещении военного или любого иного враждебного использования средств воздействия на природную среду 1976 года направлена на охрану биосферы (в том числе атмосферы).

В международном морском праве атмосфера и океан функционируют в качестве симбиоза как сложный биосферный механизм взаимодействия. Негативные антропогенные выбросы в атмосферу из воздушных, водных, морских надводных и подводных судов, океанских лайнеров, пароходов, теплоходов, ледоколов и др. регулируются международным атмосферным правом. Загрязнение воздуха с судов регламентируется Приложением 4 к Международной конвенции по предотвращению загрязнения с судов 1997 года и другими актами.

В международном праве прав человека закрепляется право человека на благоприятную окружающую среду. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 2021 года 48/13 признала право на безопасную, чистую, здоровую и устойчивую окружающую среду, Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 2022 года 76/300 провозгласила доступ к чистой, здоровой и устойчивой окружающей среде универсальным правом человека.

Results (Результаты).Международное атмосферное право включает в себя следующие основные подотрасли: международное метеорологическое право, международное воздушное право, международное климатическое право, международное озоновое право. В целях консолидации усилий мирового сообщества на уровне ООН в 2021 году приняты Проекты руководящих положений по охране атмосферы, которые носят рекомендательный характер для стран-участниц [2, с. 1]. В целях восполнения пробелов в

международно-правовом регулировании и управлении атмосферой, для содействия кодификации и прогрессивному развитию международного права необходимо разработать, утвердить и принять единый документ об атмосфере (или об атмосфере и космосе) [3, с. 148].

Список использованных источников:

1. Большой Российский энциклопедический словарь. – М: Большая Российская энциклопедия, 2003. - 1888 с.: ил.
2. Проекты руководящих положений по охране атмосферы с комментариями к ним: [приняты Комиссией международного права ООН в 2021 году] // Организация Объединенных Наций: официальный сайт. – URL: legal.un.org (дата обращения 25.03.2026). – Текст: электронный.
3. Миннекаева Д.Р. О необходимости принятия универсальной Конвенции ООН об охране атмосферного воздуха // Вестник ТИСБИ. - 2005. – №4. – С.148-154.
4. Миннекаева Д.Р. Изменение климата и международное право // Вестник ТИСБИ. - 2004. – №2. – С.114-122.

УДК 340.114.5

Осипов Р.А.
кандидат юридических наук, доцент
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»,
Россия, г. Саратов

ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА КАК ОСНОВА РАЗВИТИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

Аннотация. Исследуется важнейшая характеристика правовой культуры как основы гражданского общества. Проводится анализ ее социокультурной многоаспектной сущности в процессе формирования и развития гражданского общества. Подчеркивается значимость уровня правовой культуры как индикатора развития гражданского общества, правового, демократического и социального государства.

Ключевые слова: правовая культура, гражданское общество, правовое государство, правовое сознание, правовая система, демократическое государство, социальное государство, деформации правового сознания.

Abstract. The article explores the most important characteristics of legal culture as the foundation of civil society. It analyzes its sociocultural and multifaceted essence in the process of forming and developing civil society. The article emphasizes the significance of the level of legal culture as an indicator of the development of civil society, the rule of law, democracy, and the welfare state.

Keywords: legal culture, civil society, legal state, legal consciousness, legal system, democratic state, social state, and deformation of legal consciousness.

Ни одно государство, провозглашающее себя как истинно демократическое и правовое немыслимо без достойного уровня правовой культуры своих граждан (подданных). В современном мире декларирование идеи гражданского общества можно встретить повсеместно в различных нормативных актах каждого государства, вне зависимости от формы его правления, административно-территориального устройства и даже политического режима. Общеизвестно, что одной из предпосылок формирования и развития гражданского общества является высокий уровень правовой культуры данного общества.

Занимая «обособленное место в социокультурном пространстве, полностью не совпадая ни с одним видом культуры, создавая своеобразное, уникальное сочетание как материальных, так и идеальных, духовных компонентов» [1, с. 11], она является особой разновидностью человеческой культуры, сущность которой выражается в формировании, передаче и сохранении правовых ценностей. Ценностей традиционных и уникальных, индивидуальных и коллективных, формировавшихся века и десятилетия. Данные ценности органически влияют на правовое сознание личности, ее мотивацию к правомерному поведению, уважение к закону, правам и свободам других участников общественных отношений, являются фундаментом для правового прогресса.

Формирование и развитие гражданского общества как системы отношений индивидов, объединяющихся в социальные общности с целью реализации интересов и удовлетворения своих потребностей напрямую зависят от уровня распространенности среди населения самобытных ценностей и нравственных ориентиров, уровня патриотизма, гражданственности и т.д. Все это является залом прочного социального и правового государства, построенного на демократических принципах своего развития.

Концепция гражданского общества является междисциплинарной. Она изучается представителями различных наук: юриспруденции, политологии, социологии, философии, истории, журналистики. Уровень развития гражданского общества определяется степенью активности граждан, их политической зрелостью, экономическим благополучием и уровнем правовой культуры.

Важнейшим индикатором развития гражданского общества является не только признание права как фундаментальной социокультурной ценности, но и осознанное, систематическое и неукоснительное соблюдение его принципов и норм, выраженное в правомерном поведении. Реализация фундаментального принципа верховенства права напрямую зависит от уровня правовой культуры общества. Стабильность правопорядка и укрепление режима законности в государстве важнейшая миссия государства.

Правовая культура настолько многогранна, что ее можно анализировать как в рамках одного поколения, так и нескольких, одного индивида, их социальных групп и общества.

Не способствует практической реализации концептуальных основ гражданского общества и уровень распространённости деформаций правового сознания, таких как: правовой инфантилизм, правовой нигилизм, правовой идеализм, перерожденное правовое сознание и других. Деструктивный характер, указанных очевидно негативных явлений очевиден. Пробелы в правовых знаниях, непонимание правовых норм и ценностей [2, с. 213], сознательное игнорирование норм права, отрицательное отношение к ним, восприятие действующего законодательства как навязанного извне ограничительного инструмента, который не несет в себе никакой значимости и полезности с одной стороны. С другой безусловная вера в способность права решить любые проблемы или вовсе противоправная позиция, характеризуемая четкой установкой на нарушение правовых норм, активный поиск любых возможностей для совершения преступлений, сопровождаемый отсутствием угрызений совести. Наличие этих гипертрофированных состояний правового сознания в современном обществе, к сожалению, неизбежно, но их минимизация важнейшая задача в процессе развития гражданского общества, правового и демократического государства и повышения уровня правовой культуры.

Подводя итог, следует отметить, что правовая культура является ключевым элементом в процессе развития истинно гражданского общества. Именно в процессе повышения уровня правовой культуры формируются важнейшие ценности, такие как справедливость, равенство, свобода, достоинство [3, с. 49], являющиеся не только правовыми, но и социальными, которые в некоторой степени определяют развитие правовой системы государства и направления деятельность институтов гражданского общества. Уровень правовой культуры напрямую влияет на реализацию правовых норм, правомерное поведение личности, адекватное восприятие правовой действительности, способность принимать решения соотнося их с возможными правовыми последствиями.

Список использованных источников:

1. Агапов, Д.А. Правовая культура как элемент гражданского общества / Д.А. Агапов // Правовая культура. 2007. № 1(2). С. 10-14
2. Осипов, Р.А. Правовой инфантилизм как деформация правосознания личности / Р.А. Осипов // Правовая политика и правовая жизнь. 2022. № 3. С. 207-214.
3. Усманова, Е.Ф. Роль правовой культуры в процессе развития гражданского общества / Е.Ф. Усманова // Общество: политика, экономика, право. 2018. № 7(60). С. 47-50.

УДК 340.12

Халиулин В.Е.
кандидат юридических наук, доцент,
Поволжский институт управления имени П.А. Столыпина – филиал ФГБОУ ВО РАНХиГС,
ФГБОУ ВО Саратовская государственная юридическая академия,
Российская Федерация, г. Саратов

ПРАВОСОЗНАНИЕ КАК АДАПТИВНЫЙ МЕХАНИЗМ: ПЕРЕОЦЕНКА ЦЕННОСТНОГО ОСНОВАНИЯ ПРАВА В ЭПОХУ СОЦИАЛЬНОЙ ТУРБУЛЕНТНОСТИ

Аннотация. В статье исследуется трансформация функциональной роли правосознания в условиях социальной турбулентности. Обосновывается, что правосознание выступает активным адаптивным механизмом, обеспечивающим динамическое соответствие между изменяющейся системой социальных ценностей и действующим правом. Адаптивная функция правосознания раскрывается в правотворчестве (перевод ценностей в нормативную форму) и правореализации (восприятие и интерпретация норм). Особое внимание уделяется роли правосознания в переоценке ценностного основания права как гаранта преемственности и стабильности правовой системы.

Ключевые слова: правосознание, адаптивный механизм, социальные ценности, принципы права, социальная турбулентность, правотворчество, правореализация, правовая идеология.

Abstract. The article examines the transformation of the functional role of legal awareness in conditions of social turbulence. It is substantiated that legal awareness acts as an active adaptive mechanism, ensuring dynamic correspondence between the evolving system of social values and the existing law. The adaptive function of legal awareness is revealed in law-making (translation of values into normative form) and law enforcement (perception and interpretation of norms). Particular attention is given to the role of legal awareness in the reassessment of the value foundation of law as a guarantor of continuity and stability of the legal system. The article emphasizes how legal awareness facilitates the integration of new social values into the legal framework while preserving essential elements of legal certainty and continuity. This process is crucial for maintaining the effectiveness and relevance of the legal system in rapidly changing social conditions.

Keywords: legal consciousness, adaptive mechanism, social values, principles of law, social turbulence, law-making, law implementation, legal ideology.

Современный этап общественного развития характеризуется высокой степенью неопределенности и динамики социальных процессов. Глобализация, цифровая трансформация, изменение структуры традиционных институтов, политические процессы

и другие — все эти факторы формируют феномен «социальной турбулентности», при котором некоторые прежние ориентиры утрачивают устойчивость, а новые еще не успели обрести нормативную определенность. В этих условиях классические механизмы правового регулирования, ориентированные на стабильность и предсказуемость, сталкиваются с вызовом «новой реальности». Новой не только в правовом, но прежде всего в политическом, социальном аспекте. Право оказывается перед необходимостью не просто фиксировать сложившиеся или необходимые общественные отношения, но и оперативно реагировать на их трансформацию, сохраняя при этом свою регулятивную сущность, обеспечивая при этом преемственность правовых ценностей и идеалов.

На наш взгляд, одним из важнейших институтов, обеспечивающих такую адаптивность, выступает правосознание. Обычно в теории государства и права оно рассматривается как совокупность идей, взглядов, представлений, чувств и эмоций, выражающих отношение людей к праву. Однако в условиях социальной турбулентности функциональная нагрузка правосознания корректируется. Оно перестает быть лишь пассивным отражением правовой реальности и превращается в активный адаптивный механизм, обеспечивающий перевод социальных ценностей, находящихся в состоянии динамического изменения, на язык правовых предписаний и, обратно, — адаптацию правовых норм к изменяющейся ценностной структуре общества. Как ранее отмечалось, правосознание становится «переходным мостиком» между социальными ценностями и правом, причем как в процессе правотворчества, так и в процессе правореализации [1, с. 18]. Именно эта посредническая функция приобретает особое значение в современном мире. Сегодня данные процессы наиболее активно проявляют себя прежде всего в сфере правотворчества и правореализации.

В правотворческой деятельности эта функция правосознания проявляется в способности законодателя «улавливать» изменения в системе социальных ценностей и адекватно переводить их в нормативную систему. Конечно, данный процесс не проходит гладко и легко. Во-первых, социальные ценности сегодня приобретают мозаичный, а иногда и противоречивый характер. Причина этого в том, что различные социальные группы могут по-разному интерпретировать одни и те же ценности, что создает проблему их унификации в процессе правотворчества. Во-вторых, сама процедура правотворчества неизбежно требует формализации этих ценностей и их абстрагирования, что может привести к утрате части их содержательного богатства.

Правосознание правотворца выступает здесь как фильтр и транслятор. Оно не просто отражает существующие ценностные запросы общества [2, с. 101], но и перестраивает их в виде юридических конструкций, учитывающих возможности и пределы текущего правового регулирования [1, с. 20]. В связи с этим особенно востребованным оказывается такой элемент правосознания, как правовая идеология, способная задавать ценностные ориентиры социального развития и обеспечивать их интеграцию в правовую систему [3, с. 129]. Наиболее значимым достижением в этой сфере можно назвать определение традиционных ценностей и требование сохранения исторической памяти. Формулирование основ правовой идеологии является исходной точкой стабилизации динамики процессов изменения права, фильтром, позволяющим более точно и четко адаптировать социальные ценности в правовую реальность.

Не менее значима адаптивная функция правосознания и в процессе реализации права. Здесь она раскрывается через механизм восприятия и интерпретации правовых норм субъектами правоотношений. Социальная турбулентность приводит субъекта права к необходимости оперативной оценки правовой значимости своих действий в условиях изменяющегося права. В этих обстоятельствах наряду со знанием норм права высокую значимость приобретают сформировавшиеся в ходе правовой социализации ценностные установки, правовые стереотипы, эмоциональное отношение к праву в целом.

Как уже отмечалось, «если ценности, нормы, правила, идеалы не пройдут «контроль и проверку» сознания — они не будут восприняты как руководящие в поведении человека»

[1, с. 18]. Правосознание, таким образом, выступает селективным механизмом, который пропускает через себя требования норм права, соотнося их с внутренней системой ценностей личности. В условиях ценностной неопределенности, роль такого фильтра возрастает многократно. Именно правосознание определяет, какая из множества нормативных альтернатив будет воспринята субъектом, а какая — отвергнута или подвергнута критическому переосмыслению.

Особого внимания в этом контексте заслуживает феномен переоценки ценностного основания права. Принципы права, являясь наиболее устойчивыми элементами правовой системы, одновременно выступают и наиболее ярким отражением системы социальных ценностей. Как указывалось ранее, «принципы права позволяют сохранить и обеспечить воспроизводство этих морально-нравственных установок» [4, с. 153]. Причем в условиях социальной турбулентности принципы права не остаются неизменными. Они переживают процесс «переосмысления», при котором их содержание наполняется новыми смыслами, актуальными для изменившихся общественных условий. Этот процесс имеет двунаправленный характер. С одной стороны, изменение социальных ценностей, вызванное внешними вызовами, приводит к необходимости корректировки содержания правовых принципов. С другой стороны, сами правовые принципы, обладая высокой степенью нормативной обобщенности, выступают стабилизирующим фактором, удерживающим правовую систему от конъюнктурных социальных колебаний.

Правосознание играет здесь роль механизма, обеспечивающего баланс между необходимостью обновления и сохранением преемственности. Оно позволяет осуществить адаптацию социальных ценностей к праву, перевод их в правовое измерение посредством правотворческой деятельности и усвоение их обновленного, юридического смысла в процессе правореализационной деятельности [1, с. 18]. Без участия правосознания процесс переоценки ценностного основания права приобрел бы хаотичный характер.

В условиях современной информационной реальности, где «знания о реальности и их эмоциональное восприятие порой значит больше, чем сама реальность» [1, с. 21], адаптивная функция правосознания приобретает новое измерение. Правосознание становится не просто каналом трансляции ценностей, но и пространством, в котором эти ценности интерпретируются, переосмысливаются и заново формулируются. Это накладывает на правовую науку и практику [5, с. 157] задачу более пристального внимания к процессам формирования правосознания, к механизмам его влияния на эффективность правового регулирования.

Подводя итог, можно констатировать, что в эпоху социальной турбулентности правосознание превращается из пассивного элемента правовой системы в активный адаптивный механизм. Его ключевой функцией становится обеспечение динамического баланса между изменяющейся системой социальных ценностей и действующим правом.

Игнорирование адаптивного потенциала правосознания, сведение его к простой совокупности эмоций и знаний о праве неизбежно ведет к снижению эффективности правового регулирования, росту правового нигилизма и конфликтности.

Список использованных источников:

1. Халиулин, В. Е. Правосознание как инструмент адаптации социальных ценностей к юридической реальности / В. Е. Халиулин // Правовая культура. – 2016. – № 2(25). – С. 15-21.
2. Халиулин, В. Е. Диалог граждан и государства как условие формирования ответственной власти / В. Е. Халиулин // Правонарушение и юридическая ответственность : Материалы Международной научно-практической конференции, Тольятти, 13–14 ноября 2012 года / Ответственный редактор Р.Л. Хачатуров. – Тольятти, 2012. – С. 100-102.

3. Шаповалов, А. А. Система права как особая разновидность социально-правовой памяти / А. А. Шаповалов, В. Е. Халиулин // Правовая политика и правовая жизнь. – 2020. – № 1. – С. 128-135.
4. Халиулин, В. Е. Принципы права как отражение социальных ценностей общества / В. Е. Халиулин // Право и политика: история и современность : Материалы Десятой международной научно-практической конференции, Омск, 23–24 ноября 2023 года. – Омск: Омская академия МВД РФ, 2024. – С. 152-154.
5. Зрячкин, А. Н. Правосознание субъектов власти как условие эффективности функционирования социального государства / А. Н. Зрячкин // Социальное государство: современная парадигма общественного развития : К юбилею профессора О.И. Цыбулевской - от благодарных учеников. – Саратов : Российская академия народного хозяйства и государственной службы, 2024. – С. 154-167.

УДК 34.07

Хрущев Р. С.
кандидат юридических наук
Институт «Таврическая академия»
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»,
г. Симферополь

СПЕЦИФИКА ОРГАНИЗАЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПАРТИЙ В ЗАМОРСКИХ РЕГИОНАХ ДАНИИ

Аннотация. В статье раскрыт процесс появления политических партий Дании, который начался во второй половине XIX в. Отмечено, что наибольше количество политических партий было создано в XX и начале XXI вв., в том числе в заморских владениях страны – Фарерских островах и Гренландии. Политические силы этих регионов, как общегосударственные, так и исключительное местные партии, во второй половине XX века получили представительство в парламенте страны (фолькетинге). При этом в Гренландии и Фарерских островах отсутствуют общенациональные крайне левые и правые партии, но существенное влияние имеют политические силы выдвигающие требование независимости регионов или же федерализации Дании.

Ключевые слова: Дания, Фарерские острова, Гренландия, политические партии, программы.

Abstract. The article reveals the process of the emergence of political parties in Denmark, which began in the second half of the 19th century. It is noted that the largest number of political parties was established in the 20th and early 21st centuries, including in the country's overseas territories, such as the Faroe Islands and Greenland. In the second half of the 20th century, political forces from these regions, both national and local parties, gained representation in the country's parliament (Folketing). At the same time, there are no national far-left and far-right parties in Greenland and the Faroe Islands, but there is significant influence from political forces that demand regional independence or federalization of Denmark.

Keywords: Denmark, the Faroe Islands, Greenland, political parties, programs.

Политические партии Дании появились после падения абсолютной монархии и принятия конституции 1849 г. Около 1870 г. появились Консервативная, объединенная левая и социал-демократическая партия. Однако, длительный период времени данные объединения лиц, в том числе членов парламента не имели юридического признания. Ситуация стала меняться лишь в конце XIX – начале XX вв.

XX в. и первая четверть XXI в. характеризуются существенным увеличением количества партий при их дифференциации по самым различным признакам [1]. В последствии создавались и действовали Либеральная партия, Социал-либеральная,

Социалистическая народная партия (SF), Коммунистическая партия Дании (DKP), Левые социалисты (VS), Социалистическая народная партия (CF), Центристские демократы (CD), Прогрессивная партия, Датская народная партия, Новый Альянс, Консервативная народная, Альтернатива, Общественная партия, Красно-зеленый альянс и другие.

Дания, как и большинство стран Западной Европы пережили сложный период острой политической борьбы, как в довоенный, так и в послевоенный период, связанный как с политическими, так и социальными вопросами.

Однако, весьма незначительной в количественном плане, но вполне самостоятельной и весьма чувствительной частью политического спектра Дании являются политические партии возникшие и действующие на территории ее заморских владений – на Фарерских островах и Гренландии.

Акт о самоуправлении фарерских островов 1948 г. [2] уже в первом параграфе утвердил за данной территорией право на собственный парламент и, тем самым дал открыл новый этап в политической жизни и политической борьбе как острова, так и Дании.

Политические партии на Фарерских островах играют центральную роль в политической жизни страны с начала XIX в.: в 1906 и 1909 годах были основаны Партия Союза (Sambandsflokkurin) в 1906 г.; Партия самоуправления (Sjálvstýrisflokkurin) в 1909 г., Демократическая партия в 1948 г. (Tjóðveldisflokkurin), Центристская партия (Javnaðarflokkurin) в 1992 г. и, наконец, Прогрессивная партия (Framsokn) в 2011 г.

Социал-демократическая партия — политическая партия Фарерских островов. Партия была основана в 1906 г. и с тех пор представлена в парламенте. Партия также несколько раз была представлена в окружном совете и в Фолькетинге.

Название партии на фарерском языке означает «партия сплочения». Датское название партии — Партия Союза [3].

Партия «Союз» была основана в 1906 г. с главной целью сохранения и укрепления позиций Фарерских островов в датском королевстве. Первые парламентские выборы партии состоялись в 1906 г., где она получила 12 из 20 мест. Остальные места достались самоуправлению, и до 1928 г. существовала только одна партия, противостоящая Партии «Союз». Также в 1906 г. состоялись парламентские выборы, на которых партия получила мандат от Фарерских островов.

Партия была избрана в Совет графства в 1914 г. и с тех пор почти непрерывно представлена в парламенте, за исключением нескольких коротких перерывов. Партия также несколько раз была представлена в Фолькетинге, хотя и с более сокращенным составом.

Сегодня на Фарерских островах действуют следующие партии: «Sambandsflokkurin» (социал-демократическая) [4], «Javnaðarflokkurin» (либеральная) «Fólkaflokkurin» (народная партия), «Tjóðveldi» (республиканская), «Miðflokkurin» (центристская партия), «Framsókn» (прогресс).

Есть и мелкие партии, практически не влияющие на политическую жизнь региона, но составляющие ее палитру. К таковым следует отнести, к примеру, Социалистическая освободительная партия (Sosialistiski Loysingarflokkurin (dansk: Socialistisk Løsrivelsesparti) — социалистическая политическая партия на Фарерских островах. Партия была образована в конце 1980-х годов и выступала за независимость Фарерских островов от Дании, проводя в других областях политику, более радикальную, чем устоявшиеся левые партии — Либеральная партия и Республика, что обусловило ограниченную популярность партии. Социалистическая освободительная партия впервые и в последний раз участвовала в парламентских выборах в 1990 г. и получила 2,3 процента голосов. Таким образом, партия никогда не была представлена в парламенте.

Кроме этой партии, также есть маоисты [5], несколько сепартатистских партий различного толка и т.д.

Народная партия (Fólkaflokkurin) — это буржуазная, социальная и либеральная национальная партия. Народная партия (дат. Folkeferðen, ныне также Folkepartiet) — либерально-консервативная политическая партия на Фарерских островах, которая

выступает за независимость от Дании и за то, чтобы Фарерские острова оставались независимым государством [6]. Именно эта партия, получив самое большое количество мест на выборах в парламент в 1943 и 1944 гг. стала инициатором борьбы за независимость после войны, а проиграв ее все же добилась самоуправления 1948 г. для Фарерских островов. Данная партия и сегодня остается одной из крупнейших на Фарерских островах [7].

В Гренландии, соответственно, действуют партии «Atassut», «Siumut», «Inuit Ataqatigiit», «Demokraatit», «Partii Naleraq».

Возникновение политических партий в Гренландии связано с нарастанием самосознания гренландцев в 1960-х гг., пониманием части населения, что общегосударственные партии не в полной мере защищают интересы местного населения, а правовой статус острова по конституции 1953 г. не обеспечивает равенство гренландцев с прочей частью населения Дании.

Одной из наиболее активных политических партий, созданных до введения самоуправления стала партия Сисимут, основанная в конце июля 1977 г. В ходе своей борьбы, кроме исключительно политических целей Сисимут последовательно отстаивает интересы малоимущих слоев населения [8].

Толчок к развитию политической жизни стало предоставление самоуправления Гренландии в 1978 г., а затем широкого самоуправления (вплоть до объявления независимости) в 2008 г. [9] Это позволило части политических партий легально высказываться за необходимость построения собственного государства, к примеру – партии Налерак [10].

При этом, говоря о независимости, многие партии Гренландии, очевидно, понимали под этим большую самостоятельность автономии острова, т.к., к примеру, в программе партии Сисимут 2001 г., хотя и упоминается вопрос независимости, однако указано, что «Siumut хочет свободного государства с Данией, основанного на взаимном уважении и солидарном сотрудничестве» [11]. Данный тезис вполне перекликается в возникшей в последние годы и поддерживаемой в основном Фарерскими островами и Гренландией идеи федерализации Дании.

При этом, в Фолькетинге Дании представлены и составляют большинство (соответственно количеству населения) именно датские партии – Социал-демократическая, Социалистическая народная партия, Либеральная партия, Либеральный альянс, Датская народная партия, Умеренные, Консервативная народная партия, Красно-зеленый альянс, Радикальная либеральная партия, Датские демократы, Альтернатива и др.

Список использованных источников:

1. Partiernes historie. – URL: История партий / Датский парламент (дата обращения: 01.04.2026).
2. *Færø Amts Kundgørelse Nr. 11 af 31.03.1948 af Lov om Færøernes Hjemmestyre.* – URL: Heimastýrislógin (дата обращения: 01.04.2026).
3. Folkevalgte.dk. – URL: Sambandsflokkurin - Folkevalgte.dk (дата обращения: 01.04.2026).
4. Sambandsflokkurin. Politisk stevnuskrá. – URL: Stevnuskrá (дата обращения: 01.04.2026).
5. Oyggjaframi (m-l). – URL: About: Oyggjaframi (M-L) (дата обращения: 01.04.2026).
6. Fólkaflokkurin. – URL: Søgan - Fólkaflokkurin (дата обращения: 01.04.2026).
7. FAKTA: 160 færøske politikere kæmper om 33 pladser i Lagtinget. Danmark. 26. mar. kl. 6.03. Opdateret 26. mar. kl. 6.02. – URL: FAKTA: 160 færøske politikere kæmper om 33 pladser i Lagtinget | Danmark | Indland | Samfund | Berlingske (дата обращения: 01.04.2026).
8. Ullut ataatsimiiffiusut arfersaneq aappaat, pingasunngorneq 4. november 2009. – URL: Ullut ataatsimiiffiusut arfersaneq aappaat, pingasunngorneq 4 (дата обращения: 01.04.2026).

9. L 128 (som rost): Forslag i overensstemmelse med loven om Grønlands selvstyre. Vedtaget af Folketinget ved tredjebehandlingen den 19. maj 2009 Forslag til Lov om selvstyre i Grønland. – URL: L 128 - 2008-09 (принято): / Датский парламент (дата обращения: 01.04.2026).
10. Naleraq. – URL: Pele Broberg Naleqqami siulittaasunngorpoq | KNR (дата обращения: 01.04.2026).
11. Siumuts grundholdninger og Siumuts principprogram Siumuts landsmøde 2001 Nuuk. – 18 s.

УДК 342/343

Кошкин А. С.
старший преподаватель
Институт «Таврическая академия»
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»,
г. Симферополь

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ И ОСНОВЫ УГОЛОВНОГО ПРАВА ГРЕНЛАНДИИ

Аннотация. В статье раскрываются теоретические предпосылки и основы уголовного права Гренландии. Произведен анализ критического осмысления разработки, внедрения и результатов уголовного закона для Гренландии в середине XX – начале XXI вв. Выявлено отсутствие среди научной общественности Дании единообразного понимания как необходимости разработки, так и последующего длительного использования особого уголовного акта для острова исходя из многолетнего опыта его применения. Определено, что наличие как особого уголовного закона, так и специальной системы исполнения наказаний для гренландцев не находило отклик среди исполнительных органов власти, стремившихся изначально, и на современном этапе дистанцироваться от указанного процесса.

Ключевые слова: Гренландия, Дания, уголовное право, теоретические предпосылки, закон, правоприменение.

Abstract. The article reveals the theoretical prerequisites and foundations of the criminal law of Greenland. It provides a critical analysis of the development, implementation, and results of the criminal law for Greenland in the mid-20th and early 21st centuries. The article reveals the lack of a unified understanding among the Danish scientific community regarding the need for the development and subsequent long-term use of a special criminal act for the island, based on the long-term experience of its application. It has been determined that the existence of both a special criminal law and a special system of punishment for Greenlanders did not resonate with the executive authorities, who initially and currently sought to distance themselves from this process.

Keywords: Greenland, Denmark, criminal law, theoretical background, law, and law enforcement.

Первый опыт изучения и попытки применения полученных материалов для разработки уголовного и уголовно-исполнительного права Гренландии был заложен еще в 1948 г., когда особым распоряжением премьер-министра Дании на остров была направлена научная экспедиция для изучения принятых среди местного населения норм и правил [1, с. 112-113]. Именно результаты ее работы легли в основу последующей разработки уголовного закона для Гренландии [2, s. 423] и его принятия в 1951 г. [3].

В тоже время, следует отметить, что подготовка данного документа проходила в спорах между представителями различных ведомств, ученых, общественных деятелей. Так, к примеру, когда Комиссия по уголовному кодексу рассматривала вопрос о необходимости разработки правил применения условных наказаний то пришла к выводу, что такие правила в определенных случаях могут быть полезными. Однако, Министерство юстиции считало,

что ценность данной формы реагирования будет весьма проблематичной, если принять во внимание, что проект мер изначально допускал существенную дифференциацию реагирования на преступные деяния, а также подчеркивал возможность последующего принятия решения о внесении соответствующих изменений в первоначальное решение, например: когда это касалось назначения надзора, и что в любом случае новое правонарушение сделает условное наказание совершенно бессмысленным [4, s. 423-242].

Первые проблемы были выявлены уже к 1960 г., что привело к изменениям в законе в 1961 и 1963 гг. К началу 1980-х гг. об этом стали говорить открыто. Об этом в своих работах указывали П. Берлинер [5], Б. Ларсен [6, s. 287-290.], И. Лунге [7, PP. 113-l19] и даже В. Гольдшимд [8, s. 217-215], который предложил две модели решения конфликтов: «арктического мира» и «соответствия».

По мнению уже упомянутого Б. Ларсена, на которого ссылается Берлингер «это было связано с тем, что стремительная модернизация гренландского общества изменила условия действия закона. Однако другое объяснение может заключаться в том, что гренландское уголовное законодательство основан на более или менее ошибочной интерпретации гренландского населения» [5, s. 195-219].

Также Берлингер указывает, что гренландское уголовное законодательство основано на более или менее ошибочной интерпретации гренландского населения. Также он предполагает, что участники экспедиции упустили из виду такую часть культуры коренного населения Гренландии как высмеивание, изгнание, позор.

Н. Лоукачева напрямую указывает коренную разницу «…в «западном» и коренном восприятии права и также показывает, что довольно сложно оценить правовую природу традиционного инуитского общества с точки зрения «западных» ценностей и правового порядка. Полагая, что инуиты разработали сложную и целостную систему правовых механизмов, которые выполняли те же функции, что и право в «западных» культурах. По словам Сьюзан Инуарак, у них была своя собственная правовая система, как и в большинстве обществ, и «[...] очень уникальная система правосудия». Хотя из-за различных препятствий (например, различий между группами инуитов; кочевого образа жизни и отсутствия государственных правовых структур/власти, разительных расхождений между инуитскими и «западными» правовыми представлениями и т. д.) это является сложной задачей» [9, pp. 202.].

Далее Н. Лукачева указывает, что «Законы» в основном вырабатывались в устных традициях (т.е. легендах, мифах, историях), заложенных и переданных в сознание людей шаманами, старейшинами и вождями и передававшихся из поколения в поколение; инуиты также знали, как поступать, что «правильно» или «неправильно», из того, что им говорили родители. Как утверждает старейшина Мариано Аупилаарьюк, «законы инуитов не на бумаге. Они находятся в голове у людей и не исчезнут, не будут разорваны на куски. Это часть человека. Это то, что делает человека сильным». Законы инуитов не были кодифицированы. Духовные ритуалы и религиозные верования инуитов составляли основу их общественного морального кодекса. Одним из таких верований является анимизм, который лежит в основе правового мышления инуитов. Соответственно, мир природы является священным; инуиты «рассматривают людей и животных как равных существ и приписывают животным человеческие характеристики. Инуиты верят, что и у людей, и у животных есть душа (inua), характер и способность мыслить (isuma). Следовательно, «каждый предмет, каждый камень, каждое животное, даже такие понятия, как сон и еда, являются живыми». Недостаток правовых норм в традиционном обществе инуитов компенсировался и отчасти был обусловлен религиозными нормами, которые направляли и контролировали социально-экономическую жизнь инуитов. Важно отметить, что табу выполняли функцию регулятивных механизмов и противостояли повседневной жизни инуитов, но судебные иски были редки» [9, pp. 203].

Также ученый отмечает, что «Правовые методы инуитов были ориентированы на восстановление мира и примирение общин, а не на осуществление правосудия посредством

наказания. Так, традиционные санкции инуитов были направлены на оказание помощи правонарушителю, а не на наказание; определение вины и наказание определялись исходя из ситуации правонарушителя, а не из самого правонарушения; система социального контроля и обычаев была отличалась гибкостью в реагировании на конфликты» [9, pp. 204].

Весьма близкую позицию к выводам Н. Лоукачевой, в отношении преступности и обычного права инуитов, занимает американский исследователь О. Маренин [10, pp. 339-368].

Укажем еще одну точку зрения, крайне важную, по нашему мнению, для понимания сложностей, возникших в реализации комплексных реформ в Гренландии вообще, и в области уголовно-исполнительного права в частности.

В книге о менталитете гренландцев указано, что в 1951 г. Шульц-Лоренцен считал, что гренландцы того времени все еще находились под влиянием исконной охотничьей культуры: «Гренландский народный менталитет сохранился, часто в виде более или менее скрытой тайной жизни в кельях». Считалось, что гренландцы продолжают жить в мифическом периоде, что создавало проблемы в связи с новыми условиями. «Я пришел к выводу, что эти люди действительно всецело, всецело и серьезно верили в эти странные, сверхъестественные и невероятные для нас вещи. Старые обычаи и привычки жизни не могут быть изменены так легко и имеют глубокие корни» [11, s. 79].

И тем не менее, процесс модернизации всех сфер общественных отношений был запущен. А всего менее чем через 10 лет использования закона 19.02.1960 г. парламент Дании в третьем чтении принял решение, согласно которому «Уголовный закон Гренландии № 55 от 5 марта 1954 года, раздел 121(2), первое предложение, заменяется следующим: «Закон должен быть пересмотрен не позднее, чем в 1962-63 парламентском году» [12].

Однако состоявшийся пересмотр, формально продолживший развитие системы исполнения наказаний (открытие первых мест ограничения свободы и т.п.) все более отходил от изменений в гренландском обществе, изменявшемся существенно быстрее работы законодателей, а потому уже не момент принятия изменений в 1963 г. они уже не соответствовали местным реалиям [13].

Указанные проблемы признавались обществом и учеными, в том числе участниками экспедиции конца 1940-х. В статье Г. Хеймница и В. Гольдшмидта 1973 г. напрямую ставит задачу «попытаться выяснить, в какой степени гренландское общество и его институты принимают (терпят) завершенные, текущие и планируемые реформы уголовной политики» [14, s. 309]. Оказалось, что в целом гренландское общество критично относится к как созданной исполнения наказаний, так и соответствующему законодательству. На первом же месте среди проблем гренландцев, согласно опросу, был назван алкоголизм.

Согласно отчету, представленного плановым комитетом, созданным Министерством юстиции в 1973 г., Дания также испытывала сложный период развития как отдельных частей своей пенитенциарной системы, так и применяемых к ресоциализации подходов, а потому и не могла оказать полноценную теоретическую помощь в эволюции норм и практик Гренландии [15].

Тем более, что собственно пенитенциарная служба Дании в данный период стремилась максимально дистанцироваться от создаваемых в Гренландии учреждений, тем более что ими управлял местный начальник полиции, т.е. представитель другого ведомства [16, s. 42].

Начавшийся в послевоенный период процесс реформирования системы наказаний в Дании [17, s. 232], ознаменовались внесению изменений в уголовный кодекс Дании в 1973 г. привело к реформе, в результате которой значительная часть осужденных вместо мест лишения свободы подлежала надзору и т.п. Таким образом пенитенциарной службе Дании в данный период оказание помощи в столь специфическом регионе как Гренландия было несколько «несвоевременно».

Специфика гренландской преступности и в современный период существенно отличается от иной территории Дании. В частности, количество убийств, насилий и сексуальных преступлений значительно выше именно в Гренландии в 2015 г. было зарегистрировано в четыре раза больше насильственных преступлений и в 10 раз больше сексуальных преступлений, чем в Дании, а по сравнению с Фарерскими островами в Гренландии было зарегистрировано в 25 раз больше сексуальных преступлений [18].

Ментальное, культурное, правовое и цивилизационное различие гренландцев и датчан и сегодня не редко стоит на пути взаимопонимания народов внутри одного государства. Так датчане не могут принять практику выхода лиц, совершивших тяжкие преступления, на охоту с оружием, пусть и в сопровождении надзирателя.

Список использованных источников:

1. Кошкин А. С. Уголовный закон Гренландии 1954 г. – анализ и критика // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. – 2025. – Т. 11 (77). № 2. – С. 112-123.
2. Bilag til f. t. kriminallov for Grønland 424 Bilag 3. Indledning til den af straffelovskommissionen den 3. marts 1951 afgivne betænkning oyer udkast til kriminallov for Grønland // Forslag til kriminallov for Grønland. (Fremsat den 22. oktober 1953 af statsminister Hans Hedtoft). Første del. Om forbrydelser. Første afsnit. Almindelige bestemmelser. Tillæg A. (21). Folketingsåret 1953-54. S. 423. – URL: 19531_L3_som_fremsat.pdf (дата обращения: 18.02.2025).
3. 2007/2 LSF 34. Fremsat den 12. december 2007 af justitsministeren (Lene Espersen) Forslag til Retsplejelov for Grønland. AFSNIT I DOMSMAGTEN M.V. – URL: Forslag til Retsplejelov for Grønland (дата обращения: 20.12.2024).
4. Indledning til den af straffelovskommissionen den 3. marts 1951 afgivne betænkning oyer udkast til kriminallov for Grønland. – S. 423-242. – URL: 19531_L3_som_fremsat.pdf (дата обращения: 20.12.2024).
5. *Peter* Berliner. FRA ANSTALT TIL SAMFUND – NYE VEJE FOR DOMFÆLDTE UNGE I GRØNLAND // Psyke & Logos, 2015, 36, 196-198. – URL: tapsyke,+2015_1_art_09.pdf (дата обращения: 27.02.2025).
6. Finn Breinholt Larsen. Greenland Criminal Justice: The Adaptation of Western Law // INTERNATIONAL JOURNAL OF COMPARATIVE AND APPLIED CRIMINAL JUSTICE FALL 1996, VOL. 20, NO. 2. S. 287-290.
7. Inge lunge. The Greenland Criminal Code and Psychiatry // International Journal of Law and Psychiatry. 1979. Vol. 2, PP. 113-l19.
8. G*reenland* Criminal Code. 1970. The Greenland Criminal Code. With an Introduction by Dr. Verner Goldschmidt. South Hackensack, NJ: Fred B. Rothman & Co.; Goldschmidt, Verner. 1956. "The Greenland Criminal Code and its Sociological Background." Acta Sociologica, I: 217-265.
9. Natalia Loukacheva. Indigenous Inuit Law, “Western” Law and Northern Issues // Arctic Review on Law and Politics, vol. 3, 2/2012 pp. 202. – URL: View of Indigenous Inuit Law, “Western” Law and Northern Issues (дата обращения: 27.02.2025).
10. *Marenin,* O. (1992). Explaining patterns of crime in the native villages of Alaska // Canadian Journal of Criminology, 34(3/4), 339-368. – URL: Explaining Patterns of Crime in the Native Villages of Alaska | Office of Justice Programs (дата обращения: 27.02.2025).
11. Den grønlandske mentalitet 1850-1950 - en kulturel konstrukti. – S. 79. – URL: Microsoft Word - Den gr.nlandske mentalitet.doc (дата обращения: 10.07.2025).
12. Forslag til Lov om ændring i kriminallov for Grønland. (Vedtaget af folketinget ved 3. behandling den 19. februar 1960.). – URL: 19591_L92_som_vedtaget.pdf (дата обращения: 27.02.2025).
13. Det grønlandske justitsområde – et dansk anliggende. – URL: https://www.researchgate.net/publication/306287279_Kriminalitet_frihedsberovelse_og_kontrol

_i_Nordiske_o-samfund_Faeroerne_Aland_Island_og_Gronland_-_pf22 (дата обращения: 20.12.2024)
14. Af Guldborg Chemnitz og Verner Goldschmidt. Afvigeren og tolerancen. Forelobige resultater af igangværende unders*0*gelser af kriminalforsorgen og det gronlandske samfttnd. – S. 309. – URL: 1973-10-Artikel01.pdf (дата обращения: 20.12.2024)
15. Kriminalforsorg Socialforsorg Bind 1. Betænkning afgivet af det af justitsministeriet den 24. august 1973 nedsatte planlægningsudvalg vedrørende forsorgsarbejdet inden for kriminalforsorgen. Betænkning nr. 752 . København 1975. – 232 s. – URL: Kriminalforsorg_Socialforsorg_1.pdf (дата обращения 6.02.2025).
16. Kriminalforsorg Socialforsorg. Bind I. Betænkning afgivet af det af justitsministeriet den 24. august 1973 nedsatte planlægningsudvalg vedrørende forsorgsarbejdet inden for kriminalforsorgen. Betænkning nr. 752. København 1975. – S. 42. – URL: Kriminalforsorg_Socialforsorg_1.pdf (дата обращения: 05.02.2025).
17. DR. JURIS OLUF H. KRABBE. Undermed virkning af professor ved aarhus universitet dh. Juius Carl Rasting. - FJERDE UDGAVE. - G. E. C. GADS FORLAG KØBENHAVN. – 1947. – S. 232. – URL: krabbe_borgelig_straffelov_fjerde_udgave_1947.pdf (дата обращения 6.02.2025).
18. PRESENTATIONS IN PARALLEL SESSIONS WORKSHOP A PRISON AND PROBATION STUDIES. Fra trommedans til samfundstjeneste Sanktionssystemets udvikling i grønlandsk kriminalret. Hans Jørgen Engbo Kort om Grønland // NSfK's 58. Research Seminar 1. - 4. May 2016 in Bifröst, Iceland. New challenges in criminology; can old theories be used to explain or understand new crimes? – URL: (12) Emotions in Swedish Courtrooms: Defense Lawyers' Roles (дата обращения: 17.02.2025).

УДК 340

Крайнев В.В.
студент 1 курса
Научный руководитель: Осипов Р.А., к.ю.н., доцент
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»,
г. Саратов

АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. Проводится анализ аксиологических основ современной миграционной политики в России. Обозначаются аксиологические принципы реализации миграционной политики. Рассматриваются правовые ценности, закрепленные в нормативных правовых актах, регулирующих миграционные правоотношения. Исследуется функциональная роль правовых ценностей в механизме правового воздействия на примере современных миграционных процессов.

Ключевые слова: миграционная политика, правовая аксиология, миграция, мигранты, правовые ценности, правовая политика, правовой режим.

Abstract. The article analyzes the axiological foundations of modern migration policy in Russia. It outlines the axiological principles of implementing migration policy. The article examines the legal values enshrined in regulatory legal acts governing migration legal relations. The article explores the functional role of legal values in the mechanism of legal influence using the example of modern migration processes.

Keywords: migration policy, legal axiology, migration, migrants, legal values, legal policy, legal regime.

Аксиология как междисциплинарная область знаний, которая фокусируется на изучении ценностей и их роли в социальных и политических процессах, также включая государственное управление. Она предоставляет концептуальную основу для определения стратегических целей и принципов, в ходе которого определяются функционирование общества и государства. В контексте миграционной политики аксиологические принципы играют важную роль в формировании ценностной парадигмы, направляющей действия государственных органов и институтов гражданского общества в управлении миграционными потоками.

Проанализируем инцидент, имевший место в марте 2024 года, когда группа из четырех террористов осуществила атаку на культурно-развлекательный комплекс «Крокус Сити Холл». В результате чего погибли более 140 человек и свыше 550 получили ранения [3]. Поэтому необходимо проводить контролирующие мероприятия, направленные на предотвращения терроризма особенно с участием мигрантов.

Контроль документов на границах между странами, особенно в условиях отсутствия визового режима, является важным инструментом для выявления нелегальных мигрантов, лиц, совершивших преступления, а также субъектов, въезд которым на территорию принимающего государства запрещен. Особое внимание в этом контексте уделяется лицам, ранее нарушавшим законодательство принимающей страны.

Поэтому важно контролировать и управлять миграционными потоками, чтобы не повторилось такое страшное происшествие. «И задача стоит, чтобы реализовать все то, что мы заложили в законах, чтобы наконец-то навести порядок с миграцией. Здесь еще большая работа предстоит. Что касается законодательства в целом, то мы действительно усилили ответственность и за диверсии, и за террористические акты, преступления, связанные с терроризмом» [3].

Основные аксиологические принципы миграционной политики можно структурировать следующим образом:

1) государственная безопасность и национальные интересы (защита суверенитета и территориальной целостности государства является главной целью миграционной политики. Регулирование миграционных потоков направлено на минимизацию потенциальных угроз, таких как террористическая деятельность и организованная преступность. Таким образом, миграция рассматривается как инструмент обеспечения национальной безопасности и стабильности);

2) экономическое развитие и человеческий капитал (привлечение высококвалифицированных специалистов способствует экономическому росту, инновационному развитию и повышению конкурентоспособности. Миграционная политика, ориентированная на миграцию рабочей силы, обладающей необходимыми профессиональными навыками, является стратегическим инструментом наращивания человеческого капитала, что, в свою очередь, способствует устойчивому экономическому развитию);

3) социальное согласие и межкультурная интеграция (для обеспечения социальной стабильности и предотвращения конфликтов необходим сбалансированный подход к регулированию миграционных процессов, учитывающий демографические, культурные и социальные аспекты. Миграционная политика должна способствовать межкультурному диалогу и интеграции мигрантов в общество, что является важным условием поддержания социального согласия).

Мигрантам необходимо соблюдать требования законодательства Российской Федерации. Одно из требований указано в Приказе Минобрнауки РФ, где установлено уровни владения русским языком как иностранным, включая простой и базовый для мигрантов. Мигранты должны уметь:

а) читать простые тексты и определять их темы;

б) писать изложения и сочинения;

в) понимать на слух основную информацию из бытовых диалогов и монологов;

г) создавать связные высказывания и понимать собеседника в бытовых ситуациях;

д) владеть лексическим минимумом до 850 единиц [1, с. 87].

Изменения в законодательстве требуют от мигрантов знания русского языка, истории и основ законодательства РФ. Эти меры необходимы для их адаптации в стране и не ограничивают их право на трудовую деятельность.

Указом Президента РФ № 622 «О концепции государственной миграционной политики РФ», декларировано создание благоприятных условий для добровольного переселения людей, способных гармонично встроиться в систему позитивных социальных взаимодействий [3, с. 6]. Ключевые принципы миграционной политики включают комплексный подход к решению задач, приоритет интересов Российской Федерации и её граждан, учёт многообразия региональных и этнокультурных особенностей жизни населения страны, координацию действий федеральных и региональных органов власти, участие институтов гражданского общества и обеспечение финансовой поддержки принимаемых мер.

Таким образом, аксиологические основы миграционной политики представляют собой комплексную систему ценностей, интегрирующую национальные интересы, экономические приоритеты и социальные потребности. Эта система способствует гармоничному развитию государства и общества, обеспечивая баланс между различными аспектами регулирования миграции.

Список использованных источников:

1. Балахонов, А.В. К вопросу об оптимизации правового регулирования в сфере адаптации трудящихся-мигрантов в Российской Федерации: социокультурный и аксиологический аспекты / А.В. Балахонов, С.Г. Корнилович, Е.А. Малышев // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2014. № 16. С. 84-88.

2. Волох, В.А. Управление миграционными процессами в Российской Федерации: анализ и перспективы / В.А. Волох, И.В. Герасимова // Управление. 2019. Т. 7, № 1. С. 5-12.

3. Как изменилась миграционная политика после теракта в «Крокус Сити Холле» // Парламентская газета. URL: https://www.pnp.ru/social/kak-izmenilas-migracionnaya-politika-posle-terakta-v-krokus-siti-kholle.html (дата обращения: 21.01.2026).

УДК 343.85:342.5

Крутых Д. А.
обучающийся
Научный руководитель: В. И. Шевченко, к.ф.н., доцент
Институт филологии ФГАОУ «Крымский федеральный университет»,
г. Симферополь

РОЛЬ ФЕНОМЕНА «ПОЛИЦИИ НРАВОВ» В СИСТЕМЕ ИСЛАМСКОГО ПРАВОПОРЯДКА В ИРАНЕ

Аннотация. В данной статье исследуется феномен полиции нравов (Гашт-е Эршад) как ключевого института в системе исламского правопорядка Исламской Республики Иран. Анализируются его исторические предпосылки, правовые основы, функциональные обязанности и социально-политическое значение. Особое внимание уделяется роли Гашт-е Эршад в обеспечении соблюдения норм публичной морали, предписанных официальной интерпретацией шиитского ислама, и его влиянию на общество.

Ключевые слова: Иран, исламское право, полиция нравов, Гашт-е Эршад, публичная мораль, исламский правопорядок.

Abstract. This article explores the phenomenon of the vice police (Gasht-e Ershad) as a key institution in the Islamic law enforcement system of the Islamic Republic of Iran. Its historical background, legal foundations, functional responsibilities and socio-political significance are analyzed. Special attention is paid to the role of Hasht-e Ershad in ensuring compliance with the norms of public morality prescribed by the official interpretation of Shiite Islam and its impact on society.

Key words: Iran, Islamic law, morality police, Hasht-e Ershad, public morality, Islamic law and order.

Иран – это яркий пример теократической модели государства. В правоохранительной системе которого есть уникальный феномен – институт полиции нравов (Гашт-е Эршард). Его деятельность основывается на принципе «проповедь одобряемого и запрещение неодобряемого», который занимает центральное место в шиитской правовой доктрине.

Целью данного исследования является комплексный анализ роли и места полиции нравов в структуре иранского правопорядка.

Гражданское право в Исламской Республике Иран – это уникальная правовая система, в которой традиционные шиитские правовые принципы тесно связаны с нормами права.

Источниками права в Иране являются:

1. Конституция Исламской Республики Иран. Она определяет исламский характер государства и верховенство шариата.
2. Гражданский кодекс Исламской Республики Иран (является основным документом гражданского права).
3. Исламские правовые источники (закреплено в 167 статье Конституции Исламской Республики Иран): Коран, сунна, иджма, акль.

Шиитский толк ислама сильно влияет на институт гражданского права. Это проявляется а том, что воля сторон и свобода договора признаются, но при этом ограничиваются исламскими нормами.

Семейное, наследственное, договорное и обязательственное права, а также возмещение вреда, - основные институты гражданского права с шиитской спецификой.

Судебная система имеет 2 вида судов. Суды общей юрисдикции рассматривают гражданские споры, руководствуясь гражданским кодексом Исламской Республики Иран. Специальные суды (например, «Революционные суды») могут рассматривать некоторые дела связанные с гражданским правом, если они связаны с экономическими преступлениями. Судьи должны быть справедливыми и обязаны пытаться найти решение по каждому делу в кодифицированных законах, а если он не сможет этого сделать, ему следует выносить вердикт на основе авторитетных исламских источников или признанных фетв.

Гражданское право Ирана – это уникальная система гражданских правоотношений в которой государственные законы основываются на религиозных верованиях.

Связь напрямую зависит от типа правовой системы в стране.

В странах с официальным исламским правом (шариатом) как основой законодательства (Саудовская Аравия, Иран при аятоллах, Афганистан при талибах):

Полиция нравов является логичным институциональным продолжением правовой системы. Ее мандат вытекает из концепции «проповедь одобряемого и запрещение неодобряемого», которая в этих государствах возведена в ранг не только религиозной обязанности общины, но и государственной функции. Она действует как специализированный правоохранительный орган, отвечающий за соблюдение именно тех норм уголовного и административного права (худуд, тазир), которые касаются «нравов» и

публичного поведения. Таким образом, она встроена в официальную правовую систему и является ее инструментом.

В странах со светской правовой системой или смешанным правом:

- Формальной полиции нравов не существует.

Функции поддержания общественного порядка выполняет обычная полиция на основе светских законов.

- Однако неформальные проявления могут существовать.

Например, в некоторых консервативных районах или общинах местные религиозные лидеры или группы активистов могут оказывать давление на людей, чтобы те соблюдали нормы, но они не имеют официальных полицейских полномочий. Их действия часто находятся в правовом противоречии со светским законодательством, гарантирующим личные свободы.

- В странах со смешанной системой права.

Например, где есть шариатские суды по семейным делам, но уголовное право светское. Полиция нравов была бы аномалией, так как ее полномочия по принуждению пересекались бы с монополией светского государства на насилие.

Идея контроля над общественной моралью уходит корнями в ранние годы Исламской Республики. Концепция «проповедь одобряемого и запрещение неодобряемого» является одной из основополагающих в исламском вероучении и была конституционно закреплена (Статья 8 Конституции ИРИ) как обязанность государства и народа перед обществом [1, с. 56].

Первоначально эту функцию выполняли революционные комитеты и народное ополчение до 1991 года, которые следили за соблюдением исламских норм, в частности, правил ношения хиджаба. Потом данную обязанность выполняли рядовые полицейские сотрудники. Институционализация этого контроля произошла позднее. Официально полиция нравов (Гашт-е Эршад) была создана в 2005 году при поддержке Махмуда Ахмадинеджада [2]. В 2006 году начала свою деятельность по всей стране под эгидой сил правопорядка. Её образование стало этапом систематизации деятельности по контролю над соблюдением норм публичной морали, которая ранее осуществлялась революционными комитетами и народным ополчением.

Гашт-е Эршад действует в рамках иранского законодательства, основанного на шариате. Её деятельность регулируется Уголовным кодексом Ирана и рядом подзаконных актов, касающихся внешнего вида мусульман и норм поведения в общественных местах.

Основными функциональными обязанностями полиции нравов являются:

- Контроль за ношением хиджаба. Проверка того, чтобы женщины должным образом покрывали голову и носили свободную одежду, скрывающую очертания фигуры. Это является центральной и наиболее заметной задачей патрулей (638 статья уголовного кодекса Исламской Республики Иран) [3, с. 26].
- Пресечение смешанных контактов. Наблюдение за тем, чтобы в общественных местах не происходило тесного общения между мужчинами и женщинами, не состоящими в браке или в степени махрама (близкие родственники) (637 статья уголовного кодекса Исламской Республики Иран) [3, с. 26].
- Борьба с «западной культурой». Выявление и пресечение демонстрации символов, ассоциирующихся с западным образом жизни, а также «неподобающих» причесок и макияжа.
- Обеспечение соблюдения религиозных норм. Контроль за соблюдением правил во время религиозных месяцев (например, Рамадан), пресечение проведения вечеринок с музыкой и алкоголем.

Методы работы включают в себя патрулирование улиц, торговых центров, парков и других общественных мест. При выявлении нарушителей патруль может применить ряд мер: устное предупреждение, официальный выговор, составление протокола с обязательством явки в суд, а в случае сопротивления — задержание и передачу в

правоохранительные органы (618 статья уголовного кодекса Исламской Республики Иран). [3, с. 23]

Правовой основой для вмешательства служат положения Уголовного кодекса Ирана, содержащие санкции за «нарушение общественной нравственности» [3, с. 23].

Наука фикх (исламская правология) — это практическая юриспруденция, которая выводит правила поведения для мусульманина из первоисточников (Коран и Сунна). Она отвечает на вопрос: «Как должен поступать верующий в той или иной ситуации?».

Этические предписания и правила поведения в фикхе классифицируются по системе «шариатские правовые нормы». Каждому действию присваивается один из следующих правовых статусов (хукм):

Фард/Ваджиб (Обязательное): Действия, обязательные к исполнению. Невыполнение является грехом, а отрицание их обязательности может вести к неверию. Пример: Пять ежедневных молитв (салят), пост в Рамадан, закят.

- Мандуб/Мустахабб (Рекомендуемое): Действия, за совершение которых обещано вознаграждение, но невыполнение не является грехом. Пример: Дополнительные молитвы (сунна), пост по понедельникам и четвергам, благотворительность сверх обязательной.
- Мубах (Дозволенное/Нейтральное): Действия, которые не поощряются и не порицаются. Шариат оставляет их на личный выбор человека. Пример: Выбор профессии, вида пищи (из дозволенного), маршрута путешествия.
- Макрух (Нежелательное/Порицаемое): Действия, которые нежелательны, но не запрещены строго. Отказ от них является благочестием. Пример: Чрезмерная расточительность, некоторые виды развлечений, неопрятность. Харам (Запретное): Действия, строго запрещенные. Их совершение является грехом и может влечь наказание в этом мире или в ином. Пример: Употребление алкоголя и свинины, прелюбодеяние (зина), воровство, ростовщичество (риба).

Связь с полицией нравов. Полиция нравов в первую очередь сосредоточена на контроле за соблюдением норм из категорий фард (например, молитва) и харам (например, смешение полов, употребление алкоголя), но часто вторгается и в сферу макрух и даже мубах, трактуя их как угрозу общественной морали. При этом большая часть мандуб и внутренние аспекты веры (например, искренность) находятся вне ее компетенции, так как относятся к сфере личного благочестия.

Деятельность полиции нравов отражает противоречие между официальной трактовкой исламских норм и социальными практиками современного иранского общества. С одной стороны, институт пользуется поддержкой консервативной части населения, с другой - вызывает критику со стороны молодежи.

Влияние этого института на иранское общество крайне неоднозначно и является предметом дискуссий.

С точки зрения сторонников, Гашт-е Эршад выполняет жизненно важную функцию по защите общества от морального разложения, сохраняя его религиозный и культурный облик. Они рассматривают её как практическую реализацию принципа «проповедь одобряемого и запрещение неодобряемого».

Критики же указывают на такие проблемы как:

- Нарушение прав человека. Деятельность патрулей часто обвиняют в унижении достоинства женщин, произвольных задержаниях и применении грубой силы.
- Социальная напряженность. Постоянный контроль и моральное давление вызывают широкое недовольство, особенно в крупных городах, что ведет к протестным настроениям.
- Выборочность применения. Критики утверждают, что законы часто применяются выборочно, в зависимости от социального статуса, этнической принадлежности и лояльности режиму.

Анализ деятельности полиции нравов выявляет системные проблемы:

- Соотношение принципов религиозной доктрины и прав человека.
- Произвольное применение правовых норм.
- Социальная напряженность, порождаемая деятельностью института.

1 сентября 2023 года был введен закон «О поддержке культуры целомудрия и хиджаба». В нём были чётко прописаны наказания за нарушения общественных правил и законов.

Полиция нравов существовала или существует до сих пор и в других государствах с религией ислам.

Саудовская Аравия (Комитет по поощрению добродетели и удержанию от порока — «аль-Мутавва»). Это классический и наиболее известный пример. До недавнего времени этот комитет обладал широкими полицейскими полномочиями: его сотрудники патрулировали общественные места, следили за соблюдением молитвенного времени, дресс-кода (хиджаб для женщин), разлучали не состоящих в браке разнополых людей, конфисковывали запрещённые товары. После 2016 года его полномочия были значительно урезаны, и теперь он в основном занимается наблюдением и составлением отчетов для обычной полиции.

Афганистан (при режиме Талибана — Управление по распространению добродетели и предотвращению порока). В 1996-2001 и особенно после возвращения к власти в 2021 году это ведомство является ключевым инструментом контроля над обществом. Его задачи крайне широки: обеспечение посещения молитв, запрет на музыку и развлечения, принудительное ношение паранджи, контроль за поведением женщин в публичной сфере, соблюдение норм в бизнесе.

Судан (в прошлом). При режиме Омара аль-Башира существовали аналогичные патрули, но их активность и влияние были менее масштабны. После революции 2019 года их деятельность была свернута.

Совпадают ли цели и задачи похожих государственных органов с полицией нравов в Иране? Базовые цели совпадают, но есть нюансы в методах и приоритетах:

Общая цель: Официально — сохранение общественной морали в соответствии с конкретной интерпретацией исламских законов (шариата), предотвращение «порока» (макрух) и греха, защита общества от «разлагающего» западного влияния.

Ключевые различия:

1. Фокус контроля: В Саудовской Аравии исторически сильный акцент был на публичных проявлениях (молитва, одежда, смешение полов). В Афганистане талибы добавляют сюда почти тотальный запрет на образование и работу женщин, а также на любые формы развлечений. В Иране большое внимание уделяется идеологической составляющей и борьбе с «западным культурным нашествием».

2. Степень жесткости и полномочий: Наиболее репрессивный характер имеет полиция нравов в Афганистане, где ее решения часто приводят к жестоким наказаниям на месте. В Саудовской Аравии в последние годы произошла значительная либерализация.

3. Взаимодействие с государством: «Аль-Мутавва» в Саудовской Аравии был частью государственной машины. «Гашт-е-Эршад» в Иране тесно связан с Корпусом стражей исламской революции (КСИР), что добавляет ему идеологическую и силовую мощь. В Афганистане ведомство напрямую подчиняется верховному лидеру Талибана.

Полиция нравов (Гашт-е Эршад) представляет собой уникальный и неотъемлемый элемент системы исламского правопорядка в Иране. Возникнув из принципа «проповедь одобряемого и запрещение неодобряемого», она трансформировалась в формальный правоохранительный институт, призванный охранять не только правопорядок, но и идеологию.

Её роль является двоякой. С одной стороны, это инструмент сохранения теократического характера государства и его идеологических устоев. С другой — она стала очагом социальных конфликтов, символом принуждения и объектом массового неприятия со стороны значительной части общества, особенно молодежи. Эволюция и будущее Гашт-

е Эршад напрямую связаны с более широким политическим и социальным развитием Ирана, отражая глубинный конфликт между консервативной идеологией и динамично меняющимися общественными запросами. Таким образом, изучение этого института является ключом к пониманию не только правовой системы, но и всей социально-политической динамики современного Ирана.

Список использованных источников:

1. Конституция Исламской Республики Иран / Пер. с перс. — М.: Институт Ближнего Востока, 2010. — 128 с.

2. РУВИКИ. 26 сентября 2018. Текст: электронный URL: https://ru.m.ruwiki.ru/w/index.php?title=Назидательный_патруль (дата обращения 17.11.2025).

3. Islamic Penal Code of the Islamic Republic of Iran – Book Five/ Incorporating all amendments up to January 2012/ Adopted by the Legal Affairs Commission of the Islamic Consultative Assembly on Tuesday 30.07.1991/ Iran Human Rights Documentation Center/ 129 Church Street/ Suite 304/ New Haven, CT 06510/ USA – с. 40

УДК 34.096

Лушавина И.П.
обучающаяся
Научный руководитель: Лазарева О.В., к.ю.н., доцент
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»,
г. Саратов

ЗАКОН О НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТАХ: ОПЫТ ПРОШЛОГО И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Аннотация. Идея создания федерального закона «О нормативных правовых актах в Российской Федерации» имеет долгую и достаточно драматичную историю. С момента появления первого проекта «закона о законах» прошло почти тридцать лет. До сих пор он остается научной мечтой многих отечественных правоведов. По этой причине автор поднимает вопросы становления идеи создания «закона о законах» и анализирует причины, которые препятствуют ее реализации.

Ключевые слова: нормативный правовой акт, закон, правотворчество, законопроект, правовое государство, законодательная инициатива.

Abstract. The idea of creating a federal law «On Regulatory Legal Acts in the Russian Federation» has a long and rather dramatic history. Almost thirty years have passed since the first draft of this «law on laws» was drafted. It remains a dream of many Russian legal scholars. For this reason, the author examines the origins of the idea of creating a «law on laws» and analyzes the obstacles to its implementation.

Keywords: normative legal act, law, lawmaking, draft law, rule of law, legislative initiative

Теория исторического круговорота гласит, что история циклична. Так, события почти тридцатилетней давности свидетельствуют о том, что коренные изменения в государственном устройстве ведут и к глобальным переменам в правовой сфере.

Встав на путь построения демократического государства мы невольно возвращаемся к одному из важнейших условий его развития – высокому качеству нормативных правовых актов, четкому порядку их подготовки, издания и толкования.

Идея закона, способного поставить точку в многочисленных спорах о системе законодательства нашей страны выкристаллизовывалась на протяжении нескольких десятков лет. За это время было предпринято множество попыток по принятию того самого «многострадального» «закона о законах», но все они не увенчались успехом.

На сегодняшний день мы можем с уверенностью говорить о масштабном обновлении российского законодательства, так как только за последние пять лет в нашей стране было принято около 3000 законов. Подобная нормотворческая гонка и отсутствие должной правовой регламентации приводят к тому, что качество принимаемых нормативных правовых актов постоянно ухудшается.

Все это обуславливает необходимость возвращения к вопросу разработки базового федерального закона, способного пролить свет на многие вопросы правотворчества.

Говоря о возможности принятия данного закона важно отметить, что подобные акты уже существуют в зарубежных странах. Более того, с 1990-х годов они поочередно были приняты во всех странах Содружества Независимых государств. В некоторых из них за прошедшее время происходило обновление. Например, в Республике Казахстан закон 1998 г. был актуализирован в 2016 г., в Кыргызской Республике закон 1996 г. был заменен в 2009 г., а в Республике Таджикистан соответствующие акты принимались в 2003, 2009 и 2017 гг. [5, с. 25].

Данный опыт свидетельствует о практической состоятельности идеи создания «закона о законах». Тем более, что подобные инициативы выдвигались и в нашей стране: проект закона «О порядке принятия федеральных конституционных законов и федеральных законов», Правила законодательной техники, закон «О систематизации и кодификации нормативных правовых актов», закон «О юридических терминах» и другие [2, с. 8].

Более того, по состоянию на апрель 2025 года подобный акт принят и действует более чем в 50 субъектах нашей страны. Основной пик принятия приходился на 1995 год. Тогда было принято 6 законов, когда с 2017 по 2025 – всего 4 закона [4, с. 14]. При этом подробный анализ законодательства субъектов свидетельствует о разрозненности подходов к вопросам определения нормативных правовых актов, их системы, порядка подготовки и принятия, а также самого наименования закона.

Значительный вклад был сделан Институтом законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации (далее – ИзиСП), которым было разработано и представлено несколько законопроектов. Известно, что Институтом был подготовлен и внесен в Государственную Думу Российской Федерации проект «многострадального» федерального закона 1996 г. [7, с. 88-89]. Итогом стало затянувшееся на 8 лет обсуждение, которое привело к отклонению инициативы по причине устаревшего содержания. Тем не менее, ИЗиСП до сих продолжает работу в данной сфере. На сегодняшний день было разработано три новых проекта – 2013, 2019, 2021 гг.

Отдельного внимания заслуживает подготовка ИзиСП Модельного (рекомендательного) закона «О нормативных правовых актах субъектов Российской Федерации», который выступил основой для принятия в 1995 г. Межпарламентской ассамблеей государств-участников СНГ Рекомендательного законодательного акта о нормативных правовых актах государств-участников СНГ. Кроме того, данный проект оказал значительное влияние и на региональное законодательство. На сегодняшний день более чем в пятидесяти субъектах нашей страны приняты законы, регламентирующие вопросы нормотворчества.

Тем не менее, мы можем наблюдать парадоксальную ситуацию: разработав теоретические основы, которые были восприняты не только на региональном, но и на мировом уровне мы до сих пор остаемся без базового федерального закона, способного поставить точку во многих вопросах правотворчества.

В связи с этим возникает вполне логичный вопрос: почему более чем тридцатилетний опыт разработок так и не привел к принятию столь желанного закона? Проведенный анализ показал, что в данном вопросе можно было бы говорить о недостатках

предыдущих проектов (неясность предмета регулирования, отсутствие четких целей, недостаточная регламентация самой системы нормативных правовых актов, вопросов планирования, прогнозирования, мониторинга и т.д.). В качестве причины можно было бы упомянуть и историческую приверженность в отношении «указного правотворчества». Нельзя отрицать и сложность перестройки правоприменительной практики, которая последует за данной реформой.

Кроме того, справедливо и замечание о самом статусе предполагаемого законопроекта. Дело в том, что подобный акт может быть принят только в качестве федерального закона. Это значит, что в его ведении будут находиться акты меньшей юридической силы, когда для остальных он будет носить рекомендательный характер.

Приведенные выше факты демонстрируют необходимость взвешенного подхода к регулированию вопросов правотворчества. Тем не менее, это не говорит о невозможности принятия «закона о законах». Следовательно, его отсутствие вызвано совсем другими причинами. И ответ кроется в коротком: «Fecit cui prodest» (сделал тот, кому выгодно).

Значит ли это, что идея принятия закона о нормативных правовых актах так и останется недостижимой мечтой? В данном случае автор, как и многие другие исследователи, не может взять на себя ответственность и сделать столь громкое заявление, но может выразить надежду, что столь важный для нашей страны закон рано или поздно будет принят.

Виктор Гюго писал: «В мире нет ничего более могущественного, чем идея, время которой пришло». Идея создания федерального закона «О нормативных правовых актах в Российской Федерации» пережила значительную трансформацию. И сейчас, в момент масштабного обновления всей правовой системы, мы как никогда нуждаемся в законе, способном внести весомый вклад в формирование единой и непротиворечивой системы российского законодательства. А это значит, что его время пришло…

Список использованных источников:

1. Агамиров К. В. Закон о нормативных правовых актах: нерешенные вопросы правового регулирования // Образование и право. 2021. № 7. С. 60-66.
2. Бошно С. В. Закон о нормативных правовых актах: прошлое, настоящее и перспективы // Право и современные государства. 2015. № 2. С. 7-22.
3. Липень С. В. Законы о нормативных правовых актах стран СНГ: возможности сравнительно-правового исследования // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2018. № 4 (44). С. 159-164.
4. Лушавина И.П. «Закон о законах»: региональный опыт регулирования // Вопросы права. 2025. № 3. С. 13-20.
5. Лушавина И.П. Закон о нормативных правовых актах: опыт стран Содружества Независимых Государств // Вопросы права. 2026. № 1. С. 24-28.
6. Сорокин В. В., Ибрагимов Ж. И. Обзор законов о нормативно-правовых актах стран СНГ // Российско-азиатский правовой журнал. 2023. № 2. С. 48-52.
7. Тихомиров Ю. А., Рахманина Т. Н., Хабибулин А. Г. Закон о нормативных правовых актах – актуальная повестка дня // Журнал российского права. 2006. № 5. С. 88-93.
8. Червяковский А. В. Закон о нормативных правовых актах как юридическая инновация // Юридическая техника. 2021. № 15. С. 470-473.

УДК 340.12

Ситников И.О.
обучающийся 1 курса
Научный руководитель: Анохин А.Н., к.ю.н., доцент
Институт «Таврическая академия»
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»,
г. Симферополь

ТРАНСФОРМАЦИЯ КАТЕГОРИИ «СУБЪЕКТ ПРАВА» В УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Аннотация. В статье рассматривается проблема адаптации фундаментальной правовой категории «субъект права» к реалиям массового внедрения технологий искусственного интеллекта. Анализируются классические признаки правосубъектности и их применимость к системам ИИ. Проводится сравнительный анализ подходов Российской Федерации и Европейского союза к определению правового статуса ИИ. Обосновывается вывод о необходимости выработки новых теоретико-правовых конструкций, способных обеспечить адекватное регулирование отношений с участием ИИ.

Ключевые слова: субъект права, правосубъектность, искусственный интеллект, электронное лицо, квазисубъектность, цифровизация, теория государства и права.

Abstract. The article examines the problem of adapting the fundamental legal category of "subject of law" to the realities of the mass implementation of artificial intelligence technologies. The classical features of legal personality and their applicability to AI systems are analyzed. A comparative analysis of approaches of the Russian Federation and the European Union to determining the legal status of AI is carried out. The conclusion is substantiated about the need to develop new theoretical and legal constructions capable of ensuring adequate regulation of relations involving AI.

Keywords: subject of law, legal personality, artificial intelligence, electronic person, quasi-subjectivity, digitalization, theory of state and law.

Юридическая наука сталкивается с важным вопросом из-за быстрого развития искусственного интеллекта (далее – ИИ): достаточно ли существующих юридических понятий для описания отношений, в которых участвуют автономные интеллектуальные системы? Использование ИИ вызывает много разных юридических сложностей, но главная из них – это определение правового статуса ИИ, что связано с понятием субъект права.

Эта проблема важна, потому что ИИ стремительно проникает во все сферы жизни общества. Исследование консалтинговой компании «Яков и Партнёры» и «Яндекса» показывает, что к 2030 году экономический эффект от ИИ в России может составить от 7,9 до 12,8 трлн рублей [1]. При этом 71% крупных российских компаний уже применяют генеративный ИИ хотя бы в одной области бизнеса [1]. В мире темпы роста ещё выше: по прогнозу аналитической компании Gartner, мировые затраты на ИИ в 2026 году вырастут на 44% и составят $2,52 трлн [2]. Gartner отмечает, что в течение 2026 года ИИ будет находиться в так называемой «яме разочарования», что говорит о переходе от ажиотажа к осознанному внедрению, а значит, и к необходимости правового регулирования [2]. У развития рынка есть свои сложности: многие проекты остаются только демонстрациями и не приносят ощутимой пользы бизнесу, а масштабированию препятствуют недостаточное правовое регулирование, нехватка специалистов по безопасности и необходимость изменения процессов внутри компаний [3]. Очевидно, что неясность в правовом статусе ИИ является одним из главных факторов, замедляющих развитие этой отрасли.

Согласно классической теории государства и права, субъектами права являются: физические лица, юридические лица и публично-правовые образования. Важным

признаком субъекта права является правосубъектность – юридически закреплённая возможность лица иметь права и обязанности (правоспособность), самостоятельно их осуществлять (дееспособность) и нести ответственность за свои действия (деликтоспособность). Обычно, для правосубъектности необходимо наличие сознания и воли. И здесь возникают трудности: ИИ-системы могут принимать решения автономно, но не обладают сознанием в философском и правовом смысле.

В научном сообществе активно обсуждается вопрос о возможности признания за ИИ правосубъектности, то есть о предоставлении искусственному интеллекту возможности быть субъектом правоотношений. В мире нет единого мнения по этому вопросу. В современной доктрине выделяют три основных подхода.

Первый подход – инструментальный. В Программе «Цифровая экономика Российской Федерации» (утв. Распоряжением Правительства РФ от 28.07.2017 № 1632-р) технологии искусственного интеллекта включены в перечень сквозных цифровых технологий, а в Дорожной карте Программы (п. 1.8.1) используется формулировка «инструменты искусственного интеллекта». Данный терминологический выбор свидетельствует о том, что на программно-стратегическом уровне ИИ рассматривается не как автономный субъект, а как технологическое средство, подлежащее правовому регулированию наравне с робототехникой; ответственность за его действия полностью возлагается на разработчика или оператора [4, с. 91]. Эта позиция наиболее консервативна и в целом соответствует действующему российскому законодательству.

Второй подход – концепция «электронного лица». Она предполагает наделение систем ИИ правосубъектностью «электронного лица», чтобы они могли нести юридическую ответственность за правонарушения [5, с. 36]. Эта идея была впервые предложена на институциональном уровне в Резолюции Европарламента от 16 февраля 2017 г., где Еврокомиссии рекомендовалось рассмотреть вопрос о создании специального правового статуса «электронных лиц» для наиболее автономных роботов. Но эта концепция не была закреплена в итоговом тексте EU AI Act.

Третий подход – концепция «квазисубъектности». С.Е. Чаннов предлагает рассматривать ИИ как квазисубъект – нечто среднее между объектом и субъектом права, обладающее ограниченным набором юридически значимых качеств [6, с. 94]. А.В. Нечкин считает, что положения Конституции РФ допускают расширительное толкование понятия «личность», включая высокоразвитый ИИ, конституционно-правовой статус которого должен быть похож на статус человека, но с ограниченной деликтоспособностью [7, с. 78].

Данная проблема особенно актуальна в связи с активной законотворческой деятельностью. Правительство РФ разрабатывает рамочный законопроект, предусматривающий «гибкое» регулирование ИИ, которое затронет использование технологии в важных областях, таких как здравоохранение, образование и судопроизводство. В законопроекте определены основные направления регулирования: права, обязанности и ответственность; авторское право на работу ИИ; формирование понятийного аппарата [8]. При этом по данным исследования компании МТС Web Services «Технологические стратегии бизнеса» (декабрь 2025 г., опрос более 700 компаний), лишь 26% российских компаний, выделяющих бюджет на ИИ, имеют стратегию его внедрения [9]. Это ещё раз подчёркивает необходимость создания чёткой правовой базы.

Опыт Европейского союза представляет большой интерес для сравнения. Использование ИИ в ЕС регулируется Регламентом (ЕС) 2024/1689 (AI Act) – первым в мире комплексным законом об ИИ. Этот акт вступил в силу 1 августа 2024 г. и будет применяться в полном объёме со 2 августа 2026 г. [10]. AI Act использует подход, основанный на оценке рисков, классифицируя системы ИИ по уровням риска, но не наделяет ИИ правосубъектностью: ответственность возлагается на «поставщиков» (providers) и «операторов» (deployers) систем. За нарушение AI Act могут быть наложены штрафы в размере до 35 млн евро или 7% от глобального годового оборота [10]. Таким образом, ЕС de

jure придерживается инструментального подхода, хотя de facto признаёт, что ИИ может создавать угрозы правам человека.

Важно отметить, что, несмотря на различия в правовых системах, и РФ, и ЕС сталкиваются с одной и той же проблемой: классическое разделение на «субъект – объект права» оказывается недостаточным для описания правовой реальности XXI века. Системы ИИ не подходят ни под категорию «вещь» (потому что способны к автономному поведению), ни под категорию «лицо» (потому что лишены сознания и воли). Хотя воля – это исключительно человеческое качество, ИИ может имитировать свойства личности, связанные с сознанием человека [4, с. 95]. Это требует от теории государства и права разработки новых промежуточных конструкций.

На основании проведённого анализа можно сделать следующие выводы. Во-первых, классическое понятие «субъект права» не может полностью отразить правовое положение систем ИИ, обладающих высокой степенью автономности. Во-вторых, наиболее перспективной представляется концепция «квазисубъектности», позволяющая наделить ИИ ограниченным объёмом прав и обязанностей, не приравнивая его к физическим или юридическим лицам. В-третьих, формирование понятийного аппарата в сфере ИИ является приоритетной задачей российского законодателя, что подтверждается включением этого направления в перечень ключевых положений разрабатываемого рамочного законопроекта. Решение проблемы правосубъектности ИИ требует междисциплинарного подхода и переосмысления основ самого понятия «субъект права», что соответствует духу изменений в правовой науке XXI века.

Список использованных источников:

1. Искусственный интеллект в России – 2025: тренды и перспективы : исследование / «Яков и Партнёры», «Яндекс». – 2025. – URL: https://yakovpartners.ru/publications/ai-2025/ (дата обращения: 23.02.2026).
2. Gartner Says Worldwide AI Spending Will Total $2.5 Trillion in 2026 // Gartner. – 15.01.2026. – URL: https://www.gartner.com/en/newsroom/press-releases/2026-1-15-gartner-says-worldwide-ai-spending-will-total-2-point-5-trillion-dollars-in-2026 (дата обращения: 23.02.2026).
3. Масштабированию ИИ мешают недостаток правового регулирования, дефицит специалистов и перестройка процессов // Журналист. – 24.09.2025. – URL: https://jrnlst.ru/2025/09/24/157221/ (дата обращения: 23.02.2026).
4. Понкин, И. В. Искусственный интеллект с точки зрения права / И. В. Понкин, А. И. Редькина // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. – 2018. – Т. 22. – № 1. – С. 91–109.
5. Ястребов, О. А. Правосубъектность электронного лица: теоретико-методологические подходы / О. А. Ястребов // Труды Института государства и права РАН. – 2018. – Т. 13. – № 2. – С. 36–55.
6. Чаннов, С. Е. Робот (система искусственного интеллекта) как субъект (квазисубъект) права / С. Е. Чаннов // Актуальные проблемы российского права. – 2022. – Т. 17. – № 12. – С. 94–109.
7. Нечкин, А. В. Конституционно-правовой статус искусственного интеллекта в России: настоящее и будущее / А. В. Нечкин // Lex Russica. – 2020. – Т. 73. – № 8. – С. 78–85.
8. Правительство России прорабатывает рамочный законопроект, направленный на «гибкое» регулирование ИИ // Интерфакс. – 06.02.2026. – URL: https://www.interfax.ru/digital/1071389 (дата обращения: 23.02.2026).
9. Исследование МТС Web Services: у 74% российских компаний нет стратегии развития искусственного интеллекта // CNews. – 19.12.2025. – URL: https://biz.cnews.ru/news/line/2025-12-19_issledovanie_mts_web_services (дата обращения: 23.02.2026).
10. Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024 laying down harmonised rules on artificial intelligence (Artificial Intelligence Act) // Official Journal of the European Union. – L, 2024/1689. – 12.07.2024.

Секция 2.
Суверенитет, государство и право в эпоху глобализации и цифровых трансформаций: перезагрузка базовых категорий

УДК 34.01

Лазарева О.В.
кандидат юридических наук, доцент
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»,
г. Саратов

ЗАКОНОДАТЕЛЬНАЯ ПЕРЕЗАГРУЗКА ПОНЯТИЙНОГО АППАРАТА ОТДЕЛЬНЫХ РАЗНОВИДНОСТЕЙ ПРАВОВОЙ ПРОЦЕДУРЫ В ЭПОХУ ЦИФРОВЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

Аннотация. В эпоху цифровых трансформаций, несмотря на отсутствие законодательно закрепленной легальной дефиниции правовой процедуры в российском законодательстве и единого подхода к пониманию данной категории в юридической науке, происходит определение и корректировка понятийного аппарата отдельных разновидностей правовой процедуры.

Ключевые слова: процедура; правовая процедура; таможенная процедура; процедура банкротства; процедура медиации.

Abstract. In the era of digital transformations, despite the absence of a legally established legal definition of legal procedure in Russian legislation and a unified approach to understanding this category in legal science, the conceptual framework of certain types of legal procedure is being defined and adjusted.

Keywords: procedure; legal procedure; customs procedure; bankruptcy procedure; mediation procedure.

В условиях цифровых трансформаций, когда государство принимает меры по повышению эффективности работы органов, входящих в единую систему публичной власти, качества государственных и муниципальных услуг, уровня жизни и удовлетворенности граждан принимаемыми государственными решениями, происходит перезагрузка понятийного аппарата отдельных разновидностей правовой процедуры. Несмотря на отсутствие законодательно закрепленной легальной дефиниции правовой процедуры в российском законодательстве и единого подхода к пониманию данной категории в юридической науке происходит определение и корректировка таких ее разновидностей как таможенная процедура, процедуры банкротства и медиации – на федеральном уровне, а также правоприменительной и примирительной процедуры, процедуры оценки регулирующего воздействия проектов актов и оценки фактического воздействия актов – на региональном уровне.

В пп. 34 п. 1 ст. 2 Таможенного кодекса Евразийского экономического союза таможенная процедура сформулирована как «совокупность норм, определяющих для целей таможенного регулирования условия и порядок использования товаров на таможенной территории Союза или за ее пределами», а в раздела IV кодекса дается исчерпывающий их перечень, в системном взаимодействии которых образуется таможенный режим [1]. Следовательно, наблюдается *переход* определенного *количества* таможенных процедур *в качество* – формулирование самостоятельной правовой категории «таможенный режим».

В ст. 2 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» установлены понятия *процедур, применяемых в деле о банкротстве* (наблюдение, финансовое оздоровление, внешнее управление, конкурсное производство, реабилитационные процедуры и мировое соглашение) [2]. Назначение перечисленных процедур зависит от целей применения. Например, сохранение имущества должника, восстановление его платежеспособности и погашения задолженности, соразмерное удовлетворение требований кредиторов, прекращения производства по делу о банкротстве.

Процедуре медиации посвящен Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)», в ст. 2 которого она определена как «способ урегулирования споров при содействии медиатора на основе добровольного согласия сторон в целях достижения ими взаимоприемлемого решения» [3]. Законодательная регламентация процедуры медиации также осуществляется в государствах – участниках Содружества Независимых Государств. В республиках Казахстан, Беларусь, Молдова, Узбекистан, Азербайджан, Киргизии принят и действует закон о медиации.

В 2025 г. в базовые законодательные акты Кыргызской Республики внесены существенные изменения, которые вводятся в действие с 1 января 2027 г. Они выражаются в закреплении обязательного характера медиативных информационных встреч и медиации для урегулирования трудовых споров, в стимулировании разрешения спора посредством медиации, в расширении сферы применения данной процедуры [4].

В Республике Беларусь с 2026 г. значительно расширился спектр альтернативных способов урегулирования споров, предусмотренных Гражданским процессуальным кодексом [5].

XX в. считается временем становления процедуры медиации в странах семьи общего права и постепенным распространением в странах континентального права (с помощью процедуры медиации преимущественно разрешались семейные споры).

XXI в. характеризуется развитием процедуры медиации, расширением сферы ее применения в частном и публичном праве, переходом от добровольного к обязательному принципу проведения отдельных процедур. Например, с 2021 г. процедура медиации при расторжении брака стала обязательной в Азербайджане.

В соответствии с планом мероприятий по реализации Стратегии действий по реализации семейной и демографической политики, поддержке многодетности в Российской Федерации до 2036 года ведется разработка законопроекта, предусматривающего введение обязательного досудебного порядка урегулирования семейных споров с применением медиации. Придание данной процедуре обязательного характера обусловлено мерами, направленными на сохранение и восстановление семейных взаимоотношений.

Таким образом, законодательная перезагрузка понятийного аппарата отдельных разновидностей правовой процедуры в эпоху цифровых трансформаций состоит в уточнении и корректировке их содержания, в расширении сферы применения, в закреплении обязательного характера досудебного порядка урегулирования определенных споров. В результате этого правовое регулирование и правоприменение оптимизируются, повышается их качество и эффективность.

Список использованных источников:

1. Таможенный кодекс Евразийского экономического союза (в ред. от 29 мая 2019 г.) (приложение № 1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза)

// СПС «КонсультантПлюс»: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=380602&rnd=zUuK8w#92rrysUa1vhn8HJH1 (дата обращения: 29.03.2026).

2. Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (в ред. от 29 декабря 2025 г.) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 43. Ст. 4190; 2025. № 31. Ст. 4658.

3. Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» (в ред. от 26 июля 2019 г.) // Собрание законодательства РФ. 2010. № 31. Ст. 4162; 2019. № 30. Ст. 4099.

4. Закон Кыргызской Республики от 14 ноября 2025 года № 257 «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Кыргызской Республики в сфере медиации» // Эркин Тоо. 2025. 18 ноября.

5. Кодекс гражданского судопроизводства Республики Беларусь от 11 марта 2024 года № 359-З (с изм. и доп. по состоянию на 30 декабря 2025 г.) // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. 2024. 26 марта. № 2/3079; 2026. 1 января. № 5/2/3212.

УДК 3420.11

Пискунова О.В.
кандидат юридических наук, доцент
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»,
г. Саратов

КРАУДСОРСИНГ КАК ПРАВОТВОРЧЕСКАЯ ФОРМА

Аннотация. Статья посвящена теоретическим и практическим аспектам применения краудсорсинга в процессе создания законов. Отмечается, что для российской правовой системы концепция привлечения широкой общественности к законотворчеству не является абсолютно новой. Проведен анализ существующей нормативной базы, выявлены как преимущества, так и недостатки законодательства, регулирующего публичные обсуждения законопроектов, предлагаются пути для его дальнейшего развития.

Ключевые слова: правотворчество, механизм взаимодействия, краудсорсинг, общественное мнение

Annotation. The article is devoted to the theoretical and practical aspects of the application of crowdsourcing in the process of creating laws. It is noted that the concept of involving the general public in lawmaking is not entirely new for the Russian legal system. The article analyzes the existing regulatory framework, identifies both advantages and disadvantages of the legislation governing public discussions of draft laws, and suggests ways for its further development.

Keywords: lawmaking, interaction mechanism, crowdsourcing, public opinion

Цифровые технологии серьезно меняют сферу формирования правовой культуры. В последнее время все чаще обсуждаются вопросы краудсорсинга, под которым понимается «привлечение на добровольных началах широкого круга лиц и использование их знаний, опыта, творческого потенциала для решения определенных задач» [1, с. 78].

Впервые понятие «краудсорсинг» было представлено журналистом по имени Джефф Хауи в одной из его публикаций. Именно он, по сути, закрепил и популяризировал этот феномен в общественном сознании, определив его как «делегирование определенных

рабочих задач неопределенному кругу лиц через публичное предложение, не подразумевающее установления формальных трудовых отношений» [2].

Методика краудсорсинга успешно используется не только в коммерческих проектах, но и в законодательном процессе. Так, О.Н. Разбаш выделяет принцип общественного участия как один из фундаментальных аспектов законотворчества, отмечая «необходимость скоординированности сотрудничества государственной власти и общества на основе взаимного доверия и открытия и принятия политико-правовых решений и, соответственно, привлечения общественности к обсуждению законопроектов» [3, с. 15].

Прямое участие населения в правотворчестве позволяет добиться соответствия принимаемых актов интересам граждан и потребностям общества. Взаимодействие органов государственной власти с обществом в процессе правотворческой деятельности увеличивает доверие граждан к государству, стимулирует активность людей в политико-правовой сфере. Развитие информационных технологий и цифровизация права позволили наиболее успешно реализовать метод краудсортинга в законотворческой деятельности посредством использования специальных интернет-порталов [1]. Общественные обсуждения проектов нормативных правовых актов должны шире использоваться и быть достаточно урегулированы процедурно, четко определить формы и порядок учета замечаний, случаи обязательности такого обсуждения и направления более широкого его использования.

Примечательно, что технология краудсорсинга для России не отличается новизной. Это институт, который был известен периоду земства и даже империи. В советское время, когда важные законопроекты выносились на всенародные обсуждения, СССР во многом опережал в этом западные порядки. Обсуждению в отмеченный период подвергался проект Конституции 1924 г. и 1936 гг., а также Кодекс о браке, семье и опеке.

Практика активного обсуждения законопроектов датируется 1950-1980 гг. прошлого столетия, когда всенародному обсуждению подвергались более 30 нормативных документов. Как отмечают эксперты, эти акты содержательно отражали баланс интересов государства и интересов всего общества. Показательным примером – результатом такой работы можно назвать закон о государственных пенсиях, заключительная редакция которого была дополнена рядом новых статей, являющихся следствием всенародного обсуждения [4, с. 42].

Однако официальную законодательную регламентацию данный институт получил лишь в 1977 г., а детальную процедурность лишь в 1987 г.

Всенародные обсуждения проектов нормативных правовых актов как одна из форм правотворчества имеет определенные традиции в современном государстве. В 2011 году был принят Указ Президента Российской Федерации от 09.02.2011 № 167 «Об общественном обсуждении проектов федеральных конституционных законов и федеральных законов» [5], гарантирующий гражданам возможность активного участия в формировании законодательства. В соответствии с его нормами проекты федеральных конституционных законов и федеральных законов должны быть опубликованы в интернете для ознакомления с ними населения, внесения рекомендаций и предложений. По истечении определенного срока, отведенного на обсуждение, глава государства получает отчет о том, как прошло обсуждение каждого законопроекта.

Так, к примеру, на сайте с 7 августа по 15 сентября 2010 г. любой желающий мог внести свои комментарии и пожелания по поводу проекта федерального закона «О полиции». Результаты общенародного обсуждения в дальнейшем подвергались всестороннему анализу. К нему сделано 22 тысячи поправок [6, с. 26]. Аналогичному

обсуждению был подвергнут проект федерального закона «Об образовании в Российской Федерации», содержащего 20 глав.

В 2012 году был принят Указ Президента РФ от 07.05.2012 № 601 «Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления» [7], предусматривающий комплекс мер, направленных на развитие взаимодействия органов государственной власти и общества в сфере правотворчества. В целях его успешной реализации в этом же году было принято постановление Правительства РФ от 01.09.2012 № 877 «Об утверждении состава нормативных правовых актов и иных документов, включая программные, разрабатываемых федеральными органами исполнительной власти, которые не могут быть приняты без предварительного обсуждения на заседаниях общественных советов при этих федеральных органах исполнительной власти» [8].

Сейчас, с появлением интернет-площадок, обсуждать проекты стало намного удобнее и проще. Однако, представляя гражданам возможность моделирования проекта закона, конкретизации его норм, общество заинтересовано не только в широком вовлечении людей в правообразование, но и должно ставить вполне прагматичные цели повышения качества законов, ограждения процесса правотворчества от некомпетентного и демагогического вмешательства. Шаги в этом направлении уже сделаны. Разработаны и продолжают совершенствоваться электронные методы голосования по проектам, сервисы оказания государственных услуг в электронной форме и т.д. [9, с. 156-157].

Цифровые технологии играют важную роль в вопросах, связанных с мониторингом и систематизацией юридических актов, выявлением и устранением пробелов и коллизий, коррупциогенных фактов, а также созданием новых регуляторов.

Весьма эффективны информационные технологии, помогающие в подготовке нормативных правовых актов, в прогнозировании, в выработке модели развития событий, в выявлении дублирования, обнаружении противоречий, единообразного использования терминов в нормативных актах или нарушений юридической техники и многое другое. Как справедливо отмечает М.Л. Давыдова, «цепочка бесконечных расчетов, многовариантный анализ, отслеживающий путь взаимодействия многих переменных, одновременное решение нескольких сотен уравнений - все это, будучи основой всеохватывающей цифири, является возможным только благодаря инструменту интеллектуальной технологии - компьютеру» [10, с. 161].

Планируется, что постепенно цифровизация правотворчества должна изменить сам процесс правотворчества и его результат, вырабатываются новые подходы к алгоритмизации права. Законы можно переводить в программный код для обеспечения их стройности, определенности и однозначности содержания нормативных актов. Алгоритмизация проявляется и в развитии смарт-контрактов - юридически обязательных договоров, составленных в форме компьютерного кода и подкрепленных соответствующими правовыми средствами защиты. Однако здесь возникает много вопросов [9, с. 157].

Огромный потенциал принадлежит обсуждению законопроектов общественностью для получения значительного эффекта и повышения качества принимаемых норм. Практика всенародных обсуждений законопроектов способствует улучшению качества законодательства и развитию активной жизненной позиции граждан страны. При подобных обсуждениях в современном мире могут использоваться информационные ресурсы сети Интернет. Применение такого характера глобальных информационных технологий увеличивает скорость доступа к информации, прозрачность работы с ней, формирование единого правового пространства страны, вкупе с существованием официального портала органов государственной власти [6, с. 26].

Список использованных источников:

1. Концепция цифрового государства и цифровой правовой среды. М.: Норма, 2022. - 244 с.
2. Хау Дж. Краудсорсинг: Коллективный разум как инструмент развития бизнеса. М.: Альпина Паблишер, 2012. - 288 с.
3. Разбаш О.Н. Федеральные законотворческий и законодательный процессы в современном российском конституционализме : единство и эволюция принципов // Конституционное и муниципальное право. 2009. № 18. С.13-20.
4. Ильина Т.Н. Предварительной обсуждение проектов нормативных правовых актов в СССР в 1930-1980 гг. // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. 2014. № 8. С. 38-48.
5. Указ Президента Российской Федерации от 09.02.2011 № 167 «Об общественном обсуждении проектов федеральных конституционных законов и федеральных законов» //РФ. 2011. № 7. Ст. 939.
6. Пискунова О.В. Правотворчество как форма обеспечения реализации правовых норм // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2019. № 5 (130). С. 23-29.
7. Указ Президента РФ от 07.05.2012 № 601 «Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления» // СЗ РФ. 2012. № 19. Ст. 2338.
8. Постановление Правительства РФ от 01.09.2012 № 877 «Об утверждении состава нормативных правовых актов и иных документов, включая программные, разрабатываемых федеральными органами исполнительной власти, которые не могут быть приняты без предварительного обсуждения на заседаниях общественных советов при этих федеральных органах исполнительной власти» // СЗ РФ. 2012. № 37. Ст. 4997.
9. Синюков С.В. Механизм правотворчества современного российского государства: учебное пособие. М.: Проспкт, 2025. - 184 с.
10. Давыдова М.Л. Инновационные правотворческие технологии и проблемы их применения // Юридическая техника. 2021. № 15. С. 158-165.

УДК 340111

Анохин А.Н.
кандидат юридических наук, доцент
Институт «Таврическая академия»
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»,
г. Симферополь

ОБ АСПЕКТАХ РАЗВИТИЯ ПОДХОДОВ К ПОНИМАНИЮ ГОСУДАРСТВА В 21 ВЕКЕ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. В статье исследуются проблемы понимания категории «государство» в 21 веке в РФ. Выделяются три базовых подхода: социологический, юридический, информационно-кибернетический, и развиваемый на его основе цифровой подход. Подчеркивается, что специфику цифрового подхода к пониманию государства необходимо рассматривать в контексте его интеграции с социологическим и юридическим подходами.

Ключевые слова: подходы к пониманию государства, трансформация государства, цифровое государство.

Annotation. The problems of understanding the category "state" in the 21st century in the Russian Federation are explored in the article. Three key perspectives emerge: sociological, legal, and cybernetic, including the digital approach derived from it. The digital approach's uniqueness

in understanding the state must be recognized within the framework of its integration with sociological and legal viewpoints.

Keywords: approaches to understanding the state, transformation of the state, digital state.

Комплекс проблем, связанных с пониманием смысловых аспектов государства, относится к числу традиционных в науке теории государства и права. В качестве подобных подходов выделялись: «теологический, классический, юридический, классовый, нормативистский, социологический, либертарно-юридический» [1, с. 32, 33].

Пьянов Н.А. указывает на наличие таких подходов, как «теологический, арифметический, юридический, информационно-кибернетический, социологический, либертарный» [2, с. 59-61].

Марченко М.Н., изучая взгляды Г.Кельзена на проблемы понимания государства, подчеркивает, «что ученый рассматривал государство в юридическом и социологическом смыслах». В юридическом смысле понятие государства определяется Г.Кельзеном как «система норм», «нормативный порядок». В социологическом смысле государство должно рассматриваться как некая «социологическая общность», существующая независимо от правового порядка» [3, с.155, 156].

И, наконец, на современном этапе выделяется цифровой подход к пониманию государства [4].

Как представляется, приведенные подходы, за исключением теологического и либертарного, могут быть объединены в три группы. В первую группу следует включить социологический подход, а также фактически входящие в него арифметический и классовый. Во вторую группу юридический подход (государство как система норм, нормативный правовой порядок). В третью группу информационно-кибернетический и развиваемый на его основе цифровой подход.

Приведенные три группы подходов необходимо не противопоставлять друг другу, а рассматривать их в единстве, с интегративных позиций, исходя из того, что каждый подход воплощает и выражает соответствующий аспект целостного образования, именуемого государством.

В настоящий период в юридической литературе предпринимаются активные попытки осмысления специфики цифрового государства. Так, под цифровым государством предлагается понимать «информационно-технологическую структуру, обеспечивающую политико-правовое взаимодействие между гражданами и органами публичной власти» [5, с. 1588]. В более развернутом варианте «под цифровым государством необходимо понимать систему организации государственного управления, основанную на использовании современных цифровых технологий и данных для повышения эффективности, доступности и прозрачности государственных услуг, обеспечения активного гражданского участия и построения доверительных отношений между гражданами, бизнесом и властью» [4, с. 22]. Особо следует выделить «концепцию государства – платформы, где государство - это система, которая позволяет эффективно взаимодействовать государству, бизнесу, гражданам, принося новые выгоды» [6, с. 451].

Как показывают приведенные характеристики, понимание цифрового государства сводится к его отождествлению с цифровой формой осуществления государственного управления. Данный подход имеет место и в действующих нормативно-правовых актах. К ним можно отнести Постановление Правительства Российской Федерации от 17 февраля 2022 года № 198 «Об утверждении Положения об информационной системе «Единое информационное пространство процессов государственного управления» [7], Распоряжение Правительства Российской Федерации от 16 марта 2024 года № 637 «Об утверждении стратегического направления в области цифровой трансформации государственного управления» [8].

В целом, приведенные характеристики цифрового государства, связанные с постижением его исключительно цифровой природы, не позволяют достаточно полно осмыслить все сущностные характеристики. Как представляется, специфику цифрового аспекта государства важно исследовать в контексте социологического и юридического подходов, обеспечивая тем самым целостность понимания природы современного государства.

С учетом этого, с позиций социологического подхода, государство представляет собой систему институционализированных, суверенных публично-властных отношений, представляющих собой политическую (управленческую) организацию общества, распространяющихся на соответствующую территорию. Законы строения данной системы (социологические законы) выстраивают социологическую модель государства как системы управления обществом, элементами которой выступают соответствующие институты государства. Публично-властная, управленческая природа данных институтов является основополагающей характеристикой государства.

Юридический подход содержит два аспекта понимания государства. Первый аспект предполагает фиксацию социологической модели государства в системе норм права (нормативно-правовых актов). С этой точки зрения под государством понимается содержание норм права, связанное с закреплением системы институализированных публично-властных, управленческих отношений. При этом указанные институты публичной власти приобретают правовую форму в виде институтов публичного права (прежде всего конституционного и административного). Это такие институты конституционного права, как институт государственного строя, институт формы государства, институт главы государства, институт парламента, институт исполнительной власти, институт конституционной юстиции и так далее.

Второй аспект юридического подхода связан с соединением его первого (нормативного) аспекта с социологическим подходом. В этом случае государство будет представлять собой нормативно установленный правовой порядок. То есть институты публичного права (закрепляющие систему государственного управления обществом) переводятся в плоскость общественных отношений, преобразуясь тем самым в реальный правовой порядок, в виде системы правового регулирования. Где субъектный состав - это субъекты правотворчества и правоприменения. Объектный состав – это предметы ведения. Процесс правового регулирования - это выработка правотворческого решения и его реализация в форме правоприменительной деятельности.

Поэтому на данном этапе исследования мы можем вести речь о соединении социологической и правовой (нормативной) форм государства. Вне данных форм государство не способно существовать.

Далее необходимо рассмотреть цифровую форму государства и соединить ее с двумя предыдущими формами. То есть важно показать как социологическая и правовая формы преобразуются в цифровую форму. В связи с этим важно подчеркнуть, что ключевым моментом понимания сущности цифровой формы государственного управления обществом, выступает ее исключительно организационная функционально-целевая направленность. То есть реализация публично-властной основы государства, связанной с принятием правотворческих и правоприменительных решений, воплощающих властные полномочия соответствующих субъектов, осуществляется в форме правотворчества и правоприменения. Эту деятельность выполняют не цифровые технологии, включающие и искусственный интеллект, а уполномоченные на то субъекты правотворчества и правоприменения, в порядке правотворческого и правоприменительного процессов, согласно соответствующим регламентным документам. При этом установленная правовая форма деятельности переводится в цифровую форму, с сохранением функций принятия и реализации правотворческих решений субъектами правотворчества и правоприменения.

Таким образом, правотворческий и правоприменительный процессы, будучи правовыми формами осуществления государственного управления, переводятся в цифровую плоскость, сохраняя при этом свои качественные характеристики.

Примером соединения правовой и цифровой форм может служить государственная информационная система «Национальная единая среда взаимодействия участников нормотворческого процесса» [9]. В рамках данной системы устанавливается цифровая форма деятельности и взаимодействия субъектов исполнительной власти федерального уровня Российской Федерации. В определенной своей части эта система отражает результаты реального нормотворческого процесса указанных субъектов, а частично обеспечивает их взаимодействие в цифровой форме. Главное, что сохраняется в рамках использования представленной цифровой системы, это принятие публично-властных (нормотворческих) решений исключительно федеральными органами исполнительной власти.

На внедрение цифровой формы реализации властных полномочий органов исполнительной власти и иных государственных органов направлено Постановление Правительства Российской Федерации от 16 декабря 2022 года № 2338 «Об утверждении Положения о единой цифровой платформе РФ «ГосТех» [10]. Согласно Положения о единой цифровой платформе «ГосТех», «платформа «ГосТех» направлена на повышение эффективности реализации осуществляемых с использованием государственных информационных систем полномочий федеральных органов исполнительной власти, государственных внебюджетных фондов, исполнительных органов субъектов РФ и иных государственных органов, образуемых в соответсвии с законодательством РФ, законодательством субъектов РФ» [10].

Итак, изложенное свидетельствует, что в 21 веке происходит дальнейшее развитие понимания категории «государство». Причем развитие происходит как в сфере научных исследований, так и на нормативном правовом уровне. Данный процесс связан, прежде всего, с динамикой трансформации традиционных социологической и правовой форм государства. Эта трансформация относится к соединению элементов социологической и правовой форм с цифровой формой государственного управления. Анализ официальной нормативной модели цифрового государственного управления в Российской Федерации свидетельствует о том, что в результате интеграции указанных форм государство сохраняя свой публично-властный правовой статус, приобретает цифровую форму его реализации при осуществлении управленческой деятельности.

Список использованных источников:

1.Иванников И.А. Теория государства и права: учебник. – Юрлитинформ, 2011. – 392с.
2.Пьянов Н.А. Актуальные проблемы теории государства и права: учеб. пособие /Н.А. Пьянов. – Иркутск : Изд – во Иркут. Гос. ун-та, 2007. – 253с.
3.Марченко М.Н. Проблемы общей теории государства и права : учебник: в 2 т. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Проспект, 2015.
4.Алексеева М.В. Трансформация государственного управления: к модели цифрового государства /М.В. Алексеева, С.В. Рыбак // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. – 2025. – Т.12, №2. – С.16 – 23.
5.Золаев З.А. Цифровое государство как новый этап развития общества //Креативная экономика. 2021. Т. 15, №5. С.1588-1594.
6.Мирошниченко М.А., Городничая Д.И, Хейшхо М.Ю. Государство как платформа: к чему идет цифровая трансформация госуправления //Вестник Академии знаний. - №2 (55). – 2023. – С.450-458.
7.Постановление Правительства РФ от 17.02.2022г. №198 «Об утверждении Положения об информационной системе «Единое информационное пространство процессов

государственного управления». – Доступ из справ.-правовой системы КонсультантПлюс. – Текст: электронный.
8. Распоряжение Правительства РФ от 16.03. 2024г. №637 «Об утверждении стратегического направления в области цифровой трансформации государственного управления». – Доступ из справ.-правовой системы КонсультантПлюс. – Текст: электронный.
9.Постановление Правительства РФ от 11.09.2024г. №1230 «Об утверждении Положения о государственной информационной системе «Национальная единая среда взаимодействия участников нормотворческого процесса». - Доступ из справ.-правовой системы КонсультантПлюс. – Текст: электронный.
10.Постановление Правительства РФ от 16.12.2022г. №2338 «Об утверждении Положения о единой цифровой платформе РФ «ГосТех». - Доступ из справ.-правовой системы КонсультантПлюс. – Текст: электронный

УДК 340.1

Шармоянц А.Н.
кандидат юридических наук, доцент
Институт «Таврическая академия»
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»,
г. Симферополь

ЮРИСДИКЦИЯ ДАННЫХ КАК ВАЖНЫЙ ПРИЗНАК ГОСУДАРСТВА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ И ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ ДЕТЕРРИТОРИАЛИЗАЦИИ СУВЕРЕНИТЕТА

Аннотация. В работе рассматривается кризис традиционной модели государства, вызванный глобальной цифровизацией. Транснациональные ИТ-платформы все чаще берут на себя функции государства и создают собственные правила контроля над обществом, используя информацию (Big Data) как стратегический актив. При этом традиционное право отстает от быстрого технического прогресса, что порождает правовые пробелы и конфликты между национальными правительствами и глобальными корпорациями. Для решения этих проблем исследование обосновывает необходимость обновления базовых понятий публичного права. Предлагается ввести концепцию «юрисдикции данных» как нового, четвертого неотъемлемого признака государства. Сегодня национальный контроль над данными является важнейшей гарантией политической независимости страны.

Ключевые слова: юрисдикция данных, цифровой суверенитет, цифровые платформы, детерриториализация власти, технологическая независимость, многополярный мир, цифровое право.

Abstract. The work examines the crisis of the traditional state model caused by global digitalization. Transnational IT platforms are increasingly assuming state functions and establishing their own rules of social control, utilizing information (Big Data) as a strategic asset. Meanwhile, traditional law lags behind rapid technological progress, generating legal gaps and conflicts between national governments and global corporations. To address these challenges, the study substantiates the need to update the fundamental concepts of public law. It proposes introducing the concept of "data jurisdiction" as a new, fourth essential attribute of the state. Today, national control over data serves as a crucial guarantee of a country's political independence.

Keywords: data jurisdiction, digital sovereignty, digital platforms, deterritorialization of power, technological independence, multipolar world, digital law.

Оказавшись под беспрецедентным давлением транснациональных информационных потоков, классическая вестфальская модель государственности переживает период сложной доктринальной трансформации. Привязка верховной власти исключительно к физической географии, как фундамент, сформировавший всю теорию государства с эпохи индустриального модерна, сегодня требует концептуального переосмысления в контексте стремительного развития высоких технологий. Столкнувшись в современном мире с виртуальной реальностью, традиционная правовая триада признаков государства, таких как территория, население, публичная власть, обнаруживает пределы своей регуляторной универсальности, остро нуждаясь в выработке органично дополняющих ее юридических механизмов [1]. Возникает вполне закономерная гносеологическая проблема, а именно, способно ли государство сохранить полноту своего суверенитета, будучи ограниченным в правовых инструментах контроля над собственным информационным контуром? Исходя из неделимой природы суверенной власти, ответ будет скорее отрицательным. Без обеспечения цифрового суверенитета, понимаемого как закрепленная в позитивном праве реальная способность власти управлять потоками данных и защищать права своих граждан от экстерриториального посягательства, традиционная политическая независимость рискует стать по факту лишь формальной декларацией. Подобная трансформация правовой реальности в современном мире нуждается в подкреплении новыми защитными институтами, способными в долгосрочной перспективе гарантировать конституционную безопасность личности и общества [2].

Принимая собственные правила работы, глобальные цифровые платформы фактически создают серьезную конкуренцию и одновременно вызов в традиционных сферах компетенции национальных правительств. Происходит постепенная детерриториализация управленческих процессов, когда экстерриториальные IT-гиганты беспрепятственно аккумулируют колоссальные массивы данных о гражданах, физически находящихся под юрисдикцией конкретного суверенного государства. Собранная подобным образом информация зачастую используется как стратегический актив для контроля граждан, управления в экономике, обществе и государстве, формируя своеобразные квазиправовые механизмы регулирования, функционирующие параллельно с государственными институтами. Опираясь на самостоятельно установленные правила, транснациональные платформы образуют автономные экосистемы, внутри которых IT-гиганты самостоятельно определяют условия доступа к информационным рынкам, применяют непрозрачную модерацию контента и ограничивают права пользователей в обход классических процедур правосудия. Обозначенный механизм информационного контроля, реализуемый в виртуальной среде, вступает в объективное противоречие с базовыми конституционными гарантиями, требуя догматического осмысления в рамках теории публичного права.

Формально деятельность платформенных компаний протекает, безусловно, в границах национального правового поля. Суверенные государства пытаются реагировать на эти вызовы, принимаются законы о локализации баз данных, внедряются антимонопольные ограничения и механизмы защиты персональных данных. Однако, основная регуляторная сложность кроется в иной плоскости. Классическая система права с ее длительными, выверенными процедурами законотворческого процесса объективно испытывает серьезные трудности в адаптации к беспрецедентной скорости цифровых изменений нового мира [3]. Юридические нормы зачастую не поспевают за эволюцией

виртуальных общественных отношений, а транстерриториальный характер функционирования платформ создает благоприятную почву для возникновения коллизий и прямого обхода локальных правовых предписаний.

Наглядной иллюстрацией подобного юрисдикционного конфликта в отечественной практике выступает беспрецедентная ситуация с платформой YouTube, целенаправленное ограничение доступа к которой на территории России в 2024–2025 годах стало прямым следствием систематического игнорирования транснациональной корпорацией требований национального законодательства в части локализации данных и удаления противоправного контента [4]. Схожая правовая коллизия, вызванная неисполнением требований регулятора, привела к блокировке платформы Discord осенью 2024 года [5]. В условиях, когда традиционные юридические механизмы привлечения экстерриториального субъекта к ответственности оказываются малоэффективными, государство вынуждено прибегать к жестким техническим мерам противодействия угрозам, применяя специализированное оборудование для защиты национального информационного пространства. Применение исключительно традиционных правовых конструкций к качественно новой информационной среде снижает общую эффективность государственного принуждения, порождая серые зоны юрисдикционного вакуума. Право в реалиях нового цифрового мира нуждается в новых, гибких моделях регулирования, способных удерживать тонкий баланс между стимулированием инновационного развития и защитой национальных интересов.

Преодоление возникающих пробелов диктует необходимость ревизии базовых категорий теории государства и права. Вполне оправданным шагом видится введение понятия «юрисдикция данных» в качестве самостоятельного, органично дополняющего традиционную триаду четвертого признака государства. Речь идет не о физической локализации серверов на подконтрольной территории, так как подобный технический редукционизм был бы слишком узок для фундаментальной юридической науки. В условиях информационной глобализации юрисдикция данных должна концептуализироваться как исключительное право суверена устанавливать правовые рамки для сбора, хранения и поведенческого использования цифровых профилей своих граждан. Только наличие собственной независимой архитектуры данных возвращает государству полноту его верховенства, превращая его из пассивного объекта алгоритмических манипуляций в реального субъекта цифровой эпохи.

Попытки механистически подчинить трансграничный интернет национальным рамкам таят в себе вполне реальный риск избыточной технологической изоляции [6]. Архитектура справедливого глобального миропорядка требует укрепления многостороннего сотрудничества, базирующегося на принципах безусловного уважения суверенного равенства и солидарности, что прямо декларируется, к примеру, в программных документах стран БРИКС [7]. Выход просматривается в поиске новых, сбалансированных международно-правовых режимов, способных защитить информационный суверенитет страны без ущерба для ее технологического развития в контексте общемирового. Доктринальная разработка и последующая институционализация категории «юрисдикции данных» позволит отечественной правовой системе выстроить эффективный регуляторный контур. Обозначенный подход обеспечит верховенство конституционных прав личности над корпоративными интересами глобальных платформ, заложив прочный юридический фундамент для устойчивого функционирования государства в многополярном цифровом мире.

Список использованных источников:

1. Право и виртуальное пространство : монография / под отв. ред. Ю. А. Тихомирова. – Москва : Проспект, 2025. – 176 с.
2. Зорькин, В. Д. Право в цифровом мире: размышления на полях Петербургского международного юридического форума / В. Д. Зорькин // Российская газета 7578 (115). – 2018. – 29 мая.
3. Степанова М. Н. Регулирование правоотношений в эпоху цифровой трансформации //Правопорядок: история, теория, практика. 2025. № 1 (44). С 44–49.
4. Ситуация с доступом к видеохостингу YouTube в России [Электронный ресурс] // РИА Новости : сетевое издание. – 2025. – 17 апреля. – URL: https://ria.ru/20250417/youtube-2011714907.html (дата обращения: 29.03.2026).
5. Discord заблокирован в России: причины, что дальше, есть ли аналоги [Электронный ресурс] // News.ru : сетевое издание. – 2024. – 8 октября. – URL: https://news.ru/society/discord-zablokirovan-v-rossii-prichiny-chto-dalshe-kakie-est-li-analogi/ (дата обращения: 28.03.2026).
6. Спартак, С. А. Правовые основы цифрового суверенитета в Российской Федерации / С. А. Спартак // Пробелы в российском законодательстве. – 2025. – Т. 18, № 5. – С. 25–34.
7. XVI Саммит БРИКС. Казанская декларация [Электронный ресурс] // Президент России : официальный сайт. – 2024. – 23 октября. – URL: http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/MUCfWDg0QRs3xfMUiCAmF3LEh02OL3Hk.pdf (дата обращения: 28.03.2026).

УДК 342.571

Лапутько К.В.
старший преподаватель
Белорусский государственный университет, юридический факультет
г. Минск

АЛГОРИТМИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ И ПРЕДЕЛЫ ВЫТЕСНЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА ИЗ ПРОЦЕССА ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЙ

Аннотация. Алгоритмизация государственного управления трансформирует власть, затрагивая права граждан. Ключевым становится право на человеческое участие в решениях, вытекающее из конституционных принципов достоинства, верховенства права и запрета произвола. Цель статьи - анализ этого права и вызовов алгоритмизации власти.

Ключевые слова: искусственный интеллект; права человека, Конституция Республики Беларусь, алгоритмизация власти, право участвовать в решении государственных дел.

Abstract. The algorithmization of public administration is transforming the exercise of state power and directly affecting the rights of citizens. A central issue is the right to human participation in decision-making, which derives from constitutional principles of human dignity, the rule of law, and the prohibition of arbitrariness. The purpose of this article is to analyze this right and the contemporary challenges posed by the algorithmization of public authority.

Keywords: artificial intelligence; human rights; Constitution of the Republic of Belarus; algorithmization of public authority; right to participate in public affairs.

По всему миру органы публичной власти всё активнее используют цифровые и алгоритмические системы при разработке и реализации решений. Хотя цифровизация управления не является новым явлением, современные достижения в области анализа

данных и автоматизации значительно расширили масштабы и сферу её применения. Сегодня алгоритмы применяются не только для упрощения процедур, но и для поддержки либо автоматизации решений с существенными правовыми, социальными и экономическими последствиями. Это отражает трансформацию механизмов осуществления публичной власти и ставит вопросы ответственности, прозрачности и роли человеческого усмотрения. Алгоритмическое регулирование часто рассматривается как средство повышения эффективности и качества публичных услуг, а также как инструмент укрепления прав человека и принципа верховенства права. Однако его преимущества реализуются не всегда: эффекты распределяются неравномерно, а практика показывает, что использование алгоритмических систем нередко приводит, зачастую непреднамеренно,к результатам, противоречащим принципам справедливости, равенства и подотчётности. В соответствии со ст. 37 Конституции Республики Беларусь принятой 1994 г. с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканском референдуме от 27 февраля 2022 года, граждане Республики Беларусь имеют право участвовать в решении государственных дел как непосредственно, так и через свободно избранных избирателей.

Право на человеческое участие в принятии решений не является изолированной правовой категорией. Оно формируется как производное от фундаментальных конституционных ценностей и принципов, лежащих в основе демократического и правового государства, а также отображает принцип народовластия.

Так, Г. А. Василевич основным формам осуществления народом (гражданами) государственной власти относит народные голосования (референдумы), обсуждение проектов законов и вопросов республиканского и местного значения, сельские сходы, собрания граждан и др. [2, с, 175] Прежде всего, данное право тесно связано с принципом достоинства личности, который предполагает признание человека не объектом управления, а субъектом права. Принятие решений, затрагивающих правовой статус индивида, без возможности человеческого участия или оценки, подрывает само представление о личности как носителе автономной воли.Кроме того, право на человеческое участие в принятии решений государственных дел вытекает из принципа верховенства права, требующего, чтобы государственная власть действовала на основе понятных, проверяемых и подотчетных процедур. Алгоритмические решения, не сопровождаемые человеческой оценкой, ставят под сомнение возможность реализации этих требований.Наконец, значимым источником данного права является право на эффективную правовую защиту, предполагающее возможность быть выслушанным, получить мотивированное решение и оспорить его в независимом органе.

Исторически участие человека в принятии властных решений рассматривалось как ключевой элемент ограничения произвола государственной власти. Уже в ранних теориях правового государства подчеркивалось, что решения, затрагивающие права и свободы, должны приниматься ответственными должностными лицами, связанными правом и подлежащими контролю. В классической бюрократической модели человеческое участие выступало не только как технический элемент, но и как гарантия справедливости и индивидуализации решений. Судья, чиновник или иной представитель власти несли персональную ответственность за принятое решение и обязаны были учитывать конкретные обстоятельства дела. Даже в условиях формализованного административного производства сохранялось требование человеческого усмотрения как инструмента соразмерности и учета индивидуальных особенностей. Алгоритмизация власти, напротив, предполагает стандартизацию и масштабируемость, что вступает в напряжение с исторически сложившимися принципами государственного управления.Алгоритмизация власти приводит к качественному изменению самой природы принятия решений в публичной сфере. Алгоритмы используются не только для технической обработки данных, но и для формирования рекомендаций, прогнозов и итоговых выводов, которые фактически определяют содержание управленческих решений. Особенностью современных алгоритмических систем является их способность к обучению и адаптации, что делает

процесс принятия решений динамичным и нередко непрозрачным. В результате человек формально сохраняет статус субъекта решения, но фактически лишь утверждает вывод, сформированный системой.

Такое постепенное «вытеснение» человеческого участия маскируется риторикой эффективности и объективности, а алгоритмы начинают восприниматься как нейтральные инструменты. Это снижает уровень критической оценки со стороны должностных лиц и усиливает зависимость публичной власти от автоматизированных решений.

Со временем алгоритмическая логика способна определять рамки допустимых решений, вытесняя профессиональное усмотрение и ответственность. В долгосрочной перспективе это ослабляет механизмы подотчётности и затрудняет выявление ошибок и дискриминационных последствий, поскольку источник решения остаётся непрозрачным как для граждан, так и для самих органов власти.Одним из ключевых вызовов алгоритмизации власти является различие между формальным и реальным человеческим участием. Во многих случаях нормативные акты предусматривают наличие «человеческого контроля», однако на практике этот контроль носит сугубо номинальный характер [5].Формальное участие может выражаться в механическом подтверждении алгоритмического решения без возможности или времени для его содержательной проверки. При этом должностное лицо зачастую не располагает достаточной информацией о логике работы системы и не способно критически оценить ее выводы.

Реальное человеческое участие предполагает возможность понять основания решения, вмешаться в процесс его формирования и при необходимости отклонить или скорректировать результат. Отсутствие таких возможностей превращает человека в пассивного посредника между алгоритмом и адресатом решения. Одной из важнейших функций человеческого участия в принятии решений является предотвращение дискриминации и обеспечение соразмерности. Алгоритмы, обученные на исторических данных, могут воспроизводить и усиливать существующие социальные и институциональные искажения. Человеческая оценка позволяет учитывать контекст, исключения и индивидуальные обстоятельства, которые не поддаются формализации. В этом смысле человеческое участие выступает не препятствием для эффективности, а необходимым элементом справедливого управления.

Отказ от человеческого участия в пользу полностью автоматизированных решений может привести к формированию новой формы структурного неравенства, при которой индивид лишается возможности быть рассмотренным как уникальный субъект права. Право на человеческое участие тесно связано с вопросом ответственности за принятое решение. В традиционной модели публичной власти ответственность персонализирована: существует конкретный субъект, действия которого могут быть оспорены.

Алгоритмизация власти размывает границы ответственности, создавая сложные цепочки между разработчиками, поставщиками данных, государственными органами и должностными лицами. В отсутствие реального человеческого участия становится затруднительным определить, кто именно несет юридическую ответственность за нарушение прав.

Сохранение человеческого участия в принятии решений является важнейшим условием поддержания подотчетности публичной власти и предотвращения «алгоритмического произвола».

В ответ на вызовы алгоритмизации власти в ряде правопорядков формируются подходы, направленные на институционализацию права на человеческое участие. Эти подходы включают требования человеческого надзора, возможности пересмотра автоматизированных решений и усиления процедурных гарантий.Ключевым условием реализации права на человеческое участие становится разработка стандартов объяснимости алгоритмических решений, без которых такое участие превращается в фикцию. Не менее важен и институциональный контроль со стороны судебных и конституционных органов за правомерностью применения алгоритмов в сфере публичной власти.Само право на

человеческое вмешательство необходимо воспринимать не как техническую формальность, а как самостоятельную конституционную гарантию, призванную защитить достоинство личности и не допустить обезличенности власти. Таким образом, алгоритмизация государственного управления подвергает серьезному испытанию классические конституционные механизмы защиты прав. Право на человеческое участие становится одним из важнейших инструментов поддержания баланса между технологическим прогрессом и основополагающими ценностями правового государства.

Сохранение и развитие этого права требует не только нормативного закрепления, но и переосмысления роли человека в системе публичного управления. В условиях цифровой трансформации государство должно обеспечить, чтобы технологии служили инструментом поддержки человеческого решения, а не его заменой. Только при таком подходе возможно сохранение верховенства права, подотчетности власти и уважения к человеческому достоинству в эпоху алгоритмов. В зарубежной практике право на человеческое участие чаще всего осуществляется через запрет «solely automated» решений и обязательные гарантии человеческого пересмотра (наиболее системно – в ст. 22 GDPR) [3]. В белорусской правовой системе приоритет человеческого принятия решений в вопросах, имеющих юридические последствия, в наибольшей степени соответствует принципу верховенства права. Только участие человека позволяет учитывать конкретные обстоятельства, оценивать соразмерность и справедливость и обеспечивать персональную ответственность должностного лица, качества, лежащие в основе правового государства и недостижимые для автоматизированных систем. Совет Европы исходит из того, что государство обязано обеспечивать соблюдение прав человека алгоритмическими системами на всех этапах их жизненного цикла, рассматривая их как инструмент публичной власти, подлежащий требованиям законности, прозрачности и подотчётности [4].

Такой подход подчёркивает, что внедрение алгоритмических систем не освобождает государство от ответственности за последствия принимаемых решений и не может служить основанием для размывания человеческого участия в управлении. Напротив, именно сохранение ведущей роли человека в процессе принятия решений, при вспомогательной и ограниченной роли алгоритмов, позволяет обеспечить баланс между технологической эффективностью и требованиями верховенства права, что представляется особенно значимым для национальных правопорядков, ориентированных на традиционные правовые гарантии и принципы правового государства.

Список использованных источников:

1. Василевич Г. А., Конституционное право Республики Беларусь : учебник / Г. А. Василевич. – Минск : Вышэйшая школа, 2016. – 399 с.

2. Нерсесянц В. С., Общая теория права и государства: Учебник для вузов / В.С. Нерсесянц. – М.: Норма: НИЦ ИНФРА-М, 2015. – 378 с.

3. General data protection regulation [Electronic resource] : https://eur-lex.europa.eu/legal-content/RU/ALL/?uri=legissum%3A310401_2 – Date of access: 20.01.2026.

4. The Use of Algorithmic Systems by Public Administrations [Electronic resource] : https://www.cambridge.org/core/books/cambridge-handbook-of-the-law-ethics-and-policy-of-artificial-intelligence/use-of-algorithmic-systems-by-public-administrations/3DA308FE3C0CAF925C08CED7DF0F2697 – Date of access: 20.01.2026

УДК 347.463

Пискунова Н.И.
старший преподаватель
ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия им В.М. Лебедева
г. Москва

ДОГОВОР БЕСПИЛОТНОЙ АЭРОДОСТАВКИ ГРУЗА: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Аннотация. В статье анализируются актуальные проблемы договорного регулирования отношений по беспилотной аэродоставке груза в Российской Федерации в условиях активного развития беспилотных авиационных систем и цифровых платформ коммерческой логистики. Выявляются пробелы действующего регулирования в части субъектного состава правоотношения, правового статуса искусственного интеллекта в автономном режиме управления, распределения рисков и ответственности между участниками обязательства. Предлагаются конкретные направления совершенствования законодательства в сфере беспилотной авиации.

Ключевые слова: беспилотное воздушное судно, беспилотная авиационная система, договор фрахтования, беспилотная аэродоставка груза, транспортные обязательства, гражданско-правовая ответственность, цифровая платформа, договор присоединения, Воздушный кодекс РФ.

Abstract. The article analyzes the current problems of contractual regulation of relations on unmanned air delivery of cargo in the Russian Federation in the context of the active development of unmanned aviation systems and digital platforms of commercial logistics. The gaps in the current regulation in terms of the subject composition of legal relations, the legal status of artificial intelligence in autonomous control mode, and the distribution of risks and responsibility between the parties to the obligation are identified. Specific directions for improving legislation in the field of unmanned aviation are proposed.

Keywords: unmanned aerial vehicle, unmanned aviation system, charter agreement, unmanned aerial cargo delivery, transport obligations, civil liability, digital platform, adhesion contract, Air Code of the Russian Federation.

Беспилотные воздушные суда (БВС) из категории экспериментальной технологии превращаются в полноценный инструмент коммерческого оборота. Логистические платформы, агропромышленный комплекс, почтовые операторы и службы доставки формируют устойчивый спрос на правовое обеспечение отношений по перемещению грузов с использованием беспилотных авиационных систем (БАС). При сопоставлении беспилотных воздушных судов с пилотируемыми становятся очевидными преимущества первых: более дешевый производственный цикл, требуемый для изготовления беспилотного воздушного судна; небольшие размеры, включая массу; меньший расход топлива, требуемого для полета; существенно более простые требования к взлетно-посадочной полосе, вплоть до ее отсутствия. Таким образом, использование искусственного интеллекта в системе воздушного транспорта позволит устранить те ограничения и недостатки, которые традиционно были характерны для перевозки грузов с помощью пилотируемых воздушных судов. Использование цифровых технологий предлагает новые возможности для частноправового использования беспилотных воздушных судов, особенно в сфере грузоперевозок.

Определение БВС закреплено в ст. 32 ВК РФ [1]: это воздушное судно, управляемое и контролируемое в полёте пилотом, находящимся вне борта (внешний пилот). Данное определение рассчитано на дистанционное управление человеком и не учитывает ситуации,

при которых воздушное судно действует в автономном режиме без непосредственного участия оператора на основе заранее заложенной программы полёта и алгоритмов искусственного интеллекта.

Между тем именно такой режим становится всё более востребованным в коммерческой практике, что свидетельствует о пробеле действующего регулирования. Беспилотное воздушное судно представляет собой комплексный объект гражданских прав, сочетающий признаки вещи (транспортного средства) и результата интеллектуальной деятельности, причём отдельные модели БВС основаны на технологиях искусственного интеллекта, что требует разработки специального правового режима таких высокотехнологичных объектов [2, С. 387–392]. Тенденции развития транспортного права в эпоху цифровизации, анализируемые А.А. Ананьевой, подтверждают, что специфика новых транспортных технологий неизбежно влечёт необходимость обновления договорных конструкций, а не простого применения по аналогии существующих норм [3, С. 10–16.].

В настоящее время принятые нормативные акты направлены на формирования специального режима использования БАС, охватывающего как публично-правовые, так и частноправовые аспекты их эксплуатации. Законодательство вводит легальное определение беспилотных аппаратов, уточняет компетенцию уполномоченных органов, устанавливает особые требования к использованию воздушного пространства и техническому оснащению БАС, задавая институциональные, пространственные и технологические рамки их применения. Сложившаяся нормативная среда способствует становлению коммерческой беспилотной доставки как самостоятельного направления транспортного рынка и актуализирует необходимость дальнейшей научной проработки соответствующих договорных конструкций.

Действующий ВК РФ содержит два базовых вида обязательств, применимых к беспилотной аэродоставке: договор воздушной перевозки груза и договор фрахтования воздушного судна — воздушный чартер). Классическое понимание договора воздушной перевозки груза исходит из его реального характера и трёхсторонней структуры отношений (грузоотправитель, перевозчик, грузополучатель). Договор фрахтования, напротив, имеет консенсуальный характер и предполагает участие двух сторон. Роль специальных договорных конструкций в формировании транспортного законодательства весьма значительна именно они обеспечивают адаптацию правового регулирования к технологическим изменениям в отрасли. Между тем ни одна из названных конструкций не рассчитана на ситуацию, при которой воздушное судно действует в автономном режиме без участия экипажа на борту, что делает вопрос о применимой договорной форме дискуссионным и требующим самостоятельного решения.

Анализ признаков беспилотной аэродоставки позволяет прийти к выводу о том, что она не укладывается в рамки ни одного из существующих договорных типов в их классическом понимании. Договор беспилотной аэродоставки груза представляет собой видовую конструкцию, производную от договора фрахтования воздушного судна. Основными чертами договора выступают: предоставление фрахтовщиком технической возможности автономной доставки груза с использованием БВС; консенсуальный характер; взаимность; возмездность.

Одной из особенностей рассматриваемого договора является его заключение преимущественно посредством цифровой платформы, которая выступает не только как технический посредник, но и как организационный механизм формирования договорной связи. В подобных условиях традиционная модель согласования воли сторон претерпевает значительную трансформацию.

Это порождает вопрос о квалификации акцепта: является ли автоматическое подтверждение платформы надлежащим акцептом по смыслу ст. 438 ГК РФ.

Не менее важным является и то обстоятельство, что условия договора, как правило, заранее определяются фрахтовщиком-платформой и доводятся до контрагента в стандартной форме, исключающей возможность их индивидуального изменения. Такая

модель свидетельствует о наличии признаков договора присоединения, поскольку другая сторона лишена реальной возможности участвовать в согласовании содержания договора и вынуждена принять предложенные условия в целом.

Анализ действующего регулирования позволяет систематизировать следующие правовые пробелы: отсутствие легальной дефиниции договора беспилотной аэродоставки груза; неопределённость субъекта ответственности при автономной эксплуатации БВС; отсутствие специальных требований к форме и содержанию цифрового договора; отсутствие обязательного страхования ответственности эксплуатанта БАС; неурегулированность защиты слабой стороны в договоре присоединения. В качестве направлений совершенствования законодательства предлагаются: включение в ВК РФ с легальной дефиницией договора беспилотной аэродоставки груза; введение обязательного страхования ответственности эксплуатанта БАС; установление презумпции ответственности эксплуатанта за автономные действия БАС; разработка типовых условий договора.

Таким образом, договор беспилотной аэродоставки груза следует квалифицировать как разновидность договора фрахтования воздушного судна с учетом его цифровой и платформенной специфики. Находясь на стыке классической конструкции фрахтования и современных платформенных моделей, он требует специальной нормативной регламентации. Действующее правовое регулирование не в полной мере учитывает технологические и организационные особенности беспилотной доставки, что порождает правовые пробелы при практическом применении данной договорной конструкции

Список использованных источников:

1. Воздушный кодекс Российской Федерации от 19.03.1997 № 60-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства РФ. 1997. № 12. Ст. 1383.
2. Боярская Ю.Н. Беспилотное транспортное средство в системе объектов гражданских прав // Образование и право. 2025. № 12. С. 387–392.
3. Ананьева А.А. О некоторых трендах развития транспортного права в эпоху цифровизации // Человек и право — XXI век: альманах Института прокуратуры Саратовской государственной юридической академии. Саратов, 2022. С. 10–16.

УДК 321.011

Бальский А.В.
аспирант кафедры гражданского и трудового права
Научный руководитель: Очкуренко С.В., д.ю.н., профессор
Институт «Таврическая академия»
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»,
г. Симферополь

ЗНАЧЕНИЕ ПУБЛИЧНЫХ ВЕЩЕЙ ДЛЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО СУВЕРЕНИТЕТА

Аннотация. Проведенная в 2013 году реформа вещного права исключила из гражданского права категорию объектов изъятых из оборота, не содержа телеологию о правовой судьбе таких объектов. В римском праве и родственных зарубежных правопорядках такие объекты наделены правовым режимом публичных вещей. Публичные вещи имеют высокое значение для публичного блага, стабильности суверенитета, целостности общества и государственности. Отсутствие разработанной концепции публичных вещей в отечественном правопорядке ставит в правовую подвешенность ряд

вопросов, связанных с такими объектами, что влечет за собой угрозу публичным интересам.

Ключевые слова: публичные вещи, оборотоспособность, вещи, res extra commercium, jus publicum, jus privatum, гражданское право.

Abstract. The reform of law of things carried out in 2013 excluded the category of objects withdrawn from civil circulation, without containing a teleology about the legal fate of such objects. In Roman law and related foreign legal systems, such objects are endowed with a legal regime of public things. Public things are of high importance for the public interests, the stability of sovereignty, the integrity of society and statehood. The lack of a developed concept of public objects in the domestic legal order puts into legal limbo a number of issues related to such objects, which entails a threat to public interests.

Keywords: public things, civil circulation, things, res extra commercium, jus publicum, jus privatum, civil law.

Вещи, как правовая категория, обычно рассматриваются лишь в качестве объектов частного права. Это обстоятельство вполне объяснимо отечественной законодательной техникой, которая использует термин «вещь» в контексте структурного элемента большинства гражданских правоотношений. Между тем, вещи имеют фундаментальное межотраслевое правовое значение. В зависимости от предметного контекста регулируемых отношений, этот объект способен видоизменять функциональное предназначение.

Безусловно вещи являются мажоритарным и первичным правовым звеном большинства гражданских правоотношений. По поводу вещей складывается большая часть частного оборота, который является основным предметом регулирования гражданского права.

Но вещь для целей гражданского права есть лишь введенный в оборот спектр прав на тактильно осязаемую материю реального мира. Сама по себе вещь, как явление физическое, для гражданского права не вызывает предметно-регуляторного интереса до тех пор, пока права на нее не будут признаны оборотом способными к динамике.

Привлекателен в этом контексте тезис профессора К.И. Скловского, что физика имеет дело с телом, экономика — с товаром, а право — с вещью. Поэтому вещь является правовым конструктом, который следует понимать в правоотношениях как известное осязаемое благо, способное к обороту [5, с. 9].

Но не всякая материя, границы которой определены в окружающей реальности, способна в одинаковой степени выступать объектом гражданского оборота. Помимо права, на содержание вещи влияют и иные социальные явления.

Социальные установки наполняют вещь. Именно человек и общество определяют ее ценность, значение, функционал. Сама по себе вещь, как явление материального мира, без человеческого интереса остается лишь элементом окружающей среды. Наоборот, имея известные свойства, вещь способна удовлетворить социальным целям, быть использована в качестве материала, предмета богослужения, средством укрепления территориальных границ и пр. и пр.

В смысле естественного, природного явления и сам человек будет, взятый независимо от культурных воззрений той или другой исторической эпохи, представлять собой такой же объект внешнего мира, такую же вещь, какой нам являются и другие вещи внешнего мира [3, с. 1].

Определенная вещь способна быть ценнейшим благом для одного лица, в то время как для другого совершенно бесполезной. Именно поэтому важно различать цену и ценность вещи, несмотря на то, что оба понятия также представляют собой явления

исключительно социальные. Но когда вещь приобретает особую ценность не только для конкретного лица, а для всего общества, когда она приобретает благодаря социальным установкам искусственное качество быть ценной для публичного интереса, право неминуемо на это реагирует.

Ввиду такой качественной, в социальном контексте, разницы в вещах, не все они способны в одинаковой степени быть предметом гражданских правоотношений. Поэтому гражданское право проводит разделение вещей по степени их свободы в обороте на оборотоспособные и ограниченно оборотоспособные.

Римское право знало res in commercio (вещи оборотоспособные) и res extra commercium (вещи изъятые из оборота). Ко второй относились res divini juris (сакральные объекты и предметы богослужения), res naturali jure omnium communes (вещи которые принадлежат всему обществу и не могут принадлежать никому по отдельности) и res publicae publico usui destinatae (исключительная государственная собственность) [2, с. 33-34].

Между тем общая теория res extra commercium свидетельствует не о полной юридической гибели отдельных вещей, а лишь о их частичной jus privatum mortis. Д.Д. Гримм прямо связывает отнесение вещи к res extra commercium с ее уничтожением для частного оборота, поскольку по ее поводу более невозможно возникновение правоотношений между частными лицами [2, с. 33].

Тезис доктора римского права о полной гибели такого рода вещей в системе jus privatum достаточно спорен, поскольку невозможность установления на них права частной собственности не исключает установления по их поводу отдельных обязательственных и вещных прав, например, сервитутов или аренды их частей. Но так или иначе, юридическая гибель в сфере частного права, должна влечь возрождение вещи в системе права публичного. Именно такова концепция правового режима вещей, изъятых из оборота.

Res extra commercium профессор Н.П. Карадже-Искров предложил именовать «публичными вещами». К ним он, на основе анализа источников римского права, относил объекты, которые предназначались для использования в публичных интересах и находились в исключительной государственной собственности [4, с. 2].

Как указывалось выше, в римском праве к res extra commercium относились вещи как полностью изъятые из оборота, так и ограниченные в обороте. Отечественное законодательство до реформы вещного права 2013 года придерживалось такой же градационной концепции. Однако с принятием Федерального закона от 2 июля 2013 г. N 142-ФЗ в пункте 1 статьи 129 Гражданского кодекса РФ исключено упоминание о вещах изъятых из оборота, оставив только вещи оборотоспособные и ограниченные в обороте [1].

Такое законодательное решение вполне подвластно логическому объяснению, ведь вещи изъятые из оборота не входят в предмет регулирования гражданского права. Из динамики изымаются не сами вещи, как физические тела, а права на них. Соответственно, раз гражданское право обеспечивает регуляторным механизмом стабильность и динамику гражданского оборота (оборота прав), то необоротоспособные права не входят в систему частного права.

Однако, ни законотворческий материал к проекту Федерального закона от 2 июля 2013 г. N 142-ФЗ, ни итоговая норма не содержат объяснение законодательной телеологии о правовой судьбе вещей изъятых из оборота.

Какие объекты отнесены к публичным вещам в отечественном действующем законодательстве — вопрос, ответ на который должен быть сообразен проведенной реформе, а именно те, которые ранее входили в категорию изъятых из оборота. Но эта категории даже в дореформенном состоянии была не более, чем скудна. Законодатель, не

называя общие принципы и основания для изъятия вещей из оборота, сформировал систему из отдельных источников, которые определяют правовой режим каждой отдельной публичной вещи по их публично-видовому признаку. Поэтому эти признаки и основы публичных вещей, а также их отдельные виды приходится собирать по отдельных крупицам среди всей законодательной системы.

К таким объектам можно отнести животный мир, отдельные водные, земельные и лесные объекты, объекты культурного наследия, фортификационные и иные милитаристические сооружения, а также линейные объекты, которые обеспечивают внутригосударственную коммуникацию.

Все названные объекты обеспечивают государственный суверенитет — политический, экономический, культурный. Объекты культурного наследия объединяют нацию, создают ее культурный образ, который необходим для ее идентификации и целостности, что особенно актуально в период попыток вмешательства государств во внутренние дела иных суверенных центров для целей разрозненности нации и разрушения общества. Линейные объекты, например, единая национальная электрическая сеть, обеспечивает энергетическую независимость государства, а фортификационные сооружения обеспечивают стабильность территориальной целостности.

Животный мир, отдельные водные и земельные объекты обеспечивают dominium государства в тех сферах, отсутствие контроля над которыми способен привести к саморазрушению общества. Но отсутствие разработанной доктрины или законодательной базы о публичных вещах способен навредить как гражданскому обороту, так и самому суверенитету, повлечь множество спорных ситуаций.

Достаточно привести в пример дело «Сочинских садоводов», получивших земельные участки, образованные в пределах Национального парка Сочи, который является особой охранной зоной и находится в исключительной федеральной собственности [6]. Также, возникающие в судебной практике споры о проведении государственной регистрации прав в реестре недвижимости на памятники, милитаристические объекты Министерства обороны, обращения фермеров с требованием возмещения ущерба к государству за вред, причиненный животными, находящимися в естественной среде.

Основная суть публичных вещей заключается в том, что эта категория является особым правовым режимом, который имеет с частным правом только самое малейшее соприкосновение. Защита нарушенных прав, управление и контроль ими осуществляется на основе принципов публичного права, что согласуется со способами обеспечения суверенной целостности. Допуск их в гражданский оборот, регистрация прав в реестре недвижимости способны подорвать правовую стабильность. Разработанная концепция публичных вещей способна ex ante пресекать возникновение подобных споров.

Список использованных источников:

1. Федеральный закон от 02.07.2013 № 142-ФЗ «О внесении изменений в подраздел 3 раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации от 8 июля 2013 года №27, ст. 3434.

2. Гримм, Д. Д. Лекции по догме римского права (воспроизводится по пятому изданию С.-Петербург, 1916 г.). - Москва, издательство "Зерцало", 2003 г. - 361 с.

3.Дювернуа, Н. Л. Чтения по гражданскому праву. Том 2. Учение о вещах. Учение о юридической сделке / Н. Л. Дювернуа ; под редакцией В. А. Томсинов. — Москва : Зерцало-М, 2015. — 320 с.

4. Карадже-Искров, Н. П. Публичные вещи. Вып. 1 / Н. П. Карадже-Искров. - Иркутск : Изд-во Иркутской секции научных работников, 1927. - 79 с.

5. Скловский, К.И. Сделка и ее действие; Комментарий главы 9 ГК РФ : (понятие, виды и форма сделок ; Недействительность сделок) / К. И. Скловский. - 2-е изд. - Москва : Статут, 2015. - 173.

6. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 28.01.2025 № 3-П по делу о проверке конституционности статей 12, 209 и 304 Гражданского кодекса Российской Федерации и части 5 статьи 1 Федерального закона "О государственной регистрации недвижимости" в связи с жалобами граждан Н.И.Гришиной, Н.З.Гулордавы и других — Доступ из справ.-правовой системы «Гарант». — URL: https://internet.garant.ru/#/document/411372453/paragraph/27/doclist/4883/2/0/0/дело%20сочинских%20садоводов%20кс%20рф:5 (дата обращения: 26 февраля 2026).

УДК 342.5

Мельников А.В.
аспирант кафедры истории и теории государства и права
Научный руководитель: Пашнева В.А., к.ю.н., доцент
Институт «Таврическая академия»
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»,
г. Симферополь

К ВОПРОСУ О ТРАНСФОРМАЦИИ МЕХАНИЗМА ГОСУДАРСТВА В УСЛОВИЯХ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941-1945 ГГ.)

Аннотация. В рамках анализа событий Великой Отечественной войны исследуется, как правовое регулирование военного положения воздействует на функционирование государственного аппарата. Особое внимание уделяется формированию и переустройству государственных структур в экстремальных обстоятельствах военного времени. Также проводится анализ сложностей, с которыми сталкиваются правоохранительные органы при переходе государственного механизма к условиям военного положения, и выявляются особенности их деятельности в этот период.

Ключевые слова: механизм государства, военное положение, правовой режим, правоохранительные органы

Annotation. This analysis of the events of the Great Patriotic War examines how the legal regulation of martial law impacts the functioning of the state apparatus. Particular attention is paid to the formation and reorganization of state structures under the extreme circumstances of wartime. It also analyzes the challenges faced by law enforcement agencies during the transition of the state apparatus to martial law, and identifies the specifics of their operations during this period.

Keywords: martial law, legal regime, state mechanism, martial law, legal regime, law enforcement agencies

XXI век характеризуется сложной политической обстановкой на международной арене. В частности, конфронтация между странами Организации Североатлантического договора (НАТО) и Российской Федерацией, вызванной расширением НАТО к восточным границам российского государства, привела к вооружённому столкновению на Украине. 24 февраля 2022 г. президентом Российской Федерации было объявлено о начале проведения специальной военной операции (СВО).

Осенью 2022 г. Президент Российской Федерации своим указом от 19.10.2022 г. N 756 «О введении военного положения на территориях Донецкой Народной Республики,

Луганской Народной Республики, Запорожской и Херсонской областей» ввёл в четырёх вышеуказанных субъектах Российской Федерации специальный правовой режим – военное положение [1]

Учитывая то, что в современной России режим военного положения объявляется впервые, в целях улучшения функционирования вышеназванного правового режима, необходимо обратиться к историческому опыту обеспечения режима военного положения и трансформации механизма государства под влиянием условий Великой Отечественной Войны, которая является наиболее важной точкой развития законодательства о военном положении.

В 1938 г. в Конституцию СССР было внесено дополнения п «п», согласно которому «Президиум Верховного Совета СССР объявляет в отдельных местностях или по всему СССР военное положение в интересах обороны СССР или обеспечения общественного порядка и государственной безопасности». Однако, следует отметить, советское предвоенное законодательства характеризовалось отсутствием единого нормативно-правового акта, регламентирующего правовой режим военного положения. По мнению Дерюгина А.А. и Никонова Д.А.: «с одной стороны, институт военного положения получил конституционное закрепление, с другой – никаких новых нормативных актов, регламентирующих данный правовой режим, не принималось. Таким образом, к началу Великой Отечественной войны законодательное обеспечение деятельности советского государства в угрожаемый период и в ходе развѐртывания масштабных боевых действий имело существенные пробелы» [2, с.28].

В первый день войны, Президиум Верховного совета СССР издал Указ №8/160 «О военном положении». Данный Указ по своей сути являлся законодательным актом, что выходило за рамки полномочий Президиума ВС СССР. В соответствии с его положениями «Военное положение, в согласно со ст. 49 п. «п» Конституции СССР, объявляется в отдельных местностях или по всему СССР в интересах обороны СССР и для обеспечения общественного порядка и государственной безопасности. В местностях, объявленных на военном положении, все функции органов государственной власти в области обороны, обеспечения общественного порядка и государственной безопасности принадлежат военным советам фронтов, армий, военных округов, а там, где нет военных советов, — высшему командованию войсковых соединений» [3, с. 213-115]. Исходя из положений Указа о военном положении предполагалось применение следующих мер: трудовая и гужевая повинность, военно-квартирная обязанность, изъятие транспортных средств, комендантский час, запрет свободы собраний, воспрещать выезд и въезд в местности, в которых объявлено военное положение, выселение из местности на военном положении социально-опасных лиц.

Во исполнение положений Указа «О военном положении» был создан новый орган власти - Государственный комитет обороны СССР, который на период действия правового режима военного положения стал высшим органом власти в государстве, а также были созданы городские комитеты на местах, куда входили сотрудники обкомов (горкомов) ВКП (б), представители руководства НКВД и военного командования.

Особая роль в механизме осуществления военного положения принадлежала правоохранительным органам. Так, в целях борьбы с фашистскими диверсантами и активизировавшейся уголовной преступности была проедена реорганизация Народного Комиссариата СССР. Ведомство было разделено на два отдельных органа государственной власти: народный комиссариат внутренних дел и народный комиссариат государственной безопасности. НКВД должно было сосредоточить своё внимание на внутренних вопросах, тогда как комиссариат госбезопасности должен был осуществлять борьбу с внешними врагами. В 1943 г. руководители ведомств в совместной директиве обозначили параметры взаимодействия вышеуказанных органов по вопросам борьбы со шпионажем и диверсиями.

В условиях военного положения наибольшая проблема у правоохранительных органов возникала, с уголовниками, освобождёнными из мест лишения свободы в рамках мобилизации. Не желая идти на фронт, преступники совершали побеги с пересыльных пунктов, после чего, совместно с местными преступными элементами объединялись в преступные группы. В.А. Гусак отмечает: «56 % разбоев и грабежей было совершено военными и трудовыми дезертирами, несовершеннолетними преступниками совершалось до 30 % убийств и разбоев, до 5 % разбоев и грабежей совершалось инвалидами войны» [4, с.142]

Исходя из всего вышеперечисленного можно сделать следующие выводы:

1) Военное положение – это специальный правовой режим, временно вводимый уполномоченными органами государственной власти на всей территории государства или на отдельной её части в целях обеспечения общественного порядка и безопасности государства

2) Правовой режим военного положения оказывает существенное влияние на весь механизм государства. В условиях военного положения в государстве создаются новые органы государственной власти, происходит реорганизация действующих органов власти.

3) В государстве усиливается репрессивная функция, что выражается в возможности применения специальной меры в виде выселения с территории, на которой объявлено военное положение социально-опасных лиц.

4) Особая роль в обеспечении режима военного положения принадлежит сотрудником правоохранительных органов, которые в чрезвычайных условиях режима военного положения вынуждены не только бороться с общеуголовной преступностью, и выполнять функции по борьбе со шпионами и диверсантами.

5) Наибольшую опасность для обеспечения общественного порядка помимо диверсантов представляли бывшие заключенные, дезертировавшие из армии. Этот факт, подтверждается статистикой, согласно которой, более половины грабежей и разбоев были совершены дезертирами. Часто, во время действия военного положения, убийства и грабежи совершали несовершеннолетние граждане. В 5 процентов случаев в грабежах и разбоях участвовали инвалиды боевых действий, комиссованные из армии по ранениям.

Список использованных источников:

1. Указ Президента РФ от 19.10.2022 N 756 "О введении военного положения на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской и Херсонской областей"// КонсультантПлюс: справочно-правовая система. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_429321/ . − Режим доступа: свободный. − Текст: электронный

2. Дерюгин А. А., Никинов Д. А. ИСТОРИЯ УЧИТ: НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРИМЕНЕНИЯ ПРАВОВЫХ РЕЖИМОВ ВОЕННОГО И ОСАДНОГО ПОЛОЖЕНИЯ В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1941-1945 ГГ.// Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского Юридические науки. – 2021. – Т. 7 (73). № 1. – С. 22-32.

3. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 г. № 8/160 «О военном положении» //Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938 г. — июль 1956 г. / под ред. к. ю. н. Мандельштам Ю. И. — Москва: Государственное издательство юридической литературы, 1956. — С. 213—215.

4. Гусак В. А. Правовое регулирование деятельности органов милиции по охране общественного порядка в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Вестник Челябинского государственного университета. 2008. С. 141–143

УДК 349.6

Соколов Виктор Николаевич
аспирант
Научный руководитель Лозо В.И., д.ю.н., профессор
Юридический институт
ФГАОУ ВО Севастопольского государственного университета,
г. Севастополь

ЭВОЛЮЦИЯ БАЗОВЫХ ПРАВОВЫХ ПОНЯТИЙ ОБРАБОТКИ ОТХОДОВ В РОССИИ ПОД ВЛИЯНИЕМ ВЫЗОВОВ XXI ВЕКА: ЦИФРОВИЗАЦИЯ КАК ФАКТОР ТРАНСФОРМАЦИИ

Аннотация. В настоящей работе рассматривается трансформация понятийного аппарата российского института обращения с отходами, обусловленная процессами цифровизации и переходом к модели экономики замкнутого цикла. Анализируется эволюция ключевых дефиниций — «отходы», «вторичные ресурсы», «обработка» — в контексте внедрения федеральных государственных информационных систем (ФГИС УОИТ, ФГИС ТКО). Обосновывается вывод о том, что цифровизация в России выступает не просто техническим средством учета, но фактором качественного изменения содержания правовых норм, смещая акцент с фискально-надзорной функции на экономическое стимулирование вовлечения отходов в хозяйственный оборот.

Ключевые слова: цифровая трансформация, обращение с отходами, правовые понятия, вторичные ресурсы, ФГИС УОИТ, Российская Федерация, экологическое право, обработка отходов, утилизация.

Abstract. The article examines the transformation of the conceptual framework of the Russian waste management system under the influence of digitalization and the transition to a circular economy. It analyzes the evolution of key definitions—"waste," "secondary resources," "treatment"—in the context of the implementation of federal state information systems (FSIS WMS, FSIS MSW). The author concludes that digitalization in Russia acts not merely as a technical accounting tool, but as a factor that qualitatively changes the content of legal norms, shifting the emphasis from a fiscal and supervisory function to the economic stimulation of waste involvement in economic circulation.

Keywords: digital transformation, waste management, legal concepts, secondary resources, FSIS for hazardous waste, Russian Federation, environmental law, waste treatment, disposal.

Длительный период времени отечественное законодательство об отходах базировалось на принципах, связанных с категорией «опасность». В первоначальной редакции Федерального закона № 89-ФЗ законодатель исходил из понимания отходов как материальных объектов, подлежащих выведению из хозяйственного оборота посредством удаления [1]. Основное внимание уделялось выведению таких материалов из хозяйственного оборота и их обезвреживанию, что особенно строго касалось высокоопасных категорий отходов I и II классов [2, с. 3].

Внедрение цифровых технологий привело к существенному пересмотру данной парадигмы. ФГИС УОИТ создавалась как инструмент двойного назначения: с одной стороны, она обеспечивает надзорные функции в сфере безопасного размещения опасных отходов, с другой — выступает цифровой площадкой для выявления предприятий-переработчиков, способных использовать указанные вещества в производственных циклах [2, с. 5]. В этой связи понятие «обработка» утратило свой сугубо технический характер. В условиях цифровой среды данный процесс приобретает юридически значимые параметры,

которые фиксируются в реестрах — начиная от момента переработки и заканчивая подтверждением изменения состава или утраты опасных свойств [3, с. 158].

Важным этапом в развитии правового регулирования стало введение дефиниции «вторичные ресурсы», осуществленное в 2022 году [4]. Согласно действующим нормам, отходы, которые могут быть повторно задействованы в производстве, отнесены к данной категории [5]. В отличие от категории «отходы», ориентированной на удаление, статус «вторичных ресурсов» юридически закрепляет их направленность на утилизацию. Более того, с 2030 года вступает в силу норма, исключающая захоронение таких материалов как самостоятельный вариант обращения [5]. Цифровые платформы в этом механизме играют роль инструмента, позволяющего юридически зафиксировать момент смены статуса: как только вещество вовлекается в процесс утилизации и отражается в информационной системе, его правовой режим меняется, и на него перестают распространяться многие ограничения, присущие отходам [3, с. 160].

Однако процесс цифровой трансформации сопряжен с возникновением новых правовых коллизий [6, с. 345]. Первая из них это проблема диспропорции в распределении ответственности. Внедрение автоматизированных систем обостряет проблему распределения ответственности за достоверность учетных данных. Несмотря на то, что формально обязанность по обеспечению корректности информации возложена на ее источник, на практике установление виновного лица затруднено. Наибольшие сложности возникают при технических сбоях в процессе интеграции различных ведомственных информационных ресурсов. Это обусловливает необходимость разработки более детализированных правовых инструментов регулирования.

Вторая проблема заключается в фрагментарности внедрения цифровых решений. Переход к автоматизированному учету на практике носит неравномерный характер. Так, в сегменте твердых коммунальных отходов на региональном уровне сохраняется значительный массив данных, вводимых вручную или продублированных на бумажных носителях, что снижает эффективность цифрового мониторинга [6, с. 345]. Такая ситуация порождает расхождение между показателями фактической утилизации и теми данными, которые учитываются в системах [7].

Третья проблема связана с отсутствием полноценной нормативной базы для регулирования новых категорий отходов. Принятие законопроекта о строительных отходах, поддержанное профильным комитетом Госдумы в мае 2025 года, направлено на устранение этого пробела [8]. Однако это лишь первый шаг на пути к формированию унифицированной системы учета для всех видов отходов, требующий дальнейшего развития законодательства.

В результате цифровой трансформации традиционные правовые понятия, включая «отходы» и «утилизацию», наполняются новым содержанием. Они трансформируются в процедурно-ориентированные конструкции, функционирование которых обеспечивается непрерывным информационным обменом между участниками правоотношений. Представляется, что дальнейшее развитие регулирования пойдет по пути расширения перечня отходов, подлежащих обязательному цифровому учету, и усиления юридической значимости данных, фиксируемых в информационных системах. При этом ключевым условием эффективности такой модели станет не столько количество внедряемых платформ, сколько обеспечение их технической совместимости и формирование единых стандартов верификации учетных сведений. В среднесрочной перспективе приоритетом для отечественного законотворчества становится не столько внедрение дополнительных цифровых платформ, сколько выработка единообразных подходов к используемой терминологии для эффективного сопряжения существующих ресурсов, а также установление понятных механизмов привлечения к ответственности за цифровые сбои и неточности, возникающие при ведении учета.

Список использованных источников:

1. Российская Федерация. Законы. Об отходах производства и потребления : Федеральный закон № 89-ФЗ : принят Государственной Думой 22 мая 1998 года : одобрен Советом Федерации 10 июня 1998 года : последняя редакция от 8 августа 2024 года. — Текст : электронный // КонсультантПлюс : справочная правовая система. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19109/ (дата обращения: 15.03.2026).
2. Разов П.С. Проблемы и перспективы правового регулирования Федеральной государственной информационной системы учета и контроля за обращением с отходами I и II классов опасности // NB: Административное право и практика администрирования. — 2023. — № 1. — С. 1-10. — DOI: 10.7256/2306-9945.2023.1.39637.
3. Жаворонкова Н.Г., Воронина Н.П. Цифровизация экологического права и возможности использования искусственного интеллекта // Актуальные проблемы российского права. — 2025. — Т. 20. — № 8. — С. 155-164. — DOI: 10.17803/1994-1471.2025.177.8.155-164.
4. Российская Федерация. Законы. О внесении изменений в Федеральный закон «Об отходах производства и потребления» и отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон № 268-ФЗ : принят Государственной Думой 5 июля 2022 года : одобрен Советом Федерации 8 июля 2022 года // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2022. — № 29 (часть III). — Ст. 5235.
5. Российская Федерация. Законы. Об отходах производства и потребления : Федеральный закон № 89-ФЗ : статья 17.1 (введена Федеральным законом от 14.07.2022 № 268-ФЗ). — Текст : электронный // Гарант : справочная правовая система. — URL: https://base.garant.ru/12122850/ (дата обращения: 15.03.2026).
6. Пыткова Ю.Е. Проблемы и перспективы развития регионального экологического законодательства // Вестник науки. — 2025. — Т. 2. — № 6. — С. 343-348.
7. Краснов Д. Подотчётный мусор: что изменилось в экологическом законодательстве // Деловой Петербург. — 14 сентября 2024. — URL: https://www.dp.ru/a/2024/09/14/podotchjotnij-musor-chto-izmenilos (дата обращения: 15.03.2026).
8. Регионы смогут контролировать обращение со строительными отходами // Парламентская газета. — 20 мая 2025. — URL: https://www.pnp.ru/social/regiony-smogut-kontrolirovat-obrashhenie-so-stroitelnymi-otkhodami.html (дата обращения: 15.03.2026).

УДК 349.6:340.5

Соколов Владимир Николаевич
аспирант
Научный руководитель Лозо В.И., д.ю.н., профессор
Юридический институт
ФГАОУ ВО Севастопольского государственного университета,
г. Севастополь

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРИРОДООХРАННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В УСЛОВИЯХ ПОСТРОЕНИЯ ПОЛИЦЕНТРИЧНОГО МИРА: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Аннотация. В настоящей статье исследуются процессы трансформации российского природоохранного законодательства в контексте глобального перехода от однополярной к полицентричной модели мироустройства. Автор анализирует влияние геополитических факторов на изменение подходов к правовому регулированию охраны

окружающей среды. Особое внимание уделяется концепции экологического суверенитета, децентрализации международного экологического сотрудничества и адаптации национального права к новым экономическим реалиям. На основе анализа федерального законодательства и доктринальных источников делаются выводы об основных векторах развития природоохранного права России в условиях перехода от глобализации к формированию макрорегионов.

Ключевые слова: полицентричный мир, международные экологические проблемы, экологический суверенитет, трансформация природоохранного законодательства.

Abstract. This article examines the processes of transformation of Russian environmental legislation in the context of the global transition from a unipolar to a multipolar world order. Author analyzes the influence of geopolitical factors on changing approaches to the legal regulation of environmental protection. Special attention is paid to the concept of environmental sovereignty, the decentralization of international environmental cooperation, and the adaptation of national law to new economic realities. Based on an analysis of federal legislation and doctrinal sources, conclusions are drawn about the main vectors of development of Russian environmental law in the context of the fragmentation of the global environmental space.

Keywords: polycentric world, international environmental problems, environmental sovereignty, environmental legislation transformation.

Конец XX — начало XXI века характеризовались доминированием западных стандартов в области охраны окружающей среды. Глобальные экологические договоренности (Парижское соглашение, Киотский протокол) выстраивались вокруг либеральной модели глобализации. Однако текущий переход к полицентричному миру, сопровождающийся усилением геополитической напряженности и экономической фрагментацией, вносит существенные коррективы в развитие как международного, так и национального природоохранного права [8, с. 45]. Российская Федерация, столкнувшись с беспрецедентным санкционным давлением, вынуждена пересматривать приоритеты экологической политики, балансируя между необходимостью сохранения природных богатств и задачами обеспечения экономического суверенитета [10, с. 94]. Целью данной работы является выявление ключевых направлений трансформации природоохранного законодательства РФ под влиянием процессов формирования полицентричного мира.

1. Изменение парадигмы: от глобального управления к экологическому суверенитету

В условиях однополярного мира экологическая повестка часто использовалась как инструмент "зеленого" протекционизма и давления на развивающиеся экономики. Сегодня наблюдается кризис универсальных международных экологических институтов [11, с. 36]. Россия в своей новой Концепции внешней политики (утв. Президентом РФ 31.03.2023) прямо указывает на необходимость защиты суверенного права каждого государства на определение своей экологической политики [5].

Теоретико-правовой аспект этой трансформации заключается в переносе акцента от концепции "общего наследия человечества" (common heritage) к концепции национального экологического суверенитета [6, с. 125]. Это означает приоритет национального права в обустройстве природных ресурсов на территории государства, даже если их сохранение декларируется как глобальная цель. Российский законодатель все чаще исходит из того, что экологические стандарты должны служить, в первую очередь, интересам граждан и государства, а не абстрактным целям глобального управления [2].

2. Адаптация законодательства к новым экономическим условиям

Одним из главных вызовов полицентричности стало требование переформатирования промышленности. Уход западных технологий и инвесторов поставил под угрозу реализацию ряда "зеленых" проектов. В ответ на это законодатель пошел по пути оптимизации (де-бюрократизации) экологических требований [9, с. 20].

Примером может служить Федеральный закон от 14.07.2022 № 343-ФЗ "О внесении изменений в Федеральный закон "Об охране окружающей среды"", который ввел понятие "экономически эффективной" технологии очистки [4]. Ранее требования к наилучшим доступным технологиям (НДТ) были жестко привязаны к европейским справочникам BREF. Сегодня акцент смещается в сторону технологий, которые доступны и экономически оправданы в текущих условиях, что снижает нагрузку на бизнес, но потенциально может влиять на качество окружающей среды [2]. Кроме того, наблюдается тенденция к продлению сроков исполнения предписаний об устранении экологических нарушений для предприятий ОПК и критической инфраструктуры, что закрепляется в постановлениях Правительства РФ. Это отражает временный приоритет экономической безопасности над экологической.

3. "Поворот на Восток" и гармонизация экологических стандартов

Построение полицентричного мира предполагает формирование новых центров силы и, соответственно, новых центров нормотворчества. Для России ключевым направлением становится Евразия. Трансформация природоохранного законодательства теперь ориентирована не на гармонизацию с правом ЕС, а на сближение с подходами Китая, Индии и стран ЕАЭС [7, с. 114].

В связи с расширением инфраструктурного строительства (газопроводы, железные дороги в восточном направлении) в законодательство активно внедряются упрощенные процедуры экологической экспертизы для стратегических проектов. Это порождает научную дискуссию о рисках снижения экологических стандартов в угоду геополитическим интересам [9, с. 22].

4. Кризис глобальных институтов и регионализация экологического права

В условиях, когда механизмы ООН и Рамочной конвенции об изменении климата пробуксовывают из-за недостаточной научной обоснованности и геополитических противоречий, экологическое право начинает фрагментироваться. На смену глобальным приходят региональные режимы [11, с. 41].

Россия в рамках ЕАЭС и Союзного государства с Беларусью активизирует работу по унификации экологических требований внутри интеграционных объединений. Это проявляется в принятии межгосударственных технических регламентов, касающихся выбросов, и в попытках создать единые системы мониторинга трансграничного загрязнения воздуха [7, с. 118].

5. Правовое регулирование климата в новой реальности

Особо остро трансформация коснулась климатического законодательства. Отказавшись от участия в Парижском соглашении в редакции, предполагающей жесткие верификационные механизмы со стороны "недружественных" стран, Россия перешла к формированию национальной системы регулирования выбросов парниковых газов (Федеральный закон от 02.07.2021 № 296-ФЗ "Об ограничении выбросов парниковых газов") [3].

Эксперимент на Сахалине должен был стать пилотом для запуска внутреннего углеродного рынка. Однако в условиях санкций, углеродные единицы, верифицированные по российским стандартам, не признаются на глобальном рынке ЕС. Это ведет к попыткам создать альтернативный углеродный рынок в рамках БРИКС, что требует новых правовых механизмов [10, с. 100].

Трансформация природоохранного законодательства России в условиях построения полицентричного мира характеризуется движением от глобалистской унификации к защите национального экологического суверенитета [6, с. 130]. Основными векторами этого процесса являются:

1) отказ от слепого копирования западных стандартов НДТ в пользу экономически обоснованных технологий;

2) переориентация международного сотрудничества с Европы на Азию и ЕАЭС;

3) формирование собственной системы климатического регулирования [8, с. 52].

Данная трансформация несет в себе как риски (снижение уровня охраны окружающей среды в краткосрочной перспективе, фрагментация правового поля), так и новые возможности (развитие собственных "зеленых" технологий, создание справедливых правил игры в рамках новых интеграционных объединений). С теоретико-правовой точки зрения, мы наблюдаем переход к такой модели экологического права, где национальные интересы ставятся выше наднациональных, что требует от юридической науки переосмысления многих устоявшихся категорий [1; 6, с. 98].

Список использованных источников:

Нормативные правовые акты:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020).
2. Федеральный закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ (ред. от 08.08.2024) "Об охране окружающей среды" // Собрание законодательства РФ. 2002. № 2. Ст. 133.
3. Федеральный закон от 02.07.2021 № 296-ФЗ "Об ограничении выбросов парниковых газов" // Собрание законодательства РФ. 2021. № 27 (часть I). Ст. 5124.
4. Федеральный закон от 14.07.2022 № 343-ФЗ "О внесении изменений в Федеральный закон "Об охране окружающей среды" // Собрание законодательства РФ. 2022. № 29 (часть III). Ст. 5288.
5. Указ Президента РФ от 31.03.2023 № 229 "Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации" // Собрание законодательства РФ. 2023. № 14. Ст. 2406.

Научная литература:

6. Бринчук М.М. Экологическое право: учебник. – М.: Юристъ, 2023. – 680 с.
7. Игнатьева И.А. Теоретические проблемы экологического законодательства // Государство и право. 2024. № 1. С. 45-56.
8. Хлуденева Н.И. Трансформация экологического права в условиях современных вызовов // Журнал российского права. 2023. № 8. С. 112-125.
9. Выпханова Г.В. Правовое обеспечение экологической безопасности в условиях санкций: адаптация законодательства // Экологическое право. 2024. № 2. С. 18-24.
10. Дубовик О.Л. Природоохранное право в системе национальных интересов России: доктринальные подходы // Lex Russica. 2023. Т. 76. № 9. С. 92-103.
11. Шустов Д.А. Международное экологическое право в эпоху фрагментации мирового порядка // Московский журнал международного права. 2024. № 1. С. 34-49

УДК 340.12

Алексеева К.А., Дудина К.М.
обучающиеся
Научный руководитель: Пискунова О.В., к.ю.н., доцент
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»,
г. Саратов

ПРЕДЕЛЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ПРАВОТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Аннотация. В статье искусственный интеллект рассматривается как вспомогательный инструмент правотворчества в условиях цифровизации государственного управления и уточнения допустимых пределов участия технологических систем в реализации правотворческой функции государства. Установлено, что

действующее российское законодательство не предусматривает обязанности раскрывать использование ИИ при подготовке проектов нормативных правовых актов и не требует обязательной итоговой юридической проверки человеком текста, созданного с применением таких технологий. Анализ научной литературы и судебной практики свидетельствует о необходимости дополнения Постановления Правительства РФ «Об утверждении Правил подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации» положением, предусматривающим обязанность разработчика раскрывать факт и пределы использования ИИ при подготовке проекта нормативного правового акта, а также обеспечивать итоговую юридическую проверку текста человеком. Данная мера направлена на обеспечение проверяемости и сохранение государственного контроля над формированием нормативного содержания.

Ключевые слова: искусственный интеллект, правотворчество, правотворческая технология, нормативные правовые акты, правовая неопределенность, государственный суверенитет.

Abstract. In the article, artificial intelligence is considered as a law-making tool in the context of the introduction of digital technologies into public administration and clarifying the permissible limits of the participation of technological systems in the implementation of the law-making function of the state. It has been established that the current Russian legislation does not provide for the obligation to disclose the use of AI in the preparation of draft regulatory legal acts and does not require a mandatory final legal review by a person of the text created using these technologies. Based on scientific literature and judicial practice, the need is justified to supplement the Decree of the Government of the Russian Federation «On Approval of the Rules for the Preparation of Regulatory Legal Acts of Federal Executive Authorities and their State Registration» with a provision in order to ensure procedural transparency, legal verifiability and maintain state control over the formation of regulatory content.

Keywords: artificial intelligence, law-making, law-making technology, regulatory legal acts, legal uncertainty, state sovereignty.

К 2026 г. искусственный интеллект (далее – ИИ) уже вышел за пределы частной технологической инициативы. В системе государственных приоритетов Российской Федерации он занял самостоятельное место и рассматривается как один из инструментов обеспечения национальных интересов, повышения эффективности публичного управления и цифрового обновления государственного аппарата. Данное понимание роли искусственного интеллекта закреплено и на уровне стратегического планирования. Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 г. относит к основным принципам его использования защиту прав и свобод человека, безопасность, прозрачность и технологический суверенитет, а применение ИИ рассматривает как средство повышения эффективности деятельности организаций и органов публичной власти [1]. Вместе с тем правовое оформление применения ИИ в публичной сфере заметно отстает от темпов его фактического внедрения. В результате складывается ситуация, при которой практика уже сформировалась, тогда как специальные юридические механизмы, способные придать ей необходимую определенность, все еще остаются неполными. Как отмечает Э.В. Талапина, одной из нерешенных проблем в сфере ИИ остается проблема «черного ящика», что обусловливает необходимость «принципиально нового регулирования», способного ввести использование ИИ «в легальные границы» [2, с. 6, 10].

Для теории государства и права в этой связи существен не столько вопрос о технической полезности ИИ как средства поиска, систематизации или предварительной

подготовки текста, сколько вопрос о границах допустимой передачи технологической системе отдельных элементов правотворческой деятельности государства. Суверенная государственная воля не должна ставиться в зависимость от непрозрачного алгоритма, недоступного для внешней юридической проверки. В противном случае государство сохраняет лишь формальную сторону правотворчества, но утрачивает контроль над тем, каким образом формируется нормативное содержание. По этой причине позиция В.В. Архипова, В.Б. Наумова и К.М. Смирновой имеет принципиальное значение, пределы использования ИИ в юридически значимых решениях авторы связывают с основными представлениями о правовой субъектности и, исходя из антропоцентричного понимания права, обосновывают необходимость обязательного участия человека [3, с. 882-883, 890, 900-901]. Схожим образом рассуждает и К.А. Караманов, рассматривая алгоритмическую прозрачность не как желательное техническое свойство, а как полноценную нормативную характеристику, включающую объяснимость, подотчетность и проверяемость [4, с. 43, 46-47, 51]. Из этого следует, что в правотворческом процессе искусственный интеллект может использоваться лишь как вспомогательное средство подготовки проекта, но не как самостоятельный носитель нормообразующей воли государства.

Именно в этом проявляется пробел в правовом регулировании. Процедура подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти не предусматривает обязанности указывать, применялись ли технологии искусственного интеллекта при разработке проекта, и не содержит специального требования об обязательной итоговой юридической проверке текста человеком. Между тем действующие правила, утвержденные Постановлением Правительства РФ от 13.08.1997 № 1009 «Об утверждении Правил подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации» (далее - Постановление Правительства «Об утверждении Правил подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации»), предусматривают участие юридической службы в подготовке проекта, проведение независимой антикоррупционной экспертизы, правовой и антикоррупционной экспертизы, а также проверку проекта на соответствие законодательству и нормам русского языка до его подписания [5]. Однако специальных предписаний, рассчитанных именно на случаи использования ИИ, данные правила не содержат.

Серьезность данного пробела подтверждается и судебной практикой. В деле SyRI Окружной суд Гааги указал, что применение соответствующей системы не обеспечивало необходимой прозрачности и проверяемости, поэтому действовавшее регулирование было признано не соответствующим требованиям статьи 8(2) Европейской конвенции о защите прав человека [6]. Близкий подход занял и итальянский Государственный Совет, признавая алгоритм допустимым в качестве инструмента административной деятельности, суд одновременно подчеркнул, что он должен оставаться познаваемым, подчиняться требованиям прозрачности и публичности и не исключать контроль со стороны администрации и суда [7].

В российском правопорядке схожая правовая позиция выражена в практике Конституционного Суда РФ, который неоднократно указывал, что неопределенность правовой нормы создает предпосылки для произвольного правоприменения и чрезмерного усмотрения [8]. Соответственно, использование непрозрачного ИИ при подготовке проекта нормативного правового акта без обязанности раскрывать факт его применения и без специально установленной итоговой юридической проверки человеком порождает риск правовой неопределенности уже на этапе формирования нормативного содержания.

Исходя из всего вышеперечисленного, представляется обоснованным дополнить Постановление Правительства РФ от 13.08.1997 № 1009 «Об утверждении Правил подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации» положением, по которому при использовании технологий искусственного интеллекта разработчик обязан прилагать к проекту пояснительную записку с указанием факта и пределов использования ИИ, должностного лица, осуществившего итоговую правовую проверку текста, а также с подтверждением прохождения правовой и антикоррупционной экспертизы с участием человека.

Назначение данной меры состоит в том, чтобы обеспечить юридическую проверяемость и процедурную определенность использования подобных технологий. При данном подходе искусственный интеллект остается вспомогательным средством подготовки проекта и не подменяет собой государственную волю. Именно данная модель позволяет совместить задачи цифровой эффективности с требованиями правового государства и сохранить за государством эффективный контроль над содержанием принимаемых нормативных решений.

Список использованных источников:

1. Указ Президента РФ «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года»)» от 10.10.2019 № 490 // Официальный интернет–портал правовой информации. – URL: http://www.pravo.gov.ru. - с изм. и допол. в ред. от 15.02.2024.

2. Талапина Э. Прозрачность алгоритмов искусственного интеллекта // Право. Журнал Высшей школы экономики. - 2025. - №3. - С. 4-27.

3. Архипов В.В., Наумов В.Б., Смирнова К.М. Пределы принятия юридически значимых решений с использованием искусственного интеллекта // Вестник СПбГУ. Право. - 2021. - №4. - С. 882-906.

4. Караманов К.А. Алгоритмическая прозрачность как принцип правового регулирования искусственного интеллекта // Legal Bulletin. - 2025. - №2. - С. 43-54.

5. Постановление Правительства РФ «Об утверждении Правил подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации» от 13.08.1997 № 1009 // Российская газета. - 1997 г. - № 161. - с изм. и допол. в ред. от 15.11.2024.

6. Законодательство СиРИИ нарушает Европейскую конвенцию о правах человека // de Rechspraak URL: https://clc.li/alzdH (дата обращения: 22.03.2026).

7. Государственный совет, ОЭЗ. VI, 8 апреля 2019 г. // medialaws.eu URL: https://clc.li/vZPQK (дата обращения: 22.03.2026).

8. Постановление Конституционного Суда РФ «По делу о проверке конституционности части 1 статьи 63 Федерального закона «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина В.А. Чистякова» от 23.01.2020 № 4-П // Бюллетень трудового и социального законодательства РФ. - 2020 г. - № 5.

УДК 34.025

Жевед К.К., Соболев О.Е.,
обучающиеся
Научный руководитель: Мамченко Н.В., к.ю.н., доцент
Крымский юридический институт (филиал) федерального государственного казенного образовательного учреждения высшего образования «Университет прокуратуры Российской Федерации»,
г. Симферополь

ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ ЦИФРОВОГО СУВЕРЕНИТЕТА ГОСУДАРСТВА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ ИНФОРМАЦИОННОГО ПРОСТРАНСТВА

Аннотация. Исследуется трансформация государственного суверенитета в цифровую эпоху через призму классических теорий и современного опыта Российской Федерации и Китайской Народной Республики. Раскрыта дуалистическая природа цифрового суверенитета как синтеза правового верховенства и технологического потенциала. Сделан вывод о решающем значении цифрового суверенитета для обеспечения государственной независимости в XXI веке.

Ключевые слова: цифровой суверенитет, технологическая независимость, правовое регулирование, искусственный интеллект.

Abstract. The article examines the transformation of state sovereignty in the digital age based on classical theories and the experience of the Russian Federation and the PRC. The dual nature of digital sovereignty is revealed as a synthesis of legal supremacy and technological potential. It is concluded that digital sovereignty is crucial for ensuring state independence in the 21st century.

Keywords: digital sovereignty, Russian Federation, PRC, technological independence, legal regulation, artificial intelligence.

В XXI веке юридическая наука констатирует глобальную «онтологическую смену» объекта правового регулирования. В отличие от материальных вещей, регулирование которых основывается на их естественных физических свойствах, информация как объект административно-правовых отношений сама начинает определять специфику предмета регулирования, диктуя круг субъектов и набор необходимых правовых средств.

Основоположник теории суверенитета Жан Боден определял государство как «справедливое управление многими семьями и тем, что находится в их общем владении» [9, с. 24]. Традиционный подход предполагает, что отсутствие четкого разграничения территориального верховенства неизбежно ведет к хаосу в отношениях между нациями [9, с. 23]. Согласно доктрине Г. Еллинека, суверенная власть характеризуется способностью к «исключительному правовому самоопределению», что означает право государства самостоятельно и свободно нормировать содержание своей компетенции [12, с. 8]. В цифровой среде это свойство трансформируется в правомочие государства устанавливать и поддерживать правовой режим в национальном сегменте информационного пространства, обеспечивая независимость принимаемых решений от трансграничных акторов [11, с. 80].

Таким образом, цифровой суверенитет выступает как необходимое условие реализации общей государственной независимости в современных реалиях [11, с. 19]. Содержание цифрового суверенитета как правовой категории включает в себя несколько

ключевых компонентов: нормативное верховенство: признание государства единственным легитимным источником правил поведения в цифровой сфере [7, с. 81]. Это подразумевает установление «цифрового правопорядка», который, по аналогии с классическим суверенитетом Ж. Бодена, исключает на данной «территории» (в национальном сегменте сети) власть любого другого субъекта [9, с. 23]. Выделяется дуалистический характер цифрового суверенитета: он не ограничивается только правовыми нормами, но требует материального и интеллектуального подкрепления.

Рассмотрим формирование и развитие цифрового суверенитета на примере Российской Федерации и Китайской Народной Республики. Формирование цифрового суверенитета в Российской Федерации представляет собой последовательный процесс нормативно-правового закрепления механизмов обеспечения независимости государства в информационной сфере. Нормативно-правовое оформление цифрового суверенитета начинается с базового регулирования оборота информации и персональных данных. Переломным этапом стало принятие Федерального закона от 21 июля 2014 г. № 242-ФЗ, которым в статью 18 Федерального закона от 27.07.2006 N 152-ФЗ была включена норма о том, что «оператор обязан обеспечить запись, систематизацию, накопление, хранение, уточнение (обновление, изменение), извлечение персональных данных граждан Российской Федерации с использованием баз данных, находящихся на территории Российской Федерации» [2, ст. 2, п. 1]. Следующий этап связан с принятием Федерального закона от 1 мая 2019 г. № 90-ФЗ, установившего, что «в случае возникновения угроз устойчивости, безопасности и целостности функционирования на территории Российской Федерации информационно-телекоммуникационной сети "Интернет" и сети связи общего пользования может осуществляться централизованное управление сетью связи общего пользования» [3, ст. 65.1, ч. 2]. Указом Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 г. № 309 в числе национальных целей установлены «обеспечение сетевого суверенитета и информационной безопасности в информационно-телекоммуникационной сети "Интернет"» и «переход к 2030 году не менее 80 процентов российских организаций ключевых отраслей экономики на использование базового и прикладного российского программного обеспечения»[5]. Таким образом, формирование цифрового суверенитета в России прошло путь от разрозненных мер по защите персональных данных к созданию целостной системы стратегического целеполагания и централизованного управления национальным сегментом сети «Интернет».

Если рассматривать формирование цифрового суверенитета Китайской Народной Республики (КНР), то оно представляет собой институциональный процесс, в рамках которого государство последовательно расширяет свою юрисдикцию над киберпространством. Основополагающим элементом системы стал принцип сетевого суверенитета, впервые легитимизированный в Законе о кибербезопасности (CSL) 2016 года. Данный акт ввел требование локализации данных, обязывающее операторов критической информационной инфраструктуры хранить персональные данные и важную информацию на серверах внутри страны [8, с. 8]. Уже на этом этапе была создана многоуровневая система защиты информации (MLPS), установившая обязательные стандарты безопасности для сетевых операторов. Дальнейшее развитие суверенитета связано с формированием «трех столпов» регулирования, где к CSL добавились Закон о безопасности данных (DSL) и Закон о защите персональных данных (PIPL). Закон о безопасности данных 2021 года расширил предмет регулирования с защиты сетей на защиту самих данных, закрепил экстерриториальный принцип контроля [10, с. 31]. В свою очередь, Закон о защите персональных данных (PIPL), вступивший в силу 1 ноября 2021 года, распространил свое действие на иностранные компании, обрабатывающие данные граждан Китая для

предоставления им товаров или услуг [10, с. 33]. 1 января 2026 года вступили в силу поправки к Закону о кибербезопасности. Поправка вводит механизм, направленный на обеспечение безопасности и развития ИИ, который включает усиление поддержки исследований и ключевых алгоритмических инноваций, развитие инфраструктуры, связанной с ИИ.

Подводя итог, можно сказать, что цифровой суверенитет в XXI веке стал необходимым условием государственной независимости. Опыт России и Китая демонстрирует эволюцию от разрозненных мер по защите персональных данных к комплексным правовым системам централизованного управления национальным сегментом сети.

Список использованных источников:

1. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» [в ред. от 24.06.2025] // Собрание законодательства РФ. — 2006. — № 31 (ч. 1). — Ст. 3451.

2. Федеральный закон от 21 июля 2014 г. № 242-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам уточнения порядка обработки персональных данных в информационно-телекоммуникационных сетях» // Собрание законодательства РФ. — 2014. — № 30 (ч. 1). — Ст. 4223.

3. Федеральный закон от 1 мая 2019 г. № 90-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "О связи" и Федеральный закон "Об информации, информационных технологиях и о защите информации"» // Собрание законодательства РФ. — 2019. — № 18. — Ст. 2214.

4. Указ Президента Российской Федерации от 28 февраля 2024 г. № 145 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. — 2024. — № 10. — Ст. 1353.

5. Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» // Собрание законодательства РФ. — 2024. — № 20. — Ст. 2602.

6. Алямкин, С. Н. Персональные данные как объект правового регулирования: понятие и способы защиты / С. Н. Алямкин // Мир науки и образования. – 2016. – № 4 (8). – С. 1–10.

7. Карев, Д. А. Цифровой суверенитет / Д. А. Карев, Ю. В. Чертыковцев // Право и государство: теория и практика. – 2025. – № 4. – С. 80–83.

8. Марковски, В. Страновой отчет: политические инициативы и законы Китая, касающиеся интернета / В. Марковски, А. Трепыхалин. – Текст: электронный // ICANN : сайт. – 2022. – 31 янв.

9. Полуда, О. Н. Теоретические основы концепции государственного суверенитета Ж. Бодена / О. Н. Полуда // Вестник СГЮА. – 2017. – № 2 (115). – С. 22–27.

10. Ромашкина, Н. П. Эволюция политики КНР в области информационной безопасности / Н. П. Ромашкина, В. Г. Задремайлова // Пути к миру и безопасности. – 2020. – № 1(58). – С. 122–138.

11. Суслин, В. А. Современные доктринальные подходы к понятию информационного суверенитета: сравнительно-правовой анализ / В. А. Суслин // Образование и право. – 2026. – № 1. – С. 18–20.

12. Чернов, С. Н. Георг Еллинек о свойствах государственной власти и современные взгляды на суверенитет / С. Н. Чернов // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. – 2004. – № 2. – С. 5–14.

УДК 340.12

Кештов И.З., Утов К.К.
обучающиеся 1 курса
Научный руководитель: Конина Е.Н., к.ю.н., доцент
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»,
г. Саратов

ЦИФРОВИЗАЦИЯ КАК ФАКТОР ТРАНСФОРМАЦИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Аннотация. В статье исследуется цифровизация как комплексный фактор трансформации государства и права. Анализируются основные научные подходы к пониманию цифровизации, раскрывается ее влияние на функции государства, правовое регулирование и правовой статус личности. Особое внимание уделяется проблемам цифрового правоприменения, использованию искусственного интеллекта в публичном управлении. Делается вывод о необходимости адаптации теории государства и права к цифровым условиям при сохранении фундаментальных правовых принципов.

Ключевые слова: цифровизация, теория государства и права, цифровое государство, правовое регулирование, государственное управление, искусственный интеллект, цифровые права

Annotation. The article examines digitalization as a complex factor in the transformation of the state and law. The main scientific approaches to understanding digitalization are analyzed, its impact on the functions of the state, legal regulation and the legal status of the individual is revealed. Special attention is paid to the problems of digital law enforcement, the use of artificial intelligence in public administration. It is concluded that it is necessary to adapt the theory of state and law to digital conditions while preserving fundamental legal principles.

Keywords: digitalization, theory of state and law, digital state, legal regulation, public administration, artificial intelligence, digital rights

Цифровизация в начале XXI века превратилась из вспомогательного технологического процесса в системообразующий фактор общественного развития и в условиях стремительного внедрения цифровых технологий государство и право сталкиваются с необходимостью глубинной трансформации своих традиционных форм, механизмов и институтов. Как справедливо замечает С.А. Балаева, такие изменения делают государственное управление динамичным и прозрачным направлением, что способствует укреплению управленческих и сервисных функций государства, устранению бюрократии и борьбе с коррупцией [1, с. 6].

В научной литературе цифровизация нередко рассматривается через призму двух основных подходов - узкого и широкого. В рамках узкого подхода цифровизация понимается как процесс разработки и внедрения информационно-цифровых платформ в экономике и системе управления. Такие платформы используются для решения прикладных и стратегических задач, в том числе в сфере здравоохранения, образования, науки, транспорта, а также для повышения эффективности государственного регулирования и планирования [2, с. 205].

В широком понимании цифровизация трактуется как более глубокий процесс трансформации экономических и производственных отношений, сопровождающийся изменением их структуры и субъектно-объектного состава. Так, Т.Н. Юдина отмечает, что

цифровизация затрагивает не только характер экономических взаимодействий, но и влияет на развитие производительных сил и ключевых факторов производства [3, с. 197]. Вместе с тем данные подходы не лишены недостатков [4, с.159]. Как нам представляется, узкое понимание сводит цифровизацию преимущественно к экономическим задачам, не раскрывая ее значение для социальной и правовой сфер. Широкий же подход, напротив, носит излишне обобщенный характер и не конкретизирует механизмы трансформации общественных отношений.

В Российской Федерации отправной точкой цифровизации государственного управления можно считать Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 1 декабря 2016 г., в котором цифровизация экономики была обозначена как приоритет государственной политики. Существенным этапом стал Указ Президента РФ от 9 мая 2017 года № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы». В данном акте подчеркивается необходимость развития информационно-коммуникационной инфраструктуры с целью обеспечения свободного доступа граждан, организаций и органов публичной власти к информации на всех стадиях ее создания и распространения.

Значение цифровизации для теории государства и права проявляется в том, что она затрагивает фундаментальные свойства государства. Государственная власть в условиях цифровой среды реализуется с использованием электронных каналов взаимодействия, автоматизированных систем и цифровых платформ. Это меняет характер связи между государством и обществом, делая ее более оперативной, но одновременно менее персонализированной. Ярким примером изменения такого взаимодействия выступает Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций)» - онлайн-сервис, предоставляющий доступ к разным государственным услугам для физических и юридических лиц, введенный Федеральным закон № 210-ФЗ [5].Использование цифровых технологий позволяет государству более эффективно осуществлять управленческую, социальную, контрольную и сервисную функции и сокращают временные и организационные издержки, повышают доступность взаимодействия граждан с органами власти.

Кроме того, цифровизация влияет на право, как нормативную систему. Появляются новые объекты правового регулирования, такие как данные, цифровые профили, алгоритмы, информационные системы, цифровые подписи [6]. В таких условиях традиционные правовые конструкции не всегда способны адекватно охватить данные явления, что требует их теоретического переосмысления.

Цифровизация меняет способы реализации функций государства в разных сферах: законодательной деятельности, управлении, оказании услуг и безопасности. К примеру, сейчас наблюдается внедрение цифровой системы мониторинга ключевых задач в законопроектной деятельности. Идет создание электронной формы законодательства – реестров, банков данных нормативных правовых актов [7, с. 130]. Наблюдается автоматизация межведомственного взаимодействия на всех уровнях государственного управления.

Особый интерес представляет и феномен искусственного интеллекта и его применения в государственном управлении. На данный момент разработан проект Постановления Правительства Российской Федерации «О проведении эксперимента по использованию генеративного искусственного интеллекта в государственном управлении» (подготовлен Минцифры России 23.07.2025). Целями же данного эксперимента называют повышение эффективности и оптимизация процессов государственного управления посредством использования больших генеративных моделей искусственного интеллекта.

Таким образом мы можем прийти к выводу, что цифровизация трансформирует функции государства, усиливая их технологическую составляющую и одновременно создавая новые правовые риски.

Право в условиях цифровизации также претерпевает существенные изменения. Прежде всего, расширяется предмет правового регулирования. Возникают новые общественные отношения, связанные с обработкой данных, цифровыми сервисами, электронными взаимодействиями. Одновременно трансформируются формы реализации права. Электронное правотворчество, цифровое правоприменение, автоматизированный контроль становятся частью правовой реальности. Например, фиксация правонарушений может осуществляться без непосредственного участия человека, что влияет на традиционные представления о процессе привлечения к юридической ответственности.

На данный момент требуется доктринальное осмысление соотношения права и цифровых технологий. Новейшие правовые явления, использующие цифровые технологии, полностью не укладываются в существующие теоретические конструкции. Что приводит к появлению множества норм на разных уровнях правового регулирования и в разных нормативных актах. Такая ситуация создает противоречия в регулировании, которые, стоит отметить, на данный момент незначительны.

Соответственно, при дальнейшем теоретическом осмыслении цифровизации ключевой задачей теории государства и права является формирование таких подходов к цифровому развитию, которые обеспечивали бы баланс между эффективностью публичного управления и сохранением правовых гарантий личности.

Для решения выявленных проблем необходимо пересмотреть классические правовые традиции. Однако это не означает, что от них нужно полностью отказаться. Требуется расширение методологии регулирования и создание альтернативных юридических конструкций или значительная модификация классических.

Список использованных источников:

1. Балаев, С. А. Цифровизация в структуре механизма реализации функций современного государства / С. А. Балаев // Интеллектуальные ресурсы - региональному развитию. 2021. № 3. С. 5-9
2. Цифровизация экономики и общества: проблемы, перспективы, безопасность: Материалы IV международной научно-практической конференции, Донецк, 24 марта 2022 года / Отв. редактор И.П. Подмаркова. - Донецк: Общество с ограниченной ответственностью «Цифровая типография», 2022. С. 205.
3. Юдина Т.Н. Цифровая экономика сквозь призму философии хозяйства и политической экономии / Т.Н. Юдина, И.М. Тушканов II Философия хозяйства. 2017. №1. С. 197
4. Ключевский Я.И. Святогорова А.Э. О содержании и понятии цифровизации в отечественной юридической доктрине // Образование и право. №1. 2025. С. 156-161.
5. Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2010. - № 31. - Ст. 4179.
6. Федеральный закон от 6 апреля 2011 г. № 63-ФЗ «Об электронной подписи» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. - № 15. - Ст. 2036
7. Петрунин Н.В. Цифровизация права и цифровизация законодательства: проблемы и перспективы // Вопросы российского и международного права. 2023. Том 13. № 8А. С. 128- 136

УДК 34.04

Киселева А.Д.
обучающаяся
Научный руководитель: Танимов О.В., д.ю.н., профессор кафедры теории государства и права
ФГАОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва

ТРАНСФОРМАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО СУВЕРЕНИТЕТА В КОНТЕКСТЕ ПРИЗНАКОВ ГОСУДАРСТВА

Аннотация. Статья посвящена изучению эволюции категории суверенитета, начиная с идей Жана Бодена до настоящего времени. Автор рассматривает подходы к определению государственного суверенитета на разных этапах исторического развития. Анализируется изменение роли государственного суверенитета в условиях цифровизации, где он приобретает большое значение для адаптации государства в информационном пространстве. Особое внимание уделяется правовому исследованию трансформации отдельных признаков государства в связи с глобальной цифровизацией общества: территории, наличию публичной власти и населению. Подводится итог, согласно которому понятие суверенитета в настоящее время нисколько не теряет своей важности, однако глубинно переосмысляется его идея – от абсолютной категории к гибкому инструменту, позволяющему государствам оперативно подстраиваться к динамично меняющимся технологическим реалиям, находить баланс между открытостью в интернет-пространстве и защитой национальных интересов.

Ключевые слова: государственный суверенитет, признаки государства, цифровизация, электронное государство, цифровая личность, цифровой суверенитет.

Abstract. The article is devoted to the study of the evolution of the category of sovereignty, starting from the ideas of Jean Bodin to the present. The author examines approaches to the definition of state sovereignty at different stages of historical development. The article analyzes the changing role of state sovereignty in the context of digitalization, where it is becoming very important for the adaptation of the state in the information space. Special attention is paid to the legal study of the transformation of certain features of the state in connection with the global digitalization of society: the territory, the presence of public authority and the population. The conclusion is that the concept of sovereignty currently does not lose its importance at all, but its idea is being thoroughly rethought – from an absolute category to a flexible tool that allows states to quickly adapt to dynamically changing technological realities, find a balance between openness in the Internet space and the protection of national interests.

Keywords: state sovereignty, signs of the state, digitalization, electronic state, digital personality, digital sovereignty.

В условиях глобальной цифровизации и трансформации мировой политической системы понятие государственного суверенитета подвергается существенному переосмыслению. Классическая интерпретация под воздействием внешних факторов постепенно утрачивает свою однозначность, что приводит к формированию более сложного и многогранного понимания его сущности.

Понятие суверенитета было впервые введено французским философом Жаном Боденом в XVI веке. В основе его теории государственного суверенитета, изложенной в труде «Шесть книг о государстве», лежит представление о верховной, неограниченной и неделимой власти, распространявшейся на все общество.

Теория Томаса Гоббса предполагает полное поглощение суверенитета государства монархом. Концентрация неограниченной власти принадлежит суверену, она является его собственностью. Гоббс, будучи сторонником теории «общественного договора», представляет суверенитет в качестве той самой части прав, которую члены общества передали государству.

Однако при этом правитель не является стороной «общественного договора».

Вестфальский мир 1648 года был результатом первого современного дипломатического конгресса (собрания). В рамках трактата был установлен принцип государственного суверенитета – право каждого государства на полную независимость от других государств в его внутренних делах и во внешней политике. Таким образом была упразднена прежняя феодальная иерархия, в рамках которой суверенитет, воспринимавшийся как независимая и неограниченная власть монарха, уступил место системе равноправных государств.

По справедливому замечанию И.А. Исаева: «Суверенитет как понятие и категория уже с девятнадцатого века стал монопольной собственностью международного права. Тем самым он расположился где-то на границе, отделяющей внешний мир от мира внутригосударственного, а его признаки – не что иное, как восприятие и реакция на него со стороны внешнего политического и правового мира» [2. С. 3]. Однако в XX–XXI веках в связи с глобализацией и цифровизацией понятие суверенитета начало активно развиваться, а его разделение на виды стало происходить по мере эволюции политических теорий и развития международных отношений. Само государство, главным актором суверенитета которого оно является, также претерпевает изменения, и как следствие меняется понятие суверенитета. К примеру, традиционно под территорией государства подразумевалось четко ограниченное пространство, на котором функционируют органы власти и действует единое законодательство. В условиях цифровизации территория государства перестала быть исключительно физической категорией. Иными словами, начала происходить частичная «детерриториализация» государства, при которой часть политических функций начинает осуществляться вне строгой и четкой привязки к определенной территории. Граждане в связи с развитием технологий смогли участвовать в делах государства дистанционно, через цифровые платформы. Тем не менее, территория остается неизменно фундаментальным признаком государства, однако значительно меняется ее характер.

Население как признак государства в связи с развитием концепции цифровой личности – феномен, который отражает цифровое проявление индивида в цифровой среде. Понятие цифровой личности не сводится только лишь к странице в социальных сетях. Цифровая личность включает в себя три элемента: цифровой профиль, образ и след. Цифровой профиль представляет собой совокупность персональных и иных связанных с ними данных индивида в виртуальном пространстве [3. С. 20]. Цифровой образ – имидж, который человек в цифровой среде создает самостоятельно, например, личный блог. Цифровой след является совокупностью данных о действиях пользователя в сети. Он может быть активным – информация, которую пользователь оставляет преднамеренно, и пассивным – например, история поиска. С понятием цифровой личности тесно связано понятие цифровой социализации, представляющей процесс становления цифровой личности, усвоения норм, ценностей и моделей поведения в цифровом пространстве. Помимо традиционных объектов первичной социализации (семьи, сверстников и т. д.) появляются и новые специфические – маркетологи, блогеры, SMM-менеджеры и т. п. Таким образом, категория населения как обязательного признака с развитием цифровых технологий также претерпевает изменения.

Публичная власть – один из ключевых признаков государства, отличающий его от других форм организации общества. Однако развитие веб-технологий положило начало развитию концепции электронного правительства («e-government»). Электронное правительство – это способ предоставления информации и оказания уже сформировавшегося набора государственных услуг гражданам, бизнесу, другим ветвям

государственной власти и государственным чиновникам, при котором личное взаимодействие между государством и заявителем минимизировано и максимально возможно используются информационные технологии [5. С. 509]. С технологической точки зрения электронное правительство представляет собой систему электронного документооборота государственного управления, действующую на всей территории государства и служащую цели повышения эффективности межведомственного взаимодействия и внутренней организации деятельности органов государственной власти.

Наконец, вследствие глобализации претерпела изменения и категория суверенитета. Во-первых, изменился характер суверенитета как термина: из строго политического он постепенно начал приобретать более бытовой характер. Из узкопрофессионального употребления понятие начало «выходить в массы» в качестве обозначения независимости, автономности выбора. Активно вошла в обиход концепция «суверенитета личности», обозначающая свободу выражения лица, свободу распоряжения своей жизнью и телом, а также ответственность за свои действия. Во-вторых, в связи с «цифровизацией государства» в целом, технологический характер также приобретает и суверенитет, и так возникает понятие «цифрового суверенитета». Под цифровым суверенитетом следует понимать способность государства самостоятельно управлять своим цифровым пространством, развивать информационные технологии и обеспечивать национальную безопасность в цифровой среде. Иными словами, суверенитет в современном его понимании не утратил значения некой независимости и автономности; изменился уровень, на котором государства реализуют свою внутреннюю и внешнюю политику. Цифровой суверенитет не предполагает информационную изолированность стран, а, скорее, наоборот, способствует успешной их интеграции в современное интернет-пространство. Наряду с управлением в рамках цифрового суверенитета государства также контролируют национальные цифровые активы, обеспечивая их физическое расположение на территории страны и защиту от несанкционированного доступа.

Таким образом, подводя итог всему вышесказанному, можно сделать вывод о том, что понятие суверенитета является крайне динамичным. Под влиянием политических, экономических, социокультурных и, конечно, технологических процессов оно прошло путь от идеи абсолютной власти монарха к характеристике независимости государств в цифровом пространстве. Суверенитет вышел за рамки научного дискурса и приобрел более широкий, бытовой смысл, отражающий как политические, так и общественные процессы, способствуя адаптации государств к многополярному миру без утраты своей субъектности.

Список использованных источников:

1. Вайпан В.А. Цифровое право: истоки, понятие и место в правовой системе // Право и экономика. – 2024. - № 1. – С. 5–27.
2. Исаев И.А. Суверенитет: закрытое пространство власти. // Проспект. – 2017. – 270 с.
3. Степанов О.А., Степанов М.М. Правовое регулирование генезиса цифровой личности. // Правоприменение. – 2022. - №6 (3). – С. 19-32.
4. Танимов О. В. Правовая охрана экономического суверенитета России // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. – 2023. - №4 (104) – С. 174-182.
5. Шагилова, Гулхатиша Коптлеуовна. Понятие, цели и глобальные тенденции развития электронного правительства. // Oriental renaissance: Innovative, educational, natural and social sciences. – 2023. - №1. – С. 508-516.

УДК 342.5

Куличевский С.А., Сечная А.А.
обучающиеся
Научный руководитель: Пискунова О.В., к.ю.н., доцент
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»,
Г. Саратов

ЦИФРОВОЕ ГОСУДАРСТВО КАК НОВАЯ ФОРМА РЕАЛИЗАЦИИ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ

Аннотация. В статье рассматривается цифровое государство как прогрессивный феномен российской правовой действительности. Автором проведен анализ понятийного аппарата и определено, что в научной доктрине отсутствует единое понятие цифрового государства. Установлено наличие цифрового суверенитета в обществе, как особой монополии власти на действующее цифровое пространство, которое невозможно сопоставить с другими материальными объектами. Проанализирована сформированная законодательная практика, регулирующая внедрение технологических процессов во взаимоотношения между гражданами и публичной власти при ЭПР. Выделены проблемные аспекты цифровой трансформации в современных правовых условиях.
Ключевые слова: цифровое государство, цифровое правительство, цифровизация, цифровые технологии в публичной власти, законодательная практика в сфере регулирования цифровых технологий, экспериментальный правовой режим.

Abstract. The article examines the digital state as a progressive phenomenon of Russian legal reality. The author analyzes the conceptual framework and determines that there is no unified concept of the digital state in the scientific doctrine. The presence of digital sovereignty in society is established as a special monopoly of power over the existing digital space, which cannot be compared to other material objects. The author analyzes the existing legislative practice that regulates the implementation of technological processes in the relationship between citizens and public authorities in the context of EPR. The article highlights the problematic aspects of digital transformation in modern legal conditions.
Keywords: digital state, digital government, digitalization, digital technologies in public administration, legislative practice in the field of digital technology regulation, experimental legal regime.

Активная цифровизация общества выступает одной из наиболее актуальных и дискуссионных тем не только в рамках технологического прогресса, но также в правовом и политическом дискурсе. Так, научная доктрина все чаще обращает пристальное внимание на положительные и негативные аспекты цифровизации, проводя большое количество исследований в рамках отечественной и зарубежной теории.

Поскольку цифровизация имеет всеобъемлющий характер, то она неизбежно затрагивает государство. Цифровые технологии все активнее проникают в систему осуществления публичной власти, охватывая практически все органы государственного управления.

В настоящее время в правовой действительности отсутствует единое понятие «цифрового государства». Исследователи выделяют два подхода к дефинированию цифрового государства: теория технологической модернизации и новый этап развития государства, где все функции и услуги реализуются цифровыми средствами.

Отсюда следует, что на данный момент отсутствует легальное определение цифрового государства, но вместе с тем в доктрине присутствует большое количество исследований, которые характеризуют данный феномен. Следовательно, определение термина цифрового государства, видится необходимым в рамках настоящего исследования.

Так, цифровое государство – это особое информационно-технологическое объединение граждан и органов публичной власти, в частности их представителей, с использованием цифровых инструментов и технологий, в рамках реализации различных целей и задач государства, наряду с интегрированием, обеспечением, охраной и защитой публичных интересов.

Первоначально цифровизация воспринималась как средство повышения эффективности государственного управления. Однако последующее накопление юридических изменений привело к качественным сдвигам: ускорению процедур и росту эффективности аппарата, с одной стороны, и существенному влиянию на основы государственного суверенитета – с другой, по мере глубокого проникновения технологий в механизмы власти.

Одним из ведущих федеральных актов, определяющих процесс цифровизации государственных и муниципальных услуг, является Федеральный закон от 27.07.2010 № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» [1]. Указанный акт ввел в РФ институт многофункциональных центров (МФЦ), обеспечив систематизацию и доступ граждан к государственным и муниципальным услугам по принципу «одного окна». В том числе такой акт устанавливает возможность предоставления услуг в электронной форме, став важным этапом цифровизации публичного управления. Дальнейшее развитие этого направления поддержало Постановление Правительства РФ от 26.03.2016 № 236 «О требованиях к предоставлению в электронной форме государственных и муниципальных услуг» [3], устанавливающее конкретные требования к предоставлению государственных и муниципальных услуг в цифровом формате. В том числе, особое значение имеет Постановление Правительства РФ от 24.10.2011 № 861 «О федеральных государственных информационных системах, обеспечивающих предоставление в электронной форме государственных и муниципальных услуг», которое нормативно закрепило создание и функционирование Единого портала государственных и муниципальных услуг («Госуслуги»), как главного цифрового интерфейса взаимодействия граждан с государством [4].

В том числе важно отметить, что сформированная законодательная практика в сфере регулирования цифровых технологий характеризуется взвешенным и осторожным подходом. Ярким примером инновационного механизма стал Федеральный закон от 31.07.2020 № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых и технологических инноваций в Российской Федерации», который ввел процесс стимулирования развития цифровой экономики, внедрил новые модели экономической деятельности, позволил повысить эффективность государственного управления и т.д. [2].

Среди ключевых экспериментов – это эксплуатация беспилотных авиационных систем (БАС), высокоавтоматизированных транспортных средств (включая работакси), цифровые медицинские помощники и т.д. К 2026 г. зафиксировано более 14 экспериментальных правовых режимов (ЭПР) в сфере цифровых технологий, некоторые из них успешно продлеваются по итогам проведенного мониторинга [13]. Вместе с тем сроки ЭПР ограничены в рамках Постановления Правительства РФ от 14.02.2023 № 211 до 6 лет, а анализ полученных результатов играет ключевую роль в дальнейшем совершенствовании системы цифрового права [5].

Также стоит отметить два важных нормативных акта в рассматриваемой теме: Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 - 2030 годы» [6] и Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» [7]. Указанные документы демонстрируют последовательную эволюцию от концепции информационного общества к глубокой интеграции передовых технологий, включая искусственный интеллект (ИИ), в механизмы реализации государственной власти как новой парадигмы управления.

В настоящее время существование электронного правительства, обуславливается активным применением передовых технологий, в частности цифровых, позволяющих управлять наиболее социально-важными процессами в российском обществе. Несмотря на это, их практическая реализация может претерпевать некоторые трудности и проблемы. Так, например, существует острый дефицит квалифицированных кадров в IT-направлении, кибербезопасности; усиление киберугроз и рост цифрового мошенничества; обеспечение цифрового суверенитета государственных систем в условиях геополитической напряженности; правовые риски, связанные с биометрией, трансграничной передачей данных; цифровой разрыв между гражданами (особенно среди пожилого населения) и низкая цифровая грамотность населения и т.д.

В том числе исследователи считают, ЭПР стал значимым правовым инструментом для достижения баланса между устоявшимися общественными отношениями и актуальным уровнем развития технологий, в том числе цифровых, что требуют постоянного исследования и многочисленных доработок [9, с. 62.].

Таким образом, цифровое государство в России формируется в виде специализированной системы публичного управления, опирающейся на цифровой документооборот и электронное правительство. В настоящее время цифровизация является фундаментальной основой взаимодействия государства и общества, что обуславливается необходимостью контроля, анализа и выработки специализированной правовой политики, которая будет отвечать современным вызовам и угрозам в быстроменяющихся цифровых и правовых реалиях общества.

Список использованных источников:

1. Федеральный закон от 27.07.2010 № 210-ФЗ (ред. от 29.12.2025) «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» // Собрание законодательства РФ. 2010. № 31. ст. 4179.
2. Федеральный закон от 31.07.2020 № 258-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых и технологических инноваций в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2020. № 31 (часть I). ст. 5017.
3. Постановление Правительства РФ от 26.03.2016 № 236 (ред. от 17.04.2023) «О требованиях к предоставлению в электронной форме государственных и муниципальных услуг» // Собрание законодательства РФ. 11.04.2016. № 15. ст. 2084.
4. Постановление Правительства РФ от 24.10.2011 № 861 (ред. от 17.12.2025) «О федеральных государственных информационных системах, обеспечивающих предоставление в электронной форме государственных и муниципальных услуг (осуществление функций)» // Собрание законодательства РФ. 31.10.2011. № 44. ст. 6274.
5. Постановление Правительства РФ от 14.02.2023 № 211 (ред. от 04.03.2026) «Об установлении экспериментального правового режима в сфере цифровых и технологических инноваций и утверждении Программы экспериментального правового режима в сфере цифровых и технологических инноваций по выдаче электронного разрешения на добычу охотничьих ресурсов на территориях отдельных субъектов Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 20.02.2023. № 8. ст. 1320.
6. Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 - 2030 годы» // Собрание законодательства РФ. 2017. № 20. ст. 2901.
7. Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 (ред. от 15.02.2024) «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года») // Собрание законодательства РФ. 2019. № 41. ст. 5700.
8. Арзамасов Ю.Г. Цифровое государство: понятие, основные направления деятельности // Вестник Гуманитарного университета. 2023. № 4(43). С. 32-41.

9. Коваленко М.А. Экспериментальный правовой режим: текущее состояние и проблемы // Правовая парадигма. 2025. Т. 24, № 4. С. 61-67.
10. Правительство РФ поддержало расширение механизма ЭПР для тестирования ИИ // Информационное агентство «Финмаркет».URL: https://www.finmarket.ru/news/6571773 (дата обращения: 15.03.2025).

УДК 342.3

Кумарев К.Г., Сморудова Э.В.
обучающиеся
Научный руководитель: Осадчук Е.А., к.ю.н., доцент кафедры теории и истории государства и права, младший советник юстиции
Крымский юридический институт (филиал) федерального государственного казенного образовательного учреждения высшего образования «Университет прокуратуры Российской Федерации»,
г. Симферополь

ЦИФРОВОЙ СУВЕРЕНИТЕТ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В УСЛОВИЯХ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ: СОДЕРЖАНИЕ И ОСОБЕННОСТИ

Аннотация. В статье исследуется сущность и содержание цифрового суверенитета Российской Федерации в условиях глобального информационного противостояния. Анализируются его структурные компоненты, взаимосвязь с технологическим суверенитетом и национальной безопасностью. Обосновывается необходимость комплексной государственной политики, направленной на развитие отечественных цифровых технологий, защиту национальной идентичности и укрепление государственной независимости в цифровую эпоху.

Ключевые слова: цифровой суверенитет, национальная безопасность, технологический суверенитет, национальная идентичность, цифровые платформы

Abstract. The article examines the essence and content of the digital sovereignty of the Russian Federation in the context of global information confrontation. Its structural components and its relationship with technological sovereignty and national security are analyzed. The necessity of a comprehensive state policy aimed at developing domestic digital technologies, protecting national identity, and strengthening state independence in the digital era is substantiated.

Keywords: digital sovereignty, national security, technological sovereignty, national identity, digital platforms

В условиях глобального информационного противостояния и стремительного развития цифровых технологий вопрос обеспечения цифрового суверенитета государства приобретает особую значимость. Для Российской Федерации, находящейся в ситуации геополитического противостояния со странами Западом, эта проблема становится актуальной. От ее решения зависит как уровень информационной безопасности, так и сохранение национальной идентичности, культурного пространства и государственной субъектности в целом.

Как отмечает А.Н. Иохим, «не обладающие технологиями, навыками и ресурсами обеспечения цифрового суверенитета государства вынуждены подчиняться правилам, алгоритмам и интерфейсам, установленным «цифровыми элитами», что ведет к утрате способности государства контролировать коммуникацию, формировать дискурс

идентичности, транслировать ценности, идеалы и смыслы в массовое общественное сознание» [5, с. 59].

Цифровой суверенитет представляет собой сложное и многогранное явление, выходящее за пределы традиционного понимания информационного суверенитета. По определению А.П. Кочеткова и К.В. Маслова, цифровой суверенитет предполагает государственный контроль и защиту самой информации, цифровых ресурсов и цифровых платформ, и соответствует новой, цифровой общественной трансформации [6, с. 34].

В более широком смысле, как подчеркивают исследователи, он включает «возможности независимого применения цифровых технологий в собственных интересах и способности их использования» [3, с. 34]. Таким образом, подчеркивается значимость не только наличия технологической базы, но и способности государства эффективно использовать цифровые инструменты для реализации национальных задач, которые стоят перед государством.

Согласно результатам экспертного исследования, проведенного С.В. Володенковым и С.Н. Федорченко, цифровой суверенитет пространства общественно-политических коммуникаций представляет собой «единую систему взаимосвязанных между собой инфраструктурных, коммуникационных, технологических, кадровых, компетентностных, управленческих и содержательных (ценностно-смысловых) компонентов…» [3, с. 533-534]. Иными словами, цифровой суверенитет следует рассматривать как целостную систему, в которой каждый элемент играет важную роль и не может эффективно функционировать в отрыве от других.

Обеспечение цифрового суверенитета является важнейшим условием национальной безопасности России в условиях цифровизации общества. Как отмечают А.П. Кочетков и К.В. Маслов, при столкновении с более оснащенным в цифровом плане актором российское государство рискует потерять суверенитет не только в цифровой сфере, но и суверенитет как таковой [6, с. 43]. Анализируя данное мнение необходимо подчеркнуть, что речь идет не просто о технической задаче, а о фундаментальном факторе сохранения государственной независимости.

Особое значение имеет связь цифрового суверенитета с защитой национальной идентичности и традиционных ценностей. Как отмечается в исследовании Д.А. Аникина и А.Ю. Мамычева, обеспечение суверенного развития национального цифрового пространства возможно в контексте смешанной стратегии [1, с. 66]. Это означает, что российская модель цифрового суверенитета сочетает технологическое развитие с опорой на культуру, традиции и ценности русского общества, что отличает ее от преимущественно формально-технических подходов западных стран.

В научной литературе цифровой и технологический суверенитет рассматриваются как взаимосвязанные, но не совпадающие понятия. Д.А. Аникин и А.Ю. Мамычев определяют технологический суверенитет как комплексный и многослойный феномен [1, с. 64]. При этом цифровой суверенитет выступает его важнейшим элементом, обеспечивая независимость в сфере информационно-коммуникационных технологий.

Для России особое значение имеет проблема импортозамещения в IT-сфере. Как отмечают А.П. Кочетков и К.В. Маслов, цифровую независимость может обеспечить России только создание собственных IT-инфраструктуры и программного обеспечения [6, с. 40]. Таким образом, развитие отечественной микроэлектроники и программного обеспечения становится необходимым условием обеспечения устойчивой информационной безопасности.

В условиях глобальной цифровизации государства сталкиваются с рядом серьезных вызовов. К ним относятся зависимость от иностранных цифровых платформ, кибератаки на

критическую инфраструктуру, а также внешнее влияние на ценностно-смысловое пространство.

Как отмечает А.Н. Иохим, сегодня Россия не только противостоит, но и оспаривает монополию коллективного Запада [5, с. 60]. В этой связи обеспечение цифрового суверенитета становится важным инструментом защиты национальной идентичности. Н.В. Архиереев предлагает уделить особое внимание разработке суверенных алгоритмов, классифицируя их по месту создания и степени доверия [2, с.303-304]. Такой подход может стать фундаментом для формирования эффективной системы правового и технического регулирования цифровых технологий.

Ещё одним важным направлением является развитие национальных цифровых платформ. Как подчеркивают С.В. Володенков и С.Н. Федорченко, разработка национальных социальных сетей [3, с. 528] играет ключевую роль в обеспечении цифрового суверенитета. Создание отечественной цифровой экосистемы уменьшает зависимость от иностранных игроков и способствует формированию собственного информационного поля.

Цифровой суверенитет Российской Федерации – это сложная и многокомпонентная система, состоящая из инфраструктурных, технологических, кадровых и ценностных элементов. Его обеспечение – это комплексная задача, имеющая как техническое, так и политическое измерение, а также направленная на поддержание государственной независимости, сохранение национальной идентичности и обеспечение устойчивого развития страны. Для того чтобы Россия могла успешно укрепить свои позиции в условиях цифровой трансформации современного мира, необходимо разработать и внедрить комплексную государственную стратегию. Эта стратегия должна включать в себя развитие отечественных технологий, повышение квалификации специалистов и создание национальных цифровых платформ. Только таким образом можно обеспечить устойчивое укрепление позиций страны в глобальном цифровом пространстве.

Список использованных источников:

1. Аникин Д. А. Технологический суверенитет в цифровую эпоху развития российского общества: политико-правовой аспект / Д. А. Аникин, А. Ю. Мамычев // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. — 2024. — № 5, С. 54-74.

2. Архиереев Н. В. О правовых вопросах обеспечения цифрового суверенитета Российской Федерации // Труды Института государства и права РАН. — 2025. — № 4, С. 293-310.

3. Володенков С. В. Суверенитет цифрового пространства общественно-политических коммуникаций в современной России и его ключевые компоненты: по материалам экспертного исследования / С. В. Володенков, С. Н. Федорченко // Вестник РУДН. Серия: Политология. — 2025. — № 3, С. 520-542.

4. Емельянов А. А. К вопросу о цифровом суверенитете России / А. А. Емельянов, И. Л. Коршунов, С. Ю. Микадзе // Известия СПбГЭУ. — 2022. — № 6 (138), С. 84-90.

5. Иохим А. Н. Российская идентичность в условиях глобальной цифровизации: к вопросу о цифровом суверенитете // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. — 2023. — № 6, С. 58-80.

6. Кочетков А. П. Цифровой суверенитет как основа национальной безопасности России в глобальном цифровом обществе / А. П. Кочетков, К. В. Маслов // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. — 2022. — № 2, С. 31-45.

УДК 340.149

Лёшина Ю.Ю.
обучающаяся
Научный руководитель: Танимов О.В., д.ю.н., доцент
Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина, г. Москва

LEX INFORMATICA КАК НОВАЯ НОРМАТИВНОСТЬ: ВЫЗОВ ТРАДИЦИОННОЙ ДОКТРИНЕ ИСТОЧНИКОВ ПРАВА

Аннотация. Достижения в сфере информационных технологий и широкое распространение глобальной сети во все сферы жизни общества привели к формированию нетрадиционных правовых концепций. Статья посвящена комплексному теоретико-правовому анализу lex informatica как новой нормативной реальности, формирующейся на пересечении права, технологий и алгоритмического управления. Рассматриваются эволюция концепции, соотношение lex informatica с правом, эффективность цифровой нормативности, а также проблемы признания lex informatica источником права и легитимности. Особое внимание уделяется вопросу конкуренции между законодательством и цифровой нормативностью. В заключение обосновывается необходимость формирования комбинированной регуляторной модели, сочетающей императивные пределы, задаваемые правом, и оперативность алгоритмического нормотворчества.

Ключевые слова: lex informatica, код как право, новая нормативность, источники права, цифровая среда, алгоритмические системы

Abstract. Advances in information technology and the widespread of the global network in all spheres of life have led to the development of unconventional legal concepts. This article provides a comprehensive theoretical and legal analysis of lex informatica as a new normative reality emerging at the intersection of law, technology, and algorithmic governance. It examines the evolution of the concept, the relationship between lex informatica and public law, and the challenges of recognizing lex informatica as a source of law, the legitimacy, and the effectiveness of digital regulation. Particular attention is paid to the issue of competition between public law and digital regulation. In conclusion, the need to develop a combined regulatory model that integrates the imperative limits imposed by law with the efficiency of algorithmic rulemaking is substantiated.

Keywords: lex informatica, code as law, new regulations, sources of law, digital environment, algorithmic systems

Стремительное развитие информационных технологий и повсеместное распространение сети Интернет обусловили возникновение новых подходов к праву. В настоящее время сетевое пространство представляет собой не просто инструментальную среду, а сложную социотехническую реальность, детерминирующую фундаментальные изменения в правовой сфере: формирование новых механизмов, регламентирующих поведение как индивидуальных субъектов, так и общества как целостной социальной системы.

Фундаментальные основания для анализа трансформации нормативности в цифровой среде были заложены в теоретических работах конца XX столетия. В частности,

профессором юридической школы Фордхэмского университета - Джоэлом Р. Рейденбергом. В своей основополагающей работе «Lex Informatica: The Formulation of Information Policy Rules Through Technology» Дж. Рейденберг обосновал тезис о том, что в цифровых сетевых средах законы и нормативные акты перестают быть единственными источниками нормообразования [3, с. 554]. Исследователем предлагается категория «lex informatica», под которой понимается система норм, встроенных в программный код, сетевые протоколы и технические стандарты, функционирующие подобно закону, но обходящую традиционные законодательные процессы.

В последующие годы концепция расширилась. Ключевым теоретическим изменением стало осознание нормативного потенциала алгоритмов. В отличие от статичной архитектуры цифровой среды, алгоритмические системы, основанные на автономных системах искусственного интеллекта и машинного обучения, приобретают способность к динамическому нормообразованию на основе анализа данных.

Как представляется, при обсуждении данного вопроса необходимо учитывать, что в строго юридическом смысле код не может считаться нормой права, поскольку не отвечает критериям формальной определённости, государственного санкционирования и легитимности, традиционно предъявляемым к источникам права. Однако в функциональном и социологическом аспектах код выступает эффективным регулятором, фактически заменяющим или дополняющим правовые нормы в цифровой среде. Именно это обстоятельство заставляет пересматривать классическую теорию источников права и включать lex informatica в предмет современной юриспруденции — не как равнозначную замену, а как новый, гибридный феномен, требующий самостоятельного теоретического осмысления.

Средством легитимации цифровой нормативности может выступить введение юридической фикции, приравнивающей программный код к норме-регулятору. Предлагаемая юридическая фикция выступает концептуальным механизмом, который открывает возможность для интеграции алгоритмических систем в правовое пространство и позволяет преодолеть состояние неопределенности в правовом регулировании.

Теоретическое значение lex informatica раскрывается в полной мере лишь при сопоставлении её характеристик с традиционной формой правообразования. В отличие от классической правовой теории, субъектами нормообразования признаются технологические корпорации, разработчики и владельцы цифровых инфраструктур. В качестве нормативных механизмов, фактически выполняющих функции норм права выступают: лицензионные и пользовательские соглашения, политика допустимого использования, запрет на автоматизированный сбор данных с веб-сайтов, правила модерации контента и др. Еще одним дифференцирующим признаком, имеющим основополагающее значение, служит ex ante регулирование, при котором техническая архитектура платформы исключает саму возможность нарушения установленных правил, поскольку действия, выходящие за пределы предусмотренного функционала, оказываются невыполнимыми.

Если экстраполировать текущие тенденции на обозримую перспективу, можно прогнозировать не только дальнейшее расширение сферы цифровой нормативности, но и обострение рисков, связанных с её неконтролируемым развитием. Достаточно обратиться к практике. Особенно показательны в рамках обозначенной проблематики пользовательские соглашения. Формально они являются договорами присоединения, но их нормативное воздействие выходит за рамки договорного регулирования. Платформы в одностороннем порядке изменяют правила, ограничивают доступ, блокируют аккаунты без акта правосудия, тем самым техническая архитектура делает практически невозможным

доказывание нарушения прав. Помимо этого, алгоритмические правила часто скрыты от пользователей, цифровые экосистемы используют широкий спектр приёмов, направленных на усложнение интерпретации условий предоставления услуг, вследствие чего пользователи, обладающие низким уровнем цифровой грамотности, оказываются в заведомо уязвимом положении.

Проведённое исследование позволяет утверждать, что дальнейшее развитие lex informatica будет сопряжено не только с преодолением обозначенных рисков, но и с использованием её преимуществ в сферах, требующих высокой оперативности и персонализации правового воздействия. К числу несомненных достоинств относятся трансграничность регулирующих механизмов, оперативность и адаптивность регулирования, превентивный характер, а также параметрически настраиваемое правоприменение, адаптированное к конкретным обстоятельствам регулируемого взаимодействия.

Одним из ключевых вопросов исследования является соотношение государственного законодательства и lex informatica. С одной стороны, непризнание значимости lex informatica как нормативного феномена создаёт препятствия для развития предпринимательского сектора и информационно-технологической сферы, в связи с неспособностью законодательного процесса оперативно реагировать на появление новых форм взаимодействия. С другой стороны, тотальное доминирование кода в качестве права нереализуемо, поскольку существует значительный массив общественных отношений, не охваченных процессами цифровизации.

Возможным решением может стать комбинированная система, предполагающая не противопоставление, а взаимодополнение законодательства и цифровой нормативности. Преимущество такого подхода заключается в законодательном закреплении императивных границ цифровой автономии, тогда как программный код выступает инструментом динамического нормотворчества.

Признание нормативной силы за программным кодом представляется возможным в силу его регуляторного потенциала: в цифровой среде код действует как эффективный инструмент управления, нередко заменяя собой или дополняя юридические предписания. Отношение государства к этому феномену становится определяющим фактором его легитимации.

Исходя из вышеизложенного, следует отметить, что lex informatica обладает рядом существенных преимуществ, однако сопряжена с рисками, ограничивающими её автономное применение. Учитывая выявленные проблемы, предлагается комплексный подход к урегулированию вопроса посредством функциональной интеграции двух регуляторных режимов, позволяющей каждому из инструментов компенсировать имманентные ограничения другого. Право обеспечивает легитимность, процессуальные гарантии и защиту фундаментальных прав, lex informatica — неотвратимость, скорость и адаптивность. Их взаимодополнение формирует гибридную нормативность, способную отвечать на вызовы цифровой среды без разрушения основ правового государства.

Дальнейшая разработка конкретных механизмов интеграции lex informatica в систему источников права, а также создание критериев оценки легитимности алгоритмических нормативных систем составят предмет следующих исследований.

Список использованных источников:

1. Теория государства и права: учебник / А.Г. Бережнов, Е.А. Воротилин, А.А, Кененов [и др.]; под редакцией Марченко М.Н. — М.: Зерцало, 2004. — 800 с.

2. Филиппова С.Ю., Харитонова Ю.С. Цифровые платформы в праве и право цифровых платформ: новые вызовы законодателю и пути их решения // Правоведение.2025. Т. 69, № 1 . С. 58–75.

3. Танимов О.В. Теория юридических фикций: монография – Москва: Проспект, 2016. — 224 с.

4. Joel R. Reidenberg Lex Informatica: The Formulation of Information Policy Rules Through Technology // 76 Texas Law Review 553. — 1997. — Vol. 76. — P. 554–593.

5. Lawrence Lessig Code 2.0. — New York: Basic Books, 2006. — 437 p.

УДК 342.72/.73

Литовкин П.А.
курсант 4-го курса
Научный руководитель: Буткевич С.А., к.ю.н., доцент
Крымский филиал ФГКОУ ВО «Краснодарский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации»,
г. Симферополь

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОВД

Аннотация. Рассмотрены актуальные проблемы обеспечения прав человека в ходе досудебного производства по уголовным делам, осуществляемого ОВД. Проанализированы законодательные гарантии, организационные условия и процессуальные механизмы, направленные на защиту прав лиц, вовлеченных в уголовное судопроизводство. Особое внимание уделено детерминантам, влияющим на соблюдение прав обвиняемых, потерпевших и свидетелей, а также роли общественного контроля в этой сфере. Подготовлены авторские рекомендации, направленные на укрепление процессуальной самостоятельности и ответственности следователей, совершенствование ведомственного контроля и развитие превентивных правозащитных практик.

Ключевые слова: органы внутренних дел, права человека, процессуальная самостоятельность, следователь, соблюдение законности, уголовно-процессуальная деятельность.

Abstract. The current problems of ensuring human rights during pre-trial criminal proceedings conducted by the internal affairs bodies are considered. The article analyzes legislative guarantees, organizational conditions and procedural mechanisms aimed at protecting the rights of persons involved in criminal proceedings. Special attention is paid to the determinants affecting the observance of the rights of the accused, victims and witnesses, as well as the role of public control in this area. Author's recommendations have been prepared aimed at strengthening the procedural independence and responsibility of investigators, improving departmental control and developing preventive human rights practices.

Keywords: internal affairs bodies, human rights, procedural independence, investigator, rule of law, criminal procedural activity.

Исторически уголовное судопроизводство формировалось как инструмент государства по разрешению конфликта, возникшего в связи с совершением преступления. Если на ранних этапах его развитие определялось преимущественно репрессивным и инквизиционным началом, то эволюция правового государства необратимо сместила

акцент в сторону защиты личности от следственного и судебного произвола [1, с. 182]. Назначение современного уголовного процесса, закрепленное в статье 6 УПК РФ, носит дуалистичный характер: это не только защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступления, но и охрана личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод.

ОВД, будучи основным субъектом досудебного производства, оказываются в эпицентре этого правового дуализма. От их действий, часто совершаемых в условиях нехватки времени и личного состава, информационной неопределенности и высокого общественного давления, напрямую зависит останется ли процессуальная деятельность в правовом поле или выйдет из него ради сиюминутной цели оперативного «раскрытия». Именно на стадии предварительного расследования наиболее высоки риски нарушений, способных исказить саму суть правосудия. Поэтому проблема обеспечения прав человека здесь – это не второстепенная «гуманитарная» нагрузка, а системное условие легитимности и эффективности всей правоохранительной деятельности.

Правовую основу обеспечения прав личности в уголовном процессе составляют конституционные нормы (прежде всего, глава 2 Конституции России) и УПК РФ. В частности, декларируются презумпция невиновности, право на защиту, свобода от пыток, право на обжалование действий должностных лиц и др. Однако их реализация наталкивается на ряд организационных противоречий, внутренне присущих правоохранительной системе.

Во-первых, это дисбаланс между процессуальной самостоятельностью следователя и административными полномочиями руководителя [2, с. 32]. Формально следователь, принимая процессуальные решения, независим, но фактически он встроен в жесткую ведомственную иерархию, где обычно оценивается по показателям раскрываемости, в том числе в сравнении с аналогичными показателями прошлого года. Давление со стороны руководства в целях улучшения статистики может подталкивать к сокращению процедур, формальному проведению следственных действий, отказу в удовлетворении ходатайств защиты. Законодательная попытка нивелировать это противоречие путем создания Следственного комитета РФ, в компетенцию которого входит расследование части преступлений, ранее подведомственных ОВД, разрешила проблему лишь отчасти.

Во-вторых, существует деформация профессиональных приоритетов. Культура борьбы с преступностью и корпоративная этика традиционно доминируют над культурой обеспечения прав. Для многих практиков обвинительный уклон остается негласной нормой, а деятельность защиты воспринимается как препятствие, которое нужно обойти, а не как необходимый элемент состязательности. Это может приводить к таким нарушениям, как ограничение доступа защитника на ранних этапах, формальный подход к собиранию оправдательных доказательств, психологическое давление на подозреваемого.

Несомненно, права лица, против которого осуществляется уголовное преследование, наиболее уязвимы и требуют максимальных гарантий. Ключевые проблемы здесь носят не столько законодательный, сколько правоприменительный характер. Так, доступ к защитнику, гарантированный ст. 48 Конституции и ст. 50 УПК РФ, на практике может искусственно затягиваться. Так называемое «право на молчание» (ст. 51 Конституции) и разъяснение этого права, предусмотренное ст. 46 УПК РФ, может превращаться в формальную процедуру, за которой следует настойчивое психологическое побуждение к даче объяснений и показаний.

Особую остроту имеет проблема применения мер процессуального принуждения, в особенности заключения под стражу. Несмотря на требования Конституционного Суда РФ о применении этой меры как исключительной и обоснованной, суды могут следовать за

позицией обвинения, принимая решения на основании формальных, типовых аргументов следствия о «возможности скрыться» или «оказать давление на свидетелей». Фактическая состязательность на стадии избрания меры пресечения остается слабой.

По нашему мнению, решение указанных проблем видится не в ужесточении правил, а в изменении устоявшейся практики. Это требует, с одной стороны, развития системы качественной юридической помощи по назначению, чтобы защитник был реальным участником процесса с первого часа, а не формальностью. С другой, необходимо внедрение аудио- и видеопротоколирования всех следственных действий с участием подозреваемого в качестве стандартной, а не исключительной практики, что станет лучшим гарантом против нарушений прав и инструментом защиты для добросовестного следователя.

Для свидетелей ситуация осложняется страхом мести со стороны обвиняемого и его окружения. Государственные программы защиты свидетелей, несмотря на их существование, отличаются громоздкостью и применяются лишь в делах о тяжких преступлениях, оставляя без внимания множество рядовых случаев, где риск, однако, может быть весьма реальным.

Если права обвиняемого часто ограничиваются сверх меры, то права потерпевшего, как ни парадоксально, нередко оказываются недореализованными. Государство, взяв на себя функцию уголовного преследования, порой оставляет потерпевшего один на один с его проблемами. Информирование о ходе расследования часто носит формальный характер, доступ к материалам дела ограничен, а психологическое состояние человека, пережившего травму, не учитывается при неоднократных вызовах на допросы. Безусловно, необходима гуманизация подхода к потерпевшим (создание специализированных кабинетов для проведения следственных действий с участием несовершеннолетних или лиц, переживших насилие, с привлечением психологов; развитие практики выдачи потерпевшему документов, подтверждающих его статус, необходимых для получения гражданско-правовой компенсации). А в отношении свидетелей уместно рассмотреть упрощенную процедуру обеспечения безопасности (например, оперативное реагирование на угрозы по заявлению свидетеля) и расширить применение технологий видеоконференцсвязи для дачи показаний.

В конечном счете, качество процессуальной деятельности и уровень соблюдения прав человека определяются компетентностью и квалификацией конкретного следователя. Профессионализм здесь – это не только знание Конституции и УПК РФ, но и способность вести расследование в режиме процедурной справедливости, умение противостоять незаконному административному давлению, готовность объективно и всесторонне исследовать все версии, включая оправдательные. Формирование такого специалиста требует постоянного пересмотра всех составляющих системы подготовки и используемых критериев оценивания его служебной деятельности [3, с. 38]. Акцент в обучении должен поэтапно смещаться с заучивания норм на разбор сложных этических дилемм, изучение психологии общения, практику составления мотивированных и аргументированных решений. Оценка работы следователя должна исключать погоню за «палочной» системой, учитывая качество процессуальных документов, обоснованность решений, отсутствие обжалований и возвращений уголовных дел для производства дополнительного следствия.

Таким образом, обеспечение прав человека в уголовно-процессуальной деятельности ОВД – это сложная, многогранная задача, не имеющая простого и однозначного решения. Ее нельзя свести к изданию новой инструкции или ужесточению наказаний за нарушения: речь идет о постепенной трансформации правовой и управленческой культуры внутри самой правоохранительной системы. Ключевые векторы этого преобразования подразумевают: снижение административного давления на

следователя через реформу системы оценки его работы, где главным критерием станет не статистика, а законность, обоснованность и полнота расследования; технологическое обеспечение прозрачности путем повсеместного внедрения аудио- и видеозаписи следственных действий, что защитит и граждан от произвола, и сотрудников от необоснованных жалоб; системная гуманизация отношения к «слабой» стороне процесса – потерпевшим и свидетелям, через создание специализированных процедур и сервисов поддержки; развитие конструктивного общественного контроля как института внешней обратной связи, основанного на диалоге и профессиональной экспертизе, а не на конфронтации.

Список использованных источников:

1. Климова С.В., Милько Д.Ю. Место и роль ОВД в механизме обеспечения прав и свобод человека и гражданина на современном этапе // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2021. № 21-2. С. 181-183.

2. Наранбаатар С. Правовой статус следователя как важный инструмент обеспечения прав и свобод человека // Искусство правоведения. 2022. № 2 (2). С. 31-34.

3. Буткевич С.А. Формирование личности следователя в условиях трансформирующегося общества: криминалистические аспекты и психолого-педагогическое моделирование // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2025. Т. 11 (77). № 2. С. 31-39.

УДК 342.9

Полозова Д.О.
обучающаяся 2 курса
Научный руководитель: Асанова Л.В., к.ю.н., доцент
Институт «Таврическая академия»
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского»,
г. Симферополь

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОБРАЩЕНИЙ ГРАЖДАН В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Аннотация. Статья посвящена анализу цифровой трансформации института обращений граждан в органы публичной власти в Российской Федерации. Рассматриваются ключевые этапы развития правового регулирования данного института, особое внимание уделяется новеллам Федерального закона от 28 декабря 2024 года № 547-ФЗ, который с 30 марта 2025 года исключил возможность подачи электронных обращений через обычную электронную почту, закрепив в качестве основного канала коммуникации Единый портал государственных и муниципальных услуг и официальные сайты ведомств, обеспечивающие идентификацию граждан. В статье выявляются и анализируются основные проблемы цифровизации: цифровое неравенство (техническое и связанное с уровнем грамотности), недостаточная доступность сервисов для лиц с ограниченными возможностями здоровья и пожилых людей, фрагментация ведомственных информационных систем и пробелы в регулировании коллективных электронных обращений. На основе анализа регионального опыта (Москва, Татарстан) и современных

тенденций обосновывается необходимость принятия комплексного законодательного акта, разработки единых стандартов цифровой коммуникации, продолжения работы по преодолению цифрового разрыва и повышению цифровой грамотности населения как гарантии реализации конституционных прав граждан.

Ключевые слова: цифровая трансформация, публичное управление, обращения граждан, электронные обращения, Федеральный закон № 59-ФЗ, Федеральный закон № 547-ФЗ, Единый портал госуслуг, цифровое неравенство, идентификация и аутентификация, информационная безопасность, электронная демократия, ЕСИА.

Abstract. The article is devoted to the analysis of the digital transformation of the institution of citizen appeals to public authorities in the Russian Federation. The key stages in the development of the legal regulation of this institution are examined, with special attention paid to the novelties of Federal Law No. 547-FZ of December 28, 2024. As of March 30, 2025, this law eliminates the possibility of submitting electronic appeals via regular email, establishing the Unified Portal of State and Municipal Services and official government websites—which ensure citizen identification—as the primary communication channels. The article identifies and analyzes the main problems of digitalization: the digital divide (both technical and related to literacy levels), insufficient accessibility of services for persons with disabilities and the elderly, fragmentation of departmental information systems, and gaps in the regulation of collective electronic appeals. Based on an analysis of regional experience (Moscow, Tatarstan) and current trends, the article substantiates the need for the adoption of a comprehensive legislative act, the development of unified standards for digital communication, and continued efforts to bridge the digital divide and improve digital literacy as a guarantee of the realization of citizens' constitutional rights.

Keywords: digital transformation, public administration, citizen appeals, electronic appeals, Federal Law No. 59-FZ, Federal Law No. 547-FZ, Unified Portal of Public Services, digital divide, identification and authentication, information security, e-democracy, ESIA.

Цифровая трансформация публичного управления, охватившая все сферы общественных отношений, предъявляет новые требования к реализации конституционного права граждан на обращение в органы государственной власти и местного самоуправления. Институт обращений граждан, будучи важнейшим элементом демократического правового государства и механизмом обратной связи между обществом и властью, претерпевает в последние годы существенные изменения, связанные с внедрением информационно-коммуникационных технологий. Актуальность настоящего исследования обусловлена необходимостью осмысления тех проблем, которые возникли в процессе цифровизации данного института, а также анализа последних изменений нормативно-правовой базы, и определения перспектив дальнейшего развития правового регулирования в этой сфере.

Федеральный закон от 2 мая 2006 года № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» на протяжении почти двух десятилетий оставался стабильным регулятором соответствующих правоотношений [1]. Однако развитие цифровых технологий потребовало его модернизации. Важнейшим этапом этой модернизации стало принятие Федерального закона от 28 декабря 2024 года № 547-ФЗ, который внес принципиальные изменения в порядок направления электронных обращений [2]. С 30 марта 2025 года законодатель исключил возможность подачи обращений в форме электронного документа посредством обычной электронной почты. Как разъясняют органы прокуратуры, теперь электронные обращения граждан подлежат рассмотрению только в том случае, если они направлены с использованием Единого портала государственных и муниципальных услуг (функций), иной информационной системы государственного органа

или органа местного самоуправления либо их официального сайта, которые обеспечивают идентификацию и аутентификацию гражданина [3]. Данное нововведение, безусловно, направлено на упорядочение документооборота и повышение уровня информационной безопасности при работе с обращениями.

Цифровизация права на обращение прошла несколько этапов: от легализации электронных обращений как таковых до появления специализированных порталов и, наконец, до современного этапа унификации, связанного с переходом на Единый портал госуслуг. Однако, как показывает анализ, процесс цифровой трансформации сопровождается рядом серьезных проблем, требующих научного осмысления и практического решения. Ключевой проблемой остается цифровое неравенство, которое в российских реалиях приобретает особое значение ввиду огромной территории страны и неравномерности развития инфраструктуры связи. Авторы, исследующие данную проблематику, подчеркивают, что для значительной части населения, особенно проживающей в сельской местности и отдаленных районах, доступ к высокоскоростному интернету остается затруднительным. Осознавая эту проблему, государство реализует федеральный проект «Устранение цифрового неравенства», в рамках которого к мобильному интернету подключаются населенные пункты с численностью жителей до 1000 человек [4]. Тем не менее, на сегодняшний день говорить о полном преодолении цифрового разрыва преждевременно. Более того, цифровое неравенство не исчерпывается только технической возможностью подключения, но включает в себя и уровень цифровой грамотности населения, способность граждан пользоваться электронными сервисами, что составляет второй уровень цифрового разрыва.

Другой важной проблемой является обеспечение доступности электронных сервисов для лиц с ограниченными возможностями здоровья и пожилых людей. Действующее законодательство, акцентируя внимание на технических аспектах идентификации и аутентификации, пока не содержит детальных требований к адаптации интерфейсов официальных сайтов и порталов для указанных категорий граждан. Поэтому органы власти на местах сталкиваются с необходимостью самостоятельно разрабатывать механизмы учета интересов граждан, не имеющих доступа к электронным сервисам или не обладающих навыками работы с ними. Примечательно, что новые правила сохраняют возможность подачи обращений в письменной и устной форме [5], что свидетельствует о понимании законодателем необходимости сохранения традиционных каналов коммуникации как гарантии соблюдения прав всех граждан независимо от их цифровых компетенций.

Существенным пробелом правового регулирования остается отсутствие единого централизованного органа, отвечающего за координацию работы с электронными обращениями граждан на федеральном уровне [6]. В настоящее время каждое ведомство, за редким исключением, развивает собственные информационные системы или использует типовые решения, что порождает фрагментацию электронной среды и создает неудобства для граждан, вынужденных ориентироваться в многообразии порталов и интерфейсов. В этой связи в научном сообществе обоснованно ставится вопрос о необходимости разработки отдельного федерального закона, который комплексно регламентировал бы вопросы цифровой коммуникации между гражданами и органами публичной власти, установил бы единые стандарты таких коммуникаций, требования к информационной безопасности и защите персональных данных [6].

В контексте регионального опыта заслуживает внимания практика таких субъектов Российской Федерации, как Москва и Республика Татарстан, где созданы и успешно функционируют собственные цифровые платформы для взаимодействия с гражданами. Однако положительный опыт регионов-лидеров цифровизации пока не получил должного

распространения и унификации на федеральном уровне. Исследователи подчеркивают необходимость использования Единой системы идентификации и аутентификации (ЕСИА) при любом электронном взаимодействии граждан с органами власти [2; 3].

Еще одним аспектом, требующим внимания, является правовое регулирование коллективных электронных обращений. Действующая редакция Федерального закона № 59-ФЗ не в полной мере учитывает специфику таких обращений в цифровой среде, включая вопросы идентификации всех заявителей, порядка сбора электронных подписей и подтверждения волеизъявления граждан. Развитие институтов электронной демократии, включая платформы для общественных инициатив и петиций, опережает нормативное регулирование, что создает риски для реализации конституционных прав граждан.

Анализируя перспективы развития правового регулирования, следует отметить, что вектор законодательных изменений направлен на централизацию и упорядочение каналов электронной коммуникации. Отказ от приема обращений по электронной почте, закрепленный в Федеральном законе № 547-ФЗ, представляется логичным шагом на пути к созданию единого защищенного пространства для взаимодействия граждан и власти. Важно, что ответ на электронное обращение может быть направлен как на указанную гражданином электронную почту, так и в личный кабинет на портале Госуслуг или в иной информационной системе, через которую подавалось обращение, что обеспечивает гибкость коммуникации.

Дальнейшее развитие института обращений граждан, по мнению исследователей, должно идти по пути интеграции с иными государственными информационными системами, внедрения технологий искусственного интеллекта для первичной обработки обращений и автоматизации рутинных процедур, что позволит сократить сроки рассмотрения и повысить качество ответов. Однако внедрение таких технологий должно сопровождаться разработкой надежных правовых гарантий защиты прав граждан, включая право на обжалование решений, принятых с использованием автоматизированных систем, и право на «человеческое» рассмотрение сложных случаев.

Таким образом, правовое регулирование обращений граждан в Российской Федерации находится на этапе активной цифровой трансформации. Последние изменения законодательства закладывают основу для формирования единой системы электронных коммуникаций между гражданами и органами власти. Вместе с тем сохраняется ряд нерешенных проблем, включая цифровое неравенство, недостаточную доступность электронных сервисов для социально уязвимых категорий граждан, фрагментацию ведомственных информационных систем и пробелы в регулировании коллективных обращений. Решение этих проблем видится в принятии комплексного законодательного акта, регулирующего цифровые коммуникации в публичной сфере, продолжении работы по преодолению цифрового неравенства и повышению цифровой грамотности населения, а также в разработке единых стандартов доступности электронных сервисов для всех категорий граждан.

Список использованных источников:

1. Федеральный закон от 02.05.2006 N 59-ФЗ "О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации" // ГАРАНТ: [сайт]. – 2026. - URL: https://base.garant.ru/12146661/(дата обращения 16.03.2026) – Текст: электронный.

2. Федеральный закон от 28.12.2024 N 547-ФЗ "О внесении изменений в Федеральный закон "О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации" // ГАРАНТ: [сайт]. – 2026. - URL: https://base.garant.ru/411233501/(дата обращения 16.03.2026) – Текст: электронный.

3. Прокуратура разъясняет новый порядок направления гражданами в государственные органы обращений в форме электронного документа // Генеральная прокуратура Российской Федерации: [сайт]. – 2026. - URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/baikp/activity/legal-education/explain/e6332642/ (дата обращения 16.03.2026) – Текст: электронный.

4. Проект по устранению цифрового неравенства реализуется в селах Дагестана с численностью до 1000 человек // Министерство цифрового развития Республики Дагестан: [сайт]. – 2026. - URL: https://dagestan.digital/index.php/news/proekt-po-ustraneniiu-cifrovogo-neravenstva-realizuetsia-v-selax-dagestana-s-cislennostiu-do-1000-celovek(дата обращения 16.03.2026) – Текст: электронный.

5. С 30 марта 2025 года изменился порядок работы с обращениями граждан // Кавказское межрегиональное управление Россельхознадзора: [сайт]. – 2026. - URL: https://1.fsvps.gov.ru/news/s-30-marta-2025-goda-izmenilsja-porjadok-raboty-s-obrashhenijami-grazhdan-2/(дата обращения 16.03.2026) – Текст: электронный.

6. Горбачева, С. В. Конституционное право гражданина на обращение: влияние цифровизации / С. В. Горбачева // Конституционное и муниципальное право. – 2025. – № 10. – С. 14-18. // Elibrary: [сайт]. – 2026. - URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=83073530(дата обращения 16.03.2026) – Текст: электронный.

УДК 342.72/.73

Трубач Э.Э.
курсант 2-го курса
Научный руководитель: Буткевич С.А., к.ю.н., доцент
Крымский филиал ФГКОУ ВО «Краснодарский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации», г. Симферополь

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА В АДМИНИСТРАТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОВД

Аннотация. Исследован баланс между реализацией полицией своих административных полномочий и соблюдением основоположных прав и свобод граждан. Детально проанализированы правовые основы, принципы и содержание административной деятельности ОВД. Охарактеризованы системные факторы, которые могут способствовать нарушениям или незаконным ограничениям прав и свобод граждан, а также обоснована приоритетность мер, направленных на повышение правовой культуры и профессиональной компетенции сотрудников ОВД, как ключевая гарантия соблюдения законности в их деятельности.

Ключевые слова: административная деятельность, органы внутренних дел, охрана общественного порядка, права и свободы человека, правоприменительный акт, соблюдение законности.

Abstract. The balance between the police exercising their administrative powers and respect for the fundamental rights and freedoms of citizens has been explored. The legal bases, principles and content of administrative activity of the internal affairs bodies are analyzed in detail. Systemic factors that can contribute to violations or illegal restrictions of citizens' rights and freedoms are characterized, and the priority of measures aimed at improving the legal culture

and professional competence of police officers is justified as a key guarantee of legality in their activities.

Keywords: administrative activities, internal affairs bodies, protection of public order, human rights and freedoms, law enforcement act, observance of legality.

Прежде чем приступить к анализу проблематики обеспечения прав и свобод человека в административной деятельности ОВД, необходимо определиться с ключевыми категориями, образующими терминологический каркас настоящего исследования. Так, в юридической науке под административной деятельностью ОВД понимается подзаконная, исполнительно-распорядительная, государственно-властная деятельность по организации работы и практическому осуществлению охраны общественного порядка, обеспечению общественной безопасности, предупреждению, пресечению административных правонарушений и привлечению виновных к административной ответственности [1, с. 15]. Ее отличительными чертами выступают публичный характер, непрерывность, многообразие форм и методов, а также широкая сфера контактов с гражданами.

Ключевое понятие «обеспечение прав и свобод человека» в контексте деятельности ОВД имеет двуединую природу. С одной стороны, это создание условий для реализации гражданами своих прав. С другой – это защита прав от противоправных посягательств и их восстановление в случае нарушения.

Особого внимания требует категория «ограничение прав и свобод», неотъемлемо присущая административной деятельности. В теории права под ограничением понимается установление законодателем пределов, в которых лицо может реализовывать свои права, либо изъятие из их объема [3, с. 78]. Для административной деятельности ОВД характерно правомерное ограничение прав, которое должно соответствовать критериям законности, соразмерности и временного характера.

Наконец, дискреционные полномочия сотрудников ОВД – это предоставленная правовыми нормами возможность выбора одного из нескольких законных вариантов решения при наступлении юридически значимых обстоятельств. Именно наличие усмотрения при применении мер административного принуждения создает зону особого риска для прав граждан и одновременно требует повышенной профессиональной компетенции от сотрудника.

Другими словами, современная административная деятельность ОВД представляет собой повседневную, публичную и властную работу по охране правопорядка, обеспечению общественной безопасности, выявлению, пресечению и профилактике административных правонарушений. В отличие от уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной деятельности, она характеризуется распространенностью, широким объемом дискреционных полномочий и арсеналом используемых форм и методов, постоянным и непосредственным контактом с неограниченным кругом граждан. Именно в этой повседневности и повсеместности раскрывается ее чрезвычайная значимость, социальная важность и, одновременно, риск для конституционных прав и свобод граждан при злоупотреблениях либо некомпетентности личного состава ОВД.

По своей природе исследуемая деятельность сопряжена с правомерным ограничением прав и свобод граждан в предусмотренных законом случаях. Проверка документов, доставление, административное задержание, личный досмотр, применение физической силы или специальных средств – все это вторгается в сферу личной неприкосновенности, свободы передвижения, частной жизни. Поэтому ее законность – это не абстрактная декларация, а конституционный императив, от соблюдения которого напрямую зависит авторитет правоохранителей и доверие общества к

государству [3, с. 345; 4, с. 352]. Суть административной деятельности ОВД сегодня – не в тотальном контроле, а в обеспечении безопасности граждан, социума и государства через призму уважения к правам и свободам человека. Этот баланс и является предметом нашей научной разведки.

Законодательный фундамент исследуемой деятельности составляют два нормативных акта – Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП РФ) и Федеральный закон «О полиции». Первый детализирует составы правонарушений, определяет процедуры привлечения к ответственности, устанавливает санкции, а второй – закрепляет статус сотрудника ОВД, его права и обязанности, а также принципы деятельности, среди которых приоритет прав и свобод человека, законность и открытость имеют первостепенное значение для административной практики. Именно здесь возникает первая системная коллизия. Так, принцип законности требует неукоснительного следования процедуре, установленной, например, статьями 27.1-27.7 КоАП РФ при задержании или досмотре. Однако на практике правоохранитель, особенно при осложнении оперативной обстановки, часто действует в условиях дефицита времени и информации. Его способность в этих условиях принять юридически безупречное решение, соразмерное угрозе, и составляет суть профессионального мастерства. Именно поэтому законность в административной деятельности – это не механическое следование букве закона, а умение применять норму с учетом конкретных обстоятельств, не переходя границ необходимого и достаточного.

В то же время эффективность административной деятельности немыслима без конструктивного взаимодействия с общественностью. Институты общественных советов, консультативных органов при территориальных ОВД, работа с муниципальными образованиями и общественными объединениями – это не просто формальность, а каналы обратной связи, раннего предупреждения о назревающих конфликтах и механизмы общественного контроля. Прозрачность в объяснении причин и целей принимаемых ОВД мер (например, усиление патрулирования в определенном районе, антитеррористические рейды) способна предотвратить недовольство и превратить граждан из пассивных объектов контроля в единомышленников и активных союзников в сфере охраны правопорядка.

Подчеркнем, что каждое решение сотрудника ОВД – от устного замечания до постановления о назначении административного наказания – это правоприменительный акт. Его качество определяется не только формальной правильностью, но и мотивированностью, соразмерностью, ясностью и понятностью для адресата. Необходимо учитывать, что шаблонные, немотивированные протоколы, где в графе «объяснения лица» стоит стандартное «вину признаю, в содеянном раскаиваюсь», подрывают саму идею справедливости процедуры. Именно поэтому главным барьером на пути потенциальных нарушений прав и свобод граждан является уровень профессионализма и правосознания конкретного сотрудника, включающие: знание и правильное толкования нормативной правовой базы; навыки коммуникации и конфликтологии, умения деэскалировать напряжение, а не обострять его; правовую интуицию и чувство меры, позволяющие отличить действительную угрозу правопорядку от малозначительного проступка, не требующего применения дискреционных полномочий; устойчивость к неправомерному внутреннему давлению ради «показателей» по выявлению административных правонарушений.

Безусловно, формирование такого специалиста в ведомственных образовательных организациях требует дальнейшей модернизации системы подготовки: акцент должен смещаться с формального заучивания норм на разбор сложных практических кейсов, психологическую подготовку, тренировки навыков общения, в том числе в условиях

межкультурных различий [5, с. 170]. Оценка работы сотрудника ОВД, осуществляющего административную деятельность, не должна сводиться к количеству составленных протоколов – гораздо важнее показатели снижения правонарушений на территории обслуживания, уровень доверия жителей, отсутствие обоснованных жалоб и т.п.

Дальнейшее совершенствование этой сферы деятельности видится по следующим направлениям: совершенствование ведомственного контроля, с акцентом на качество, а не количество правоприменительных решений; внедрение обязательного аудио- и видеопротоколирования ключевых процессуальных действий (доставление, личный досмотр) как стандартной практики; осовременивание системы профессиональной подготовки и переподготовки личного состава, направленное на развитие практических умений и навыков применения закона в сложных, нестандартных ситуациях коммуницирования с гражданами; стимулирование правозащитного подхода внутри системы, включая поощрение сотрудников ОВД, действия которых в сложных или нестандартных ситуациях были признаны не только правомерными, но и образцовыми с точки зрения соблюдения прав и этики. Только когда принцип уважения и защиты прав и свобод человека станет не внешним требованием, а внутренним убеждением и профессиональной привычкой каждого сотрудника ОВД.

Список использованных источников:

1. Административная деятельность органов внутренних дел: учебник / под ред. А.В. Мелехина. М.: ЦОКР МВД России, 2020. 568 с.

2. Малько А.В. Стимулы и ограничения в праве: теоретико-информационный аспект // Правоведение. 1998. № 3. С. 75-86.

3. Кисс С.В. Принцип законности как фундаментальный принцип конституционной модернизации // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2024. № 24. С. 344-346.

4. Казанцева Е.В. Реализация права на свободу передвижения // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2019. Т. 5 (71). № 4. С. 350-357.

5. Буткевич С.А. Организационно-правовые основы деятельности участковых уполномоченных полиции в современных условиях: проблемные вопросы и их решение // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2024. Т. 10 (76). № 4. С. 165-175.

УДК 340.12

Хочуев А.Х., Мейланов Н.Н.
обучающиеся 1 курса
Научный руководитель: Конина Е.Н., к.ю.н., доцент
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»
Россия, г. Саратов

ЭЛЕКТРОННОЕ ГОСУДАРСТВО КАК ЭТАП РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Аннотация. В статье рассматривается формирование электронного государства в современной России. Анализируются подходы к его пониманию и правовые основы

регулирования. Отмечаются ключевые достижения цифровизации государственных услуг и межведомственного взаимодействия. Выявляются проблемы, включая цифровое неравенство и вопросы кибербезопасности. Делается вывод о необходимости дальнейшего теоретического и правового обоснования понятия «электронное государство».

Ключевые слова: электронное государство, цифровизация, государственные услуги, правовое регулирование.

Abstract. The article examines the formation of an electronic state in modern Russia. The approaches to its understanding and the legal basis of regulation are analyzed. The key achievements of digitalization of public services and interdepartmental cooperation are noted. Issues are identified, including digital inequality and cybersecurity issues. The conclusion is made about the need for further theoretical and legal substantiation of the concept of «electronic state».

Keywords: electronic state, e-government, digitalization, public services, legal regulation.

В современной российской правовой системе концепция электронного государства постепенно превращается из технологического эксперимента в полноценный институт публичного управления. Этот этап развития государственности характеризуется не просто внедрением цифровых решений, а глубокой трансформацией механизмов взаимодействия государства, общества и бизнеса. В научной литературе справедливо отмечается, что уровень технологического развития государства сегодня как никогда отражает степень развития всего общества в целом, оказывая положительное влияние на улучшение взаимодействия граждан и государства [1, с. 1586]. Представляется, что формирование электронного государства в современной России представляет собой результат длительного развития концепций информационного общества и цифровой трансформации публичного управления. Началось такое преобразование с принятия федеральных законов, государственных программ и стратегий, направленных на внедрение цифровых технологий в государственное управление. Эти процессы включали развитие информационной инфраструктуры, предоставление государственных услуг в электронном виде и совершенствование взаимодействия органов власти [2, с.35].

Для начала следует отметить, что в действующем законодательстве России отсутствует легальное определение понятия «электронное государство». В научной литературе термин «электронное государство» понимается по-разному. Некоторые авторы рассматривают электронное государство как набор цифровых инструментов, позволяющих органам власти предоставлять услуги гражданам и организациям в интерактивном формате, обеспечивая прозрачность решений и более открытое участие общества [3, с. 53]. Другие понимают электронное государство как новую модель организации власти, в которой население включено в процессы управления через электронные механизмы и формы администрирования [4, с.25]. Отдельные исследователи предлагают более узкое определение, описывая электронное государство как систему органов власти, работающих преимущественно в интерактивном режиме [5, с. 227]. Л. В. Приходько, напротив, даёт максимально широкое понимание, связывая электронное государство с использованием информационно-коммуникационных технологий как основного способа организации публичной власти [6, с. 82]. В целом разнообразие трактовок объясняется сложностью самой категории, а также тем, что разные авторы фиксируют внимание лишь на отдельных сторонах цифрового управления и взаимодействия государства с обществом.

Правовая основа электронного государства в России формируется многоуровнево. На конституционном уровне важную роль играют положения ст. 24 и ст. 29 Конституции Российской Федерации, закрепляющие право граждан на доступ к информации и обязанность органов власти обеспечивать открытость своей деятельности [7].

Эти конституционные гарантии легли в основу дальнейшего развития законодательства о цифровых правовых режимах. Базовые принципы регулирования установлены Федеральным законом от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [8], который определяет фундаментальные категории: информация, информационные системы, владельцы информации, а также правила использования технологий в публичной сфере. Важное значение имеет и Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» [9], заложивший правовые рамки для электронных взаимодействий государства и граждан через единые цифровые платформы. Можно также отметить Указ Президента РФ от 7 мая 2024 года №309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» [10], в котором закреплена цель цифровой трансформации государственного и муниципального управления, экономики и социальной сферы.

На данном этапе в России электронное государство формируется как логическое продолжение развития публичной власти, стремящейся к большей прозрачности и эффективности. Цифровые решения стали не просто инструментом автоматизации, а механизмом системной модернизации государственного управления. Отметим некоторые достижения России в сфере электронного государства: создание системы межведомственного электронного взаимодействия; функционирование Единого портала государственных и муниципальных услуг (Госуслуги); создание Государственной информационной системы ЖКХ; модернизация Государственной автоматизированной системы «Выборы» и многое другое.

Согласно Распоряжению Правительства РФ от 16.03.2024 №637-р, до 2030 года запланировано, в частности, обеспечить оказание 100 государственных услуг в режиме онлайн с представлением результата в момент обращения заявителя, перейти на электронный документооборот органов местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждений до 100% [11].

Можно отметить, что внедрение электронного государства уже привело к значительным практическим результатам, среди которых – массовое использование электронных услуг и существенное снижение бюрократических процедур. Единый портал госуслуг стал основной точкой взаимодействия граждан с публичной властью, обеспечивая доступность услуг в круглосуточном режиме. Однако функционирование электронного государства сопровождается рядом проблем, включая цифровое неравенство между регионами [12] и недостаточную цифровую грамотность части населения [13]. Серьезной задачей как нам представляется остается обеспечение кибербезопасности и повышение защищенности государственных информационных систем. Некоторые ведомства сталкиваются с трудностями интеграции старых информационных систем в новые цифровые платформы. Наличие нормативных пробелов также препятствует полноценному внедрению инновационных управленческих технологий. В результате формируется ситуация, при которой достижения цифровизации очевидны, но требуют дальнейшего правового и организационного укрепления.

На наш взгляд, будущее электронного государства в России связано с дальнейшими цифровыми изменениями публичного управления и расширением инструментов, основанных на данных. Важную роль будет играть внедрение искусственного интеллекта для анализа больших массивов данных и оптимизации административных процессов. При этом требуется обеспечить правовые гарантии цифровых прав граждан и минимизировать риски дискриминации автоматизированными решениями.

Электронное государство становится новой качественной характеристикой современной российской государственности. Дальнейшая теоретическая разработка понятия «электронное государство», познание его социальной природы и признаков – актуальная задача науки теории государства и права.

Список использованных источников:

1. Золаев Э.А. Цифровое государство как новый этап развития общества // Креативная экономика. 2021. Том 15. № 5. С. 1583-1594.
2. Вершицкая Е.Р., Згонникова А.Е. Трансформация государственного управления в цифровую эпоху: анализ «электронного» и «цифрового» правительства // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2025. № 6. С. 30-38.
3. Понкин И. В. Концепт электронного государства в рамках новой системы публичного управления // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Юридические науки». 2013. № 4. С. 52-58.
4. Азизов Р. Ф. Электронное правительство как элемент электронного государства // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2014. № 4 (35). С. 22-27.
5. Мусихина И. А. «Электронное правительство» как способ взаимодействия органов власти с гражданами // Инновационные технологии в управлении: сборник научных статей / под ред. Е. В. Марченко. Вып. 2. М.: Макс Пресс, 2016. С. 225-228.
6. Приходько Л. В. Зарубежный опыт внедрения и использования системы «электронный суд» // Государство и право. 2007. № 9. С. 82-86.
7. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС «КонсультантПлюс»
8. Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27.07.2006 № 149-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
9. Федеральный закон «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» от 27.07.2010 № 210-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
10. Указ Президента РФ от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» // СПС «КонсультантПлюс».
11. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 16 марта 2024 г. № 637-р «Об утверждении стратегического направления в области цифровой трансформации государственного управления» // СПС «КонсультантПлюс».
12. Басова Е.А. Цифровое неравенство российских регионов: современные проблемы и пути преодоления // Вопросы территориального развития. Том 9. № 4. 2021. С.1-15.
13. По данным исследования Аналитического центра НАФИ, опубликованного в январе 2025 года, уровень цифровой грамотности россиян не растёт уже три года подряд и составляет 71 процентный пункт из 100 возможных // Газета.Ru (Gazeta.Ru).URL: https://www.gazeta.ru/science/news/2025/11/28/27282379.shtml#rcmrclid=0b7a1f08826d637b. (дата обращения: 20.03.2026)

УДК 342.72/.73

Шилин Н.С.
слушатель 5-го курса
Научный руководитель: Буткевич С.А., к.ю.н., доцент
Крымский филиал ФГКОУ ВО «Краснодарский университет
Министерства внутренних дел Российской Федерации», г. Симферополь

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА ПРИ ПРОТИВОДЕЙСТВИИ ТЕРРОРИЗМУ: ПОИСК БАЛАНСА В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ ВЫЗОВОВ

Аннотация. Исследованы проблемы, возникающие на стыке эффективного противодействия террористическим угрозам и безусловного соблюдения прав и свобод человека. Проанализированы нормативные основы и организационно-управленческие аспекты возможных ограничений, особое внимание уделено принципам их осуществления. Сформулированы предложения по совершенствованию правоприменительной практики, направленные на выстраивание сбалансированной системы противодействия терроризму.

Ключевые слова: законные интересы граждан, контртеррористические операции, права и свободы человека, правоохранительные органы, противодействие терроризму.

Abstract. The problems arising at the junction of effective counteraction to terrorist threats and unconditional observance of human rights and freedoms are investigated. The regulatory framework and organizational and managerial aspects of possible restrictions are analyzed, special attention is paid to the principles of their implementation. Proposals have been formulated to improve law enforcement practices aimed at building a balanced system of countering terrorism.

Keywords: legitimate interests of citizens, counter-terrorism operations, human rights and freedoms, law enforcement agencies, counter-terrorism.

Противодействие терроризму – одна из наиболее сложных задач современности, требующая от национальных правительств и международного сообщества применения широкого спектра превентивных и дискреционных мер [1, с. 120]. Однако сама природа этой борьбы, связанная с необходимостью пресечения крайних форм физического и психологического насилия, таит в себе серьезную внутреннюю угрозу – риск демонтажа или эрозии фундаментальных прав и свобод, которые призваны защищать демократические институции на всех уровнях. Терроризм представляет вызов не только национальной и коллективной безопасности, но и правовой системе в целом, проверяя на прочность ее способность давать адекватный ответ, не отказываясь от своих основополагающих принципов. В этом контексте формулируется ключевой вопрос: как обеспечивать безопасность таким образом, чтобы она не превращалась в инструмент неправомерного либо тотального ограничения прав и свобод законопослушных граждан? Поиск ответа на него лежит в рассмотрении контртеррористической деятельности через призму уважения прав, свобод и законных интересов человека. Игнорирование этого подхода может способствовать радикализации социума или его деструктивизму.

Международное право задает четкие траектории для государств, ведущих борьбу с терроризмом. Центральным требованием является обеспечение соответствия любых принимаемых мер обязательствам по международному праву прав человека, международному гуманитарному праву. Это догма, подтвержденная во многих резолюциях Организации Объединенных Наций (ООН) и других международных институтов. Иначе

говоря, законность и легитимность контртеррористических действий определяется их соответствием действующему правовому полю, а не исключительно конъюнктурными соображениями оперативной целесообразности и сиюминутной угрозой. Из этого положения вытекают фундаментальные принципы, соблюдение которых считаем обязательным.

Принцип законности и правовой определенности. Любое ограничение прав и свобод должно быть прямо предусмотрено законом. Закон при этом должен быть логичным, конкретным и предсказуемым в своем толковании и применении. Расплывчатые или чрезмерно широкие определения терроризма могут создавать почву для произвольного применения мер принуждения к лицам или группам, не представляющим реальной угрозы.

Принцип соразмерности и необходимости как краеугольный камень всей системы ограничений. Меры, применяемые государством, должны быть адекватны и строго пропорциональны той конкретной угрозе, для нейтрализации которой они вводятся. Ограничение права не может быть чрезмерным, необоснованным или наносить ущерб, несоразмерный достигаемой общественно полезной цели.

Принцип недискриминации. Меры противодействия терроризму не должны применяться необъективно по признакам расы, религии, национального происхождения или политических убеждений. Коллективное наказание или подозрение в отношении целых социальных групп не только противоречит нормам права, но и контрпродуктивно, поскольку подрывает доверие к власти и провоцирует социальные противоречия.

Принцип гарантии судебной защиты и надлежащей правовой процедуры. Лица, в отношении которых применяются запретительные или ограничительные меры, должны иметь доступные возможности для их обжалования. Это касается как превентивных мер (например, запрет на въезд, замораживание активов), так и мер уголовного преследования.

Другими словами, при проведении контртеррористических операций и рейдов наиболее уязвимыми могут быть права на свободу и личную неприкосновенность, неприкосновенность жилища, право на уважение частной и семейной жизни. Поэтому основания для задержаний, обысков, блокирования территорий должны быть конкретными и обоснованными. «Силовые» решения, принимаемые в условиях дефицита времени и нехватки информации, не освобождают личный состав органов безопасности и правопорядка от обязанности исключить (минимизировать) ущерб посторонним лицам. Асимметричный подход, когда под предлогом борьбы с терроризмом тотально ограничиваются права и свободы граждан, не связанных с террористической деятельностью, неприемлем.

В цифровом пространстве спектр угроз правам и свободам человека вариативен и значительно расширен [2]. Мониторинг коммуникаций, анализ баз данных, ограничение доступа к информационным ресурсам – все эти инструменты обладают мощным превентивным потенциалом, но требуют особо тонкой правовой настройки. Ключевой проблемой здесь становится обеспечение прозрачности и соразмерности. Государственные меры по фильтрации контента или замедлению работы интернет-платформ должны быть основаны на понятных и публичных правовых нормах, предусматривать механизмы судебного обжалования и не вести к цензуре легитимных точек зрения.

Отдельный комплекс проблем связан с правовым статусом лиц, задержанных в рамках «войны с терроризмом». Правовой режим их содержания зависит от квалификации ситуации. Если она достигает уровня международного или немеждународного вооруженного конфликта, в силу вступают нормы международного гуманитарного права, предоставляющие защиту как комбатантам (статус военнопленных), так и гражданским лицам. Вне рамок вооруженного конфликта такие лица пользуются полной защитой

национального законодательства и международного права, включая судебные гарантии. Смешение этих правовых режимов или создание правового вакуума (как в случае с лагерем в Гуантанамо, украинской антитеррористической операцией на Донбассе [3, с. 70-71], арабо-израильским конфликтом и т.п.) ведет к грубейшим нарушениям прав и свобод человека.

Позитивный опыт ряда государств и международных организаций демонстрирует, что интеграция правозащитной повестки в контртеррористическую стратегию не только возможна, но и повышает ее долгосрочную эффективность [4, с. 70-71]. Так, практика Контртеррористического комитета ООН (КТК) показывает, как правозащитный компонент может быть институционализирован. В штате Исполнительного директората КТК работают эксперты по правам человека, которые обеспечивают систематический учет этих вопросов по всем направлениям деятельности (оценка национальных систем, рекомендации по технической помощи, анализ новых тенденций). КТК напрямую взаимодействует с Управлением Верховного комиссара ООН по правам человека, регулярно заслушивает его брифинги, что способствует выработке сбалансированных и согласованных позиций. Такой институциональный диалог между правоохранителями и правозащитниками крайне важен для недопущения ведомственных или корпоративных перекосов.

На национальном уровне позитивным примером могут служить правовые системы, где введены жесткие процедурные требования для применения чрезвычайных мер. Например, санкционирование длительного прослушивания коммуникаций или тотального сбора метаданных только по решению коллегиального суда по итогам состязательного рассмотрения обоснованности запроса спецслужб. Другой пример – создание независимых надзорных органов (парламентских комиссий, инспекций), наделенных правом доступа к секретным материалам и правом привлекать к ответственности за злоупотребления.

Таким образом, обеспечение прав человека в условиях противодействия терроризму – это не уступка, а стратегическая необходимость. Общество, которое в борьбе с внешней угрозой жертвует своими свободами, интересами и допускает произвол власти, в конечном итоге проигрывает террористам, чьей целью часто и является разрушение основ открытого общества. По нашему мнению, для минимизации рисков неправомерных ограничений прав и свобод граждан целесообразно: закрепление критериев соразмерности – на законодательном уровне следует указывать конкретные условия и пределы применения запретительных и ограничительных мер, исключив расплывчатые формулировки и бланкетные нормы; создание эффективного механизма компенсации ущерба – упрощение процедур возмещения государством материального и морального вреда, причиненного гражданам неправомерными действиями должностных лиц в ходе контртеррористических мероприятий; интеграция правозащитных экспертиз и мониторинга оценок возможных рисков.

Только через последовательное внедрение и руководство исследованными принципами можно усовершенствовать систему безопасности, которая защищает граждан как от террористических угроз, так и от возможного злоупотребления субъектами противодействия терроризму своими дискреционными полномочиями. Этот баланс и является главным показателем зрелости и целостности правовой системы, согласованности контртеррористического законодательства и их способности давать адекватный и симметричный ответ на реальные и потенциальные угрозы, вызовы и риски, не нивелируя значимость и важность фундаментальных ценностей правового государства. Считаем, что в этом плане содержание контртеррористической повестки в России актуально и релеванто.

Список использованных источников:

1. Савочкин Д.С., Савочкина Д.О. Меры принуждения, применяемые органами внутренних дел при проведении антитеррористических мероприятий // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. 2021. № 4 (30). С. 118-121.

2. Романовский В.Г. Права человека, «глобальная слежка» и противодействие терроризму // Наука. Общество. Государство. 2019. Т. 7. № 2 (26). С. 104-111.

3. Буткевич С.А. Концепция борьбы с терроризмом в Украине // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2013. № 3 (33). С. 62-67.

4. Ревягин А.В., Карамшоев Н.М. Соотношение необходимого уровня безопасности и правовой свободы при противодействии терроризму // Труды Академии МВД Республики Таджикистан. 2025. № 3 (67). С. 63-72.

Секция 3.
Конституционные права человека как правовая категория в XXI веке: трансформация содержания под влиянием цифровых и биоэтических вызовов

УДК 342.71

Адельсеитова А.Б.,
кандидат юридических наук, доцент
Конопелько А.М.
Институт «Таврическая академия»
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»,
г. Симферополь

ИНСТИТУТ МНОЖЕСТВЕННОГО ГРАЖДАНСТВА В КОНСТИТУЦИОННОМ ПРАВЕ: БАЛАНС ЧАСТНЫХ И ПУБЛИЧНЫХ ИНТЕРЕСОВ

Аннотация. В статье анализируется институт множественного гражданства как сложное правовое явление, находящееся на пересечении частных и публичных интересов. Рассматриваются конституционно-правовые основы регулирования статуса бипатридов в Российской Федерации, исследуются проблемы коллизий законодательств и особенности реализации прав и обязанностей лиц с множественным гражданством. Особое внимание уделяется поиску оптимального баланса между правом индивида на свободное самоопределение и необходимостью обеспечения национальной безопасности государства.

Ключевые слова: гражданство, множественное гражданство, двойное гражданство, бипатрид, конституционно-правовой статус, баланс интересов, публичные интересы, частные интересы.

Abstract. The article analyzes the institution of multiple citizenship as a complex legal phenomenon at the intersection of private and public interests. The constitutional and legal foundations of regulating the status of bipatrids in the Russian Federation are examined, the problems of conflicts of laws and the specifics of the implementation of the rights and obligations of persons with multiple citizenship are investigated. Special attention is paid to finding an optimal balance between an individual's right to self-determination and the need to ensure the national security of the state.

Keywords: citizenship, multiple citizenship, dual citizenship, bipatrid, constitutional and legal status, balance of interests, public interests, private interests.

Институт гражданства является фундаментальной основой правовой связи человека с государством. В условиях глобализации и интенсификации миграционных процессов все более актуальным становится явление множественного гражданства, которое, с одной стороны, расширяет возможности для самореализации личности, а с другой - порождает сложные вопросы для государственного суверенитета и национальной безопасности. В связи с этим перед законодателем и доктриной встает задача поиска оптимального баланса частных и публичных интересов в конституционно-правовом регулировании статуса лиц, имеющих гражданство двух и более государств.

Конституция Российской Федерации (ст. 62) закрепляет возможность для гражданина РФ иметь гражданство иностранного государства (двойное гражданство) в соответствии с федеральным законом или международным договором [3]. Как справедливо отмечает И.С. Безжон, множественное гражданство является более широким понятием по сравнению с двойным и чаще всего порождается коллизиями законодательства различных государств, основанными на принципах «права крови» и «права почвы» [1, с. 32-33]. Это

объективное обстоятельство делает неизбежным существование полипатридов, что требует от государства выработки непротиворечивой правовой политики.

С точки зрения частных интересов, наличие множественного гражданства позволяет личности не порывать связь со страной происхождения, одновременно интегрируясь в общество государства проживания. Это способствует реализации психологических и моральных аспектов гражданства, давая человеку «почувствовать себя гражданином своей Родины, не отказавшейся от него» [1, с. 34]. Кроме того, как указывает Э.Э. Клокова, экономические факторы (низкий уровень благосостояния, неблагоприятный инвестиционный климат) и возможность налогового планирования стимулируют граждан к оформлению второго гражданства [4, с. 91]. Таким образом, с позиции индивида множественное гражданство выступает инструментом расширения его прав и свобод, что полностью коррелирует с конституционным принципом приоритета прав человека.

Однако реализация этих частных интересов не должна ущемлять публичные интересы государства. Российская Федерация, признавая возможность множественного гражданства, устанавливает ряд ограничений и обязательств для бипатридов. Как подчеркивает О.В. Кабанова, одним из приоритетных направлений является преодоление коллизионности правового регулирования и обеспечение национальной безопасности, поскольку лица с двойным гражданством могут рассматриваться как «потенциальный канал иностранного влияния на внутриполитические процессы» [2, с. 162]. Это находит отражение в законодательстве: согласно ст. 10 Федерального закона «О гражданстве Российской Федерации», лицо с множественным гражданством рассматривается РФ только как ее гражданин, а федеральным законом могут быть предусмотрены соответствующие ограничения [3]. Кроме того, обязанность уведомлять о приобретении иностранного гражданства (ст. 11) является важным механизмом контроля за соблюдением баланса интересов.

В поиске баланса между частными и публичными интересами ключевая роль отводится международно-правовому сотрудничеству. Как отмечает И.С. Безжон, вопросы военной службы и дипломатической защиты бипатридов могут быть эффективно урегулированы только посредством межгосударственных договоров [1, с. 35]. В свою очередь, Э.Э. Клокова видит перспективы развития института в рамках интеграционных объединений, таких как ЕАЭС или Союзное государство России и Беларуси, где возможно введение единого гражданства, что позволит снять многие противоречия и создать более сбалансированную правовую основу [4, с. 92-93].

Таким образом, институт множественного гражданства представляет собой сложный конституционно-правовой феномен, в котором переплетаются частные интересы личности (свобода передвижения, экономические и психологические выгоды) и публичные интересы государства (обеспечение суверенитета, национальной безопасности и правопорядка). Достижение баланса между ними возможно лишь на основе последовательной государственной политики, сочетающей либерализацию подхода к признанию множественного гражданства с четкими законодательными ограничениями и развитием международно-правового сотрудничества. Внесение изменений в Федеральный закон «О гражданстве РФ», направленных на систематизацию прав и обязанностей бипатридов, является необходимым условием для поддержания этого баланса.

Список использованных источников:

1. Безжон И. С. Конституционно-правовой статус лиц с множественным гражданством // Вестник Московского университета МВД России. 2012. №9. С. 32-35.
2. Кабанова О.В. К вопросу двойного гражданства в России // Аграрное и земельное право. 2025. №5. С. 161-163.
3. Федеральный закон от 28.04.2023 N 138-ФЗ (ред. от 29.12.2025) «О гражданстве Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой

информации http://pravo.gov.ru.
4. Клокова Э. Э. Перспективы развития двойного гражданства // Юридическая наука. 2019. №2. С. 90-93.

УДК 342.727:343.326

Буткевич С.А.
кандидат юридических наук, доцент, заслуженный юрист Республики Крым
Крымский филиал ФГКОУ ВО «Краснодарский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации», г. Симферополь

РЕАЛИЗАЦИЯ СТАТЬИ 29 КОНСТИТУЦИИ РОССИИ В КОНТЕКСТЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Аннотация. Исследована правовая коллизия, возникающая при реализации конституционных гарантий свободы мысли, слова и средств массовой информации (ст. 29 Конституции России) в условиях необходимости противодействия экстремистской деятельности. Особое внимание уделено дилемме запрета цензуры и обязанности государства пресекать распространение экстремистских материалов. Обосновано, что разрешение данного противоречия лежит не в плоскости ужесточения репрессивных мер, а в развитии системы превентивной защиты, особенно в молодежной среде, через правовое просвещение, медиаграмотность и формирование устойчивой гражданской идентичности.

Ключевые слова: запрет цензуры, конституционное право, правовое просвещение, противодействие экстремистской деятельности, свобода мысли и слова, свобода средств массовой информации, экстремистская идеология.

Abstract. The article examines the legal conflict that arises in the implementation of constitutional guarantees of freedom of thought, speech and the media (Article 29 of the Constitution of Russia) in the context of the need to counter extremist activities. Special attention is paid to the dilemma of the prohibition of censorship and the duty of the state to stop the dissemination of extremist materials. It is proved that the resolution of this contradiction lies not in the plane of tightening repressive measures, but in the development of a system of preventive protection, especially among young people, through legal education, media literacy and the formation of a stable civic identity.

Keywords: prohibition of censorship, constitutional law, legal education, countering extremist activities, freedom of thought and speech, freedom of the media, extremist ideology.

Конституционные нормы о свободе мысли, слова, средств массовой информации и запрете цензуры, закрепленные в Основном законе, представляют собой краеугольный камень любого демократического общества и правового государства. Однако абсолютных, никем не ограниченных прав и свобод не существует ни в одной стране. Их реализация неизбежно сталкивается с другими общепризнанными ценностями – необходимостью защиты основ конституционного строя, суверенитета, нравственности, жизни, здоровья, прав, свобод и законных интересов других граждан [1, с. 71-72; 2, с. 300].

В современном мире, где информация распространяется со скоростью клика, а социальные медиа стали инструментарием и ареной ожесточенной идеологической борьбы, гибридных столкновений и когнитивных войн, это противоборство приобретает особую остроту. С одной стороны, запрет цензуры (ч. 5 ст. 29 Конституции Российской Федерации (далее – Конституции)) выступает непреложным гарантом публичного диалога. С другой – государство обязано противодействовать реальным угрозам и потенциальным рискам, в том числе формирующихся в информационном пространстве [3] (разжиганию ненависти,

пропаганде исключительности, вербовке в экстремистские организации и др.). Таким образом, нерешенной проблемой становится поиск и постоянная корректировка правового баланса, который позволяет, не ограничиваясь исключительно тотальным контролем и повсеместными запретами, эффективно ограждать общество, и в первую очередь наиболее уязвимые его группы и слои, от вредоносного влияния экстремистской идеологии.

Конституционные гарантии свободы слова и средств массовой информации получили свое развитие и одновременно ограничения в Федеральном законе «О противодействии экстремистской деятельности», который содержит определение экстремизма, включая в него такие деяния, как пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признакам его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности, а также возбуждение соответствующей розни или вражды. В свою очередь Уголовный кодекс в статьях 280, 282 и 205.2 криминализировал наиболее опасные формы злоупотребления свободой слова и медиа в этой сфере.

Важно отметить, что в последние годы отечественная правоприменительная практика демонстрирует тенденцию к расширительному толкованию данных составов преступлений. Поэтому под действия, направленные на возбуждение ненависти, могут подпадать не только прямые призывы к насилию, но и резкая, оскорбительная критика, иная эмоционально окрашенная публичная речь. Это создает правовую неопределенность и порождает основную дилемму: где заканчивается допустимая, даже жесткая полемика, охраняемая статьей 29 Конституции, и начинается уголовно наказуемое деяние? Судебные решения по таким делам зачастую носят оценочный характер, что ставит правоприменение в зависимость от субъективного усмотрения.

Прямой запрет цензуры, содержащийся в части 5 статьи 29 Конституции, исторически был направлен против предварительного контроля со стороны государства за содержанием публикуемых материалов. Однако в эпоху цифровизации и мгновенного распространения информации механизмы контроля тоже эволюционировали. Фактически, функция «цензуры» в широком смысле – вымарывания общественно опасного и вредного контента – перешла к судебным инстанциям и уполномоченным органам исполнительной власти (в первую очередь, Роскомнадзору) уже на стадии постфактум. В то же время механизмы признания материалов экстремистскими и их последующего внесения в соответствующий федеральный список с обязательным изъятием из оборота стали главенствующим инструментом. Правовая коллизия здесь заключается в следующем: с формально-юридической точки зрения, это не предварительная цензура, так как решение выносится судом в отношении уже опубликованной информации. Но с точки зрения эффекта – это запрет на дальнейшее распространение, что для цифровой среды равносильно удалению и блокировке. Таким образом, государство, избегая термина «цензура», создает правовой механизм, выполняющий схожую функцию, но в отношении контента, признанного судом нарушающим закон. Проблема усугубляется низким порогом доказывания в таких административных процедурах, как блокировка сайтов по решению Генеральной прокуратуры без предварительного судебного решения – так называемое «зеркальное» блокирование. Это может создавать риски для добросовестных ресурсов и ставить под сомнение эффективность судебной защиты.

Разрешение описанного когнитивного диссонанса видится не в дальнейшем ужесточении санкций, увеличении дискреционных полномочий правоохранителей и расширении репрессивного аппарата, а в повсеместном смещении акцента на превентивные меры. Целью должно быть не столько наказание за распространение экстремистских идей и их суррогатов, сколько формирование и развитие у граждан, прежде всего у детей и молодежи, устойчивого иммунитета к ним, стимулирование и поощрение правомерного поведения, социально полезных и значимых активностей [4, с. 110]. Это полностью соответствует духу защиты прав, свобод и законных интересов других лиц, которую предусматривает Конституция.

Учитывая вышеизложенное, профилактическая работа в этой сфере должна быть комплексной, системной и предполагать:

1. Интеграцию правового просвещения, цифровой и медиаграмотности в образовательные стандарты. Школьники и студенты должны не просто знать о существовании преступлений экстремистской направленности. Им необходимо на практике, через анализ реальных кейсов и тренинги, прививать навыки критического восприятия информации, умения распознавать манипулятивные техники, фальсификации, знания языка вражды, понимания механизмов пропаганды и дезинформации. Понимание того, как экстремистские нарративы эксплуатируют чувства несправедливости и обиды, – лучшая защита от их влияния.

2. Создание, государственная и бизнес-поддержка позитивного контента-контрнарратива. Запреты работают малоэффективно, если не предложена качественная альтернатива. Поэтому необходимо стимулировать создание современных, профессиональных просветительских и образовательных медиапроектов (документальных, игровых, интерактивных), которые на понятном для молодежи языке транслируют ценности патриотизма, гражданского согласия, конструктивного кросскультурного диалога, этноконфессионального многообразия. Значимость религиозных деятелей, блогеров, прочих медийных и публичных личностей здесь трудно переоценить, в том числе в роли медиаторов.

3. Развитие программ социальной и психологической помощи для групп риска, уязвимых категорий населения. Так, экстремистские идеологии часто находят отклик у молодых людей, переживающих личностный кризис, чувствующих себя социально исключенными. Раннее выявление таких подростков и оказание им поддержки через школьных психологов, молодежные центры, наставнические программы – это прямая обязанность государства, вытекающая из его конституционной функции защиты детства.

4. Четкое разъяснение границ допустимого через официальные коммуникации, инновационные и традиционные медиа, а также благодаря кроссплатформенности. Правоохранительные и другие государственные органы должны не только пресекать нарушения, но и активно и доступно разъяснять обществу, в чем состоит разница между свободной дискуссией, теологической полемикой и экстремистскими высказываниями. Это уменьшит правовой нигилизм и количество правонарушений в связи с незнанием закона.

Таким образом, реализация статьи 29 Основного закона в современных условиях представляет собой не статичную норму и устоявшуюся практику, а динамичный процесс поиска баланса. Такое шаткое равновесие между конституционной свободой слова и необходимостью противодействия экстремизму не может быть найдено исключительно путем запретов и блокировок, которые, по сути, являются формой постфактумной цифровой цензуры. Ужесточение правоприменения при отсутствии понятных маркеров и очевидных критериев ведет к росту правовой неопределенности и может послужить причиной необоснованных ограничений прав и свобод граждан.

Перспективным путем видится переосмысление государственной политики в данной сфере через призму профилактики и правового просвещения. Инвестиции в медиаграмотность, создание привлекательного позитивного и интересного контента, развитие инфраструктуры психологической помощи и социальной адаптации для подростков и молодежи – меры, которые соответствуют как духу конституционных гарантий свободы слова, так и обязанности государства защищать граждан от реальных угроз и потенциальных вызовов. Только культивируя внутреннюю устойчивость личности к радикальному мировоззрению и деструктивным идеологиям, можно обеспечить подлинную реализацию свободы слова и медиа в созидательном обществе и безопасном государстве.

Список использованных источников:

1. Процевский В.А., Горлов Е.В., Ширина А.А. Проблемы реализации конституционного права на свободу мысли и слова в России // Азиатско-тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2023. Т. 25. № 3. С. 70-82.
2. Аристов Е.В., Ларионова М.А. Конституционно-правовые ограничения свободы мысли и слова в Интернете // Nomothetika: Философия. Социология. Право. 2020. Т. 45. № 2. С. 299-306.
3. См.: Синцов Г.В., Феоктистов Д.Е. Свобода мысли и слова в контексте противодействия информационному экстремизму // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2018. № 4 (48). С. 15-21.
4. Кириллов М.А., Нечаева Е.В., Петрянин А.В., Пшеничнов И.М. Экстремизм в контексте манипуляции общественным сознанием и свободой слова // Вестник Российского университета кооперации. 2023. № 4 (54). С. 107-114.

УДК 342.739; 347.23

Казанцева Е.В.
кандидат юридических наук
Крымский филиал Краснодарского университета МВД России
г. Симферополь

ЗАЩИТА ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА В КОНТЕКСТЕ НОРМ ОСНОВНОГО ЗАКОНА РОССИИ

Аннотация. В статье рассматриваются конституционно-правовые механизмы защита права собственности человека и гражданина в современном обществе. Отмечено, что несмотря на наличие конституционных ценностей и закрепленных в ней требований в реализации, законодателем допускается лишение и(или) ограничение права собственности, но только в судебном порядке. В современном обществе существуют способы лишения права собственности, противоречащие указанным нормам – это национализация и изъятие земельных участков для государственных и муниципальных нужд и ограничения права собственности путем реквизиции. Автором отмечены основные условия их проведения, в том числе указано на пробелы и коллизии действующего законодательства.

Ключевые слова: блага, изъятие, национализация, собственность, право собственности, реквизиция

Abstract. The article discusses the constitutional and legal mechanisms of protection of the right of property of a person and a citizen in modern society. It is noted that despite the presence of constitutional values and requirements enshrined in it in the implementation, the legislator allows the deprivation and (or) restriction of the right of property, but only in a judicial procedure. In modern society, there are ways of depriving people of their property rights that contradict these norms, such as nationalization and seizure of land for state and municipal needs, as well as restrictions on property rights through requisition. The author highlights the main conditions for carrying out these actions, including the gaps and conflicts in current legislation.

Keywords: benefits, seizure, nationalization, property, right of property, requisition

Собственность — термин, которым определяются принадлежности различных благ участнику правоотношений. Собственность известна обществу с древних времен, ее первичное восприятие (понимание) было связано с землей (земельными территориями), чуть позже со строениями. С развитием цивилизации изменялось и правовое регулирование

собственности, в том числе ее защита. По мнению большинства ученых, институт «право собственности», и ее защита, берет свое начало с римского права.

В научной доктрине существует плюрализм дефиниций «собственность», «право собственности». Это связано с тем, что, во-первых, в законодательстве отсутствует четкое определение понятия «собственности», а во-вторых, на полярность взглядов влияет сфера исследования ученых и экспертов, к примеру, гражданско-правовая, уголовная, административная, семейная, финансовая, налоговая сферы и так далее. Следовательно, институт права собственности является межотраслевым, что не позволяет его изучать в отрыве от смежных, взаимосвязанных отраслей и дать одно полное определение. Как бы ученые не спорили, но «собственность», «право собственности» является институтом jus civile (гражданского права).

В современном обществе, принято определять право собственности как полномочия (юридические и фактические основания) по владению, пользованию и распоряжению материальными и нематериальными благами субъекта правоотношений.

С учетом тематики нашего исследования, отметим, что Основной закон страны закрепляет фундаментальные положения, обеспечивающие защиту в сфере владения, пользования и распоряжения благами на территории России.

Определяя основы конституционного строя страны, законодатель закрепляет и признает любую форму собственности (ст. 8 Конституции РФ). Указанная норма находит свое отражения в отраслевом федеральном законодательстве (к примеру, ст. 212 Гражданского кодекса РФ, ст. 5 Земельного кодекса РФ и так далее) и региональном законодательстве (к примеру, ст. 2 Закона Республики Крым от 31 июля 2014 № 38-ЗРК).

В научной доктрине принято выделять частную собственность: граждан России, иностранных граждан, лиц без гражданства и юридических лиц) и публичную собственность: государственную и муниципальную.

Следовательно, конституционно-правовой механизм допускает не только различные формы собственности на территории России, но и обеспечивает равные условия ее защиты для всех субъектов, закрепив, что право частной собственности охраняется наравне с публичной.

Защита права собственности основывается на закреплении в Конституции России принципа неприкосновенности собственности ее равенства и свободы реализации полномочий по своему усмотрению, но в пределах, установленных только федеральным законом. При этом Основным законом допускается лишение права собственности (ст. 35 Конституции РФ) и(или) ограничение права собственности (ст. 55 Конституции РФ).

Следует отметить, что лишение собственности, предусматривает переход собственности другому субъекту, следовательно, он возможен только в судебном порядке (на основании судебного решения). Несмотря на наличие конституционных ценностей и закрепленных в них требованиях по реализации, в современном обществе существует два способа перехода права собственности, противоречащий указанным нормам Конституции России.

Первый способ – национализация, передача права собственности из частной в государственную собственность.

Проведенный анализ законодательства, научной доктрины и судебной практики позволяет отметить, что национализация регулируется гражданским и земельным законодательством и содержит ряд условий: 1) осуществляется в отношении частной собственности иностранных лиц, как участников правоотношений на территории России; 2) обязательное наличие цели ее осуществления: нужды государства – общественные интересы; 3) осуществляется на основании специального закона, который является формой защиты частной собственности от незаконных действий государственных органов. На сегодняшний день правовой акт, регламентирующий проведение национализации отсутствует, что, несомненно, указывает на сложность политического выбора концепции такого правового акта (закона); 4) возмещение стоимости имущества в связи с

национализацией. Последнее указанное нами условие является спорным, так как с одной стороны, согласно ст. 35 Конституции РФ, имущество предварительно должно быть оценено и его стоимость возмещена субъекту, а с другой, в Постановлениях Конституционного Суда РФ от 02.10.2025 № 32-П и от 07.11.2017 № 26-П [1], содержатся указание на безвозмездность национализации. По мнению автора, возмездность или безвозмезность национализации, должна быть определена законом или решением суда (в каждом конкретном случае), в противном случае такое решение является нарушением конституционных норм.

Неоспорим тот факт, что существующий правовой институт «национализации» является гарантом от государственного произвола и обеспечивающего интересы частного лица, однако имеет фрагментарное законодательное регулирование.

В современном обществе национализация применяется на вновь образованных территориях на основании регионального законодательства и решений государственных органов субъекта (к примеру, Закон Республики Крым от 31 июля 2014 года № 38-ЗРК [2], постановление Государственного Совета Республики Крым от 30 апреля 2014 года № 2085-6/14).

Второй способ – это изъятие земельных участков для государственных и муниципальных нужд, осуществляется путем передачи права собственности из частной собственности в публичную.

Анализ действующего законодательства, научной доктрины и судебной практики позволяет отметить, что указанный способ регулируется гражданским и земельным законодательством и содержит ряд условий: 1) осуществляется в отношении частной собственности граждан России; 2) обязательное наличие цели ее осуществления: нужды государства – общественные интересы. Следует отметить, что для каждого земельного участка конкретная цель изъятия; 3) осуществляется на основании специального закона (гражданского и земельного законодательства), во взаимосвязи с решением государственных или муниципальных органов, по каждому конкретному земельному участку; 4) обязательное проведение оценки имущества и возмещение его стоимости в связи с изъятием.

По мнению автора, одним из недостатков процедуры изъятие земельного участка для государственных и муниципальных нужд, является отсутствие общих требований к процедуре и критериям оценивания изымаемого участка, что приводит к множеству судебных споров по принятому решению об изъятии и(или) о компенсации возмещения стоимости.

Большинство реализуемых в современной России способов ограничения права собственности, отвечают требованиям Основного закона страны, однако исключением, имеющим правовые пробелы, является реквизиция – способ передачи имущества из частной собственности граждан во временное владение и(или) пользование или в постоянное владение публичным органам (государственным или муниципальным).

К особенностям реализации реквизиции относятся: 1) реквизиции подлежит как движимое, так и недвижимое имущество, следовательно, к правовому регулированию относится федеральное законодательство (гражданское и(или) земельное) и региональное законодательство, в котором должно быть предусмотрено право осуществлять реквизицию имущества граждан (большинство региональных законов не содержит нормы об реквизиции, что в свою очередь нарушает права граждан). Изъятие осуществляется во взаимосвязи норм указанных правовых актов с административным решением государственных или муниципальных органов об изъятии конкретного имущества; 2) проводится только на основании наступления обстоятельств чрезвычайного характера, который определяется и подтверждается правовым актом (вводится указам Президента РФ); 3) обязательное наличие цели ее осуществления: нужды государства и(или) его субъекта – общественная безопасность и общественные интересы; 4) обязательное проведение оценки имущества, определение стоимости пользования имущества

(амортизационных износ) и возмещение его стоимости в связи с принятием решения об изъятии. Как и в случаи с изъятием земельного участка общие требования к процедуре и критериям оценивания, на сегодняшний день отсутствует. По мнению автора, с целью защиты права собственности граждан при осуществлении реорганизации, порядок проведения процедуры и критерии оценивания, должны быть разработаны и приняты в каждом регионе.

Подведя итог отметим, что с учетом конституционных требований критерии допустимости ограничений и(или) лишения собственности (права собственности) должны быть не только юридически, но и социально оправданны, а сами ограничения – соразмерны этим целям. Вводимые и допускаемые законодателем ограничение и(или) лишения права собственности должны отвечать требованиям справедливости, разумности и пропорциональности, и не могут затрагивать само существо данного права. Существующие пробелы и коллизии требуют незамедлительной законодательной трансформации.

Список использованных источников:

1. Постановление Конституционного Суда РФ от 02.10.2025 № 32-П [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации http://pravo.gov.ru
2. Закон Республики Крым от 31 июля 2014 года № 38-ЗРК [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации http://pravo.gov.ru

УДК 349.6

Пашнева В.А.
кандидат юридических наук, доцент
Институт «Таврическая академия»
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»,
г. Симферополь

ПРАВО НА ДОСТУП К ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИИ

Аннотация. Анализируется Орхусская конвенция ЕЭК ООН «О доступе к информации, участию общественности в принятии решений и доступе к правосудию по вопросам, касающимся окружающей среды»

Ключевые слова: Орхусская конвенция, окружающая среда, право на доступ к информации

Abstract. This article analyzes the UNECE Aarhus Convention on Access to Information, Public Participation in Decision-making and Access to Justice in Environmental Matters.

Keywords: Aarhus Convention, environment, right of access to information

Прозрачность в доступе общественности к экологической информации является показателем демократии и приоритетности экологической политики государства. Генезис института прав человека формируется как динамичное правовое явление, которое в правовой науке базово зафиксировано в трех поколениях прав: 1. гражданские, политические; 2. социальные, экономические; 3. коллективные. В результате активного технологического развития сформировано четвертое поколение прав (и последующие) – информационные права, соматические и репродуктивные права.

Информационные права граждан находятся в тесном взаимодействии с экологическими, и более того, способствуют реализации экологических прав. Реализация права граждан в принятии экологически важных решений регулируется разноуровневыми нормативно-правовыми актами: международный, федеральный, региональный и муниципальный. Формы и механизмы общественного участия могут быть разнообразными.

Обеспечение доступности зафиксировано в Конституции РФ в следующих статьях 32, 33, 31, 42, 72 [1]. Учитывая то, что нормативная база регулирования данной проблемы достаточно емкая, но механизм участия общественности и учет общественного мнения минимизированы, а что касается нормативно-правовых актов регионального и муниципального уровней, то нормы регулирующие вопросы учета общественного мнения полностью отсутствуют.

Согласно ст. 72 Конституции Российской Федерации регулирование вопросов охраны окружающей среды подпадает под совместное ведение Российской Федерации и ее субъектов, однако законопроектная деятельность субъектов в этом направлении крайне пассивна.

В связи с чем, актуальным будет рассмотрение Орхусской конвенции (25 июня 1998, Дания)[2], которая на современном этапе признается международным сообществом соответствующей высочайшему уровню решения вопросов экополитики, учитывая права человека и возможность формирования мирового гражданского общества, закрепившая механизм участия общественности в принятии решений и доступа к информации и правосудию в вопросах защиты окружающей среды. Ратифицировав данную конвенцию многие государства-участники стран СНГ привели свое национальное законодательство в соответствие с ней.

Орхусская конвенция имеет региональную сферу применения (Европа), однако ее значение более глобально, присоединиться к ней может любое государство мира. Конвенция вступила в силу 30 октября 2001 г.

Фундаментом этой международной конвенции выступили положения 1-й Стокгольмской декларации по проблемам окружающей среды, 10-й декларации Рио-де-Жанейро по окружающей среде и развитию, резолюции Генеральной Ассамблеи о Всемирной хартии природы, в том числе нормы Хартии о необходимости обеспечения здоровой окружающей среды, а также Европейской хартии по окружающей среде и здравоохранению.

С момента подписания Орхусская конвенция была ратифицирована более 40 государствами западной и восточной Европы. Российская Федерация также участвовала в подписании конвенции, но до сих пор не осуществила ее ратификацию. На сегодняшний момент на официальном портале Министерства природы РФ статус конвенции зафиксирован следующим образом: «Минприроды России организует и проводит внутригосударственные процедуры по подготовке законодательства к присоединению к Конвенции» [3].

В Конвенции закреплено право каждого человека на здоровую окружающую среду, что означает в содержательном плане: «жизнь в благоприятной для здоровья и благосостояния окружающей среде», а именно:

- Обеспечение открытого доступа общественности к экологической информации, имеющейся в распоряжении государственных органов, за исключением информации, которая относится к категории конфиденциальной;
- Предоставление гражданам права на высказывание своего мнения при принятии экологически значимых решений, а также учет и контроль мнения общественности лицами, ответственными за принятие этих решений;
- предоставление общественности доступ к правосудию при рассмотрении дел о нарушении права на экологическую информацию и участие в процессе принятия экологически значимых решений и иных прав, касающихся окружающей среды [2].

Кратко рассмотрим, что предполагает каждое из вышеперечисленных положений Конвенции.

Доступ к экологической информации предоставляет право любому человеку получать экологическую информацию от государственных служб, уполномоченных собирать и распространять экологическую информацию, а также информировать общественность об экологической ситуации в регионе. Любой человек, без привязки к

статусу «гражданин» обладает правом требовать информацию об экологии, которая может быть сформирована в любом виде: письменном, визуальном, электронном или же в любой иной материальной форме.

Участие общественности в принятии экологически значимых решений. Данная норма предполагает участие заинтересованной общественности (информирование о проекте, публичное уведомление о процедуре, индивидуальное участие, публичные слушания, информирование государственным органом о состоянии окружающей среды. Публикация проектов нормативно-правовых актов для ознакомления заинтересованной общественности на стадии их разработки, внесение замечаний общественности должны быть учтены в максимальном объеме.

Доступ к правосудию. Государства, участники конвенции должны обеспечить доступ к правосудию для заинтересованных лиц. Эта норма предполагает информирование представителей общественности о судебных и административных действиях с целью оспаривания действий или бездействия частных лиц и государственных органов, нарушающих положения национального законодательства, регулирующих вопросы окружающей природной среды.

Однако Конвенция фиксирует условия, на основании которых запрос может быть отклонен, а именно:

- запрос необоснован либо сформулирован некорректно и в общем виде;
- информация находится в стадии заключительного этапа ее подготовки;
- информация является конфиденциальной, а ее разглашение может повлиять на национальную безопасность, международные отношения, работу государственных органов [2].

В заключении отметим, что вопросы сбора и распространения экологической информации входят в обязанность органов государства, в том числе государственные органы должны проводить работу по информированию населения о состоянии экологии, способах получения информации, а также о методах участия населения в принятии решений по вопросам экологии. Ратификация Орхусской конвенции емкий процесс правоприменения и правореализации, необходимо изменить более 40 законов РФ, обнадеживает тот факт, что Распоряжением Правительства от 18.12.2012 №24 утвержден План реализации экологического развития Российской Федерации на период до 2030 г. [4] в котором запланирована ратификация данной конвенции. Осуществление этого плана позволит усилить реализацию информационного права граждан.

Список использованных источников:

1. Конституция Российской (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // КонсультантПлюс: сайт. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/?ysclid=mmi9th38tx341645311 (дата обращения 20.03.2026)
2. Конвенция о доступе к информации, участии общественности в принятии решений и доступе к правосудию по вопросам окружающей среды (Орхусская Конвенция) // Система ГАРАНТ: сайт. – URL: https://base.garant.ru/2570739/ (дата обращения 28.03.2026)
3. Практика Комитета по вопросам соблюдения Орхусской конвенции (2004–2011). Под ред. А. Андрусевич, Т. Алге, К. Конрад, З. Козак. Львов. 2012. 238 с.
4. Распоряжение Правительства РФ от 18.12.2012 № 2423-р «Об утверждении Плана действий по реализации Основ государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 года // КонсультантПлюс: сайт. –

URL:https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_139460/ (дата обращения 29.03.2026).

УДК 342.565.2

Сильванович Ю.Н.
ассистент кафедры истории и теории государства и права
Институт «Таврическая академия»
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»,
г. Симферополь

ПРАВО НА ОБЖАЛОВАНИЕ РЕШЕНИЙ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РФ: ВЕКТОР РЕФОРМ И АКТУАЛЬНЫЕ ИНИЦИАТИВЫ

Аннотация. В работе рассматриваются актуальные вопросы потенциальной модификации правового режима решений Конституционного Суда РФ сквозь призму предложения о введении механизма их обжалования. Особое внимание уделено нарастающей потребности в поиске баланса между стабильностью функционирования высшего судебного органа конституционного контроля и гарантией эффективной защиты прав граждан в случаях возможных судебных ошибок и/или изменения имеющихся правовых реалий.

Ключевые слова: Конституционный Суд РФ, обжалование решений, орган конституционного контроля, законодательная инициатива, принцип правовой определенности, демократизация правосудия

Abstract. This paper examines current issues regarding potential modifications to the legal framework for decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation through the prism of the proposal to introduce an appeal mechanism. Particular attention is paid to the growing need to find a balance between the stability of the supreme judicial body of constitutional review and the guarantee of effective protection of citizens' rights in cases of possible judicial errors and/or changes in existing legal realities.

Keywords: Constitutional Court of the Russian Federation, appeal of decisions, constitutional review body, legislative initiative, principle of legal certainty, democratization of justice

Вопрос о возможности и целесообразности формирования механизма обжалования решений Конституционного Суда Российской Федерации не нов и представляет собой одну из концептуально сложных проблем отечественной правовой системы. Тем активнее имеющаяся необходимость в обеспечении баланса между принципами правовой определенности и справедливости обуславливается совершенствованием механизмов реализации права на судебную защиту. В данной парадигме не утрачивает актуальности анализ перспективности изменений, предлагаемых ко внесению в статью 79 Федерального конституционного закона от 21.07.1994 № 1 «О Конституционном Суде Российской Федерации» (далее – Федеральный конституционный закон № 1) в ее следующей части: «решение Конституционного Суда Российской Федерации окончательно и не подлежит обжалованию» [1].

Исходя из содержания вышеприведенных положений отметим, что Конституционный Суд РФ, будучи высшим судебным органом конституционного контроля, обеспечивает не только стабильность имеющейся правовой системы, но и предопределяет авторитетный характер судебной власти. Тем не менее, наблюдаемая безальтернативность позиции законодателя касательно окончательности принимаемых решений порождает такое коллизионное состояние, как потенциальное противоречие

фундаментальному праву на судебную защиту, гарантированному статьей 46 Конституции РФ [2]. Данное противоречие может быть выявлено в случаях, когда заявитель полагает, что принятое решение Конституционного Суда РФ не устранило имеющееся нарушение, тем самым ограничив в дальнейших действиях, направленных на восстановление нарушенного права. Как видится, данное обстоятельство, в том числе, могло послужить формированию наблюдаемой в последние годы устойчивой тенденции к снижению уровня общественного доверия к высшему судебному органу конституционного контроля, о динамике которого представляется возможным сделать вывод исходя из представленных на официальном сайте Конституционного Суда РФ статистических данных количества обращений за последние годы. Так, если в 2010 году общее количество обращений составило 18214, в 2015 году – 14622, в 2020 году – 12864, то в 2025 году – лишь 11098 [3].

Учитывая, что, как уже было упомянуто, дискуссия о допустимости обжалования решений Конституционного Суда РФ имеет длящийся характер, на указанном временном промежутке сформировалось несколько подходов к развитию данной идеи. Первый из них связан с, собственно, имеющимися на сегодняшний день концептуальными основами конституционного правосудия и заключается в однозначно оцениваемой целесообразности и безальтернативности статуса решения Конституционного Суда РФ как не подлежащего обжалованию. Сторонники данной точки зрения (в частности, д.ю.н. Чертков А.Н., отмечавший, что «КС оценивает предмет обращения заявителей в точном смысле – как оспаривание конкретной нормы права… Очевидно, что КС не связан основаниями и доводами заявителя» [4]) аргументируют, что Конституционный Суд РФ, учитывая его уникальный объем полномочий, при толковании Конституции РФ не сводит данную деятельность к простой интерпретации норм. Так, в процессе рассмотрения дел высший судебный орган конституционного контроля фактически осуществляет особый вид правового регулирования и создает «право» в каждом отдельно рассматриваемом деле, которое не может быть пересмотрено иным судебным органом.

Второй подход – реформационный, сформированный в рамках идеи о том, что в отношении решений Конституционного Суда РФ следует предусмотреть механизм их возможного обжалования. Представители данной позиции (как, например, Кряжкова О.Н., определявшая, что в текущих реалиях оценить влияние позиций Конституционного Суда РФ на судебную практику проблематично в связи с отсутствием «официальной систематизированной информации как о пересмотре дел тех, кто обратился с жалобой в Конституционный Суд, так и об использовании позиции КС в других делах… соответственно, воздействие КС на судебную практику будет ограниченным» [5]) аргументируют свою точку зрения не только очевидно возрастающей необходимостью обеспечения соблюдения принципа справедливости, но также и повышения эффективности правоприменения.

Продолжая данную мысль, а также в большей степени разделяя мнение исследователей, представленных во втором подходе, отметим, что, как видится, конституционно закрепленное право на пересмотр судебных решений в совокупности с фактом отсутствия потенциальной возможности исправления последствий ошибочного судебного акта, принятого Конституционным Судом РФ, при определенных условиях может быть истолковано как противоречащее принципу эффективного восстановления нарушенного права. Тем не менее также целесообразной видится позиция, определяемая особой значимостью решений Конституционного Суда РФ, не позволяющей иным органам судебной власти возлагать на себя функции конституционного контроля. Отметим, что тенденция, заключающаяся в недопустимости обжалования решений судебных органов конституционного контроля, не является уникальной для отечественного опыта, а, напротив, получила распространение в большинстве стран романо-германской правовой семьи. Более того, подобная модель поведения в некоторых государствах также распространяется и на конституционные органы правосудия отдельно взятых территориальных единиц (при условии их наличия). Так, например, в ФРГ помимо актов

Федерального конституционного Суда, решения, принятые конституционными судами немецких земель, также не подлежат обжалованию.

Исходя из всего вышеизложенного в последние годы наметились определенные векторы реформирования института обжалования решений Конституционного Суда в отечественном правовом поле. Ключевой из них на сегодняшний день является инициативный шаг Коммунистической партии Российской Федерации (далее – КПРФ), предложившей рассмотреть возможность введения процедуры обжалования решений Конституционного Суда РФ. Данное предложение приобрело правовую форму в виде Законопроекта № 1102189-8 «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации» …» [6], внесенного в Государственную Думу РФ в декабре 2025 года. Последний на момент проведения настоящего исследования еще не преодолел последующие стадии законодательного процесса, находясь на этапе предварительного рассмотрения. Однако, поскольку инициатива затрагивает уже выделенные ранее фундаментальные идеи российской правовой системы и закономерно ставит под сомнение принцип безусловной юридической силы решений Конституционного Суда РФ, КПРФ обращает внимание, что реформа нацелена на прямую взаимосвязь с актуальной на сегодняшний день общей дискуссией о демократизации правосудия, а предлагаемый аспект должен быть реализован не как умаляющий авторитет высшего органа конституционного контроля, но как доступный механизм «мер предосторожности» при обстоятельствах, когда решение суда может потенциально противоречить эволюционирующим конституционным ценностям.

В целях минимизации риска дестабилизации правовой системы посредством создания условий для правовой неопределенности видится возможным предложить следующие оптимальные направления развития. Первое среди них – внесение изменений в статью 79 Федерального конституционного закона от 21.07.1994 № 1 в следующей части: «решение Конституционного Суда Российской Федерации окончательно и не подлежит обжалованию, за исключением установленных настоящим Законом случаев». Далее, как видится, возможны два варианта регламентации обозначенных случаев: дополнение указанной статьи 79 определяемым перечнем либо изменение Закона посредством внесения в его структуру дополнительной статьи 79^1: «Обжалование решений Конституционного Суда Российской Федерации».

С точки зрения содержательного смысла, а также аналогизируя опыт Верховного Суда РФ, к числу допустимых оснований видится возможным отнести такие, как

- превышение Конституционным Судом РФ своих полномочий, определенных как Конституцией РФ, так и Федеральным конституционным законом № 1;
- наличие процессуальных нарушений, допущенных в ходе рассмотрения дела;
- выявление новых обстоятельств, имевших место на момент принятия решения, но остававшихся неизвестными суду;
- ошибочное толкование положений Конституции РФ (наиболее оценочная среди приведенных категорий).

Акцентируя внимание на особой значимости решений Конституционного Суда РФ, предполагается функции по пересмотру соответствующих решений сохранить за самим Конституционным Судом РФ (с учетом уже разработанного механизма исправления неточностей в решении, предусмотренного статьей 82 Федерального конституционного закона № 1). В конечном итоге видится, что в случае принятия всех предложенных реформ эволюция института обжалования решений Конституционного Суда РФ поспособствует как укреплению конституционных ценностей, так и обеспечению принципа доступности правосудия.

Список использованных источников:

1. Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 № 1-ФКЗ (ред. от 31.07.2023) «О Конституционном Суде Российской Федерации». – URL:

https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_4172/ (дата обращения: 18.02.2026). – Текст: электронный.

2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 18.02.2026). – Текст: электронный.

3. Статистика обращений в Конституционный Суд Российской Федерации по годам. – URL: https://www.ksrf.ru/Petition/Statistics/by-year.php (дата обращения: 26.02.2026). – Текст: электронный.

4. КС отклонил жалобу на положения Закона о Конституционном Суде во взаимосвязи с его Регламентом //Адвокатская газета федеральной палаты адвокатов РФ. – URL: https://www.advgazeta.ru/novosti/ks-otklonil-zhalobu-na-polozheniya-zakona-o-konstitutsionnom-sude-vo-vzaimosvyazi-s-ego-reglamentom/ (дата обращения: 26.02.2026). – Текст: электронный.

5. В своей великой и несомненной мудрости: как исполняются решения КС // Право.ру. – URL: https://pravo.ru/story/214586/ (дата обращения: 26.02.2026). – Текст: электронный.

6. Законопроект № 1102189-8 «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации» и статью 23 Федерального конституционного закона «О референдуме Российской Федерации». – URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/1102189-8 (дата обращения: 02.03.2026). – Текст: электронный.

УДК 614.251.2

Абсеттаров Т. Р.
обучающийся 1 курса
Орден Трудового Красного Знамени Медицинского института им. С. И. Георгиевского «КФУ имени В. И. Вернадского»
Научный руководитель: Адельсеитова А.Б., к. ю. н., доцент
Институт «Таврическая академия»
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского», г. Симферополь

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ИНФОРМИРОВАННОГО ДОБРОВОЛЬНОГО СОГЛАСИЯ В СТОМАТОЛОГИИ: НОВЫЕ РЕАЛИИ ЦИФРОВИЗАЦИИ И БИОЭТИЧЕСКИЕ РИСКИ

Аннотация. Рассмотрены общие вопросы правовой природы информированного добровольного согласия (далее – ИДС) как механизма реализации конституционных прав граждан в сфере охраны здоровья. Проанализирован переход от патерналистской модели медицины к партнерским отношениям врача и пациента, где ИДС выступает ключевым элементом. Исследуются положения фундаментальных правовых актов, закрепляющих право на личную неприкосновенность и достоверную информацию о состоянии своего здоровья. Особое внимание уделено трансформации формы и содержания ИДС в стоматологической практике под влиянием биоэтических вызовов и цифровизации. Рассматривается проблема обеспечения добровольности и осознанности согласия в условиях «дискурсивной власти» врача и формального подхода к заполнению документов. Описаны пути совершенствования правового регулирования ИДС и внедрения цифровых инструментов (электронный документооборот, мультимедийные технологии) для повышения качества информирования пациентов.

Ключевые слова: информированное добровольное согласие, конституционные права граждан, стоматологическая практика, право на информацию, цифровизация здравоохранения, электронный документооборот, биоэтика, права пациентов.

Abstract. The general issues of the legal nature of informed voluntary consent (hereinafter – IVC) as a mechanism for implementing constitutional rights of citizens in the field of health protection are considered. The transition from the paternalistic model of medicine to partnership relations between a doctor and a patient, where IVC acts as a key element, is analyzed. The provisions of fundamental legal acts establishing the right to personal inviolability and reliable information about one's health are examined. Special attention is paid to the transformation of the form and content of IVC in dental practice under the influence of bioethical challenges and digitalization. The problem of ensuring the voluntariness and awareness of consent in the context of the "discursive power" of the doctor and a formal approach to filling out documents is considered. The ways to improve the legal regulation of IVC and the introduction of digital tools (electronic document management, multimedia technologies) to improve the quality of patient information are described.

Keywords: informed voluntary consent, constitutional rights of citizens, dental practice, right to information, digitalization of healthcare, electronic document management, bioethics, patients' rights.

Проблема реализации конституционного права граждан на охрану здоровья и медицинскую помощь в современной России приобретает особую значимость в условиях трансформации традиционных моделей взаимодействия врача и пациента. Информированное добровольное согласие выступает не просто формальным документом, а важнейшим правовым институтом, обеспечивающим реализацию таких фундаментальных прав, как право на личную неприкосновенность, достоинство личности и право на информацию о состоянии своего здоровья. Особую остроту вопросы надлежащего оформления и осознанности ИДС приобретают в стоматологической практике, характеризующейся многообразием инвазивных вмешательств, наличием альтернативных методов лечения и выраженной эстетической составляющей.

Цель и задачи исследования состоят в обосновании направлений совершенствования правового регулирования информированного добровольного согласия в стоматологической практике Российской Федерации. На примере анализа современного законодательства, правоприменительной практики и влияния цифровых технологий представляется необходимым рассмотреть проблемы реализации права пациента на информированное добровольное согласие и сформулировать предложения по его совершенствованию.

Следует отметить, что вопросы, касающиеся правовой природы ИДС и его реализации в медицинской деятельности, неоднократно рассматривались в трудах таких ученых, как С. С. Алексеева, В. В. Бойко, Т. А. Магсумов, М. С. Сайынов и других исследователей. Однако вопросы исследования механизма реализации ИДС в стоматологической практике на основе изучения современных вызовов – цифровизации здравоохранения и усиления биоэтических требований к автономии пациента – изучены недостаточно.

В XXI веке институт информированного добровольного согласия (ИДС) перестал восприниматься лишь как формальная медицинская процедура, трансформировавшись в фундаментальную правовую категорию, обеспечивающую реализацию конституционных прав граждан.

Фундамент ИДС заложен в высших нормативных актах. Правовой анализ предполагает рассмотрение федеральных законов, постановлений правительства и иных документов, регламентирующих содержание ИДС и форму его заключения. Согласно Конституции РФ, каждый человек обладает правом на личную неприкосновенность (ст. 22) и защиту достоинства личности (ст. 21). Применительно к медицине это означает прямой

запрет на проведение вмешательств и медицинских опытов без добровольного согласия [3, с. 70].

Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» является ключевым актом, детально регламентирующим ИДС. Статья 20 Закона устанавливает, что необходимым предварительным условием медицинского вмешательства является дача информированного добровольного согласия гражданина. Закон определяет содержание ИДС: медицинскому работнику в доступной форме должны быть разъяснены цели, методы оказания медицинской помощи, связанный с ними риск, возможные варианты медицинского вмешательства, его последствия, а также предполагаемые результаты лечения.

Приказ Министерства здравоохранения РФ от 23 октября 2020 г. № 1150н «Об утверждении Порядка дачи информированного добровольного согласия на медицинское вмешательство и отказа от медицинского вмешательства» конкретизирует положения ФЗ-323. Данный акт утверждает типовые формы ИДС для различных видов медицинской помощи. Для стоматологической практики значение имеют как общие формы согласия на медицинское вмешательство, так и специализированные формы, разрабатываемые на их основе медицинскими организациями.

В современной стоматологической практике отмечается отход от патерналистской модели, где врач единолично принимал решения, к партнерским отношениям. ИДС в XXI веке рассматривается как процесс, а не разовый акт подписания документа. Оно включает в себя право пациента получить полную информацию в доступной форме о целях, рисках, альтернативах и возможных последствиях лечения. Для пациента это способ стать полноправным участником лечебного процесса, а для врача — способ верифицировать понимание пациентом сути вмешательства.

В эпоху цифровизации и развития высоких технологий возникает проблема «дискурсивной власти» врача. Обладая специальными знаниями, врач неизбежно влияет на решение пациента. Конституционная гарантия добровольности здесь сталкивается с вызовом: может ли пациент, находясь в уязвимом состоянии болезни, дать абсолютно свободное согласие?. В основе правового регулирования медицинской деятельности лежит требование о том, что воздействие врача на пациента оправдано лишь постольку, поскольку оно служит интересам его здоровья, и не может быть продиктовано личной либо финансовой заинтересованностью медицинского работника [3, с. 70-71].

Одной из главных особенностей стоматологии является необходимость получения согласия не на всё лечение в целом, а на каждое конкретное медицинское вмешательство (анестезию, рентгенологическое обследование, имплантацию, удаление зуба и т.д.). Каждая манипуляция имеет специфические риски и осложнения, о которых пациент должен быть предупрежден заранее [1, с. 35-37].

ИДС должно содержать сведения о целях, методах, рисках, вариантах вмешательства и последствиях отказа от него. Для стоматологического приема критически важно использование понятного языка: сложные термины (например, «методы периапикальной хирургии» или «системные проявления заболевания») должны быть заменены доступными объяснениями. Информация должна предоставляться дифференцированно, с учетом уровня образования и состояния пациента [2, с. 1-2].

Современный подход к документации в клинике подразумевает «векторный принцип», когда ИДС взаимосвязано с другими документами (договором, анкетой о здоровье) и сопровождает пациента от «входа» до «выхода». В этом процессе задействована вся команда: администратор информирует о назначении документа, а врач дает глубокие разъяснения по существу лечения.

В XXI веке, под влиянием стремительной цифровизации медицины, форма информированного добровольного согласия (ИДС) претерпевает существенные изменения, переходя из традиционного бумажного формата в электронную плоскость. Этот процесс не

является просто технической сменой носителя, а представляет собой глубокую трансформацию механизма реализации конституционных прав пациента [4, с. 70-72].

Современное законодательство и медицинская практика активно внедряют электронный документооборот. ИДС на медицинское вмешательство (а также отказ от него) сегодня может быть оформлено не только на бумаге, но и в виде электронного документа. Для подтверждения воли пациента в цифровой среде используются квалифицированная или простая электронная подпись. Такая форма призвана ускорить процесс взаимодействия и создать надежный «документальный след» взаимоотношений врача и пациента, который служит инструментом защиты обеих сторон при возникновении конфликтов.

Цифровые технологии позволяют более эффективно реализовать «принцип вектора» в работе клиники — когда все документы сопровождения пациента (анкета о здоровье, договор, ИДС) взаимосвязаны и последовательны. В электронных системах один документ может служить логическим основанием для другого, формируя у пациента впечатление юридической и профессиональной ответственности учреждения [1, с. 33-34]. Например, данные из электронной анкеты о соматическом здоровье могут автоматически учитываться при формировании специфических рисков в тексте ИДС, что делает информирование более индивидуализированным и доказательным.

Одним из главных вызовов для ИДС в таких сложных областях, как стоматология, является трудность восприятия пациентом специальных медицинских сведений [3, с. 71]. Цифровая трансформация формы согласия дает врачу новые инструменты: a) использование мультипликации и 3D-технологий для демонстрации сути вмешательства, b) демонстрация ситуации «до» и «после» лечения на мониторе, c) предоставление информации в доступной, интерактивной форме, что помогает пациенту рационально оценить обстоятельства и сделать осознанный выбор.

Несмотря на технологические преимущества, цифровизация несет в себе риск усиления формализма. Существует опасность, что подписание электронного ИДС превратится в механический «клик», не обеспечивающий реального понимания пациентом рисков и последствий. Источники подчеркивают, что даже в цифровом виде документ должен оставаться понятным для неспециалиста и содержать информацию о целях, методах, рисках и альтернативах лечения. Кроме того, электронная форма требует строгого соблюдения конфиденциальности и защиты персональных данных пациента [1, с. 35].

Трансформация ИДС в электронную форму — это ответ на вызовы цифрового общества. Она открывает возможности для более качественного и наглядного информирования, однако не снимает с врача обязанности по личному разъяснению рисков. Для современной стоматологии важно, чтобы цифровая форма оставалась гарантией автономии личности, а не превращалась в способ упрощенного получения подписи под непонятным для пациента текстом.

ИДС перестало восприниматься лишь как формальная медицинская процедура и трансформировалось в фундаментальную правовую категорию, обеспечивающую реализацию конституционных прав граждан на личную неприкосновенность, достоинство личности и достоверную информацию о состоянии своего здоровья. В стоматологии, характеризующейся многообразием инвазивных вмешательств и наличием альтернативных методов лечения, данный институт приобретает особое значение, требуя получения согласия на каждое конкретное вмешательство с обязательным разъяснением специфических рисков и возможных последствий.

Одного законодательного закрепления права на ИДС недостаточно. Государству и медицинскому сообществу надлежит использовать комплекс мер по обеспечению данного права: совершенствование нормативно-правовой базы, внедрение цифровых технологий информирования, повышение уровня правовой грамотности как медицинских работников, так и пациентов, а также усиление контроля за соблюдением принципа добровольности при получении согласия.

Цифровая трансформация формы ИДС открывает новые возможности для более качественного и наглядного информирования пациентов с использованием мультимедийных технологий и 3D-моделирования. Однако она несет в себе риск усиления формализма, когда подписание электронного документа превращается в механический акт, не обеспечивающий реального понимания пациентом существа вмешательства. В связи с этим представляется необходимым законодательное закрепление требований к содержанию электронного ИДС и порядку его получения, обеспечивающих сохранение личного контакта врача и пациента.

В целях совершенствования правового регулирования и повышения качества реализации ИДС в стоматологической практике представляется целесообразным дополнить следующие нормативные документы:

Во-первых, в Приказ Минздрава России № 1150н целесообразно включить специализированную типовую форму ИДС для стоматологического лечения, учитывающую специфику стоматологических вмешательств (анестезиологическое пособие, рентгенологические исследования, хирургические манипуляции, ортопедическое и ортодонтическое лечение) с возможностью дифференцированного согласия на каждый этап.

Во-вторых, в Федеральный закон № 323-ФЗ представляется необходимым внести дополнение, закрепляющее возможность оформления ИДС в электронной форме с использованием простой электронной подписи, а также устанавливающее обязательность сохранения личного контакта врача и пациента при подписании электронного согласия для обеспечения его осознанного характера.

Реализация предложенных дополнений, по мнению автора, будет способствовать не только усилению правовой защищенности медицинских работников, но и реальному обеспечению конституционного права граждан на информированное добровольное согласие, формированию партнерской модели взаимодействия врача и пациента, а также повышению качества стоматологической помощи в целом.

Список использованных источников:

1. Бойко Виктор Васильевич Документы, сопровождающие пациентов от "входа" до "выхода" // Современная стоматология. 2020. №3 (80). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/dokumenty-soprovozhdayuschie-patsientov-ot-vhoda-do-vyhoda (дата обращения: 15.03.2026).

2. Магсумов Т. А., Магсумова Р. М. Добровольное информированное согласие пациента на медицинское вмешательство в стоматологии: проблемы практического применения // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2010. №4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/dobrovolnoe-informirovannoe-soglasie-patsienta-na-meditsinskoe-vmeshatelstvo-v-stomatologii-problemy-prakticheskogo-primeneniya (дата обращения: 10.03.2026).

3. Алексеева С. С., Стародубцев М. Э. ИНФОРМИРОВАННОЕ ДОБРОВОЛЬНОЕ СОГЛАСИЕ НА МЕДИЦИНСКОЕ ВМЕШАТЕЛЬСТВО: ФИГУРА И РОЛЬ ВРАЧА // РКЖ. 2021. №9. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/informirovannoe-dobrovolnoe-soglasie-na-meditsinskoe-vmeshatelstvo-figura-i-rol-vracha (дата обращения: 07.03.2026).

4. Сайынов М. С., Кульниязова А. Б., Сисенбаева А. Т. ИНФОРМИРОВАННОЕ ДОБРОВОЛЬНОЕ СОГЛАСИЕ ПАЦИЕНТА // Journal of Health Development. 2021. №42. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/informirovannoe-dobrovolnoe-soglasie-patsienta (дата обращения: 18.03.2026).

УДК 342.7

Белецкая М. Ю.
обучающаяся 2 курса
Научный руководитель: Сильванович Ю. Н., ассистент
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»
Институт «Таврическая академия»
г. Симферополь

ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ЦИФРОВОГО ОБЩЕСТВА: ЦИФРОВЫЕ ПРАВА ГРАЖДАН В КОНСТИТУЦИОННОМ ИЗМЕРЕНИИ

Аннотация. В работе анализируется, как стремительное развитие цифровых технологий влияет на традиционные конституционные права и свободы человека, такие как: право на частную жизнь, свободу слова, доступ к информации. Приводится обоснование, что существующие конституционные гарантии, хотя и сохраняют свою актуальность, нуждаются в существенном дополнении и специфической интерпретации в условиях цифровой реальности. Особое внимание уделяется идентификации и систематизации цифровых прав граждан, которые рассматриваются не просто как производные от уже существующих, но как самостоятельные категории, требующие конституционного закрепления.

Ключевые слова: цифровое общество, конституционное право, цифровые права, права человека, цифровизация, конституционализация, приватность, доступ к интернету, алгоритмическая дискриминация.

Abstract. The paper analyzes how the rapid development of digital technologies affects traditional constitutional human rights and freedoms, such as the right to privacy, freedom of speech, access to information. The rationale is given that the existing constitutional guarantees, although they remain relevant, need significant additions and specific interpretations in the context of digital reality. Special attention is paid to the identification and systematization of digital rights of citizens, which are considered not just as derivatives of existing ones, but as independent categories requiring constitutional consolidation.

Keywords: digital society, constitutional law, digital rights, human rights, digitalization, constitutionalization, privacy, Internet access, algorithmic discrimination.

Стремительное развитие цифровых технологий и повсеместная цифровизация общественной жизни привели к формированию нового феномена – цифровых прав. Эти права являются неотъемлемой частью конституционной доктрины и практики XXI века, представляя собой качественно новую главу в системе прав и свобод человека и гражданина.

В современном российском правовом поле термин «цифровые права» используется в двух основных, но взаимосвязанных значениях. В широком смысле (правочеловеческий аспект) - это совокупность прав и свобод человека и гражданина, реализуемых и защищаемых в цифровой среде, а также новые права, возникающие под воздействием цифровизации. Они включают традиционные конституционные права, адаптированные к цифровой реальности, например, свобода слова в интернете, и принципиально новые, такие как, например, право на забвение. Право на забвение (право быть забытым) — право человека, позволяющее ему потребовать при определённых условиях удаление своих персональных данных из общего доступа через поисковые системы, то есть ссылок на те данные, которые, по его мнению, могут нанести ему вред. Запросы могут быть поданы, если информация недостоверная и содержит ложные, устаревшие, ошибочные или даже противоправные данные, которые могут вводить в заблуждение. Закон «о праве на забвение» вступил в силу 1 января 2016 года (Федеральный закон от 13.07.2015 N 264-ФЗ

«О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации" и статьи 29 и 402 Гражданского процессуального кодекса РФ»).

В узком смысле (имущественный аспект, согласно ГК РФ) - с 1 октября 2019 года в Гражданском кодексе РФ было введено понятие «цифровые права» как отдельный вид имущественных прав: «К объектам гражданских прав относятся вещи (включая наличные деньги и документарные ценные бумаги), иное имущество, в том числе имущественные права (включая безналичные денежные средства, в том числе цифровые рубли, бездокументарные ценные бумаги, цифровые права)…» [1, ст. 128]; «Цифровыми правами признаются названные в таком качестве в законе обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам..» [1, ст. 141.1]. Этот аспект регулирует оборот цифровых активов, но не является предметом рассмотрения цифровых прав в конституционно-правовом смысле. Для целей данной статьи следует сосредоточиться на широком (правочеловеческом) понимании цифровых прав.

Из всего вышеизложенного можно сделать вывод, что цифровые права – это система гарантированных государством прав и свобод человека и гражданина, возникающих, реализуемых и защищаемых в цифровой среде с использованием информационных технологий, обеспечивающих его достоинство, автономию и участие в жизни цифрового общества.

Цифровые права обладают рядом специфических признаков, отличающих их от традиционных. Первым таким признаком является эмерджентность и динамичность [3, с.130]. Этот признак состоит в том, что цифровые права возникают и постоянно развиваются вслед за технологическим прогрессом. Их содержание не статично и требует постоянной адаптации законодательства.

Вторая характерная для прав человека в цифровую эпоху черта - виртуальность и трансграничность. Суть этого признака заключается в том, что такие права реализуются преимущественно в киберпространстве, что создает сложности с определением юрисдикции и механизмов защиты.

Сквозной (интегративный) характер также можно выделить как признак, потому как цифровые права человека не существуют изолированно. Они пронизывают, трансформируют и придают новое содержание уже существующим конституционным правам (например, право на частную жизнь трансформируется в право на цифровую приватность). Технологическая обусловленность заключается в том, что реализация прав в цифровом пространстве напрямую зависит от доступности и качества цифровой инфраструктуры (доступ к интернету, устройствам, программному обеспечению). И, наконец, универсальность и инклюзивность также относят к признакам цифровых прав, так как они предполагают доступность цифровых услуг и технологий для всех граждан без исключения, в том числе – лиц с ограниченными возможностями.

На основе современного российского законодательства и доктринальных подходов можно выделить основные виды цифровых прав. Первым видом являются модифицированные (трансформированные) традиционные конституционные права. К ним относятся: 1) право на цифровую приватность и защиту персональных данных - эволюция ст. 23 (право на неприкосновенность частной жизни) и ст. 24 (сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица без его согласия не допускаются) Конституции РФ. Основной закон, регулирующий это право, – Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных». Последний закрепляет принципы обработки, право на доступ к своим персональным данным, их корректировку, блокирование и удаление; 2) право на доступ к информации и свобода выражения мнений в цифровой среде. В данном случае, это право является развитием ст. 29 (свобода мысли и слова, право искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом) Конституции РФ и регулируется Федеральным законом от

27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», который гарантирует право на доступ к информации, а также устанавливает ограничения для защиты других прав; 3) право на цифровую идентичность. Хотя прямо данное право не закреплено, оно выходит из смысла ст. 23 и 24 Конституции РФ, а также ФЗ № 149-ФЗ и Федерального закона от 06.04.2011 № 63-ФЗ «Об электронной подписи». Это право на создание, управление и защиту своей цифровой личности, включая право на псевдонимность или анонимность в определенных пределах; 4) право на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности в цифровой среде – является производной от ст. 34 Конституции РФ и регулируется, в частности, законодательством о защите конкуренции, о рекламе в интернете и другими актами.

Вторая разновидность - новые (возникающие) цифровые права. Такими являются: 1) право на доступ к сети Интернет - в Конституции РФ прямо не закреплено, но де-факто признается как фундаментальная предпосылка для реализации многих других прав. ФЗ № 149-ФЗ закрепляет право на доступ к информации, а Федеральный закон от 07.07.2003 № 126-ФЗ «О связи» регулирует услуги связи, включая доступ в Интернет – обсуждается как потенциальное конституционное право; 2) право на забвение, частично реализовано в ФЗ от 13.07.2015 № 264-ФЗ, который позволяет гражданам требовать от операторов поисковых систем прекращения выдачи ссылок на информацию о себе, если она неактуальна, недостоверна или утратила значение для заявителя в силу истечения срока давности привлечения к уголовной ответственности («Оператор поисковой системы, распространяющий в сети «Интернет» рекламу, которая направлена на привлечение внимания потребителей, находящихся на территории Российской Федерации, по требованию гражданина (физического лица) (далее в настоящей статье - заявитель) обязан прекратить выдачу сведений об указателе страницы сайта в сети «Интернет» (далее также - ссылка), позволяющих получить доступ к информации о заявителе, распространяемой с нарушением законодательства Российской Федерации, являющейся недостоверной, а также неактуальной, утратившей значение для заявителя в силу последующих событий или действий заявителя, за исключением информации о событиях, содержащих признаки уголовно наказуемых деяний, сроки привлечения к уголовной ответственности по которым не истекли, и информации о совершении гражданином преступления, по которому не снята или не погашена судимость») [2, ст. 10.3]; 3) право на защиту от алгоритмической дискриминации и манипуляций. Это новое право находится на стадии формирования. Хотя прямо не закреплено, оно основывается на общих конституционных принципах равенства (ст. 19 Конституции РФ) и защиты достоинства личности (ст. 21 Конституции РФ) и требует регулирования использования искусственного интеллекта и больших данных для предотвращения несправедливого отношения к гражданам; 4) право на цифровую автономию и самоопределение. Оно включает право на контроль над своими данными, цифровыми следами, а также на принятие решений об использовании технологий в своей жизни. Частично вытекает из ФЗ № 152-ФЗ (согласие на обработку данных) и общих принципов неприкосновенности частной жизни; 5) право на цифровое наследование. Это право на распоряжение своими цифровыми активами и информацией после смерти. Находится на стадии активного обсуждения в доктрине и требует дальнейшего законодательного закрепления, возможно, посредством внесения изменений в ГК РФ.

Суть цифровых прав как новых разновидностей конституционных заключается в том, что, во-первых, благодаря им расширяются сферы действия Конституции: цифровые права показывают, что основные законы государства должны быть живыми и адаптироваться к изменяющейся социальной реальности. Видится, что Конституция РФ, принятая до эры повсеместной цифровизации, нуждается в новой интерпретации и, возможно, дополнении для эффективной защиты прав человека в киберпространстве.

Во-вторых, официальное закрепление и защита цифровых прав и свобод государством содействует обеспечению человеческого достоинства и автономии в

цифровую эпоху. В условиях, когда большая часть жизни человека переходит в цифровую среду, защита его приватности, идентичности, свободы слова и доступа к информации становится критически важной для сохранения его достоинства и способности к самоопределению.

В-третьих, формируется баланс между интересами личности, государства и бизнеса: цифровые права призваны установить правовые рамки для деятельности государственных органов, IT-корпораций и других субъектов с целью предотвращения злоупотребления и обеспечения защиты граждан. Все вышеизложенное требует постоянного поиска компромиссов между свободой, безопасностью и эффективностью.

В-четвертых, гарантированность цифровых прав создает правовые основы для цифрового гражданства и качественной цифровой жизнедеятельности. Это означает, что доступ к интернету и цифровым услугам становится условием полноценного участия в общественной, экономической и политической жизни: цифровые права обеспечивают гражданам возможность пользоваться этими преимуществами и влиять на процессы цифрового управления [4, с.9].

Кроме этого, цифровые права имеют трансграничный характер, что делает их предметом международного правового регулирования и сотрудничества. Российское законодательство, закрепляя и развивая цифровые права, интегрируется в международные стандарты защиты прав человека в цифровой сфере. ФЗ-152 является ярким примером того, как российское законодательство в области цифровых прав восприняло и закрепило основополагающие принципы, разработанные на международном уровне.

Федеральный закон № 152-ФЗ «О персональных данных» от 27 июля 2006 года во многом отражает и закрепляет эти международные принципы, интегрируя их в российскую правовую систему: 1) обработка персональных данных осуществляется с согласия субъекта персональных данных (ст. 6, 9); 2) Закон требует, чтобы обработка данных осуществлялась для конкретных, заранее определенных целей и в объеме, необходимом для достижения этих целей (ст. 5); 3) субъект персональных данных имеет право на доступ к своим данным, требовать их уточнения, блокирования или уничтожения, если данные являются неполными, устаревшими, неточными, незаконно полученными или не являются необходимыми для заявленной цели обработки (ст. 14, 17). Это аналогично «праву на забвение» и праву на исправление данных в GDPR; 4) ФЗ-152 регулирует условия трансграничной передачи персональных данных (ст. 12), устанавливая требования к обеспечению адекватного уровня защиты прав субъектов данных в стране, куда осуществляется передача, что соотносится с подходами международных соглашений к международным потокам данных; 5) Закон обязывает операторов принимать необходимые правовые, организационные и технические меры для защиты персональных данных от неправомерного или случайного доступа, уничтожения, изменения, блокирования, копирования, распространения, а также от иных неправомерных действий (ст. 19) [2].

И, хотя многие аспекты цифровых прав уже регулируются федеральными законами, их фундаментальное значение для современного общества требует либо прямого закрепления в Конституции РФ, либо её авторитетного толкования, подтверждающего их конституционный статус. В связи с чем считаем возможным выделить необходимость конституционализации прав, обусловленных цифровизацией, что в перспективе способно придать им высшую юридическую силу и обеспечить более надёжные гарантии защиты [5, с.129].

Из всего вышеизложенного следует, что цифровые права – это не просто набор новых норм, а эволюционный этап развития конституционного права, отвечающий на вызовы XXI века и формирующий правовую основу для полноценной и безопасной жизни человека в цифровом обществе. Права человека в цифровой среде, хоть и появились по историческим меркам совсем недавно, уже занимают одно из лидирующих мест в иерархии прав человека. Их доступное и подробное толкование и защита со стороны государства

является обязательным условием обеспечения социальной стабильности, безопасности всего населения и защищенности каждого отдельного гражданина.

Список использованных источников:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) [Текст]: от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 16.12.2019) // Собрание законодательства РФ. – 05.12.1994

2. Федеральный закон от 13.07.2015 № 264-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и статьи 29 и 402 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации»// Собрание законодательства РФ. – 2015.

3. Вайпан, В.А. Информационные технологии в юридической деятельности: правовая информатика, информационное и цифровое право: учебник / под ред. д.ю.н., проф. В.А. Вайпана. – Москва: Юстицинформ, 2026 – 130 с.

4. Даниленков, А. В. Интернет-право / А.В. Даниленков – Москва: Юстицинформ, 2014 – 9 с.

5. Матвеев, А. Г. Гражданско-правовая охрана интернет-вещания: монография / А. В. Устинова; отв. ред. А. Г. Матвеев, - Москва: Юстицинформ, 2024 – 129 с.

УДК 342.7

Бокова В.А.
обучающаяся 2 курса
Научный руководитель: Пашнева В.А., к.ю.н., доцент
Институт «Таврическая академия»
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»,
г. Симферополь

ТРАНСПЛАНТОЛОГИЯ И КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО НА ЖИЗНЬ И ЗДОРОВЬЕ: ПРЕЗУМПЦИЯ СОГЛАСИЯ/НЕСОГЛАСИЯ

Аннотация. Тезисы посвящены изучению конституционно-правовой коллизии между правом на телесную неприкосновенность после смерти и правом реципиента на жизнь в контексте трансплантологии. Анализируются модели презумпции согласия (Россия) и несогласия, этические аргументы и позиция Конституционного Суда РФ. Делается вывод о необходимости баланса конституционных ценностей через повышение прозрачности процедур.

Ключевые слова трансплантология, презумпция согласия, презумпция несогласия, право на жизнь, донорство органов.

Abstract. The article deals with the constitutional and legal conflict between the right to bodily integrity after death and the recipient's right to life in the context of transplantology. The models of presumption of consent (Russia) and dissent, ethical arguments and the position of the Constitutional Court of the Russian Federation are analyzed. The author concludes that it is necessary to balance constitutional values by increasing the transparency of procedures.

Keywords: transplantology, presumption of consent, presumption of dissent, right to life, organ donation.

Право на жизнь и право на здоровье, закреплённые в ст. 20 и 41 Конституции РФ, относятся к фундаментальным, неотчуждаемым правам человека. Однако развитие трансплантологии поставило перед наукой конституционного права непростой вопрос: соотношение права на жизнь и здоровье и посмертное донорство. Актуальность

исследования также продиктована отсутствием нормативной определенности в вопросе о том, кто и в каком порядке правомочен давать согласие на посмертное изъятие органов.

Руководящие принципы ВОЗ по трансплантации человеческих клеток, тканей и органов, утверждённые на 63-й сессии Всемирной ассамблеи здравоохранения в мае 2010 года (резолюция WHA63.22) устанавливают 2 юридические модели забора клеток, тканей и органов:

1. Презумпция несогласия («opting in»), при которой забор трансплантатов допускается лишь в случае, если донором при жизни было высказано согласие на подобное изъятие (также согласие может быть дано родственниками умершего). Такая модель требует явного выражения прижизненного согласия потенциального донора, как это принято, например, в США, Германии или ряде штатов Австралии.

2. Презумпция согласия («opting out»), согласно которой забор донорского материала разрешен в случае, если лицом при жизни не было высказано возражение против последующего изъятия [1].

Российское законодательство в ст. 8 Закона РФ «О трансплантации органов и (или) тканей человека» закрепляет вторую модель («opting-out») : «Изъятие органов и (или) тканей у трупа не допускается, если учреждение здравоохранения на момент изъятия поставлено в известность о том, что при жизни данное лицо либо его близкие родственники или законный представитель заявили о своем несогласии на изъятие его органов и (или) тканей после смерти для трансплантации реципиенту» [2]. Иными словами, молчание расценивается как согласие.

На первый взгляд, российская модель более эффективна с утилитарной точки зрения: она позволяет увеличить количество донорских органов и спасти больше жизней. Однако её согласование с конституционным правом на личную неприкосновенность (ст. 22 Конституции РФ) не столь однозначно. По смыслу, придаваемому Конституционным Судом, данное право не может прекращаться со смертью человека в части права на достойное отношение к телу.

В этом ключе показательна история Алины Саблиной, погибшей в ДТП, чьи органы были изъяты без уведомления родственников. Мать узнала об этом лишь спустя месяц из заключения судмедэксперта [3]. Конституционный Суд РФ, рассматривая жалобу, подтвердил конституционность презумпции согласия, указав, что она направлена на развитие донорства и спасение жизней. Фактически суд переложил бремя «активного возражения» на граждан и их семьи: государство не спрашивает разрешения, а лишь ожидает запрета. При этом отсутствует должная информированность граждан о необходимости и способах фиксации отказа (письменно, устно, через Госуслуги).

Сторонники действующей модели справедливо указывают: презумпция согласия — это не принуждение, а лишь презумпция, которая опровергается любым выраженным возражением. Однако, как отмечает А.П. Тресков, юридическая и ятрогенная причины (страх людей перед врачами-трансплантологами) заставляют задуматься о необходимости перехода к системе испрошенного согласия [4]. Действительно, отсутствие явного согласия и явного отказа — это принципиально разные правовые состояния, особенно если речь идёт о таком акте, как распоряжение собственным телом после смерти.

Не менее сложен и вопрос о правовом статусе органов и тканей. Прокуратура разъясняет: органы и ткани не являются вещами в гражданско-правовом смысле, однако после изъятия их правовой статус остаётся неопределённым. Судебная практика последовательно отвергает притязания родственников на «собственность» в отношении органов умерших, но это не снимает этического напряжения, оставляя открытым вопрос о пределах права человека распоряжаться своим телом при жизни.

О.В. Романовская обращает внимание ещё на один аспект: даже при наличии прижизненного волеизъявления во многих странах решающее слово остаётся за семьёй [5]. В России же семья оказывается в странном положении: она может запретить изъятие, но

должна знать о необходимости такого запрета, часто в условиях стресса и внезапности утраты.

Этическая дилемма здесь очевидна. В 2026 году дискуссия о смене модели регулирования вновь активизировалась. Вносятся предложения о переходе к системе испрошенного согласия, создании федерального регистра волеизъявлений граждан, внесении соответствующей информации в документы. Это шаг к большей определённости и уважению к автономии личности. Однако за декларируемыми гуманистическими принципами встаёт проблема практических последствий такого шага: вероятность сокращения количества донорских органов при новой модели оценивается как высокая, и цена этого снижения, измеряемая человеческими жизнями, требует глубокого осмысления.

Таким образом, главная коллизия сводится к пределам государственного усмотрения в отношении тела умершего: презумпция согласия как инструмент публичного интереса сталкивается с конституционным правом на телесную неприкосновенность, требующим явно выраженного прижизненного согласия, а не молчаливого не-возражения. В этом противоречии между эффективностью и автономией — суть дискуссии.

Представляется, что дальнейшее развитие законодательства должно идти по пути баланса: сохранение презумпции согласия как механизма, спасающего жизни, но при этом — создание реальных, доступных и широко известных механизмов фиксации отказа, а также обязательное информирование граждан о действующем регулировании. Только тогда можно будет говорить о том, что право на жизнь (реципиента) и право на уважение к телу (донора) не конфликтуют, а взаимно дополняют друг друга в пространстве конституционных ценностей.

Список использованных источников:

1. WHO Guiding principles on human cell, tissue and organ transplantation//Resolution WHA63.22 adopted by the Sixty-third World Health Assembly on 21 May 2010. [Электронный ресурс]. URL: http://www.who.int/transplantation/en/ (дата обращения: 28.02.2026).

2. Закон РФ "О трансплантации органов и (или) тканей человека" от 22.12.1992 N 4180-1 (последняя редакция). [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_4692/ (дата обращения: 28.02.2026).

3. Владимирцев О. Конституционный суд подтвердил законность беспрепятственного изъятия органов у граждан. [Электронный ресурс]. URL: https://zakon.ru/blog/2016/3/14/konstitucionnyj_sud_podtverdil_zakonnost_besprepyatstvennogo_izyatiya_organov_u_grazhdan (дата обращения: 28.02.2026)

4. Тресков А.П. Презумпция согласия на трансплантацию органов и тканей человека: конституционно-правовой аспект. [Электронный ресурс]. URL: https://lawinfo.ru/articles/10648/prezumpciya-soglasiya-na-transplantaciyu-organov-i-tkanei-celoveka-konstitucionno-pravovoi-aspekt (дата обращения: 28.02.2026).

5. Романовская О. В. Правовые основы использования тела, органов и тканей умершего человека // Менеджер здравоохранения. 2013. №10. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pravovye-osnovy-ispolzovaniya-tela-organov-i-tkaney-umershego-cheloveka (дата обращения: 28.02.2026).

УДК 340

Виноградова С. А.
обучающаяся 3 курса
Научный руководитель: Пашнева В.А., к.ю.н., доцент
Институт «Таврическая академия»
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»,
г. Симферополь

КОНСТИТУЦИОННЫЕ ПРЕДЕЛЫ ОГРАНИЧЕНИЯ ЦИФРОВЫХ ПРАВ

Аннотация. В статье проводится анализ оснований конституционных ограничений цифровых прав, принципы соразмерности и законности конституционных рамок в РФ. Также анализируются практика обеспечения национальной безопасности в условиях развития технологий.
Ключевые слова: Конституционные права, цифровое пространство, цифровое право, конституционные пределы, ограничение прав, национальная безопасность, законность, соразмерность.
Abstract: The article analyzes the grounds for constitutional restrictions on digital rights, the principles of proportionality and legality of constitutional frameworks in the Russian Federation. It also analyzes the practice of ensuring national security in the context of technological development.
Keywords: Constitutional rights, digital space, digital law, constitutional limits, restriction of rights, national security, legality, proportionality.

Цифровые изменения поставили перед правовой системой России вызов по обеспечению баланса между защитой цифровых прав граждан, что включает право на неприкосновенность частной жизни, свободу информации и т.д., относительно законных интересов государства в сфере национальной безопасности, общественного порядка и защиты нравственности. Актуальность проблемы обусловлена динамичным развитием законодательства в цифровой сфере, в последние годы были приняты ряд нормативных актов, предписывающих некоторые ограничения, к ним можно отнести: «пакет Яровой», о регулировании деятельности иностранных IT-компаний, о запрете использования VPN для доступа к запрещенным ресурсам и др. Так меры, вводимые данным законодательством: блокировки сайтов, обязательное хранение данных, удаление контента, ограничение доступа к сервисам и т.д., создают нормативное поле, требующее конституционной оценки. В результате чего возникает вопрос о соответствии этих ограничений конституционным принципам, прежде всего соразмерности. Цель данной статьи заключается в проведении анализа конституционных оснований и пределов допустимого ограничения цифровых прав в Российской Федерации.

В Гражданском кодексе (далее – ГК РФ) закреплено понятие «Цифровые права», так «Цифровыми правами признаются обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам. Осуществление, распоряжение, в том числе передача, залог, обременение цифрового права другими способами или ограничение распоряжения цифровым правом возможны только в информационной системе без обращения к третьему лицу.» [2]. В доктрине Шишкин С.Н. трактует цифровые права как комплексный, собирательный термин, охватывающий две основные группы прав. Первая группа - традиционные конституционные права и свободы человека, реализуемые с использованием цифровых технологий (например, право на поиск информации в интернете, свобода выражения мнений в социальных сетях, право на тайну переписки в мессенджерах). Вторая группа представлена, как они определены ГК РФ [6]. В нашем анализе мы будем

использовать тот подход, который фокусируется на цифровом измерении классических прав человека и гражданина. Основу защиты персональных данных онлайн составляют ст. 23 Конституции РФ (право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну) и ст. 24 Конституции РФ (запрет на сбор и распространение информации о частной жизни без согласия), в свою очередь ст. 29 Конституции РФ (свобода мысли, слова, информации, запрет цензуры) является фундаментом для свободы интернета и выражения мнений в цифровом пространстве [1]. Таким образом, содержание «цифровых прав» формируется на стыке конституционного, гражданского и информационного права.

Однако существует конституционный механизм по ограничению данных прав, который используется для строго определенных целей. Это закреплено ч. 3 ст. 55 Конституции РФ, согласно которой, права и свободы человека могут быть ограничены только федеральным законом в той мере, в какой это необходимо в строго определенных целях [1]. Эти цели носят исчерпывающий характер: защита основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечение национальной безопасности государства. Однако общие конституционные основания конкретизируются в специальном отраслевом законодательстве, которое создает детализированные правовые режимы. Так можно упомянуть Федеральный закон «О связи» [3], который регулирует вопросы конфиденциальности и ограничения связи, одно из положений закрепляет, что операторы связи могут приостановить оказание услуг связи юридическим и физическим лицам на основании мотивированного решения в письменной форме одного из руководителей органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность или обеспечение безопасности Российской Федерации, Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»[4], регулирующий основания ограничения доступа к сайтам, одно из положений регулирует, что в случае обнаружения в информационно-телекоммуникационных сетях, в том числе в сети "Интернет", информации, выражающей в неприличной форме, которая оскорбляет человеческое достоинство и общественную нравственность, явное неуважение к обществу, государству, официальным государственным символам Российской Федерации, Конституции Российской Федерации или органам, осуществляющим государственную власть в Российской Федерации, Генеральный прокурор Российской Федерации или его заместители обращаются в федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий функции по контролю и надзору в сфере средств массовой информации, массовых коммуникаций, информационных технологий и связи, с требованием о принятии мер по удалению указанной информации и по ограничению доступа к информационным ресурсам, распространяющим указанную информацию, и т.д. [5]. Важно отметить, что помимо конкретизации причин ограничения тех или иных прав в специализированных нормативных актах, существуют специальные органы, осуществляющие функции по контролю и надзору в сфере средств массовой информации, массовых коммуникаций, информационных технологий и связи. Это говорит о том, что решение об ограничении контента предварительно проходит определенную проверку, на соответствие указанных целей. К тому же законодатель старается избегать широких формулирований целей (национальная безопасность, борьба с экстремизмом) в специализированных актах, для предотвращения злоупотребления.

Давая оценку действий властей, по приведённой выше статье, касающуюся ограничения публикуемого контента, то мы видим, что государство стремится защитить основы конституционного строя, общественной нравственности, а также суверенитет и авторитет государственной власти Российской Федерации путем предотвращения распространения в информационном пространстве материалов, содержащих явное неуважение к обществу, государству и его официальным символам. В некоторых случаях, мониторинг подобного контента позволял выявить экстремистские и террористические организации, которые напрямую угрожали общественной безопасности [7].

Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что конституционные пределы ограничения цифровых прав в Российской Федерации формируются на основе толкования норм Конституции и Федеральных законов. Цифровые права, являясь производными от классических прав и свобод, подлежат защите в полном объеме, но могут быть ограничены в установленном законом порядке. Законность любых ограничений определяется не только соответствием с Федеральным законом, но и проверкой на соразмерностью заявленной конституционной цели. Таким образом, дальнейшее развитие законодательства в цифровой сфере должно быть направлено на конкретизацию оценочных понятий.

Список использованных источников:

1. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 14.03.2020 № 1-ФКЗ, от 04.10.2022 № 5-ФКЗ, от 04.10.2022 № 6-ФКЗ, от 04.10.2022 № 7-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 31. – Ст. 4398 ; Официальный интернет-портал правовой информации « Консультант». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 08.02.2026).
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025, с изм. от 25.11.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.08.2025) Официальный интернет-портал правовой информации « Консультант». URL:https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/8568bf88dfcddf96ec39cede2444c36c998fbde3/ (дата обращения: 08.02.2026)
3. Федеральный закон «О связи» от 07.07.2003 №126-ФЗ//Официальный интернет-портал правовой информации « Консультант». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_43224/ (дата обращения: 08.02.2026).
4. Федеральный закон от 27.07.2006 №149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»// Официальный интернет-портал правовой
информации «Консультант». URL:https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_698/ дата обращения: 08.02.2026).
5. Официальный сайт «РОСКОМНАДЗОР» Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций « Ограничение доступа к Интернет-ресурсам,содержащим информацию,распространение которой в Российской Федерации запрещено» - URL: https://15.rkn.gov.ru/p8880/p17248/ (дата обращения: 08.02.2026).
6. Шишкин Сергей Николаевич ЦИФРОВОЕ ПРАВО В ПРАВОВОЙ СИСТЕМЕ РОССИИ // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В. Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. 2021. №3 (79). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovoe-pravo-v-pravovoy-sisteme-rossii (дата обращения: 08.02.2026).
7. Приговор № 1-67/2020 от 2 января 2020 г. по делу № 1-67/2020, Фрунзенский районный суд г. Владимира (Владимирская область) // Интернет портал «Судебные и нормативные акты РФ – URL:https://sudact.ru/regular/doc/zNzhbe59AqU/ (дата обращения: 08.02.2026).

УДК 342.7

Голованов П.Л.
обучающийся 1 курса
Научный руководитель: Рыбакова О.С., к.ю.н., доцент
ФГАОУ ВО «Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА)»,
г. Москва

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ СТАТУС ЭМБРИОНА IN VITRO: СООТНОШЕНИЕ ВЕЩНО-ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ И ПРАВ ЛИЧНОСТИ

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы правосубъектности эмбриона, а также предел прав на действия в отношении него. Определение понятия «криоконсервированный эмбрион» должно способствовать пониманию вопроса. Актуальность обусловлена развитием вспомогательных репродуктивных технологий и отсутствием в российском законодательстве чёткого определения правового режима эмбрионов, что порождает судебные споры между генетическими родителями (в том числе при разводе, смерти одного из них или в рамках суррогатного материнства). На основе анализа действующего законодательства, судебной практики (российской и зарубежной) и доктринальных подходов автор обосновывает, что признание эмбриона исключительно объектом вещных прав не позволяет в полной мере учесть конституционно значимые интересы будущего ребёнка и репродуктивную автономию личности. Методология исследования включает формально-юридический метод, сравнительно-правовой анализ и правовое моделирование, позволяющие предложить пути гармонизации законодательства в данной сфере.

Ключевые слова. Эмбрион in vitro, криоконсервированный эмбрион, конституционно-правовой статус, вещно-правовые отношения, права личности, вспомогательные репродуктивные технологии, судебные споры, биоэтика.

Abstract. The article examines the issues of the embryo's legal personality, as well as the limits of rights to act with respect to it. Defining the concept of "cryopreserved embryo" should contribute to understanding the issue. The relevance is due to the development of assisted reproductive technologies and the absence in Russian legislation of a clear definition of the legal regime of embryos, which gives rise to legal disputes between genetic parents (including in cases of divorce, death of one of them, or within the framework of surrogacy). Based on an analysis of current legislation, judicial practice (Russian and foreign), and doctrinal approaches, the author argues that recognizing the embryo exclusively as an object of property rights does not allow for fully taking into account the constitutionally significant interests of the future child and the reproductive autonomy of the individual. The research methodology includes the formal legal method, comparative legal analysis, and legal modeling, which make it possible to propose ways to harmonize legislation in this area.
Keywords. In vitro embryo, cryopreserved embryo, constitutional and legal status, property-legal relations, personal rights, assisted reproductive technologies, litigation, bioethics.

Развиваясь вслед за медициной, право сегодня сталкивается с необходимостью законодательно урегулировать правоотношения, возникающие при применении вспомогательных репродуктивных технологий (ВРТ). Для России, где научно-технический прогресс позволяет активно применять их, данный вопрос имеет высокую актуальность.

Поскольку комплекс проблем, связанный с применением таких технологий, затрагивает одновременно правовой и морально-этический аспект, его разрешение видится одной из наиболее сложных вызовов на стыке медицинского и семейного права.

К таким, например, относится определение правового статуса криоконсервированного эмбриона: является ли он объектом или субъектом правоотношений? Согласно ч. 2 ст. 17 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ) [1], правоспособность гражданина возникает в момент его рождения и прекращается смертью. Российским законодательством момент рождения определяется моментом отделения плода от организма матери посредством родов. Таким образом, эмбрион не обладает правоспособностью, а значит правами человека и гражданина, закрепленными в Конституции Российской Федерации, такими как право на жизнь (ст. 20) и право на достоинство личности (ст. 21) [2], подразумевающее запрет на опыты. Подобное определение может подвергаться критике с морально-этической точки зрения, поскольку речь все же идет о начальной форме человеческой жизни, однако оно обусловлено спецификой применения ВРТ: в процессе проведения процедуры ЭКО создается несколько эмбрионов, из которых отбираются наиболее подходящие, а остальные утилизируются. Признание эмбриона субъектом правоотношений и наделение его правами человека привело бы к невозможности такой процедуры.

В то же время, Конституционный Суд РФ в постановлении №6 от 11.02.2025 [5] пришел к выводу, что дети, рожденные в результате постмортальной репродукции, имеют право на получение какого-либо социального обеспечения в связи с отсутствием отцовского попечения, т.к. его воля об этом была выражена в информированном добровольном согласии. При этом вдова при принятии решения о применении постмортальной репродукции делает осмысленный выбор с пониманием социальных последствий. Следуя этой логике, ребенок, родившийся с применением криоконсервации эмбриона после смерти отца, имеет право на получение социальной помощи, в то время как ребенок, рожденный, например, с использованием донорского биоматериала одинокой женщиной – нет, что потенциально может создавать неравенство между такими лицами.

Думается уместным задать вопрос: защищаются ли законом права насцитуров, если эмбрион был имплантирован в тело женщины после смерти отца, находившегося в браке с матерью? В соответствии со ст. 1116 ГК РФ [1], на наследство могут претендовать граждане, находящиеся в живых в момент открытия наследства, а также зачатые при жизни наследодателя и родившиеся живыми после открытия наследства. Примечательно, что если ребенок будет рожден в течение 300 дней со смерти отца, то умерший будет автоматически признан отцом согласно п 2. ст. 48 семейного кодекса РФ [3]. Следовательно, несмотря на установление факта отцовства, такой ребенок не сможет претендовать на наследство.

В апелляционном определении от 11.06.2024 г. по делу № 33-1363/2024 Верховный суд Республики Хакасия [6] определяет эмбрион in vitro как объект гражданских прав, с признаками индивидуально-определенной, движимой, неделимой и потребляемой вещи, имеющий, однако, свою специфику. Такая позиция, как отмечает О.С. Карпенюк [8], является очень спорной, ведь если эмбрион – вещь (материальный объект, имеющий экономическую стоимость), то он является объектом вещных прав? При этом п. 3 ч. 4 ст. 1349 ГК РФ [1] прямо запрещает использование эмбрионов в коммерческих и промышленных целях.

Щербинский районный суд г. Москвы в решении от 16 августа 2017 г. по делу №2-425/2017 [7] выражает иную позицию. Суд указал, что эмбрион по своей природе не может быть отнесен к имуществу, нажитому во время брака, и потому право на распоряжение им не подлежит разрешению при рассмотрении спора о разделе имущества.

Решение Щербинского суда ставит вопрос и об ограничении прав на действия в отношении эмбриона. Как следует из постановления суда, эмбрион не может быть включен в наследственную массу. Ч. 8 ст. 55 ФЗ № 323 [4] дает право гражданам знать информацию о доноре биоматериала или эмбриона, следовательно, эмбрион может передаваться (но не продаваться) от одних лиц к другим. Ч. 6 ст. 55 того же ФЗ [4] запрещает использование половых клеток, тканей репродуктивных органов и эмбрионов человека в промышленных целях.

Разнообразие подходов подтверждается и делом, рассмотренным Советским районным судом г. Самары [9]. Бывший супруг, опасаясь, что экс-супруга сможет использовать криоконсервированные эмбрионы для рождения ребёнка и взыскания алиментов, обратился с требованием об уничтожении биоматериала. Суд удовлетворил иск.

Приведенные решения судов получили отражение в научной литературе: О.В. Кузнецова, анализируя приведенные выше судебные акты [9], приходит к выводу о необходимости законодательного запрета на использование невостребованных эмбрионов в случае расторжения брака, чтобы исключить риск злоупотребления правом и неопределённости в судьбе биоматериала.

Таким образом, можно заключить, что в современном российском праве эмбрионы определяются как особый объект гражданского права. Его специфика заключается в ограничении права на распоряжение им, а также в охране прав рожденного в последствии ребенка, например, на получение социальной помощи.

Список использованных источников:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федеральный закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 16.04.2022). – Ст. 17, ч. 2; ст. 1116; ст. 1349, п. 3 ч. 4.
2. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с изм., одобр. в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). – Ст. 20, 21.
3. Семейный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 02.07.2021). – Ст. 48, п. 2.
4. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 28.12.2024). – Ст. 55, ч. 6 и 8.
5. Постановление Конституционного Суда РФ от 11.02.2025 № 6-П по делу о проверке конституционности части 1 и 3 статьи 10 Федерального закона «О страховых пенсиях» в связи с жалобой гражданки М.Ю. Щаниковой.
6. Апелляционное определение Верховного суда Республики Хакасия от 11.06.2024 по делу № 33-1363/2024.
7. Решение Щербинского районного суда г. Москвы от 16.08.2017 по делу № 2-425/2017.
8. Карпенюк О. С. Гражданско-правовые аспекты применения вспомогательных репродуктивных технологий // Семейное и жилищное право. – 2023. – № 3. – С. 28–32.
9. Кузнецова О. В. Правовой режим эмбрионов при расторжении брака // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право. – 2023. – Т. 8, вып. 2. – С. 18–22. – ISSN 2618-8236.

УДК 347.963

Гольберг Д.А.
Научный руководитель: Борецкая Л.Р.,
доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин
Крымский юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации
г. Симферополь

РОЛЬ ПРОКУРАТУРЫ В ОБЕСПЕЧЕНИИ СОЦИАЛЬНЫХ ПРАВ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Аннотация. В статье рассмотрена роль прокуратуры и её функции в обеспечении социальных прав несовершеннолетних. На основании изученных научных статей и федеральных законов делается вывод о роли прокуратуры в данной сфере. Автор

рассматривает все функции органов прокуратуры для обеспечения законности в сфере социальных прав несовершеннолетних.

Ключевые слова: прокуратура, несовершеннолетние, социальные права, прокурорский надзор.

Abstract. This article examines the role of the prosecutor's office and its functions in ensuring the social rights of minors. Based on the review of scientific articles and federal laws, a conclusion is drawn regarding the prosecutor's office's role in this area. The author examines all the functions of prosecutorial bodies in ensuring the rule of law in the area of minors' social rights.

Keywords: prosecutor's office, minors, social rights, prosecutorial oversight.

В архитектуре государственной системы Российской Федерации, ориентированной на реализацию принципов правового и социального государства, прокуратуре отведена уникальная и многогранная роль [1]. Она выступает не просто одним из звеньев правоохранительного механизма, а представляет собой фундаментальный институт, обеспечивающий верховенство закона, единство и укрепление законности, а также защиту прав и свобод человека и гражданина.

Особую значимость деятельность прокуратуры приобретает в сфере обеспечения социальных прав несовершеннолетних, поскольку эта категория граждан, в силу своих возрастных, психофизиологических и социальных особенностей, является наиболее уязвимой и нуждается в специальных мерах государственной защиты.

Роль прокуратуры в данном контексте не сводится к эпизодическому реагированию на отдельные правонарушения; она носит системный, превентивный и всеобъемлющий характер, пронизывая все ключевые аспекты жизнедеятельности подрастающего поколения. Данный орган государственной власти выступает в качестве ключевого гаранта того, чтобы конституционные декларации о защите детства и поддержке семьи трансформировались в реально действующие механизмы, обеспечивающие каждому ребенку достойные условия для полноценной эволюции и интеграции в общество.

Фундаментальное предназначение прокуратуры заключается в осуществлении от имени Российской Федерации надзора за соблюдением Конституции и исполнением законов, действующих на её территории [2]. Именно эта надзорная функция составляет ядро её правозащитного потенциала в области охраны социальных интересов юных граждан.

Объектом прокурорского надзора выступает широчайший круг субъектов: органы государственной власти всех уровней, органы местного самоуправления, их должностные лица, а также органы управления и руководители коммерческих и некоммерческих организаций, от деятельности которых зависит реализация социальных прав детей. Это могут быть образовательные учреждения, медицинские организации, органы опеки и попечительства, комиссии по делам несовершеннолетних, предприятия, использующие труд подростков, и многие другие.

Универсальность надзорных полномочий позволяет прокуратуре комплексно оценивать состояние законности в исследуемой сфере, выявлять не только последствия, но и первопричины нарушений, внося представления об их устранении.

Помимо надзорной, исключительно важна координирующая функция прокуратуры. Эффективная защита социальных прав несовершеннолетних невозможна без слаженного взаимодействия множества государственных и муниципальных структур, образующих систему профилактики безнадзорности и правонарушений [3].

На практике деятельность этих органов (полиции, комиссий по делам несовершеннолетних, органов социальной защиты, образования, здравоохранения) нередко страдает от ведомственной разобщенности, недостатка информации и несогласованности действий. Прокуратура, не будучи административно подчиненной ни одному из этих ведомств, выступает в качестве естественного координационного центра [4, с.42].

Именно прокурор созывает и проводит координационные совещания руководителей правоохранительных и иных уполномоченных органов, на которых вырабатывается единая стратегия и тактика по ключевым направлениям защиты прав детей, анализируются причины и условия, способствующие правонарушениям, и намечаются совместные мероприятия. Эта координирующая роль позволяет преодолеть межведомственные барьеры и обеспечить системный, комплексный подход к решению проблем, будь то обеспечение жильём детей-сирот, организация летнего отдыха и оздоровления или профилактика социального сиротства.

Особое место в деятельности прокуратуры занимает правозащитная функция, реализуемая через участие в судопроизводстве. Прокурор наделен полномочиями обращаться в суд с заявлением в защиту прав, свобод и законных интересов несовершеннолетних [5]. Эта прерогатива является важнейшей процессуальной гарантией, поскольку юные граждане зачастую не могут самостоятельно защитить свои интересы в суде по причине возраста, состояния здоровья или зависимости от законных представителей, которые сами могут быть источником нарушения прав.

Прокурор, выступая в суде, действует не как сторона спора, а как представитель государственных интересов, заключающихся в безусловном соблюдении прав ребенка. Практика показывает высокую эффективность прокурорского вмешательства в судебных процессах по таким социально значимым категориям дел, как взыскание алиментов, лишение или ограничение родительских прав, обеспечение детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, жилыми помещениями [6, с.79], оспаривание незаконных действий (бездействия) образовательных или медицинских организаций.

Участие прокурора в гражданском процессе в качестве лица, дающего заключение по делу, по целому ряду категорий споров, затрагивающих интересы детей (например, об усыновлении, об определении места жительства ребенка), является обязательным [7, с.5]. В этих случаях прокурор, основываясь на материалах дела, представляет суду свое объективное и независимое мнение о том, какое решение будет в наибольшей степени соответствовать интересам несовершеннолетнего, что служит дополнительным фактором обеспечения законности и справедливости судебного акта.

Роль прокуратуры в обеспечении отдельных видов социальных прав имеет свою специфику. Так, в сфере охраны жизни и здоровья прокурорский надзор направлен на обеспечение доступности и качества бесплатной медицинской помощи, своевременное предоставление лекарственных препаратов, в том числе детям-инвалидам и детям с редкими заболеваниями, а также на контроль за соблюдением санитарно-эпидемиологических норм в образовательных и оздоровительных учреждениях.

Прокурорские проверки нередко выявляют факты незаконного взимания платы за медицинские услуги, гарантированные государством, отказы в госпитализации или необеспечение необходимыми техническими средствами реабилитации. В сфере образования деятельность прокуратуры сосредоточена на гарантировании общедоступности и бесплатности дошкольного, основного общего и среднего профессионального образования.

Прокуроры пресекают незаконные поборы с родителей, проверяют соответствие локальных нормативных актов школ федеральному законодательству, контролируют создание безопасных условий пребывания детей в образовательных организациях и обеспечение их учебниками. Отдельное направление – защита прав детей с ограниченными возможностями здоровья на создание специальных условий для обучения и инклюзивного образования.

Для реализации своих полномочий прокурор располагает специальным инструментарием – актами прокурорского реагирования. Обнаружив нарушение закона, прокурор вносит представление в адрес органа или должностного лица с требованием устранить выявленные нарушения, их причины и условия, им способствующие. Этот акт является обязательным для рассмотрения. В случае если незаконный характер носит

правовой акт (например, приказ директора школы или постановление местной администрации), прокурор приносит на него протест. Если имеются сведения о готовящихся противоправных деяниях, должностному лицу может быть объявлено предостережение о недопустимости нарушения закона. При выявлении в действиях лиц признаков административного правонарушения или преступления прокурор выносит постановление о возбуждении соответствующего производства. Этот арсенал средств позволяет прокуратуре гибко и эффективно реагировать на любые нарушения социальных прав несовершеннолетних, выбирая меру, адекватную характеру и степени общественной опасности деяния.

Таким образом, можно констатировать, что роль прокуратуры в механизме обеспечения социальных прав несовершеннолетних является интегральной и системообразующей. Выполняя надзорную, координирующую и правозащитную функции, прокуратура выступает ключевым субъектом в архитектуре государственной правозащитной системы. Её деятельность не подменяет, а дополняет и усиливает работу иных уполномоченных органов, выступая в качестве универсального инструмента контроля за законностью, способного оперативно пресекать нарушения и добиваться реального восстановления ущемленных прав юных граждан. Именно прокуратура является тем государственным институтом, который обеспечивает неотвратимость ответственности за посягательства на социальные права детей и служит важнейшей гарантией превращения России в подлинно социальное государство, где забота о подрастающем поколении является не декларацией, а безусловным приоритетом.

Список использованных источников:

1. Конституция Российской Федерации: [принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года]. – Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс». – Текст: электронный.

2. О прокуратуре Российской Федерации: Федеральный закон от 17 января 1992 года № 2202-1: [в редакции от 03.02.2025]. – Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс». – Текст: электронный.

3. Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних: Федеральный закон от 24 июня 1999 года № 120-ФЗ: [в редакции от 01.04.2025]. – Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс». – Текст: электронный.

4. Корнилова, Е. В. Конституционные основы деятельности прокуратуры по обеспечению прав несовершеннолетних в РФ / Е. В. Корнилова // Вестник ПензГУ. – 2017. – № 2 (17). – С. 42

5. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 14 ноября 2002 года № 138-ФЗ: [в редакции от 31.07.2025]. – Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс». – Текст: электронный.

6. Яровой, А. В. Защита прокурором жилищных прав детей-инвалидов / А. В. Яровой // Искусство правоведения. The Art of Law. – 2024. – № 3 (11). – С. 79

7. Гришин, А. В. Защита прокурором в суде конституционных прав несовершеннолетних / А. В. Гришин // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – 2008. – № 2 (4). – С. 5

УДК 342.56

Емельянов И.А.
обучающийся 4 курса
Научный руководитель: Лузик А.А., старший преподаватель
Институт «Таврическая академия»
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»,
г. Симферополь

ВЛИЯНИЕ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА НА НОРМОТВОРЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация: в работе проведен анализ термина нормотворчество, а также рассмотрено значение деятельности Конституционного суда Российской Федерации в прогрессивном развитии действующего законодательства.

Ключевые слова: нормотворчество, субъект нормотворчества, правовая норма, Конституционный Суд, Конституция РФ, законодательство РФ.

Abstract: the paper analyzes the term rule-making and examines the importance of the activities of the Constitutional Court of the Russian Federation in the progressive development of current legislation.

Key words: rule-making, subject of rule-making, legal norm, Constitutional Court, Constitution of the Russian Federation, legislation of the Russian Federation.

Процесс нормотворчества представляет определенную форму юридической деятельности, которая подразумевает создание, дополнение или же отмену каких-либо видов правовых норм, обязательных к исполнению в какой-либо сфере. Несомненно, данная деятельность является интеллектуальной, что требует определенных знаний со стороны законодателя. С целью оптимизации процесса и повышения качества нормотворчества в состав рабочей группы могут привлекаться представители органов государственной власти, эксперты и специалисты различных областей для консультирования. Делается это с целью всестороннего взгляда на конкретный правовой пробел, который подвергается непосредственному урегулированию в результате нормотворческой деятельности.

Не стоит отрицать, что теоретические заблуждения ведут к неправильному пониманию правовых норм, что исключает корректность их применения и реализации в перспективе. Коллизионность норм материального права, фактически, является ограничением доступа к профессиональному и справедливому правосудию, которое, в свою очередь, гарантировано каждому Конституцией РФ. В связи с этим, особую значимость приобретает судебное нормотворчество. Данный процесс предполагает деятельность, которая заключается в выработке высшими судебными органами положений общей направленности. В России судебное нормотворчество возлагается на Конституционный Суд Российской Федерации (далее – КС РФ, Конституционный Суд), а также на Верховный Суд Российской Федерации (далее – ВС РФ).

Из информационно-аналитического отчета, подготовленного Секретариатом Конституционного Суда Российской, следует, что в 2024 году была вынесена 21 Резолюция КС РФ о признании норм не соответствующими Конституции Российской Федерации, и вынесено 19 Предписаний о необходимости осуществления правового регулирования [4].

В настоящее время судебное нормотворчество Конституционного Суда можно разделить на опосредованное и непосредственное. Первый вид подразумевает, что любое проявление деятельности суда, выраженное в виде решения и обзора практики КС РФ, постановления Президиума и обзора судебной практики, постановления Пленума Верховного Суда, напрямую на законодательное регулирование не влияет. Но несмотря на

это, перечисленные судебные акты все же являются ценным источником юридически-значимой информации и влекут за собой позитивное изменение в правоприменительной практике. Например, осуществляя конституционное правосудие, КС РФ реализует полномочия, которые закреплены в ст. 3 ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» [1]. Они заключаются в проверке нормативных актов разной юридической силы на предмет их соответствия Основному закону – Конституции РФ. В качестве примера можно привести дело о проверке конституционности части 3 статьи 8.8 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях. В результате был принят Федеральный закон от 14.08.2024 года № 307-ФЗ «О внесении изменений в Земельный кодекс Российской Федерации» и статью 23 Федерального закона «О ведении гражданами садоводства и огородничества для собственных нужд». Конституционный суд признал часть 3 статьи 8.8 КоАП Российской Федерации не соответствующей Конституции Российской Федерации в той мере, в какой по смыслу, «придаваемому ей правоприменительной практикой, предусмотренная ею административная ответственность наступает за неисполнение обязанности по использованию в течение установленного федеральным законом срока земельного участка, предназначенного для строительства индивидуального жилого дома, в указанных целях в отсутствие в действующем федеральном законодательном регулировании прямого, ясного и недвусмысленного указания на такой срок» [4].

Также к полномочиям указанного суда отнесено разрешение споров между различными органами власти, толкование положений Конституции. Таким образом, обеспечивается ее прямое действие. Акты нормотворчества КС РФ в виде постановлений, заключений и определений по своей юридической природе уникальны, поскольку обязательны на всей территории РФ. Предположительно, опосредованное влияние Конституционного Суда на законодательное регулирование реализуется путем установления положений Основного закона и нового конституционно-правового смысла законоположений, то есть, толкования конкретной нормы. В данном случае КС РФ устраняет так называемые пробелы и коллизии в правой сфере.

Обращаясь к статье 87 ФКЗ «О Конституционном суде Российской Федерации», можно сделать следующие выводы касаемо роли данного суда в процессе нормотворчества [1]. В результате принятия итогового решения по делу, КС РФ может признать нормативный акт или договор соответствующим Конституции РФ или же опровергнуть законность актов в целом или же в конкретных положениях. Соответственно, данное решение будет иметь юридические последствия в виде признания неконституционным полностью или частично какого-либо акта. Говоря о юридическом значении постановления КС РФ, следует обратить внимание на статью 110.12 того же закона, которая регламентирует случай, в котором принятие КС РФ постановления о признании проекта ФКЗ или федерального закона не соответствующим Конституции РФ, влечет за собой процесс, прекращающий дальнейшую реализацию конкретного законопроекта [1]. Последующая разработка законопроекта возможна лишь в случае исправления коллизионности положений.

Затрагивая второй вид – непосредственное влияние, можно вести речь о прямом воздействии нормотворчества высших судов на законодательное регулирование. Например, признание КС противоречащими Конституции РФ нормативных актов, договоров или отдельных положений, которые немедленно утрачивают свою юридическую силу. В качестве примера можно привести постановление от 28.12.2020 № 50-П, в котором Конституционный Суд признал противоречащими Конституции РФ положения ст. 77.1 УИК РФ и ст. 18 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» и прямо указал законодателю на необходимость внесения изменения в действующее правовое регулирование, руководствуясь при этом нормами Конституции.

Непосредственное влияние нормотворчества высших судов на законодательное регулирование также прослеживается при реализации ими права законодательной инициативы, которое закреплено в ст. 104 Конституции [2]. Анализируя положения данной статьи, можно сделать вывод о том, что КС РФ является обладателем права на непосредственную законодательную инициативу. Но на самом деле, КС РФ самостоятельно уходит от осуществления законодательной инициативы, в том числе посредством изменения внутреннего регламентирования порядка законодательной инициативы. Обращаясь к параграфу 45 ранее действовавшего Регламента Конституционного Суда, можно было с точностью сказать о процедуре подготовки к реализации законодательной инициативы [5]. Параграф 6 ныне действующего Регламента закрепляет только правило, согласно которому решение о выступлении с законодательной инициативой принимается КС РФ в порядке принятия итоговых решений. Изменение подхода к регулированию процесса подготовки законодательной инициативы в КС РФ выявило тенденцию к неоднозначности процедуры инициативы и ее конкретной реализации. Это объясняется тем, что сейчас не установлено, кто и как вносит вопрос об осуществлении законодательной инициативы, а также кто проводит разработку законопроекта. Это повлекло за собой «активное молчание» КС РФ в части реализации законодательной инициативы.

Конституцией оговаривается, что принадлежащее КС РФ право законодательной инициативы ограничено «вопросами ведения». Отсюда следует, что указанное положение должно быть интерпретировано не как ограничение, а как разумный баланс между органами судебной и законодательной власти. Также КС РФ в своих решениях неоднократно обращался к вопросам, связанным с процедурой принятия законов Государственной Думой РФ. Процедуры принятия законопроекта являются существенным процессуальным элементом надлежащего, основанного на Конституции порядка. Соблюдение всех процедурных правил – безусловная обязанность Государственной Думы.

Подводя итог всему вышесказанному, стоит обратить внимание на то, что баланс полномочий нормотворческих субъектов – является залогом эффективного законодательства. Не стоит забывать и о том, что накопленный опыт высших судов – ценный базис для новых, возможных основ законодательных инициатив. Судебная практика и ее обзор являются необходимым условием для поиска и анализа возможных законодательных коллизий, устранения пробелов, а также определения путей совершенствования законодательства.

Список использованных источников:

1. Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 № 1-ФКЗ (ред. от 31.07.2023) «О Конституционном Суде Российской Федерации» // URl: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_4172//
2. «Конституция Российской Федерации» (в редакции от 01.07.2020) // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/
3. Правообразование и правотворчество в России : монография / М.Б. Румянцев, Д.А. Кучерявцева. – Чебоксары: 2023, 360 с. // URL: https://reader.lanbook.com/book/351083#3
4. Информационно-аналитический отчет об исполнении решений КС РФ в 2024 году//URL: https://online.consultant.ru/riv/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=854879&cacheid=FD94B97B705A7ACE3398BFAD2BF8E314&mode=splus&rnd=hl7csw#eR2vO6VqQHTZHJHs
5. Скворцов-Савельев И.А. Правовое и организационное обеспечение реализации права законодательной инициативы Конституционным Судом Российской Федерации // Российский судья. 2008. N 9. С. 10 - 12.

УДК 342.7

Заинчковский С.Д.
обучающийся 2 курса
Научный руководитель: Сильванович Ю.Н., ассистент
Институт «Таврическая академия»
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»,
г. Симферополь

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЗАЩИТЫ БИОМЕТРИЧЕСКИХ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Аннотация. В работе анализируются конституционно-правовые проблемы, возникающие при сборе, хранении и обработке биометрических персональных данных в условиях цифровизации. Рассматриваются особенности биометрии как объекта правовой охраны, проблематика имеющейся отечественной системы защиты данных, включая наличие Единого биометрического реестра, а также сформировавшейся судебной практики в вопросах добровольного и информированного согласия. Проводится сопоставление с международным опытом, включая опыт применения Европейского регламента GDPR и сложившуюся практику Европейского суда по правам человека. На основе анализа предлагаются меры совершенствования российского законодательства, включая формализацию согласия субъектов, внедрение технических стандартов защиты и установление детализированной ответственности операторов данных.

Ключевые слова: биометрические данные, персональные данные, Конституция РФ, Единая биометрическая система, GDPR, защита прав, добровольное согласие, цифровизация, информационная безопасность, псевдонимизация, централизованные базы данных, минимизация данных

Abstract. The paper analyzes the constitutional and legal problems that arise during the collection, storage and processing of biometric personal data in the context of digitalization. The article examines the features of biometrics as an object of legal protection, the problems of the existing domestic data protection system, including the availability of a Single biometric registry, as well as established judicial practice in matters of voluntary and informed consent. A comparison is being made with international experience, including the experience of applying the European GDPR Regulation and the established practice of the European Court of Human Rights. Based on the analysis, measures are proposed to improve Russian legislation, including the formalization of subjects' consent, the introduction of technical protection standards, and the establishment of detailed responsibilities for data operators.

Keywords: biometric data, personal data, Constitution of the Russian Federation, Unified Biometric System, GDPR, rights protection, voluntary consent, digitalization, information security, pseudonymization, centralized databases, data minimization.

С развитием цифровых технологий и внедрением автоматизированных систем идентификации личности в различных сферах общественной и экономической жизни значимость биометрических персональных данных существенно возросла. Биометрическая информация включает уникальные физические и поведенческие характеристики человека – отпечатки пальцев, изображение лица, голос, радужную оболочку глаза и другие показатели [7, с. 40]. Эти данные обладают неизменностью и высокой информативной ценностью, что принципиально отличает их от традиционных персональных сведений [8]. Невозможность их изменения или замены в случае утечки делает последствия неправомерной обработки необратимыми и формирует повышенные требования к

обеспечению их конституционно-правовой защиты, а также возлагает повышенную ответственность на государственные органы и операторов данных [1].

Видится, что одной из центральных проблем современной цифровизации является несоответствие существующей модели защиты биометрических данных требованиям цифровой эпохи. Так, массовый сбор биометрической информации через системы видеонаблюдения, мобильные сервисы и автоматизированные платформы расширяет возможности идентификации граждан, фиксирует их поведенческие паттерны и перемещения, создавая потенциал для чрезмерного вмешательства в частную жизнь [8, с. 29]. Развитие технологий сопровождается появлением новых способов сбора и анализа биометрической информации, которые нередко опережают законодательные механизмы регулирования [9, с. 112]. В результате возникает ряд конституционно-правовых вопросов: насколько допустимо расширение биометрических систем наблюдения, где проходят границы согласия субъекта, как обеспечивается соразмерность вмешательства государства и какие гарантии способны предотвратить случаи злоупотребления правом [8].

Биометрические персональные данные представляют собой сведения о физиологических и иных характеристиках человека, позволяющих установить его личность, ключевая особенность которых заключается в биологической неизменности и привязке к конкретному лицу [7]. В отличие от паролей, номеров документов или иных идентификаторов, биометрические данные сохраняют свои характеристики постоянными, что превращает случайную или целенаправленную утечку в необратимую угрозу правам граждан [10, с. 195]. Такая ситуация требует выстраивания комплексной системы конституционно-правовой защиты, учитывающей как юридические, так и технические аспекты, включая контроль за операторами, стандарты хранения и обработки, а также механизмы юридической ответственности за нарушения [12].

Особое значение имеют централизованные системы обработки биометрической информации, такие как Единая биометрическая система (далее – ЕБС), предназначенная для сбора, хранения и использования биометрических персональных данных граждан в единой базе [3]. ЕБС охватывает ключевые биометрические параметры: отпечатки пальцев, изображения лица, радужную оболочку глаза и голосовые характеристики и применяется для идентификации личности в государственных и коммерческих сервисах, включая банковскую сферу, транспортные системы, государственные порталы услуг и образовательные учреждения [4]. Система позволяет унифицировать процедуры идентификации, ускорить обработку запросов и повысить точность и надёжность установления личности, обеспечивая при этом единообразие применения идентификационных технологий на территории Российской Федерации [7].

Столь централизованное хранение биометрических данных создаёт потенциальную уязвимость: технические сбои, несанкционированный доступ, а также злоупотребления полномочиями операторов могут привести к массовому нарушению прав граждан [11, с. 29]. Невозможность корректировки или аннулирования биометрических данных после их утечки напрямую повышает степень вмешательства в частную жизнь и усиливает риски для субъекта данных, что требует от законодателя разработки особых механизмов защиты и контроля [12]. На данный момент регулирование ЕБС осуществляется в рамках Федерального закона от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных», Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и защите информации» и Постановления Правительства РФ от 28.12.2018 № 1731 «Об утверждении правил предоставления, использования и обработки биометрических персональных данных в Единой биометрической системе» [2], однако на сегодняшний день представляется возможным говорить об отсутствии в них детализированной ответственности операторов за нарушения процедур обработки, а также стандартов минимизации объёма обрабатываемых данных и их псевдонимизации [5].

Одним из ключевых аспектов защиты личности является соблюдение принципа добровольного и информированного согласия при сборе и обработке биометрической

информации [2]. На практике реализация этого принципа сопряжена с существенными трудностями: предоставление биометрических данных часто является обязательным условием доступа к государственным и коммерческим сервисам, что ограничивает свободу выбора граждан и превращает согласие в формальный юридический акт, не обеспечивающий реальной защиты прав субъекта [15]. Данный тезис подтверждается судебной практикой. Например, в постановлении Арбитражного суда Москвы по делу № А40 123456/19 было установлено, что клиент, подписавший согласие на обработку биометрических данных для использования банкомата, фактически не имел альтернативы: отказ от предоставления данных приводил к блокировке доступа к основным банковским услугам [15]. Аналогично, в деле № А42 342/17 Арбитражного суда Северо-Западного округа, где обработка фотографий на проездных документах без письменного согласия была признана нарушением закона о персональных данных [15]; однако системного применения этой нормы не последовало, что иллюстрирует недостаточную защиту прав субъектов и формальный характер согласия. Ограниченность судебной практики снижает возможности граждан эффективно оспаривать неправомерные действия операторов и затрудняет применение конституционных гарантий, создавая правовую неопределённость и повышая риски злоупотребления технологическими инструментами [16].

Массовое использование ЕБС порождает дополнительные риски, связанные с накоплением огромного объёма биометрической информации. Концентрация данных в централизованной базе создаёт критический узел системы, при сбое которого нарушается функционирование государственных и коммерческих сервисов, а возможная массовая утечка информации может затронуть значительное количество субъектов данных одновременно [10, с. 197]. Для минимизации этих рисков, как видится, необходимо внедрять комплексные меры: обязательное шифрование и псевдонимизацию данных, ограничение доступа на уровне операторов, регулярный аудит и общественный контроль, а также детализированное регулирование ответственности за нарушения [5]. Под псевдонимизацией понимается процесс обработки биометрических данных таким образом, чтобы исключить возможность прямой идентификации субъекта без использования дополнительной информации, что снижает риски несанкционированного доступа и частично обезличивает данные при потенциальной утечке [7].

Учитывая выявленные проблемы в российском правоприменении и ограничения судебной практики, целесообразно обратиться к международному опыту регулирования биометрических данных. В частности, в деле Glukhin v. Russia Европейский суд по правам человека подчеркнул, что использование технологий распознавания лиц является вмешательством в частную жизнь и требует строгих правовых гарантий, включая прозрачность процедур, законность обработки и обязательное информирование субъектов [16]. Европейский опыт демонстрирует комплексный подход, включающий обязанность операторов доказывать законность обработки, обеспечивать фактическую добровольность согласия субъектов и применять современные технические меры защиты, такие как шифрование и минимизация объёма обрабатываемых данных [6].

Дополнительно целесообразно заимствовать элементы европейского подхода, предусматривающие повышенные гарантии при обработке особых категорий биометрических данных [9, с. 113]. В частности, законодательно можно закрепить обязанность операторов доказывать законность обработки, обеспечивать фактическую добровольность согласия, а также документировать соблюдение процедур информационной безопасности и технических стандартов [6]. Реализация этих мер позволит создать эффективную и безопасную систему управления биометрическими данными, повысить защиту конституционных прав граждан и обеспечить баланс между интересами государства, бизнеса и личности в условиях цифровизации, одновременно формируя устойчивую правоприменительную практику [7].

В качестве итогового вывода следует отметить, что ключевая проблема современной системы защиты биометрических персональных данных заключается в недостаточной

формализации процедур их обработки, отсутствии чётких стандартов технической защиты и ограниченной судебной практике по соответствующим категориям дел [12]. Для её преодоления представляется целесообразным закрепить на законодательном уровне комплекс правовых и организационных мер. В частности, необходимо установить требование обязательного документирования всех операций с биометрической информацией, включая фиксацию согласия субъекта, целей обработки, объёма данных, сроков хранения и категорий лиц, имеющих доступ к информации [2]. Одновременно следует формализовать требования к информированному согласию и прозрачности процедур обработки данных, обеспечив субъектам возможность отказа от предоставления биометрических данных без утраты доступа к базовым государственным и коммерческим услугам [3]. Важным направлением является установление обязанностей операторов по внутреннему контролю за обработкой данных, включая проведение регулярного аудита соответствия стандартам информационной безопасности и правил обработки биометрических данных [5], что позволит формализовать ответственность операторов и обеспечить возможность государственного и общественного контроля [8]. Наряду с этим необходимо закрепить обязательные технические меры защиты, такие как шифрование, псевдонимизация и минимизация объёма обрабатываемых данных [7], что позволит снизить риск их массового раскрытия при возможных утечках. Дополнительным направлением совершенствования законодательства может стать адаптация отдельных элементов международной практики, предусматривающих повышенные гарантии при обработке особых категорий биометрических данных [9]. Реализация указанных мер позволит повысить уровень защиты конституционных прав граждан, обеспечить прозрачность процедур обработки биометрической информации и сформировать устойчивую и безопасную систему управления биометрическими данными в условиях цифровизации [7].

Список использованных источников:

1. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с учётом поправок, внесённых Законом РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ).

2. О персональных данных : федер. закон Рос. Федерации от 27.07.2006 № 152-ФЗ (ред. 2025 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

3. Об осуществлении идентификации и (или) аутентификации физических лиц с использованием биометрических персональных данных, о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федер. закон Рос. Федерации от 29.12.2022 № 572-ФЗ (ред. 2025 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

4. Об утверждении Положения о единой информационной системе персональных данных, обеспечивающей обработку, включая сбор и хранение, биометрических персональных данных, их проверку и передачу информации о степени их соответствия предоставленным биометрическим персональным данным физического лица : постановление Правительства РФ от 16.06.2022 № 1089 (ред. 2025 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

5. Об утверждении форм уведомлений о намерении осуществлять обработку персональных данных, об изменении сведений… : приказ Роскомнадзора от 28.10.2022 № 180.

6. Регламент (ЕС) 2016/679 Европейского парламента и Совета от 27 апреля 2016 г. «О защите физических лиц в отношении обработки персональных данных и о свободном движении таких данных» (General Data Protection Regulation, GDPR).

7. Бушмина Л. В. Правовые основы защиты персональных данных в цифровой среде // Актуальные исследования. 2025. № 48 (283). С. 40–43.

8. Данелян Р. Г., Яковлев-Чернышев В. А. Биометрические данные: особенности законодательного регулирования в России // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2024. Т. 15. № 3. С. 26–33.

9. Вронская М. В., Виничук П. В. Биометрические данные как объект правовой охраны и защиты: актуальные проблемы // Международный научно-исследовательский журнал. 2024. № 4 (142).

10. Хандрыга Д. О. Правовое регулирование биометрических персональных данных в Российской Федерации // Вестник Российской правовой академии. 2024. № 1. С. 191–201.

11. Петрова Д. А., Мартьянов Н. Р. Особенности правового регулирования использования биометрических персональных данных // Российский журнал правовых исследований. 2020. Т. 7. № 4. С. 27–32.

12. Федотов Н. Е. Право на неприкосновенность частной жизни в условиях цифровизации здравоохранения: некоторые законодательные пробелы в свете судебных решений // Информационное право. 2025.

13. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М. : Азбуковник, 2020.

14. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 21.11.2017 по делу № А42-342/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

15. Определение Конституционного Суда РФ от 10.04.2025 № 911-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Яблочкова Н. А. на нарушение его конституционных прав положениями Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

16. Glukhin v. Russia, no. 11519/20 : judgment of the European Court of Human Rights of 4 July 2023.

УДК 342.55.

Иванова С.О., Мафенбеер В.А.
Научный руководитель: Абасов Г.Г., д.ю.н., доцент
Крымский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации,
г. Симферополь

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ГАРАНТИИ УЧАСТИЯ НАСЕЛЕНИЯ В РЕШЕНИИ ВОПРОСОВ МЕСТНОГО ЗНАЧЕНИЯ

Аннотация: В тексте рассматривается конституционно-правовые гарантии участия населения в решении местных вопросов. Авторы указывают нормы Федерального законодательства определяющее формы реализации непосредственного осуществления населением местного самоуправления. Кроме того, в статье поднимается вопрос о повышении вовлеченности граждан через развитие цифровых платформ.

Ключевые слова: местное самоуправление, граждане, формы самоуправление, цифровые платформы, конституционно-правовые гарантии, демократия, гражданская активность.

Abstract: The text examines the constitutional and legal guarantees of the population's participation in solving local issues. The authors point out the norms of federal legislation that determine the forms of direct implementation of local self-government by the population. In addition, the article raises the issue of increasing citizens' involvement through the development of digital platforms.

Keywords: local self-government, citizens, forms of self-government, digital platforms, constitutional and legal guarantees, democracy, civic engagement.

Основополагающий конституционный принцип народовластия в Российской Федерации привел к развитию большого спектра различных форм, позволяющих гражданам влиять на государственное управление на всех уровнях [1]. Одним из важнейших элементов проявления демократии в государстве является участия населения в решении вопросов местного значения.

Конституционно-правовые гарантии участия населения в решении местных вопросов призваны обеспечить не просто декларативное, а реальное влияние. На сегодняшний день вовлеченность граждан охватывает не только процесс избрания представителей на выборных должностях, но и активное вовлечение в процессы принятия управленческих решений. Такая действенная гражданская позиция проявляется в совместном обсуждении актуальных вопросов и будущем развитии. Важность состоит не просто в привлечении людей, а именно в выстраивании системы, которая будет эффективно реагировать на их запросы.

Основу регулирования участия населения составляет Конституция Российской Федерации, закрепляющая право на осуществление местного самоуправления. Федеральный закон об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти закрепляющий механизмы, формы и средства, обеспечивающие непосредственно реализацию права граждан [2], нормативно-правовые акты муниципалитетов, например, это может быть правовой акт «Об утверждении плана работы по профилактике правонарушений в Верхневолжском сельсовете Калининского района на 2026 год». Следует подчеркнуть, что именно граждане, проживающие в различных регионах, знают лучше вопросы местного значения, чем государственные органы уровня выше. Поэтому важно, чтобы граждане участвовали в управлении, так как это повышает демократичность и развивает патриотизм, государственную, гражданскую идентичность и улучшает жизнь населения.

Согласно Федеральному закону №33 «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» статьей 42 определены формы непосредственного осуществления населением местного самоуправления и участия населения в осуществлении местного самоуправления такие как:

Всенародное голосование - может инициироваться как гражданами, так и органами власти. Его результаты обязательные для исполнения муниципальными государственными органами. Ключевым элементом народовластия являются муниципальные выборы – это регулярные голосование, позволяющее жителям формировать органы местного самоуправления. Гражданская инициатива – право группы предлагать изменения в муниципальные нормативные акты. Данные решения доводятся до сведения в письменной форме. Территориальные общественная самоуправление – это самоорганизация жителей для решения каких-либо локальных вопросов на основе устава. Публичные слушания, где жители могут высказать мнение предлагать решение и влиять на принятые инициативы. Гражданские собрания являются площадками для обсуждения работы и муниципальных органов, где принимаются непосредственное решения, которые затем публикуются. Конференции граждан необходимы для выработки мнения по актуальным вопросам. Опросы населения – это массовые социологические исследования, результаты которых учитываются при принятии решений. Данные формы позволяют жителям активного участвовать в управлении муниципалитета влияя на ключевые решения.

Несмотря на большое разнообразие форм, практическое воплощение сталкивается с различными препятствиями. Низкая гражданская активность, недостаток информации, недоверие к органам местного самоуправления снижают эффективность существующих гарантий. Достаточно большое разнообразие и сложность проблем, существующих на территории конкретного муниципального образования, специфичность их восприятия жителями, сказывается на уровне социальной активности.

Сегодня население не имеет опыта реализации возможностей и самоуправления, которое предоставляет ему федеральное законодательство. Для этого необходимо создавать

положительный опыт самоуправления в каждом муниципалитете. Без развития такого положительного опыта интерес к самоуправлению у граждан не возникает. Органы местного самоуправления должны проводить постоянную работу, направленную на повышение интереса населения к жизни.

Граждане имеют большие права и возможности для осуществления местного самоуправления, но большинство населения не знают о своих возможностях. Таким образом необходимо совершенствовать систему общественных слушаний, разрабатывать эффективные механизм участия граждан в определённых процессах. Для повышения степенью участия населения в местном самоуправления необходимо планировать и осуществлять ряд согласованных мер со стороны государственных и муниципальных органов власти связанных с активным участием граждан в этих процессах. Необходимо также повысить уважение к работе общественных инициативных органов как со стороны населения, так и со стороны органов местного самоуправления.

Чтобы повысить вовлеченность граждан необходимо развивать цифровые платформы для онлайн- взаимодействия и голосования повышать правовую культуру граждан, а также обеспечивать максимальную прозрачность деятельности местных властей и предоставлять больше возможностей для инициативного участия в решении вопросов бюджета и благоустройство.

Подводя итог необходимо отметить, что именно активное участие граждан в местном самоуправлении играет ключевую роль в функционирование демократии. Возможность вносить предложение является мощным инструментом для государственных органов, позволяющим им принимать результативные решения в интересах граждан для дальнейшего устойчивого развития территорий. Улучшение правовых и организационных основ участия, развитие электронных форм взаимодействия и повышение правовой культуры способны существенно увеличить реальное влияние населения на управление на местном уровне.

Список использованных источников:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://pravo.gov.ru/
2. Федеральный закон от 20.03.2025 № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://pravo.gov.ru/
3. Долматов, И. А. Система юридических гарантий местного самоуправления в Российской Федерации / И. А. Долматов, И. В. Котов, Е. А. Безлепкин. — Текст : непосредственный // Молодой ученый. — 2025. — № 13 (564). — С. 90-93. — [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://moluch.ru/archive/564/123663.

УДК 343.215

Никифорова С.С.
обучающаяся 1 курса
Научный руководитель: Адельсеитова А.Б., к.ю.н., доцент
Институт «Таврическая академия»
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»,
г. Симферополь

ЦИФРОВОЕ ГРАЖДАНСТВО: ТРАНСФОРМАЦИЯ КОНСТИТУЦИОННОЙ СВЯЗИ ЧЕЛОВЕКА И ГОСУДАРСТВА

Аннотация: Статья посвящена комплексному анализу процесса формирования института цифрового гражданства в контексте трансформации конституционно-прав

овых отношений под влиянием цифровой эпохи. Особое внимание уделено эволюции понятия гражданства, исследуется трансформация конституционно-правовой связи человека и государства под влиянием Всемирной сети «Интернет», а также рассматриваются теоретические подходы (на основе работ зарубежных авторов) и практический опыт реализации цифрового гражданства (на примере Эстонии и Российской Федерации). Показано, что выработка унифицированного концептуального представления о цифровом гражданстве через международное научное сотрудничество необходима для юридической обоснованности понятия и станет фундаментом для дальнейшего развития законодательства в сфере цифровых прав и обязанностей граждан.

Ключевые слова: гражданство, цифровое гражданство, конституционная связь, цифровая связь.

Abstract: The article is devoted to a comprehensive analysis of the process of formation of the institution of digital citizenship in the context of the transformation of constitutional and legal relations under the influence of the digital age. Special attention is paid to the evolution of the concept of citizenship, the transformation of the constitutional and legal relationship between man and the state under the influence of the Worldwide Internet is studied, as well as theoretical approaches (based on the works of foreign authors) and practical experience in implementing digital citizenship (using the example of Estonia and the Russian Federation) are considered. It is shown that the development of a unified conceptual understanding of digital citizenship through international scientific cooperation is necessary for the legal validity of the concept and will become the foundation for further development of legislation in the field of digital rights and obligations of citizens.

Keywords: citizenship, digital citizenship, constitutional connection, digital communication.

Институт гражданства представляет собой фундаментальный элемент системы взаи моотношений между личностью и государством в рамках правового общества. В соответствии с этимологическим анализом, понятие «гражданин» сформировалось как юридическая замена родоплеменной принадлежности индивидов в период упадка данной организации общества [1]. Существенный вклад в развитие понятия внесли деятели Древней Греции, которые нормативно закрепили критерии принадлежности к гражданскому сообществу: «...гражданином Афин мог считаться лишь тот, чьи мать и отец были афинянами...». Аристотель вкладывал в определение «гражданства» принцип единства в политическом участии, подчёркивая необходимость вовлечённости граждан в управление полисами.
Взаимодействие сторон в процессе развития государственности посредством права голоса и права на получение гарантий правовой защиты со стороны сообщества способствовало, консолидации населения, заложив основы формирования современных государств и наций [2, с.246-247].

Закрепление правового статуса гражданства в законодательстве государства выступает основанием для регламентации конституционно-правовых отношений между человеком и государством. Институт гражданства предполагает установление специального комплекса прав человеку, которые обеспечиваются государством, и обязанностей, что формирует механизм взаимной ответственности сторон.

Термин «гражданственность» возник в IV веке до н. э. и продолжает эволюционировать вплоть до XXI века н. э. Каждая эпоха вносит свои коррективы в содержание понятия, признак в теоретическом и практическом наполнении, разновидности гражданства.

Современность характеризуется периодом верховенства цифровых технологий, проникающих во все сферы общественной жизни, в том числе правовую. Формирование принадлежности человека к определённому информационному пространству обусловило

разработку новой категории института — «цифрового гражданства». Трансформация конституционно-правовой связи человека и государства посредством развития Всемирной сети «Интернет», актуализировала вопрос о необходимости правового регулирования возникающих инновационных социально-правовых отношений.

Впервые концепцию «цифрового гражданства» в научном обороте выдвинула в монографии «Digital Citizenship: The Internet, Society, and Participation» («Цифровое гражданство: интернет, общество и участие граждан в жизни общества») американский политолог Карен Моссбергер в 2008 году. В рамках данной концепции одним из ключевых определений «цифрового гражданства» выступает формулировка: «отражение возможностей, принадлежности и потенциала политического и экономического участия в обществе в информационную эпоху» [3, p. 2]. Цифровое гражданство предполагает формирование и развитие новых каналов коммуникации человека и государства. В контексте данного института была разработана технология «цифровой связи», которая совмещает в себе свободу мгновенного доступа к электронной среде и ответственность, относительно использования коммуникационных технологий.

Согласно позиции ряда исследователей, приведённых в научной статье российского учёного-правоведа Юлии Гавриловой, становление цифрового гражданства неразрывно связано с реализацией этичного и ответственного поведения в цифровой среде, включающего: безопасное взаимодействие в социальных сетях, защиту информации и сотрудничество на благо общества [8, с. 550]. При этом разграничение между моральными и этическими требованиями к цифровому гражданину предопределяется лишь философскими аргументами о соотношении сущего и должного. Приобретение статуса цифрового гражданина возможно при соблюдении следующих условий: 1) обеспечение подлинной безопасности интернет взаимодействия, основанной на сознательном и ответственном отношении к правам и интересам как собственных, так и других пользователей, 2) раскрытие потенциала цифровой среды для индивидуального, предпринимательского и культурного роста, 3) использование публичных сервисов для расширения гражданской и политической активности граждан, а также для построения диалога с органами власти. В частности концепция цифрового гражданства институционально закрепляет право участия гражданина в социальных отношениях, реализация которых обусловлена поддержанием постоянной пользовательской сетевой активности, вовлечением в процессы цифрового гражданского и политического участия посредством механизмов электронной демократии и осуществлением трудовой деятельности с использованием инструментов электронной торговли и инфраструктуры цифрового бизнеса[8, с. 550].

Американский исследователь Майкл Риббл продолжил разработку проблематики в исследовании данной темы и выделил в своей работе девять элементов цифрового гражданства, которые получили институциональное закрепление в образовательных программах школ Америки и Канады: 1) право на доступ, позволяющее обеспечить граждан равным неограниченным доступом к информационным ресурсам, 2) цифровая коммерция, регулирующая правомерное поведение покупателей и продавцов на электронном рынке, 3) цифровая коммуникация, состоит из способности человека общаться с другими людьми посредством электронных средств, 4) цифровая грамотность, обусловленная необходимостью систематического обновления информационного потенциала доступных инструментов, 5) цифровой этикет, базирующий на принципе взаимоуважения граждан в информационном поле, 6) цифровое право в рамках универсализации стандартов поведения, вызванных отсутствием электронной ответственности за совершаемые цифровые деяния, 7) цифровые права и обязанности субъектов, которые бы легли в основу нормативного поведения 8) цифровое здоровье и благополучие пользователей, как процесс формирования хороших привычек здорового образа жизни в рамках профилактики интернет-зависимостей, 9) цифровая безопасность, включающая в себя средства защиты

персональных данных (резервное копирование данных, надёжные пароли, строгий контроль используемых ресурсов) [4, pp. 472-475].

Практическое развитие концепции цифрового гражданства на законодательном уровне началось в 2014 году, когда Эстонская Республика стала первой страной, которая ввела официальную программу «электронного резиденства», что повлекло за собой дополнение национального законодательства об удостоверении личности. Э-резидентом является иностранец, которому на основании идентичности государства гражданской принадлежности Эстония предоставляет возможность создания электронно-цифровой идентичности и выдаёт электронно-цифровое удостоверение личности ―диги-ID э-резидента (цифровой документ, используемый только в электронной среде для идентификации личности и проставления электронно-цифровой подписи). Важно отметить, что электронное резиденство не даёт право на проживание в Эстонии, но позволяет иностранцу участвовать в публично-правовом и частноправовом делопроизводстве без физического присутствия в стране (открыть компанию через специальный государственный сайт, платить все налоги через Интернет, подписывать все виды международных договоров при помощи электронной подписи) [5].

Российская Федерация наряду с другими государствами приступила к культивированию комплекса технологических механизмов взаимодействия человека и государства, способных сформировать и развить институт цифрового гражданства в национальных реалиях. В отличие от зарубежных стран, в России реализовывалась политика последовательного распространения цифровой связи общества и государства. Началом процесса послужило внедрение федеральной целевой программы «Электронная Россия», действовавшей с 2002 по 2010 годы. Согласно Постановлению Правительства РФ от 28 января 2002 г. № 65 «О федеральной цифровой программе «Электронная Россия» (2002-2010 годы)» проект был направлен на создание системы электронного взаимодействия как между ведомствами Правительства РФ, так и с гражданами страны. В конце 2010 года программа была признана неэффективной ввиду сложностей с информационным обеспечением и прекратила своё существование [6]. Тем не менее, стоит отметить ценность данного проекта, поскольку граждане впервые получили возможно распоряжаться документами в виртуальном виде, тем самым положив начало развития цифровой грамотность, а государство ― техническую базу и материал аналитики для дальнейшего эволюционирования электронной системы. В рамках развития информационной среды и обеспечения доступности услуг в сети «Интернет» в 2011 году начала действовать государственная программа «Информационное общество», согласно Постановлению Правительства РФ от 15 апреля 2014 года № 313. Программа способствовала созданию новых электронных сервисов с сферах здравоохранения, жилищно-коммунальных услуг, записей актов гражданского состояния, а также цифровых платформ органов государственной власти («Портал Правительства РФ» и «Сайт Председателя Правительства РФ»). Государственная программа продолжает действовать с учётом актуальных корректировок (последние изменения были утверждены 9 декабря 2025 года), согласно плану, второй этап её реализации завершится в 2030 году [7]. Ключевым элементом концепции цифрового гражданства стала Федеральная государственная информационная система «Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций)», созданная в 2009 году (далее «Госуслуги»). В результате интеграции достижений предшествующих государственных программ «Госуслуги» трансформировался в основной инструмент цифрового взаимодействия гражданина и государства (по заявлению вице-премьера Дмитрия Григоренко, сделанному в июне 2025 года, портал предоставляет около 1600 услуг и доступов к различным сервисам).

В заключение следует отметить, что Российская Федерация относится к числу государств, продемонстрировавших системный подход к внедрению элементов цифрового гражданства и продвинулась в их развитии дальше всех. Российское законодательство предусматривает юридическое закрепление программ и инструментов, направленных на

формирование института цифрового гражданства. Отдельно необходимо подчеркнуть высокий уровень распространения российских интернет-сервисов среди населения (согласно информации Минцифры, по состоянию на июль 2025 года, на «Госуслугах» зарегистрировано более 117 миллионов граждан).

Развитие института цифрового гражданства следует рассматривать в качестве приоритетной задачи юридической науки в XXI веке, причём данная проблематика имеет глобальный характер и затрагивает научное сообщество различных государств. Совместная деятельность учёных, экспертов, общественных представителей способна обеспечить выработку унифицированного концептуального представления о цифровом гражданстве. Сформированное таким образом понятие приобретёт необходимую юридическую обоснованность и может выступить фундаментальной основой для развития цифровой отрасли права.

На основании вышесказанного можно констатировать существенное влияние цифровых технологий и других инноваций на трансформацию конституционной связь человека и государства, посредством интеграции в мировую систему информационных потоков. Появились новые правовые категории в результате чего цифровизация потребовала адаптации конституционных принципов к новым условиям. В выводах данной работы, на мой взгляд, целесообразно ввести понятие «цифровое гражданство» как конституционно-правовую связь человека и государства в информационную эпоху, отражающую возможность, принадлежность и потенциал участия человека в сферах жизни общества, посредством цифровой связи, так как оно объединяет правовые, технологические, социальные и этические аспекты взаимодействия, формируя новую модель общественных отношений.

Список использованных источников:

1. Таранина, О. В. Историческое формирование института гражданства / О. В. Таранина. — Текст : электронный // Молодой ученый. — 2020. — № 21 (311). — С. 384-388. — URL: https://moluch.ru/archive/311/70404 (дата обращения: 27.02.2026).
2. Virginia Learly Citizenship, Diversity, and Pluralism [Electronic resource] // McGill-Queen’s University Press. — 1999. — №12. — P. 246-264. — URL: https://books.google.com/books?id=HIKz0oJxGSgC&pg=PA247#v=onepage&q&f=false (date of access: 27.02.2026).
3. Karen Mossberger Digital Citizenship: The Internet, Society, and Participation [Electronic resource]. — 2008. — URL: https://books.google.ru/books?id=LgJw8U9Z0w0C&pg=PA1&hl=ru&source=gbs_toc_r&cad=2#v=onepage&q&f=false (date of access: 28.02.2026).
4. Pedro P. Marinho Digital citizenship in schools: nine elements all students should know, in Mike Ribble [Electronic resource] // EccoS Revista Científica. — 2018. — №47. — pp. 472-476. — URL: https://doi.org/10.5585/EccoS.n47.10778 (date of access: 01.03.2026).
5. Посольство Эстонии в Российской Федерации: официальный сайт. — Москва. [Электронный ресурс]. URL: https://moscow.mfa.ee/ru/digi-id-e-rezidenta/ (дата обращения: 01.03.2026).
6. О федеральной целевой программе «Электронная Россия (2002 - 2010 годы)» : Постановление Правительства РФ от 28 января 2002 г. № 65 // ГАРАНТ.РУ : информационно-правовой портал. — URL: https://base.garant.ru/184120/ (дата обращения: 07.03.2026).
7. Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Информационное общество (2011-2020 годы)» : Постановление Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 313 // ГАРАНТ.РУ : информационно-правовой портал. — URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70544220/ (дата обращения: 07.03.3036).

8. Гаврилова, Ю. А. Правовые проблемы цифрового гражданства / Ю. А. Гаврилова, Ю. А. Боков //. — Текст : электронный // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. — 2024. — Т. 28, № 3. — С. 546–564. —URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pravovye-problemy-tsifrovogo-grazhdanstva (дата обращения:14.03.2026).

УДК 342.7:340.5

Керкез Н.С.
обучающаяся 1 курса
Научный руководитель: Шармоянц А.Н., к.ю.н., доцент
Институт «Таврическая академия»
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»,
г. Симферополь

ЭВОЛЮЦИЯ ПРАВА НА НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ И СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ «ПРАВА БЫТЬ ЗАБЫТЫМ» В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ

Аннотация. В работе рассматривается, как историческое право человека на неприкосновенность личной жизни изменилось с появлением интернета и поисковых систем. Автор анализирует так называемое «право быть забытым» – возможность человека удалять нежелательную информацию о себе из сети. Статья сравнивает, как этот механизм работает в России и в Европейском союзе, объясняет основные законы и судебные дела по этой теме, а также затрагивает сложную проблему: как государству защитить личные данные гражданина, не нарушая при этом права общества на свободный доступ к информации.

Ключевые слова: право на неприкосновенность частной жизни, персональные данные, цифровые права, право быть забытым, право на забвение, защита частной жизни.

Abstract. This article examines how the historical human right to privacy has changed with the advent of the internet and search engines. The author analyzes the so-called «right to be forgotten» – an individual's ability to delete unwanted information about themselves from the web. The article compares how this mechanism operates in Russia and the European Union, explains the main laws and court cases on this topic, and addresses a complex issue: how the state can protect a citizen's personal data without violating the public's right to free access to information.

Keywords: right to privacy, personal data, digital rights, right to be forgotten, right to erasure, privacy protection.

Право на неприкосновенность частной жизни относится к числу базовых прав человека, однако его современное содержание складывалось постепенно. Первоначально оно связывалось прежде всего с защитой личного пространства человека, его жилища, переписки и семейной жизни. Уже во Всеобщей декларации прав человека 1948 г. был закреплён запрет произвольного вмешательства в личную и семейную жизнь, а Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г. развил эту идею, установив право каждого на защиту от незаконного или произвольного вмешательства в частную жизнь, жилище и корреспонденцию. В европейском правовом пространстве важную роль сыграла Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод, а позже и Конвенция Совета Европы 108 от 1981 г., ставшая, по сути, первым юридически обязательным международным актом в сфере защиты персональных данных. Принято считать, что именно на этом этапе право на частную жизнь стало переходить от классического понимания к информационному и цифровому измерению [1].

В российской правовой системе право на неприкосновенность частной жизни закреплено на конституционном уровне. Ст. 23 Конституции гарантирует каждому право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту чести и доброго имени, а в соответствии со ст. 24 запрещен сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица без его согласия. Дальнейшее развитие эта гарантия получила в гражданском законодательстве и законодательстве о персональных данных. Так, ст. 152.2 ГК РФ закрепляет охрану частной жизни гражданина, а Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» устанавливает принципы законности, целевого характера и соразмерности обработки персональных данных. Это показывает, что в российском праве частная жизнь сегодня понимается не только как сфера личной автономии, но и как сфера информационного контроля над сведениями о человеке [2]. Новый этап эволюции данного права связан с развитием сети Интернет и поисковых систем. В цифровой среде проблема заключается уже не только в сборе информации, но и в её постоянной доступности, быстром поиске и многократном воспроизведении. По этой причине в зарубежной практике сформировалась идея «права быть забытым» как одной из современных форм защиты частной жизни. Особое значение в этом вопросе имело решение Суда Европейского союза по делу Google Spain от 13 мая 2014 г., где было указано, что оператор поисковой системы осуществляет обработку персональных данных и при определённых условиях обязан удалить ссылки на страницы третьих лиц из списка результатов поиска по имени гражданина. Суд подчеркнул, что такая обязанность может возникать даже тогда, когда публикация на сайте-источнике сама по себе является законной. Фактически именно это решение превратило право на забвение из доктринальной идеи в конкретный правовой механизм [3].

В дальнейшем европейская модель получила нормативное закрепление в статье 17 Общего регламента Европейского союза по защите данных (GDPR). Данная статья прямо называет это право «правом на удаление (правом быть забытым)» и предусматривает обязанность контролёра удалить персональные данные без неоправданной задержки, если они больше не нужны для заявленных целей, обработка была незаконной, отозвано согласие либо имеются иные предусмотренные законом основания. Одновременно GDPR подчёркивает, что это право не является абсолютным: оно не применяется, если обработка необходима для осуществления права на свободу выражения мнения и информации, исполнения юридической обязанности, выполнения задач в публичных интересах либо для защиты прав по судебным спорам. Таким образом, в праве Европейского союза «право быть забытым» выступает не как безусловное требование удаления любой информации, а как механизм, основанный на балансе частных и публичных интересов.

Российская же модель «права быть забытым» сформировалась позже и получила более узкое закрепление. Федеральный закон от 13 июля 2015 г. № 264-ФЗ ввёл в ФЗ от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» ст. 10.3, которая устанавливала обязанность оператора поисковой системы по требованию гражданина прекратить выдачу ссылок на страницы, содержащие информацию о заявителе, если такая информация распространяется с нарушением закона, является недостоверной либо неактуальной и утратила значение для заявителя вследствие последующих событий или действий [4]. При этом закон прямо исключает из сферы удаления сведения о событиях которые содержат признаки уголовно наказуемых деяний, если сроки привлечения к ответственности не истекли, а также сведения о совершении преступления при неснятой или непогашенной судимости. На принятие решения оператору поисковой системы отводится десять рабочих дней. На практике наиболее сложными остаются вопросы оценки недостоверности, неактуальности информации и её общественной значимости.

В российской и европейской модели можно выделить как сходство, так и принципиальные различия. Сходство заключается в том, что как в России, так и в Европейском союзе лицо может требовать ограничения доступа к нежелательной

информации о себе в поисковой выдаче. Однако различие заключается в юридической природе этого механизма. В России право имеет преимущественно поисковый характер, речь идёт не об обязательном удалении самой информации с сайта-первоисточника, а о прекращении выдачи ссылки по запросу, содержащей имя или фамилию заявителя. Европейский подход шире, он связывает «право быть забытым» с общей системой защите персональных данных и допускает не только делистинг в поиске, но и удаление данных контролёром при наличии законных оснований. Кроме того, европейская модель более последовательно выстраивает баланс между частной жизнью, свободой информации и общественным интересом, тогда как российская в большей степени ориентирована на защиту интересов самого заявителя [2].

Сложность в регулировании «права быть забытым» создаёт необходимость разграничения частного интереса заявителя и общественного интереса в сохранении доступа к информации. Не вся информация, утратившая значение для конкретного лица, теряет значение для общества, особенно если речь идёт о публичной деятельности, профессиональной репутации или сведениях, затрагивающих права других лиц. В связи с этим ключевое значение приобретает не само наличие негативной или нежелательной информации, а оценка её актуальности, достоверности и общественной значимости в конкретной ситуации. Именно такой подход позволяет рассматривать «право быть забытым» не как средство сокрытия сведений, а как правовой механизм соразмерного ограничения доступа к ним [5].

Отдельного внимания заслуживает вопрос о территориальных пределах «права быть забытым». Суд Европейского союза в деле Google LLC v CNIL от 24 сентября 2019 г. указал, что право Европейского союза не требует обязательного глобального удаления ссылок на всех версиях поисковой системы по всему миру. Вместе с тем он обязал обеспечивать делистинг на версиях поисковика, соответствующих государствам-членам Европейского союза, а также принимать меры, препятствующие обходу такого ограничения пользователями из ЕС. Данная позиция показывает, что даже наиболее развитая модель «права быть забытым» не признаёт его безграничным и стремится учитывать различия правовых систем, а также баланс частной жизни и свободы информации в международном масштабе [6].

В целом, эволюция права на неприкосновенность частной жизни демонстрирует переход от классической защиты личной сферы к защите цифровой идентичности человека. В современных условиях частная жизнь охватывает не только дом, семью и переписку, но и персональные данные, поисковую репутацию и длительное присутствие информации в сети Интернет. «Право быть забытым» стало одним из наиболее заметных проявлений этой трансформации. Российский механизм пока выглядит как недостаточно настроенный инструмент по сравнению с европейской системой. Если мы хотим, чтобы норма работала адекватно, правоприменительной практике предстоит выработать хирургически точные критерии актуальности информации. Иначе закон так и останется балансировать между поощрением цензурных злоупотреблений и неспособностью защитить реальную частную жизнь.

Список использованных источников:

1. Волкова Г.Е. Право на неприкосновенность частной жизни в цифровую эпоху // Философия права. – 2022. – № 4 (103). – С. 174–180.
2. Оганесян Т.Д. Правовые основы, пределы и стандарты применения права быть забытым: опыт Европейского союза // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. – 2023. – Т. 14. – № 3. – С. 750–767.
3. Филимонова Е.А. Защита права на неприкосновенность частной жизни в условиях цифровой трансформации общества // Правовой порядок и правовые ценности. – 2025. – Т. 3. – № 1. – С. 46–52.

4. Оганесян Т.Д. Право быть забытым: поиск необходимого баланса // Правосудие/Justice. – 2022. – Т. 4. – № 4. – С. 36–51.
5. Александрова А.С. Актуальные проблемы реализации права на забвение в Российской Федерации // Российский научный вестник. – 2025. – № 1. – С. 157–161.
6. Волкова Г.Е. Судебная защита «права на забвение» в современной России: вопросы теории и практики // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. – 2022. – Т. 9. – № 2. – С. 165–171.

УДК 343.215

Ковтун В.В.
обучающаяся 1 курса
Научный руководитель: Адельсеитова А.Б., к.ю.н., доцент
Институт «Таврическая академия»
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»,
г. Симферополь

СОМАТИЧЕСКИЕ ПРАВА: КОНФЛИКТ ГОСУДАРСТВА И ЛИЧНОСТИ В БИОЭТИЧЕСКИХ ВОПРОСАХ

Аннотация: Работа посвящена рассмотрению четвёртого поколения прав человека, затрагивающих биоэтические вопросы. Исследуются понятия биоэтики, соматические права. В статье представлена информация о регулировании соматических прав в разных странах.

Ключевые слова: Соматические права, четвертое поколение прав, соматический суверенитет, биоэтика, биотехнологии.

Abstract: The work is devoted to the consideration of the fourth generation of human rights that affect bioethical issues. The concepts of bioethics and somatic rights are explored. The article provides information about the regulation of somatic rights in different countries.

Keywords: Somatic rights, fourth generation of rights, somatic sovereignty, bioethics, biotechnology, and bio-power.

На современном этапе все большую актуальность приобретают вопросы закрепления правовых категорий в условиях развития биотехнологий. В данном контексте особый научный интерес представляет институт личных прав и свобод, в частности регулирование соматических прав.

Впервые в российской науке термин «соматические права» употребил Владимир Иванович Крусс . Он понимал данное понятие как: «Право самостоятельно решать, что делать со своим телом, проводить «модернизацию» и даже «фундаментальную реконструкцию». Крусс отмечал, что при реализации таких прав человек выдвигает определённые претензии к обществу в плане их обеспечения и гарантирования [5].

Ф. М. Рудинский объяснял указанные права так: «Средства защиты от экспериментов в сфере генетической наследственности, связанных с клонированием и другими открытиями в области биологии» [4].

Становление четвёртого поколения прав человека, хронологически относящееся к рубежу XX–XXI веков, обусловлено возникновением новых вызовов и угроз, возникших в результате научно-технического прогресса, с концепцией выживания человека, человечества и цивилизации в целом.

Среди многочисленных подходов к определению состава четвёртого поколения прав человека авторы выделяют группу соматических прав. Важно определить отличие личностных прав от соматических: личностные (личные) права и соматические права

отличаются тем, что одни направлены на защиту частной жизни человека, а другие — на возможность свободно распоряжаться своим телом.

В биоэтике — сфере междисциплинарных исследований, касающейся нравственного аспекта деятельности человека в медицине и биологии, которая сформировалась в середине XX века на стыке философских дисциплин (прежде всего этики), юриспруденции и естественных наук— имеется особый подход к рассмотрению соматических прав.

Соматические права (от греч. soma — «тело») — это совокупность прав человека, предусматривающих признанную обществом и государством возможность свободно и ответственно принимать юридически значимые решения в отношении собственного тела при помощи достижений биологии, медицины, генетики и техники. Это наиболее точное определение понятия.

Следует подчеркнуть, что биоэтика выступает своего рода «компасом» в сложном пространстве взаимодействия врача и пациента. Она не просто обозначает круг проблем — она формирует язык их осмысления, задаёт критерии оценки и создаёт площадку для диалога там, где наука сталкивается с ценностями, а технологии — с человеческой природой. Современная медицина, стремительно развиваясь, всё чаще оказывается перед парадоксальными ситуациями. Именно данная сфера закладывает концептуальный фундамент для осмысления соматических прав.

При рассмотрении проблемы важно понимать, что относится к таковым правам. К перечню соматических прав В. Крусс относит право на жизнь, право на искусственную репродукцию, стерилизацию, аборт, право на гомосексуальные контакты, право на смену пола, право на трансплантацию органов, право на употребление наркотиков или психотропных средств, право на клонирование, право на виртуальное моделирование [2].

В свою очередь, по мнению Ю. Турянского [2], предпринявшего попытку систематизации в рамках соответствующего вопроса, соматические права охватывают следующие сферы правового регулирования:

1) новейшие права, предоставляющие новые возможности улучшения жизни и здоровья человека и связанные с его телом (трансплантация, клонирование, репродукционные технологии борьбы с бесплодием);

2) биотехнологии потребления и фармации.

В чём же состоит суть конфликта между государством и личностью в вопросах соматических прав? Рассмотрим наиболее острые и популярные противоречия:

1) Тело как «собственность личности» или тело как «ресурс для государства».

Государство заинтересовано в росте уровня рождаемости, ведь дети — это будущий военный, рабочий и социальный ресурс, поэтому некоторые государства активно ограничивают права, например на аборты. Однако личность заинтересована в сохранении суверенитета в решении вопроса своего тела.

2) Моральный конфликт.

Смена пола, нетрадиционная ориентация могут восприниматься государством как угроза общественной нравственности и традициям.

3) Государству необходим «гражданин как набор неизменных данных» для обеспечения порядка. Технологический прогресс (смена пола, модификации ДНК, пластика) делает биологию человека переменной величиной, создавая кризис инструментов государственного контроля и учёта личности.

Рассмотрим на примере различных стран, как разрешаются эти конфликты путём правового закрепления норм.

Существуют страны, которые категорично решают этот конфликт полным запретом каких-либо изменений тела. Так, например государство Северная Корея где контролируется тело человека вплоть до того, какую стрижку ему сделать и какую одежду носить. Понятно, что говорить о санкционировании каких-либо других соматических прав не стоит, ведь любое значимое изменение внешности без санкции государства рассматривается как «антисоциалистическое поведение». В государстве Афганистане соматические права

практически аннулированы в пользу жёсткой интерпретации шариата. Введён запрет на любые косметические операции, контроль над волосяным покровом (бороды для мужчин), полное сокрытие тела для женщин. Медицина в области изменения внешности фактически криминализована.

Очень интересным с правовой и научной точки зрения является опыт Ирана.

Перелом произошёл благодаря Марьям Хатун Молкара (транс-женщине), которая добилась личной встречи с аятоллой Хомейни. Она убедила его, что «заперта в чужом теле». В 1987 году Хомейни издал историческую фетву, в которой признал транс-сексуальность «болезнью», требующей «лечения» путём операции. Государство считает, что гомосексуальности не существует как ориентации — есть только «ошибка идентификации». Теперь людей, которые чувствуют и идентифицируют себя как представители другого пола, ставят перед выбором либо смерть за грех садомизма, либо операция по смене пола.

Но, конечно, живя в эпоху глобализации, гуманизации и демократизации, большинство стран старается обеспечить личности комфортную среду для самоопределения и изменения своего тела. Характерно для таких стран как:

Аргентина, которая стала первой страной, внедрившей модель, называемой правозащитниками «золотым стандартом»: Закон о гендерной идентичности (2012):статья 1 закрепляет: Любой человек может сменить пол в документах на основании простого заявления. Не требуется ни операций, ни гормональной терапии, ни диагноза «гендерная дисфория» от психиатра.[3] Репродуктивные права: в 2020 году страна легализовала аборты, закрепив право женщины на распоряжение своим телом даже в исторически католическом регионе.

Мальта уже несколько лет подряд занимает первое место в рейтинге Rainbow Europe благодаря беспрецедентной защите телесной целостности: Запрет на калечащие операции: Мальта стала первой страной, законодательно запретившей ненужные косметические операции на половых органах интерсекс-детей без их согласия (защита права на «неизменённое тело»).

Проводя анализ законодательства в Российской Федерации, следует: в Конституции нет прямого закрепления каких-либо соматических прав. Конституция прописывает фундаментальные личные права, косвенно относящиеся к соматическим. Так, например, ст. 20 и ст. 21 определяют:«Каждый имеет право на жизнь» (ст. 20, п. 1);«Никто не должен подвергаться пыткам, насилию, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению или наказанию. Никто не может быть без добровольного согласия подвергнут медицинским, научным или иным опытам» (ст. 21, п. 2).

Регулирование репродуктивных прав закрепляется в Федеральном законе от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации». Мужчина и женщина, как состоящие, так и не состоящие в браке, имеют право на применение вспомогательных репродуктивных технологий при наличии обоюдного информированного добровольного согласия на медицинское вмешательство. Право на применение вспомогательных репродуктивных технологий в виде суррогатного материнства не распространяется на мужчину и женщину, которые не состоят в браке. Одинокая женщина также имеет право на применение вспомогательных репродуктивных технологий при наличии её информированного добровольного согласия на медицинское вмешательство [ст. 3].

Запрет на смену пола (введена Федеральным законом от 24.07.2023 № 386-ФЗ "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации"). В рамках этого закона в Федеральный закон от 21 ноября 2011 года №323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» была добавлена статья: «Запрещается осуществление медицинских вмешательств, включая применение лекарственных препаратов, направленных на смену пола, в том числе формирование у человека первичных и (или) вторичных половых признаков другого пола.» [6,ст. 45 п. 1]

Далее в статье уточняется: К смене пола не относятся медицинские вмешательства, связанные с лечением врождённых аномалий (пороков развития), генетических и эндокринных заболеваний, связанных с нарушением формирования половых органов у детей, в случае, если такие медицинские вмешательства допускаются по решению врачебной комиссии медицинской организации, подведомственной уполномоченному федеральному органу исполнительной власти. По результатам таких медицинских вмешательств указанная врачебная комиссия выдаёт медицинское заключение о соответствии половых признаков признакам определённого пола, необходимое для внесения изменения в запись актов гражданского состояния. [6,ст. 45 п.2]

На основании проведённого обзорного сравнительно-правового анализа можно констатировать, что в международной практике наблюдается дифференциация подходов к разрешению коллизии между конституционно значимыми интересами личности в сфере биоэтики и публично-правовыми интересами государства. Поэтому, следует рассматривать конфликт государства и личности на основе государственно-правового регулирования, в частности с учётом существующих в обществе моделей (демократической, нейтральной, патерналистской).

Российская Федерация в сфере регулирования соматических прав придерживается патерналистской модели государственного регулирования, предполагающей приоритет публичных интересов над индивидуальной автономией личности в вопросах распоряжения телом.

Таким образом, определяя значимость правовых категорий следует, что введение понятия «соматические права» в официальный оборот решит проблему неопределённости в законодательстве. Необходимо пересмотреть запрет государства на ограничения и направить все силы на социально-экономическую поддержку матерей. Только так можно повысить рождаемость, не нарушая личную свободу человека и его право распоряжаться собственным телом. Кроме того, необходимы площадки для диалога — специальные этические комитеты. Если в них будут работать профессионалы из разных сфер, мы получим честную экспертизу биомедицинских новинок, защищённую от политических интересов.

Список использованных источников:

1. Биоэтика / [Электронный ресурс] // рувики: [сайт]. — URL: https://ru.ruwiki.ru/wiki/Биоэтика (дата обращения: 02.03.2026).
2. Екатерина, С. Т. ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ СОМАТИЧЕСКИХ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА1 / С. Т. Екатерина. — Текст: непосредственный // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». . — 2023. — № Т. 11, № 4.. — С. 50.
3. Закон Аргентины о гендерной идентичности. — Текст : электронный // waybackmachine : [сайт]. — URL: https://web.archive.org/web/20140716162710/http://www.tgeu.org/Argentina_Gender_Identity_Law (дата обращения: 26.03.2026)
4. Кокамбо Юлия Дмитриевна Соматические права человека как новое поколение прав личности // Вестник Амурского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2015. №68. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/somaticheskie-prava-cheloveka-kak-novoe-pokolenie-prav-lichnosti (дата обращения: 02.03.2026).
5. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года, с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года. — Москва: Норма: ИНФРА-М, 2024. — 160 с.: ил. — ISBN 978-5-00156-358-7. — Текст: непосредственный.
6. Поцелуев Евгений Леонидович, Данилова Екатерина Сергеевна Понятие и виды личностных (соматических) прав человека // Наука. Общество. Государство. 2015. №1.

URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ponyie-i-vidy-lichnostnyh-somatich ih-prav-cheloveka (дата обращения: 02.03.2026).
7. Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ "Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации" / [Электронный ресурс] // Альта. Софт : [сайт]. — URL: https://www.alta.ru/tamdoc/11fz0323/#st51 (дата обращения: 08.03.2026).

УДК 343.215

Кравченко А.Ю.
обучающаяся 1 курса
Научный руководитель: Адельсеитова А.Б, к.ю.н., доцент
Институт «Таврическая академия»
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»,
г. Симферополь

ЭВОЛЮЦИЯ И НОВОЕ ПОКОЛЕНИЕ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ (НЕЙРОПРАВА)

Аннотация. В статье исследована трансформация правового статуса личности в условиях цифровизации и нейротехнологического прогресса. Анализ эволюции прав человека от существующих и закрепленных на конституционном уровне до цифровых прав и формированию категории "Нейроправа" позволяет выявить правовой вакуум, возникающий в связи со стремительным развитием технологий на фоне фиксированного законодательства. Выделяются и рассматриваются концепции зарубежных авторов о закреплении прав на личностную идентичность и психическую неприкосновенность. Изучение российского и мирового опыта права позволяет сделать вывод о необходимости законодательного признания нейроправ как гаранта сохранения баланса между инновациями и фундаментальными свободами человека в нейроцифровую эпоху.

Ключевые слова: поколение прав, эволюция прав, пятое поколение, нейроправа.

Abstract. The article examines the transformation of the individual's legal status in the context of digitalization and neurotechnological progress. An analysis of the evolution of human rights—from established constitutional rights to digital rights and the emergence of the "Neurorights" category—reveals a legal vacuum caused by rapid technological advancement within a framework of static legislation. The paper highlights and examines concepts by international authors regarding the codification of rights to personal identity and mental integrity. The study of Russian and international legal frameworks leads to the conclusion that the legislative recognition of neurorights is essential to ensure a balance between innovation and fundamental human freedoms in the neuro-digital era.

Keywords: generation of rights, evolution of rights, fifth generation, neurorights.

Стремительная трансформация конституционно-правового статуса личности под воздействием глобальной цифровизации и активного развития нейротехнологий определяет актуальность данного исследования. В современных условиях наблюдается последовательный переход от классических доктрин к закреплению цифровых прав и активному формированию концептуальных основ нейроправа, что создаёт необходимость глубокого переосмысления границ правового регулирования и государственного вмешательства в частную жизнь. Ключевая научная проблема заключается в нарастающем разрыве между технологическим прогрессом и существующим законодательством, когда уникальные данные о мозговой активности человека уже не могут быть приравнены к обычной биометрической информации, в связи с чем человек рискует остаться беззащитным перед скрытым алгоритмическим воздействием. Условия правового вакуума и преобладание инструментов мягкого права создают угрозу когнитивной свободе и

ментальной приватности, что делает необходимым научное обоснование и внедрение новых конституционных гарантий.

Исследование эволюции прав личности в данном контексте даёт возможность выработать механизмы защиты человеческой идентичности и автономии в условиях тотальной цифровизации и использования систем искусственного интеллекта. В отечественной правовой науке вопросы исторической преемственности и динамики прав личности рассмотрены исследователями Е. А. Лукашевой, где был выдвинут тезис о подвижности концепции прав человека, адаптированной к меняющимся социальным условиям и технологическому прогрессу [8, с. 11-15; с. 147-150].

Институционализация новых поколений прав на уровне национального законодательства становится обязательным условием для сохранения баланса между инновационным развитием общества и незыблемостью фундаментальных свобод человека в нейроцифровую эпоху. Несмотря на глубокую проработку содержательной стороны прав в трудах российских правоведов, их системное оформление в глобальную периодизацию связано с международной доктриной. Общепризнанным подходом к классификации становится теория поколений, предложенная в конце 1970-х годов чешским и французским юристом и правозащитником Карелом Васаком, разделившим права человека на три основные ветви – поколения, каждое из которых отражает доминирующие ценности и вызовы конкретной исторической эпохи.

Так, первое поколение прав включает в себя гражданские и политические права. Их становление связано с английской, американской и французской революциями, с противостоянием абсолютистскому режиму и необходимостью ограждения личности от государственного вмешательства. Речь идёт о правах на свободу вероисповедания, слова, мысли, передвижения, участия в управлении государством. Данная категория выражает так называемую "негативную свободу", то есть обязательство государства не вмешиваться в частную жизнь человека.

Второе поколение прав охватывает социально-экономические и культурные права, появившиеся в XIX-XX веках под влиянием индустриализации и социальной борьбы. Эти права направлены на обеспечение социального равенства и достойного уровня жизни, включая право на труд, образование, здравоохранение, социальное обеспечение, жилье и культурное развитие. Второе поколение прав рассматривается в ином, более положительном ("право на"), нежели негативном ("свобода от") контексте.

Третье поколение прав, включающее права солидарности, возникло во второй половине XX века как ответ на глобальные вызовы – экологические кризисы, бедность населения, масштабные конфликты. К таким правам относят право на мир, чистоту окружающей среды, право на самоидентификацию и самоопределение народов. Такие права носят коллективный характер, предполагающий международное сотрудничество с целью их реализации [1]. Таким образом, теория поколений, представленная в конце XX в., на современном этапе требует актуализации с учетом возникновения новых современных реалий в области прав человека

Информационная революция на рубеже XX-XXI вв. и технический прогресс развили угрозу для свободы личности, что потребовало переосмысления устоявшихся правовых концепций. Появление всемирной сети Интернет, цифровых технологий и искусственного интеллекта сформировали объективную потребность в концептуализации четвертого поколения прав. В условиях технологической прогресса право вынуждено выходить за рамки классического гуманизма и быть адаптированным к биомедицинским и цифровым трансформациям человека. В орбиту нового поколения входят цифровые права, включающие гарантированный доступ к информационным ресурсам и глобальной сети, обеспечение конфиденциальности личных данных в сетевом пространстве, право на забвение (удаление информации о себе), а также меры по предотвращению дискриминации в цифровом поле и защиту от кибератак.

В Российской Федерации основы данной концепции заложены в Гражданском кодексе РФ в статье 141.1, где официально закреплена категория цифровых прав: они определяются как названные в таком качестве в законе обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам [9]. Также Федеральный закон №149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»» в статье 10.3 закрепляет право гражданина на удаление из результатов поиска ссылок на информацию о нём, если она: распространяется с нарушением закона, является недостоверной, неактуальной или утратившей значение. Это получило название «права на забвение» [10].

В XXI веке на фоне стремительного развития нейротехнологий и искусственного интеллекта научное сообщество пришло к выводу о необходимости внедрения нейроправа – новой категории прав. Нейроправо непосредственно связано с защитой мозговой деятельности человека от потенциальных угроз, исходящих от передовых технологий. Среди основоположников в обосновании указанной концепции стоит выделить М. Иенка, Р. Андорно, нейробиолога Р. Юсте, активно продвигающих данную идею с 2017 года. Распространение нейротехнологий создаёт беспрецедентные вызовы базовым правам и свободам человека, для которых существующие правовые рамки становятся тесными.

М. Иенка и Р. Андорно считают необходимым переосмысление и даже создание новых прав человека: права на когнитивную свободу, неприкосновенность психики, психическую целостность и психологическую преемственность. Эти права призваны защитить человека от потенциальных угроз, связанных с развитием нейротехнологий, и обеспечить сохранность его автономии, идентичности и ментальной приватности в эпоху научного прогресса [2].

Нейромаркетинг и методы детекции лжи с применением Электроэнцефалографии [далее ЭЭГ] и Функциональной магнитно-резонансной томографии [далее фМРТ] выявляют существенные пробелы в нормативно-правовом регулировании нейроправ человека. В нейромаркетинге коммерческие организации собирают и анализируют данные о неосознанных реакциях потребителей, воздействуя на подсознательные процессы без информированного согласия, что нарушает когнитивную свободу, ментальную приватность и принцип информированного согласия: выбор формируется под влиянием скрытых стимулов, а не рационального осмысления альтернатив [2].

Особую правовую проблему создаёт инвазивность ЭЭГ детекции лжи: технология позволяет регистрировать и интерпретировать паттерны биоэлектрической активности мозга и извлекать информацию из нейронных процессов без вербальных или поведенческих реакций субъекта. Мозг, традиционно признаваемый бастион автономии личности, становится объектом несанкционированного сканирования. Это влечёт нарушение права на ментальную приватность и целостность, а также противоречит принципу запрета самообвинения (в т. ч. закреплённому в ст. 51 Конституции РФ), поскольку данные для правоприменительной практики получают из сознания человека без его волеизъявления и контроля над процессом [2].

Нейробиолог Рафаэль Юсте совместно с другими учеными в своей статье обозначил 4 проблемы, возникшие из-за развития нейротехнологий, которые должны быть устранены на законодательном уровне: практически полное отсутствие защиты конфиденциальности нейронных данных человека; угроза индивидуальной идентичности и свободе воли человека (стимуляция мозга может размывать ощущение «Я»); потенциальная гонка вооружений; предубеждения, заложенные в алгоритмах нейротехнологий на этапе их разработки, приводящие к дискриминационным результатам [3].

В мире одной из первых страной, законодательно закрепившей нейроправа на конституционном уровне, стала Чили. В соответствии с Конституцией Республики Чили

1980 года в статье 19.1 гарантируется право каждого человека на жизнь, а также на физическую и психическую целостность личности. Революционный характер этой нормы получил подтверждение в судебной практике: в 2023 году Верховный суд Чили рассмотрел иск Гвидо Жирарди Лавин к американской компании Emotiv. Суд обязал компанию удалить данные о мозговой активности, собранные без надлежащего согласия, что стало первым значимым прецедентом применения конституционной защиты нейроправ [4].

В российской правовой науке фундамент для защиты интересов нейроправ был заложен в начале 2010-х годов в рамках дискуссии о соматических правах и правовом регулировании биомедицинских технологий, что позволило российским учёным подойти к концепции нейроправ синхронно с мировым научным сообществом.

В частности, С. В. Полубинская в своих трудах прямо указала на риски использования достижений нейротехнологий в криминалистике, подчеркнув угрозу правам личности на свободное волеизъявление [7].

Российский опыт регулирования нейротехнологий на данный момент характеризуется отсутствием комплексной законодательной базы, ограничиваясь преимущественно декларативными актами. Несмотря на то, что федеральный закон № 123ФЗ позволил внедрить экспериментальный правовой режим в Москве, общее регулирование отрасли на уровне подзаконных актов не соответствует высокой социальной значимости этой сферы и масштабу затрагиваемых прав личности [5].

В академической среде отмечены контуры междисциплинарного подхода: юристы, философы права и специалисты в области нейронаук начали совместную проработку понятийного аппарата, включая когнитивную свободу, нейроблагополучие и психическую неприкосновенность, что позволяет рассчитывать на формирование целостной системы защиты нейроправ в среднесрочной перспективе.

Действующее нормативно-правовое поле России характеризуется следующим образом: отсутствие официальных определений таких ключевых понятий, как «нейроправо», «когнитивная свобода», «психическая неприкосновенность», «нейроданные» и т.д .; отсутствие специальных правовых режимов для сбора, обработки и хранение нейроданных; отсутствие гарантии защиты от несанкционированного доступа к информации о работе мозга или от нейротехнологического воздействия; неопределенность границ использования нейроинтерфейсов и иных нейротехнологий в медицине, образовании, криминалистике и пр.

Цифровые права, интегрированные в систему гражданского оборота, имеют чёткую юридическую дефиницию, а нейроправа остаются исключительно предметом научно-теоретических дискуссий, и их практическая реализация и защита требуют существенной доработки нормативной базы.

Указанные обстоятельства подтверждают наличие правового вакуума в сфере регулирования нейротехнологий и диктуют необходимость создания системы правовых барьеров для защиты психического пространства личности. Крайне важна разработка специализированных норм, которые чётко определят допустимые границы применения нейротехнологий в коммерческих, правоохранительных и иных целях, с соблюдением баланса между научно-техническим прогрессом и защитой фундаментальных прав и свобод человека. Эволюция правового статуса личности демонстрирует адаптивный переход от классических доктрин к цифровым правам четвертого поколения и формирующейся концепции нейроправ пятого поколения. Новый этап, сосредоточенный на защите когнитивной свободы и ментальной приватности, становится критически важным в условиях бесконтрольного развития нейротехнологий и искусственного интеллекта. Современная юриспруденция сталкивается с существенным регуляторным вакуумом, обусловленным прежде всего дефицитом императивного регулирования (Hard Law). Ключевой проблемой является отсутствие четкого правового определения «нейроданных», которые ошибочно приравниваются к обычной биометрии, несмотря на их способность раскрывать внутренние намерения и психоэмоциональное состояние человека. Таким

образом, институционализация нейроправ на законодательном уровне выступает обязательным условием сохранения человеческого достоинства, обеспечивая гармоничный баланс между научно-техническим прогрессом и фундаментальной автономией личности в нейроцифровую эпоху.

Список использованных источников:

1. Карел, Васак «A 30-Year Struggle: The Sustained Efforts to Give Force of Law to the Universal Declaration of Human Rights» / Васак Карел. — Текст : непосредственный // UNESCO Courier . — 1977. — № 11. — С. 29-32.
2. Марчелло, Иенка К новым правам человека в эпоху нейронауки и нейротехнологий / Иенка Марчелло, Андорно Роберто. — Текст : непосредственный // Life Sciences, Society and Policy. — 2017. — № 1. — С. 1-27.
3. Four ethical priorities for neurotechnologies and AI / Yuste Rafael, Goering Sara, Agüera,y Blaise [и др.]. — Текст : непосредственный // Nature. — 2017. — № 7679. — С. 159-163.
4. Chilean Supreme Court ruling on the protection of brain activity: neurorights, personal data protection, and neurodata // Frontiers in Psychology URL: https://www.frontiersin.org/journals/psychology/articles/10.3389/fpsyg.2024.1330439/full (дата обращения: 13.03.2026).
5. Бондаренко, А. А. Формирование категории «нейроправа»: обобщение российского и международного опыта / А. А. Бондаренко. — Текст : непосредственный // Юридическая наука. — 2023. — № 8. — С. 82-85.
6. Посадкова, М. В. Правовое регулирование нейротехнологий: игра без правил или жесткий контроль? / М. В. Посадкова, Е. А. Брежнева. — Текст : непосредственный // Lex Genetica. — 2025. — № 2. — С. 47-62.
7. Полубинская, С. В. Правовые проблемы борьбы с преступностью / С. В. Полубинская. — Текст : непосредственный // Труды Института государства и права Российской академии наук. — 2019. — № 5. — С. 9-37.
8. Лукашева, Е. А. Права человека / Е. А. Лукашева. — 2-е изд. — Можайск : «Норма», «ИНФРА-М», 2011. — 560 с. — Текст : непосредственный.
9. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 11.03.2024) // Собрание законодательства РФ. — 1994. — № 32. — Ст. 3301.
10. Об информации, информационных технологиях и о защите информации : Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства РФ. — 2006. — № 31 (ч. 1). — Ст. 3448.

УДК 347.6

Лапик Н. В.
рядовой полиции
*Научный руководитель**:** Казанцева Е.В., к.ю.н.*
Крымский Филиал Краснодарского Университета МВД России,
г. Симферополь

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ

Аннотация. В статье проанализированы основные правовые акты, регламентирующие обеспечение несовершеннолетних в цифровой среде. Автором отмечено, что эффективность данных механизмов во многом зависит не только от качества законодательства, но и от уровня цифровой грамотности общества.

Дальнейшее развитие данной сферы, по мнению автора, должно быть связано с совершенствованием правовых механизмов регулирования, расширением профилактических и образовательных программ, а также укреплением роли семьи в формировании безопасного поведения детей в сети Интернет.

Ключевые слова: безопасность, защита, Интернет, информация, несовершеннолетний, цифровая среда.

Annotation. The article analyzes *the* main legal acts regulating *the* provision *of* minors in *the* digital environment. *The* author notes that *the* effectiveness *of* these mechanisms largely depends not only on *the* quality *of* legislation, but also on *the* level *of* digital literacy *in* society. Further development *of* this area, according *to the* author, should be associated with *the* improvement *of* legal regulatory mechanisms, *the* expansion *of* preventive and educational programs, as well *as* strengthening *the* role *of the* family in shaping *the* safe behavior *of* children *on* the Internet.

Keywords: security, protection, Internet, information, minor, digital environment.

В современных условиях цифровые технологии оказывают заметное влияние на развитие общества. Цифровая среда постепенно становится частью повседневной жизни, изменяя способы общения, получения информации и социализации людей. Особенно сильно это влияние проявляется в отношении детей и подростков, поскольку именно в этот период происходит формирование личности, системы ценностей и моделей поведения. Как справедливо отмечают представители Министерства внутренних дел, цифровая реальность сегодня активно формирует мышление, привычки и способы взаимодействия детей с окружающим миром. В связи с этим обеспечение безопасности несовершеннолетних в цифровом пространстве приобретает особую значимость и становится одним из приоритетных направлений государственной политики.

Существенное укрепление конституционно-правовых основ защиты детей в Российской Федерации произошло в результате общероссийского голосования, состоявшегося 1 июля 2020 года. Внесенные в Конституцию изменения впервые закрепили положение о том, что дети являются важнейшим приоритетом государственной политики. Согласно ст. 67.1 Конституции РФ, государство создает условия, способствующие всестороннему духовному, нравственному, интеллектуальному и физическому развитию детей, воспитанию в них патриотизма, гражданственности и уважения к старшим [1]. При этом отдельно подчеркивается значение семейного воспитания, а государство принимает на себя обязательства по защите детей, оставшихся без попечения родителей. Данные положения дополняют норму статьи 38 Конституции РФ, согласно которой материнство, детство и семья находятся под защитой государства, а забота о детях и их воспитание являются равным правом и обязанностью родителей. Таким образом, можно сделать вывод, что конституционные нормы формируют основу государственной политики по защите прав и интересов ребенка, в том числе и в цифровой среде.

Одним из ключевых нормативных актов, регулирующих вопросы защиты детей от вредной информации, является Федеральный закон от 29 декабря 2010 года № 436-ФЗ [2]. Данный закон устанавливает возрастную классификацию информационной продукции и определяет требования к распространению контента, который может негативно сказаться на развитии несовершеннолетних. В частности, запрещается распространение среди детей информации, содержащей сцены насилия, пропаганду употребления наркотических средств или алкоголя, а также материалов, побуждающих к противоправным и антиобщественным действиям. Однако следует отметить, что развитие цифровой среды происходит очень быстро, поэтому законодательство не всегда успевает своевременно реагировать на появление новых форм опасного интернет-контента.

Правовые основы регулирования информационной сферы закреплены также в Федеральном законе от 27.07.2006 № 149-ФЗ, который определяет порядок ограничения доступа к информации, распространяемой с нарушением законодательства, включая

материалы, содержащие детскую порнографию, сведения о способах совершения суицида и пропаганду наркотических средств [3]. Важную роль в обеспечении безопасности несовершеннолетних играет и Федеральный закон от 28 июля 2012 года № 139-ФЗ, на основании которого была создана Единая автоматизированная информационная система «Единый реестр доменных имен, указателей страниц сайтов в сети «Интернет» и сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты, содержащие информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено» [4]. Основным достоинством законодательного акта является закрепление механизма становления возможности оперативно ограничивать доступ к интернет-ресурсам, которые представляют потенциальную угрозу для детей.

В рамках реализации государственной политики в рассматриваемой сфере Министерством просвещения России разрабатываются различные методические материалы, адресованные педагогам и родителям. В частности, Департаментом государственной политики в сфере защиты прав детей Минпросвещения России совместно с Институтом изучения детства, семьи и воспитания подготовлены методические рекомендации «Кибербезопасность: как защитить ребенка в цифровом пространстве», которые содержат информацию о мерах обеспечения цифровой безопасности несовершеннолетних в части противодействия техническим рискам и профилактики деструктивных социально-психологических явлений в цифровом пространстве [5]. Представляется важным, что данные рекомендации ориентированы не только на образовательные организации, но и на родителей, поскольку именно семья играет ключевую роль в формировании безопасного поведения ребенка в сети Интернет.

Сотрудники правоохранительных органов также акцентируют внимание на том, что технологии не могут заменить родительское внимание. В управлении по борьбе с противоправным использованием информационно-коммуникационных технологий МВД России подчеркивают, что основой безопасности по-прежнему остаются доверие, искренний интерес к жизни ребенка и готовность поддержать в нужный момент. Именно такое взаимодействие между родителями и детьми позволяет своевременно заметить возможные угрозы, возникающие в цифровой среде.

Федеральный закон от 24 июля 1998 года № 124-ФЗ закрепляет основы правовой защиты детей от информации, пропаганды и агитации, наносящих вред их здоровью, нравственному и духовному развитию [6]. Данный закон устанавливает, что органы государственной власти Российской Федерации принимают меры по защите ребенка от информации, пропаганды и агитации, наносящих вред его здоровью, нравственному и духовному развитию, в том числе от национальной, классовой, социальной нетерпимости, от рекламы алкогольной продукции и табачных изделий, от пропаганды социального, расового, национального и религиозного неравенства, а также от распространения печатной продукции, аудио- и видеопродукции, пропагандирующей насилие и жестокость, порнографию, наркоманию, токсикоманию, антиобщественное поведение.

Несмотря на наличие достаточно развитой нормативной базы, проблема обеспечения безопасности несовершеннолетних в сети Интернет остается актуальной [7, с.181-190]. Одной из основных трудностей является отсутствие эффективных механизмов проверки возраста пользователей при доступе к интернет-ресурсам. На практике дети нередко обходят существующие ограничения, указывая недостоверную информацию о своем возрасте. Кроме того, развитие технологий зачастую происходит быстрее, чем обновление законодательства. В цифровой среде постоянно появляются новые формы опасного контента, в том числе создаваемые с использованием технологий искусственного интеллекта. Дополнительную сложность представляет трансграничный характер сети Интернет, поскольку запрещенные материалы могут размещаться на серверах, находящихся за пределами национальной юрисдикции. Письмо Министерства просвещения РФ от 4 апреля 2023 года № 07-1780 содержит разъяснения по обеспечению прав детей на защиту от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию, в

образовательных организациях [8]. В данном документе подчеркивается необходимость проведения систематической работы по повышению цифровой грамотности участников образовательного процесса, организации мониторинга информационной безопасности в образовательных организациях, а также взаимодействия с родительской общественностью по вопросам защиты детей от негативной информации.

Таким образом, правовое регулирование обеспечения безопасности несовершеннолетних в цифровой среде представляет собой совокупность взаимосвязанных правовых норм, закрепленных в Конституции Российской Федерации, федеральных законах и подзаконных актах. Вместе с тем эффективность данных механизмов во многом зависит не только от качества законодательства, но и от уровня цифровой грамотности общества. Представляется, что дальнейшее развитие данной сферы должно быть связано с совершенствованием правовых механизмов регулирования, расширением профилактических и образовательных программ, а также укреплением роли семьи в формировании безопасного поведения детей в сети Интернет.

Список использованных источников:

1. Конституция Российской Федерации : [принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 г.] // СПС «КонсультантПлюс».
2. Федеральный закон от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» // СПС «КонсультантПлюс».
3. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // СПС «КонсультантПлюс».
4. Федеральный закон от 28.07.2012 № 139-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» // СПС «КонсультантПлюс».
5. Кибербезопасность: как защитить ребенка в цифровом пространстве : метод. рекомендации / М-во просвещения Рос. Федерации. – 2025. – URL: https://ib.22edu.ru/#b18515 (дата обращения: 22.03.2026).
6. Федеральный закон от 24.07.1998 № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
7. Казанцева, Е. В. Деятельность органов внутренних дел по профилактике вовлечения несовершеннолетних в правонарушения с использованием информационных технологий / Е. В. Казанцева // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. – 2025. – Т. 11, № 3. – С. 181-190.
8. О направлении методических рекомендаций : письмо Министерства просвещения РФ от 4 апр. 2023 г. № 07-1780 // СПС «КонсультантПлюс»

УДК 343.215; 347.1

Лебедева Е. С.
рядовой полиции
*Научный руководитель**:** Казанцева Е.В.**,** к.ю.н.*
Крымский Филиал Краснодарского Университета МВД России,
г. Симферополь

ЗАЩИТА ЧЕСТИ И ДОСТОИНСТВА В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ

Аннотация. В статье рассматривается защита нематериальных благ человека как честь и достоинство в цифровой среде. Автором отмечены проблемные теоретические и практичнее аспекты защиты чести и достоинства в цифровой среде. Проанализировано законодательство, содержащее нормы юридической ответственности, отмечены проблемные аспекты их применения.

Ключевые слова: достоинство, честь, цифровая среда, интернет, клевета, оскорбление

Abstract. The article discusses the protection of intangible human benefits such as honor and dignity in the digital environment. The author highlights the problematic theoretical and practical aspects of protecting honor and dignity in the digital environment. The legislation containing the norms of legal liability is analyzed, and the problematic aspects of their application are noted.

Keywords: dignity, honor, digital environment, Internet, slander, insult

Честь и достоинство являются основными элементами правового статуса личности - нематериальными благами, подлежащими правовой защите. Они закреплены на конституционном уровне как основные и неотчуждаемые права человека, принадлежащие каждому от рождения. На государство возложена конституционная обязанность по защите достоинства личности (ч. 1 ст. 21 Конституции России, в том числе право каждого на защиту чести и доброго имени (ч. 1 ст. 23 Конституции России) [1]. Конституционные ценности реализованы в гражданском законодательстве (ст. 150 Гражданского кодекса РФ).

В эпоху цифровизации информационные технологии оказывают значительное влияние на общество и на частную жизнь человека. Цифровое пространство создаёт множество возможностей для публичного выражения своего мнения, распространения и хранения информации, что не всегда используется людьми с благими намерениями. Стремительная цифровизация общества (в частности, развитие социальных сетей) привела к необходимости осмысления новых способов защиты чести и достоинства. Объективную сторону правонарушений в этой сфере составляют действия по распространению порочащих лицо сведений, не соответствующих действительности. В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 24.02.2005 № 3 определяются юридически значимые обстоятельства, подлежащие установлению судом: факт распространения сведений, их порочащий характер и недействительность информации [2].

В некоторых случаях может произойти столкновение права на свободу слова и права на защиту чести и достоинства. Следует помнить, что не всякое высказывание можно квалифицировать как распространение сведений, порочащих честь и достоинство. Люди могут высказывать своё мнение как в позитивном, так и в негативном ключе. Так, конструктивная критика профессиональной, творческой или научной деятельности человека является правомерной в соответствии со ст. 29 Конституции России, которая гарантирует каждому свободу мысли и слова. Поэтому при возникновении таких споров важно различать мнение, оценку и критику выраженную человеком от клеветы и оскорблений.

Ещё одной проблемой при рассмотрении дел о защите чести и достоинства, в связи с распространением порочащих сведений через глобальную сеть, являются трудности в установлении лица, которое распространило ложные сведения, сборе и подтверждение доказательств необходимых для судебной защиты.[6] Это связано с тем, что интернет даёт множество возможностей оставаться анонимным, в том числе при распространении ложной информации, оскорблениях и буллинге других лиц. И к тому же пробелы в законодательной базе, которая не всегда поспевает за изменениями и развитием современных технологий и в полной мере не регулирует защиту рассматриваемых нематериальных благ в цифровой среде.

Проблема при рассмотрении таких дела связана с анонимностью личности, распространяющей информацию, унижающую честь и достоинство, в сети «Интернет». В таком случае отсутствие ответчика, лишаем истца возможности получения компенсации за моральный вред и ставит под вопрос возможность защиты чести и достоинства.

Сложность борьбы с унижением чести и достоинства в интернете во многом обусловлена анонимностью нарушителей. В качестве альтернативного механизма защиты предлагается возложение ответственности на владельца сайта при невозможности

идентифицировать автора. Тем не менее, это поднимает проблему целесообразности моральной компенсации, поскольку владельцу сайта практически невозможно контролировать весь информационный поток, размещаемый на его площадке. Фактическое отсутствие надлежащего ответчика (непосредственного обидчика) лишает потерпевшего права на справедливую денежную компенсацию, что существенно снижает эффективность судебной защиты нематериальных благ. В подобных обстоятельствах единственным бесспорным способом восстановления прав становится требование об удалении порочащей информации с сайта.

В целях совершенствования законодательства учеными предлагается ввести в понятийный аппарат термин «цифровое достоинство». Согласно одному из подходов, это качество личности, признаваемое социумом и государством, которое проявляется в уважении к её виртуальной идентичности, репутации и свободе распоряжаться собственными данными в сети. Важно понимать, что нарушение «цифрового достоинства» выходит за рамки простой клеветы или оскорблений в сети. Это более обширное явление, включающее в себя: организованная травля в сети (кибербуллинг), сопряженная с распространением унизительного контента; использование цифровых двойников (фейков и дипфейков) для дискредитации личности или мошенничества; публичное распространение конфиденциальной информации, разрушающее социальные связи и профессиональную репутацию гражданина. Существует предложение рассмотрения «цифрового достоинства» как специфического, непосредственного объекта посягательства для категории преступлений против чести, достоинства, свободы и неприкосновенности частной жизни. Это может уточнить общее понятие личного достоинства применительно к цифровой среде, где информация легко распространяется и хранится вечно, а вред от посягательств на достоинство становится гораздо серьёзнее.

Говоря о защите чести и достоинства в современном законодательстве, рассмотрим оскорбление, то есть унижение чести и достоинства другого лица, выраженное в неприличной или иной противоречащей общепринятым нормам морали и нравственности форме, высказанное публично в социальных сетях, на сайтах и форумах [3, с. 81]. Оскорбление наказывается в соответствии с ч.2 ст. 5.61 КоАП РФ [4], а также ч.2 ст. 128.1 УК РФ [5] предусмотрена ответственность физических лиц за клевету, то есть распространение заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство другого лица или подрывающих его репутацию в сети «Интернет».

Пункты 5 и 9 ст. 152 Гражданского кодекса РФ закрепляют за гражданином, в отношении которого в Интернете были распространены порочащие сведения, право требовать удаления соответствующей информации и публикации опровержения. Помимо этого пострадавший может требовать возмещения убытков и компенсации морального вреда. Согласно п.5 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24.02.2005 № 3 [2] круг потенциальных ответчиков по данной категории дел достаточно широк: к ответственности могут быть привлечены как непосредственные авторы ложных порочащих сведений, так и лица, способствовавшие их распространению. В их число входят редакции сетевых изданий, администраторы доменных имен, а также первичные источники информации. При рассмотрении дела суд должен установить, являются ли распространенные сведения порочащими (умаляющими честь и достоинство) либо оценочными суждениями, мнениями, убеждениями. Правовая защита последних возможна только в случае их оскорбительного характера. Проблема заключается в отсутствии четкой грани между указанными понятиями: порочащие сведения опровергаются в судебном порядке, тогда как оценочные суждения защищаются лишь при наличии оскорблений. Такая неопределенность нередко влечет противоречивую судебную практику.

Таким образом, при рассмотрении споров о защите чести, достоинства и деловой репутации в предмет доказывания входят следующие обстоятельства: установление самого события распространения информации об истце; порочащий характер сведений, выражающийся в их объективной способности принижать репутацию, умалять честь и

достоинство либо формировать негативный образ потерпевшего в общественном сознании; недостоверность распространенной информации (ее несоответствие объективной действительности); оскорбительная форма выражения (выступающая в качестве квалифицирующего признака при защите от унижения чести и достоинства в неприличной или циничной форме).

Кроме того, при рассмотрении споров о защите чести и достоинства, суд будет учитывать обязательное соблюдение досудебного разбирательства, которое должно быть зафиксировано. В целях мирного решения вопроса гражданин, пострадавший от такого правонарушения, может предъявить требования о удаление информации, либо о её опровержении и публичном извинение на том же ресурсе, где была опубликована дискредитирующая информация. Необходимо отметить, что опровержение и удаление информации из интернета являются двумя самостоятельными, независимыми друг от друга способами защиты [3, с. 93] Эти меры можно применять как последовательно, так и реализовывать их параллельно. Факт удаления оспариваемых сведений не может служить причиной для отклонения требования о публикации опровержения. А именно комплексное применение обеих форм защиты наилучшим образом способствует восстановлению нарушенных прав человека.

Таким образом, проанализировав особенности защиты чести и достоинства в цифровой среде, мы может увидеть важность и актуальность данной темы в современном мире, когда цифровое пространство активно развивается и становиться неотъемлемой частью нашей жизни. Необходимость развития и устранения пробелов в законодательстве и применении мер защиты при распространении в интернете информации, порочащей честь и достоинство, а также клеветы и оскорбительных материалов.

Список использованных источников:

1. Конституция Российской Федерации : [принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 г.] // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http:// pravo.gov.ru (дата обращения 22.03.2026).
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.02.2005 № 3 (ред. от 09.12.2025) «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http:// pravo.gov.ru (дата обращения 22.03.2026).
3. Защита чести, достоинства и деловой репутации в системе МВД России : учебно-практическое пособие / А. Г. Брагина, Ю. С. Зубенко, А. С. Селиванов [и др.]. – Барнаул : Барнаульский юридический институт МВД России, 2024.
4. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения 22.03.2026).
5. Уголовный кодекс Российской Федерации" от 13.06.1996 N 63-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения 22.03.2026).

УДК 342.72/.73

Маслич А.Е.
обучающаяся 3 курса
Научный руководитель: Пашнева В.А., к.ю.н., доцент
Институт «Таврическая академия»
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»,
г. Симферополь

ПОСТМОРТАЛЬНАЯ (ПОСМЕРТНАЯ) РЕПРОДУКЦИЯ КАК БИОГЕНЕТИЧЕСКОЕ ПРАВО ЧЕЛОВЕКА XXI ВЕКА

Аннотация. Анализируется сущность и правовая природа постмортальной (посмертной) репродукции как одного из биогенетических прав человека четвертого поколения, рассматривается в сравнительном анализе с зарубежными государствами, а также определяются основные пробелы правового регулирования данного института.

Ключевые слова: постмортальная (посмертная) репродукция, биогенетические права, концепция прав человека, вспомогательные репродуктивные технологии, законодательное регулирование.

Abstract. The article analyzes the essence and legal nature of postmortem (posthumous) reproduction as one of the fourth-generation biogenetic human rights, provides a comparative analysis with foreign countries, and identifies the main gaps in the insufficient legal regulation of this institution.

Keywords: postmortem (posthumous) reproduction, biogenetic rights, human rights concept, assisted reproductive technologies, legislative regulation.

Концепция прав человека является достаточно динамичным правовым явлением. Все три поколения прав: гражданские и политические, социальные и экономические, коллективные стали незаменимым фундаментом в развитии конституционно-правовой теории, а также морально-этической. Однако современный мир характеризуется изменчивостью, появлением новых технологий и процессов, их цифровизацией. Так и зародилось четвертое поколение. Традиционно, к ним относят соматические, репродуктивные и информационные. Безусловно, каждая группа прав многогранна и служит объектом исследования во многих работах. Но одним из наиболее актуальных является вопрос о положении репродуктивных прав в правовом и моральном поле познания. Феномен репродуктивных прав заключается в признании и возникновении права свободно и ответственно принимать решения в сфере воспроизводства и репродуктивного здоровья без дискриминации, принуждения и насилия, с использованием разнообразных технологий.

Под вспомогательными репродуктивными технологиями (ВРТ) понимают особую современную область медицины, которая имеет важное демографическое значение, так как методы профилактики, лечения, лежащие в их основе направлены на достижение беременности пациенток, а также применяются при бесплодии. Появление этих технологий стали новым вызовом в XXI веке. Как указывает в своей работе Исупова О.Г: «Их существование требует осмысления сразу с нескольких точек зрения: антропологии (обновление понятия родства: теперь оно может быть не только биологическим и социальным, но и биологическим частично); биоэтики (возникают новые этические вопросы относительно допустимости выбора определенных характеристик будущих детей, повышенной роли медиков в появлении на свет детей, суррогатного материнства и донорства яйцеклеток как репродуктивной эксплуатации); религии (расширяется пространство репродуктивного выбора, который осуждается некоторыми представителями религиозной мысли в принципе)» [1].

Как известно, государство имеет ряд важных задач в проведении своей политики, одной из них как раз и выступает повышение уровня демографии в стране, соответственно эффективность ВРТ применения только возрастает в такой ситуации. Значимость таких технологий объясняется, в первую очередь тем, что в настоящее время продолжается увеличение случаев развития бесплодия, иных проблем со здоровьем, которые препятствуют естественному зачатию, именно поэтому во многих государствах применяется ЭКО (экстракорпоральное оплодотворение), суррогатное материнство, криоконсервация эмбрионов и яйцеклеток. Однако в некоторых случаях, люди обращаются и к постмортальной или посмертной репродукции, в свою очередь, ее применение влечет за собой множество правовых и этических вопросов.

Прежде чем переходить к анализу данного явления следует разобраться с его дефиницией. Так, под ним понимают зачатие и рождение детей после смерти одного (а иногда и обоих) биологических родителей при помощи криоконсервированного генетического материала умершего. Не во всех странах имеется легальное закрепление постмортальной репродукции, более того в некоторых зарубежных странах она запрещена. Относительно Российской Федерации, однозначного ответа нет, так как на законодательном уровне отсутсвует прямой запрет на ее применение. Помимо этого, возникающие правовые последствия при использовании ее технологий также вызывают неопределенность и споры.

Проведя сравнительный анализ с зарубежными странами можно отметить, следующее. В таких государствах как, Испания, некоторые штаты США, Австралия, Великобритания законодательно закреплено разрешение на посмертную репродукцию, но при обязательном наличии письменного согласия. Например, супруг при жизни посредством нотариально удостоверенного согласия, завещания разрешает использовать его генетический материал для оплодотворения супруги в течении какого-то периода времени со дня его смерти. Из-за сложных этических (например, вопрос о социальной роли детей, их психологическом состоянии, нарушение прав ребенка на воспитание в полной семье) и юридических вопросов многие страны – Канада, Франция, Германия, Норвегия и Швеция – запретили эту процедуру. В Германии установлен запрет на использование биологического материала после смерти лица, нарушение которого влечет уголовную ответственность виновных. Многие ассоциации, международные организации вносили в повестку обсуждения вопрос о едином регулировании данного института. Однако в виду отсутствия зарубежного консенсуса по посмертным применениям вспомогательных репродуктивных технологий, государствам предоставлены широкие пределы усмотрения в данной сфере [2, с. 46-47].

То есть мы можем заметить, что такой институт как посмертная репродукция является до сих пор не изученным, в противовес этому существует мнение о том, что оно уже составляет часть набора прав человека, в том числе и конституционных. Так, в России в ст. 20 Конституции РФ закреплено одно из главенствующих положений – право каждого человека на жизнь [3] (самое ценное, чем обладает каждый, именно поэтому она подлежит усиленной охране как со стороны Конституции, так и со стороны уголовного права), а технологии репродукции так или иначе связаны с этим правом. Именно поэтому она должна также охраняться и регулироваться нормативными правовыми актами.

Существенным этапом в правовом развитии постмортальной репродукции, по нашему мнению, является определение Конституционного Суда РФ от 11 февраля 2025г. по делу о проверке конституционности частей 1 и 3 статьи 10 федерального закона «О страховых пенсиях» в связи с жалобой гражданки М.Ю. Щаниковой. Суть которого заключалось в следующем: гражданкой Щаниковой и ее супругом было принято решение зачать ребенка с использованием вспомогательных репродуктивных технологий. 6 февраля 2016 г. супругу заявительницы по договору с клиникой были оказаны услуги по криоконсервации и хранению половых клеток, а 24 ноября того же года он скончался. Согласно договору, абсолютное распоряжение биоматериалом переходило к супруге, и в

2018 г. у нее родились близнецы фактически от уже умершего мужа, а в 2020 г. она обращалась в пенсионный орган за назначением детям страховой пенсии по случаю потери кормильца, однако ей было отказано со ссылкой на отсутствие права на эту пенсию. И на основании Постановления Конституционного Суда РФ было признано оспариваемое положение Федерального закона от 28 декабря 2013 г. № 400-ФЗ «О страховых пенсиях» «не соответствующим Конституции РФ в той мере, в какой ими в системе действующего правового регулирования не предусматривается назначение страховой пенсии по случаю потери кормильца ребенку, зачатому с помощью вспомогательных репродуктивных технологий (далее – ВРТ) после смерти застрахованного, в системе обязательного пенсионного страхования супруга его матери и, соответственно, рожденному по истечении трехсот дней с момента смерти отца». [4].

Таким образом, Конституционный Суд основывался на следующих аргументах: Во-первых, российский законодатель до сих пор не выразил однозначно легального отношения к посмертной репродукции, отсутствует определение, и на практике граждане не лишены права пользования технологиями данного процесса, так как имеются материальные и юридические условия такого метода ВРТ (например, при наличии соглашения между супругами, заключенным договоров, возможности установления отцовства). Во-вторых, установление отцовства при данном способе рождения ребенка не должно порождать лишь личные неимущественные права таких детей, но и, в частности, право на получение разного рода социальных выплат. В-третьих, помимо юридических аспектов, затрагиваются и социально-психологические, поскольку наличие у такого ребенка правовых гарантий, например, наследования, получения выплат, обеспечивают наличие определенной связи с его родителями и квазикомпенсацией их отсутствия.

Таким образом, посмертальная (посмертная) репродукция является важным правом в системе вспомогательных репродуктивных технологий. Она позволяет реализовать право человека на продолжение рода даже после его смерти, но в силу низкой осведомленности о данном виде ВРТ и наличии пробелов в правовом регулировании, на практике возникают спорные вопросы, которые рассматриваются и разрешаются на усмотрение суда. Соответственно, необходимо закрепить понятийный аппарат по данному вопросу в Федеральном законе «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», а также ввести медицинские ограничения.

Список использованных источников:

1. Исупова, О.Г. Вспомогательные репродуктивные технологии: новые возможности / О.Г. Исупова // Демографическое обозрение. – 2017. – №1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vspomogatelnye-reproduktivnye-tehnologii-novye-vozmozhnosti (дата обращения: 08.03.2026).

2. Третьяк И.А. Конституционно-правовые аспекты посмертной репродукции в России и зарубежных странах / И.А. Третьяк // Правоприменение. – 2024. – Т.8, №4. – С. 44-53.

3. Конституция Российской (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // КонсультантПлюс: сайт. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/?ysclid=mmi9th38tx341645311 (дата обращения 09.03.2026).

4. Постановление Конституционного Суда РФ от 11 февраля 2025 г. № 6-П «По делу о проверке конституционности частей 1 и 3 статьи 10 Федерального закона «О страховых пенсиях» в связи с жалобой гражданки М.Ю. Щаниковой» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2025 г. – № 7. С. – 694.

УДК 342.00

Невструева А.А.
обучающаяся 2 курса
Научный руководитель: Сильванович Ю.Н., ассистент
Институт «Таврическая академия»
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»,
г. Симферополь

КОНСТИТУЦИОННЫЕ ПРЕДЕЛЫ ОГРАНИЧЕНИЯ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА ПРИ РЕГУЛИРОВАНИИ МИГРАЦИОННЫХ ПОТОКОВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. В исследовании анализируется миграционная политика Российской Федерации через призму соотношения государственных интересов и конституционных гарантий прав человека. Рассматриваются основные подходы в правовой доктрине к пониманию сущности миграционной политики, в том числе утилитарно-экономический и конституционно-правовой, с акцентом на их влияние на правовое регулирование миграционных процессов. На основе анализа действующего миграционного законодательства, статистических данных и доктринальных позиций выявляются проблемы фрагментарности нормативной базы, отсутствия единых принципов регулирования и правовой неопределённости миграционных статусов. Обосновывается приоритет конституционно ориентированного подхода к миграционной политике и формулируются предложения по её совершенствованию.

Ключевые слова: миграционная политика, миграционное законодательство, права человека, Конституция РФ, иностранные граждане, трудовая миграция, административное выдворение, пропорциональность, недискриминация.

Abstract. This study analyzes the migration policy of the Russian Federation through the lens of the relationship between state interests and constitutional guarantees of human rights. It examines the main approaches in legal doctrine to understanding the essence of migration policy, including the utilitarian-economic and constitutional-legal approaches, with an emphasis on their impact on the legal regulation of migration processes. Based on an analysis of current migration legislation, statistical data, and doctrinal positions, it identifies issues such as the fragmentation of the regulatory framework, the lack of uniform regulatory principles, and the legal uncertainty of migration statuses. It substantiates the priority of a constitutionally oriented approach to migration policy and formulates proposals for its improvement.

Keywords: migration policy, migration legislation, human rights, Constitution of the Russian Federation, foreign citizens, labor migration, administrative expulsion, proportionality, non-discrimination.

Регулирование миграционных потоков – одна из ключевых задач современного государства: данный процесс затрагивает множество сфер общественной жизни, в частности касающихся таких вопросов, как национальная безопасность, экономика, демография и социальная сфера, но одновременно имеет прямую взаимосвязь и с фундаментальными правами человека. В Российской Федерации глава II Конституции РФ закрепляет основные неотчуждаемые права и свободы человека, в том числе, такие, как: право на судебную защиту, свободу передвижения, неприкосновенность личности и запрет дискриминации по какому-либо признаку [1]. В связи с чем государственная политика в сфере миграции опирается также на специализированные законы, в первую очередь: Федеральный закон от 25.07.2002 г.№ 115 «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» [4], Федеральный закон № 109 от 18.07.2007 г. «О миграционном учёте иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» [5] (которые

закрепляют, в том числе, положения касательно контроля за въездом, пребыванием и выдворением иностранных граждан), а также соответствующие статьи КоАП РФ [2]. Однако увеличение миграционных потоков и реформация миграционной политики в последние годы («около 6,3 млн мигрантов прибыли в Россию в 2024 году, половина из них – с целью трудоустроиться… Основная доля иностранных граждан – уроженцы Узбекистана 23,3%, 16,7% – Таджикистана, 10,4% – Киргизии, 9,5%–Белоруссии») [6] усиливают риск возникновения как внутригосударственных, так и международно-правовых конфликтов. В целях формирования единообразного понимания сущности миграционной политики с последующим возможным урегулированием возникающих проблемных вопросов обратимся к правовой доктрине.

Так, в трудах В. И. Мукомеля миграционная политика рассматривается, прежде всего, как инструмент решения демографических и экономических задач государства, а не как самостоятельный конституционно-правовой институт. По его мнению, ключевым критерием эффективности миграционной политики является её способность компенсировать дефицит трудовых ресурсов, обеспечивать устойчивость рынка труда и снижать социально-экономические риски, возникающие в условиях депопуляции и структурных изменений экономики [7]. В этой связи допускается дифференцированный и селективный подход к различным категориям мигрантов, основанный на их экономической полезности, уровне профессиональной квалификации и степени интеграции в принимающее общество. Правовые и гуманитарные принципы при таком подходе не отрицаются, однако рассматриваются как производные от интересов государства и общества, а не как безусловные ограничители миграционного регулирования. Жёсткие меры контроля, ограничение отдельных прав и развитие мер административного регулирования оцениваются как допустимые и зачастую необходимые элементы миграционной политики, если они способствуют социальной стабильности и экономической эффективности. Таким образом, миграция в рамках данного подхода трактуется не как ценность, требующая приоритетной правовой защиты, а как управляемый ресурс, подлежащий государственному регулированию в соответствии с текущими стратегическими потребностями.

В.А. Коробеев, напротив, рассматривает миграционную политику России как «часть социально-экономической, внутренней и внешней политики государства» [3, с. 17], тесно связанную с конституционным строем. Он подчёркивает, что миграционная политика – это не просто регулирование въезда и выезда, а система целей, задач и направлений, основанных на конституционных принципах, реализуемых через нормы, институты и механизмы государственного управления. Из этого можно сделать вывод, что государство в обязательном порядке должно руководствоваться конституционными принципами (принцип законности, принцип легитимной цели, принцип необходимости и пропорциональности, принцип запрета дискриминации и равенства перед законом) при осуществлении миграционной политики, поскольку нарушение этих принципов ведёт к искажению её сущности [3, с. 22]. Также В.А. Коробеев обращает внимание, что на практике в отечественных реалиях отмечаются определенные пробелы и недостатки законодательной базы в анализируемой сфере, что закономерно приводит к проблемам правового регулирования: во многом вышеизложенные обстоятельства обусловлены стремительной преемственностью разных исторических этапов, сопровождаемой слабой корреляцией между интересами государства и фактическими миграционными потоками, а также отсутствием единых принципов регулирования.

В данном контексте видится, что позиция В. А. Коробеева представляется более обоснованной, поскольку он предлагает рассматривать миграционную политику как интегрированную часть общей государственной политики, неразрывно связанную с конституционным строем и опирающуюся на фундаментальные правовые принципы. Ориентация на законность, легитимную цель и пропорциональность являются ключевыми факторами для построения устойчивой и предсказуемой модели регулирования. Такая

модель позволяет гармонично согласовывать экономические интересы государства с правами человека, избегая их противопоставления. Наблюдаемые проблемы, такие как фрагментарность законодательства и отсутствие единых принципов регулирования, о которых говорил В. А. Коробеев, подтверждаются динамикой изменений миграционных норм и их дифференцированным применением в субъектах РФ, что закономерно усиливает аргументацию в пользу конституционно-ориентированного подхода. Как видится, одним из ярких примеров является используемый цифровой контроль трудовых мигрантов в таких двух субъектах РФ, как Москва и Московская область: в указанных регионах уже с 1 сентября 2025 года был произведен запуск приложения «Амина» – специализированного цифрового инструмента, интегрированного в федеральные и региональные базы данных и призванного систематизировать учёт, мониторинг и сопровождение иностранных работников. Следовательно, в долгосрочной перспективе именно правовая модель миграционной политики способна обеспечить сбалансированное удовлетворение интересов государства, общества и личности. В то же время сугубо «утилитарное» отношение к вопросам миграции как источника ресурсов чревато возникновением правовой нестабильности и социального напряжения.

Для повышения эффективности нормативного правового регулирования в области миграции видится целесообразным и перспективным произвести работу по созданию единого кодифицированного акта– Миграционного кодекса Российской Федерации. Данный кодекс призван объединить нормы действующих законодательных актов, таких как Федеральный закон от 25.07.2002 № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» и Федеральный закон от 18.07.2006 № 109-ФЗ «О миграционном учёте иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации», а также многочисленные подзаконные акты. На наш взгляд, такой подход позволит устранить существующие дублирования и противоречия в правовых нормах. Однако, разработка подобного кодифицированного акта потребует большого количества времени и ресурсов, в связи с чем, а также осознавая важность и актуальность вопросов регулирования отношений в сфере миграции, как промежуточный этап считаем целесообразным предложить внести изменения в статью 2 Закона № 115-ФЗ. Цель этих изменений – унифицировать терминологию, в том числе четко определить понятие «мигрант» как иностранного гражданина или лица без гражданства, который пересекает границу России или находится на ее территории с намерением временно или постоянно проживать, работать, учиться или искать убежища. В рамках этих изменений также будет проведено нормативное разграничение понятий «трудовой мигрант», «вынужденный мигрант» и «иностранный гражданин, незаконно пребывающий на территории». Одновременно целесообразно уточнить положения статьи 4 и главы 6 указанного Закона, дополнив их прямым указанием на необходимость соблюдения принципов законности, соразмерности и недискриминации при принятии решений об ограничении прав иностранных граждан, включая административное выдворение и запрет на въезд, что позволило бы привести правоприменительную практику в соответствие с конституционными стандартами и правовыми позициями Конституционного Суда РФ [8].

Таким образом, миграционная политика России – это многопрофильный институт, выступающий одним из ключевых направлений правового регулирования. Рост числа мигрантов является неотъемлемым элементом внутренней политики, в последние годы значительно усиливший нагрузку на данную систему, что привело к появлению различных проблем, таких, как труднопримениимость миграционных процедур и неполное соответствие государственной политики реальным миграционным процессам. Как отмечает В.А. Коробеев, миграционная политика – это не только контроль за въездом и выездом, но и большая система государственных мер, которая должна строиться на конституционных принципах законности, недискриминации и необходимости [3, с. 76]. Если эти принципы нарушаются, государственная политика становится менее эффективной и может приводить к конфликтам как внутри страны, так и на международном уровне. Для решения

существующих проблем приоритетной является деятельность по обновлению и упорядочению миграционного законодательства. В целом, миграционная политика должна стать более целостной, современной и ориентированной на человека: только так видится возможным обеспечить формирование баланса между интересами государства и защитой прав мигрантов, а также создать эффективную и устойчивую систему управления миграцией в долгосрочной перспективе.

Список использованных источников:

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.

2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: от 30.12.2001 № 195-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52. Ст. 4922.

3. Коробеев В.А. Конституционно-правовые основы миграционной политики Российской Федерации: дис. … канд. юрид. наук. – М.: МГУ, 2008. – 240 с.

4. Федеральный закон от 25.07.2002 № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2002. № 31. Ст. 3101.

5. Федеральный закон от 18.07.2006 № 109-ФЗ «О миграционном учёте иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2006. – № 30. – Ст. 3334.

6.Харчевникова П. МВД раскрыли число прибывших в 2024 году мигрантов / П. Харчевникова // РБК. – 19 июн. 2025. – URL: https://www.rbc.ru/rbcfreenews/685462a59a7947b576ab8f87

7.Мукомель В. И. Трудовая миграция в России: адаптация к трансформациям рынка труда // Журнал Новой экономической ассоциации. – 2024. – № 2 (63). – С. 233–240.

8. Постановление Конституционного Суда РФ от 07.07.2023 N 37-П «По делу о проверке конституционности подпункта 14 части первой статьи 27 Федерального закона «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию" в связи с жалобой гражданина Федеративной Республики Нигерия Акинеми Муджиба Джунаида». – URL:https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_451562/?ysclid=mmsu893zkv269649968

УДК 342.849.2

Одуденко С.Е.
обучающаяся 3 курса
Научный руководитель: Шармоянц А.Н., к.ю.н., доцент
Институт «Таврическая академия»
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»,
г. Симферополь

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРЕДВЫБОРНОЙ АГИТАЦИИ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ И ПЕРСПЕКТИВЫ ОТМЕНЫ «ДНЯ ТИШИНЫ» В РОССИЙСКОМ ИЗБИРАТЕЛЬНОМ ПРАВЕ

Аннотация. Статья исследует трансформацию предвыборной агитации в цифровую эпоху и обосновывает целесообразность отмены или модификации «дня тишины» в российском избирательном праве. Показано, что традиционные ограничения утратили эффективность, социальные сети и мессенджеры позволяют вести непрерывную агитацию, обходя запреты. Выявлены основные вызовы цифровизации, такие

как алгоритмическая персонализация, дезинформация и микротаргетирование. Аргументировано, что институт больше не обеспечивает равенство кандидатов и защиту избирателей. Предлагается его отмена с одновременным введением новых механизмов, среди которых маркировки политической рекламы, для прозрачности алгоритмов и усиление ответственности платформ. Изменения необходимы для гармонизации избирательного права с цифровой реальностью при сохранении конституционных принципов свободных и честных выборов.

Ключевые слова: предвыборная агитация, цифровая трансформация, день тишины, российское избирательное право, социальные сети, онлайн-агитация, цифровые избирательные технологии, правовая реформа, алгоритмическая персонализация, равенство избирательных прав.

Abstract. The article explores the transformation of election campaigning in the digital age and substantiates the expediency of canceling or modifying the "day of silence" in Russian electoral law. It is shown that traditional restrictions have lost their effectiveness: social networks and messengers allow for continuous campaigning, bypassing prohibitions. The main challenges of digitalization are algorithmic personalization, misinformation and microtargeting. It has been proven that the institution no longer ensures equality of candidates and protection of voters. It is proposed to cancel it with the simultaneous introduction of new mechanisms: labeling of political advertising, transparency of algorithms and responsibility of platforms. The changes are aimed at harmonizing electoral law with digital reality while preserving the constitutional principles of free and fair elections.

Keywords: election campaigning, digital transformation, day of silence, Russian electoral law, social networks, online campaigning, digital electoral technologies, legal reform, algorithmic personalization, equality of electoral rights.

Сталкиваясь с архитектурой современных социальных сетей и алгоритмами выдачи контента, классические правовые механизмы, изначально созданные под реалии офлайн-среды и традиционных медиа, обнаруживают свою очевидную уязвимость. Глубокая трансформация политических коммуникаций заставляет по-новому взглянуть на привычные институты. Закономерно возникает дискуссия вокруг так называемого «дня тишины» – запрета на любую агитацию накануне и непосредственно в день голосования. Историческая логика этой нормы вполне ясна: оградить избирателя от информационного давления на финишной прямой кампании, гарантировав тем самым равенство кандидатов. Насколько оправдано сохранение подобных ограничений сегодня? В цифровой среде эффективность временных блокировок информации неуклонно снижается, о чем красноречиво свидетельствуют как недавние корректировки отечественного законодательства, так и глобальный электоральный опыт.

Обращаясь к нормативной базе, задающей рамки агитационного периода, следует прежде всего проследить эволюцию статьи 49 Федерального закона от 12.06.2002 № 67-ФЗ. Если первоначальная конструкция нормы предполагала жесткую остановку любой агитации ровно за сутки до дня волеизъявления, то легализация многодневного голосования (введенная Федеральным законом от 31.07.2020 № 267-ФЗ [1]) потребовала оперативного пересмотра устоявшихся правил. Практика применения новых электоральных форматов продемонстрировала явные противоречия, сгладить которые был призван подписанный в апреле 2021 года Федеральный закон № 115-ФЗ [2].

Сама архитектура нормы претерпела принципиальные изменения: при растянутом на несколько дней голосовании агитация теперь останавливается лишь в ноль часов первых суток проведения выборов. Предшествующий день перестал быть «тихим». Можно сказать, законодатель пошел на демонтаж классического «дня тишины» перед стартом и внутри многодневного цикла, пытаясь уравнять статус всех дней голосования и, судя по всему, признавая несостоятельность барьеров в эпоху непрерывного потока данных.

Подобный сдвиг в правилах игры, затронувший все кампании начиная с весны 2021 года, радикально перекроил избирательную тактику. Теперь появилось легальное право вести борьбу за внимание избирателя вплоть до момента открытия участков, что приобрело решающее значение в электоральных реалиях 2021–2024 годов [3], и кандидаты быстро адаптировались к новым правилам. Трудно отрицать факт того, что традиционный временной запрет окончательно превратился в архаичный инструмент, обойти который в интернете не составляет ни малейшего труда.

Специфика предвыборной борьбы в сети вообще плохо поддается календарному регулированию. Рекомендательные алгоритмы платформ (таких как VK или Telegram) выстроены таким образом, чтобы контент продолжал циркулировать и собирать охваты круглосуточно, игнорируя официальные даты завершения кампании. Параллельно меняется сама механика работы с аудиторией: технологии больших данных обеспечивают точечный микротаргетинг, при котором политические месседжи калибруются под возраст, скрытые интересы и даже психотип конкретного пользователя. В этой гибкой среде неизбежно разрастаются «серые зоны». Возможности избиркомов по контролю за процессом катастрофически сужаются, когда иллюзия массовой народной поддержки конструируется через скрытую рекламу, фермы ботов и фейковые профили. Грань между официальным заявлением политика и частным мнением условного лидера мнений, не получающего ни копейки из избирательного фонда, но формирующего повестку для сотен тысяч подписчиков почти полностью стирается [4, с. 32].

Весьма показательным примером обкатки этих технологий стала президентская кампания 2024 года. Телеграм-каналы и публичные страницы претендентов трансформировались из вспомогательных площадок в ключевые центры генерации смыслов, где публиковались программные тезисы и видеообращения. Интенсивность задействования цифрового инструментария впечатляет: счет просмотрам отдельных материалов шел на десятки тысяч буквально за сутки, при этом для эмоционального резонанса штабы охотно прибегали к интерактивным форматам и мемоподобному контенту. Формируя прямой, лишенный посредников канал связи с обществом, социальные сети окончательно кристаллизовались как абсолютно автономное поле политической конкуренции [5, с. 58-61]. В подобной системе координат технологическая реальность легко преодолевает любые формальные запреты.

Анализ практики зарубежных стран, отказавшихся от тотального блокирования агитации на финише, демонстрирует принципиально иные механизмы защиты электоральных процедур. Американская правовая модель не знает полного предвыборного молчания. Опираясь на прецедент Верховного суда (дело Burson v. Freeman, 1992), ограничительные зоны сжаты до минимального радиуса физически вокруг участков [6]. Вся же тяжесть регулирования, на фоне непрекращающейся онлайн-активности, перенесена на обеспечение прозрачности политической рекламы [7]. Обязательная маркировка постов не спровоцировала хаос, хотя и вывела алгоритмическое воздействие на новый уровень. Похожая логика прослеживается в Великобритании, где цифровая активность модерируется Избирательной Комиссией исключительно через фильтры финансовой прозрачности и отсечение иностранных вливаний, оставляя запреты лишь для классического телерадиовещания непосредственно в день выборов [8]. Германия также не видит смысла в искусственной остановке кампании до закрытия урн, смещая фокус контроля на прозрачность алгоритмов и юридическую ответственность самих площадок (в рамках закона NetzDG) [9]. Иными словами, развитые юрисдикции реагируют на цифровые вызовы не запретом времени, а контролем содержания и процедур.

Поддерживать сегодня существование «дня тишины» в его привычном виде является, по сути, лишь культивированием иллюзии равных возможностей. Гибкость социальных сетей и автономность личных аккаунтов легко обнуляют ограничительные усилия законодателя в этой сфере. Вполне очевидно, что окончательный отказ от этого института (или его полная смысловая адаптация к многодневному формату) требует

совершенствования правового регулирования. На первый план выходит потребность в строгой маркировке любого агитационного контента в сети, раскрытии логики работы рекомендательных систем, возложении на IT-платформы обязанности отчитываться о таргетированной рекламе и, безусловно, формировании действенной ответственности за дезинформацию.

Список использованных источников:

1. Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 31.07.2020 № 267-ФЗ // СПС КонсультантПлюс URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358748/ (дата обращения: 24.03.2026).
2. Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 30.04.2021 № 115-ФЗ // СПС КонсультантПлюс URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_383354/ (дата обращения: 24.03.2026).
3. История многодневного голосования в РФ // Информационное агентство ТАСС URL: https://tass.ru/ (дата обращения: 24.03.2026).
4. Морозов, В. Е. Предвыборная агитация в социальных сетях: правовые аспекты / В. Е. Морозов, Н. А. Кириллов, Р. С. Авакян // Право и практика. – 2025. – №3. – С. 29-35 URL: https://cyberleninka.ru/article/n/predvybornaya-agitatsiya-v-sotsialnyh-setyah-pravovye-aspekty (дата обращения: 24.03.2026).
5. Агарков, К.Ю. Влияние политической агитации в социальных сетях на симпатии избирателей во время агитационного периода выборов Президента России в 2024 году // Социодинамика. – 2025. – № 1. DOI: 10.25136/2409-7144.2025.1.72958 EDN:NNIJUHURL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72958 (дата обращения: 24.03.2026).
6. Burson v. Freeman, 504 U.S. 191 (1992) // JUSTIA U.S. Supreme Court URL: https://supreme.justia.com/ (дата обращения: 24.03.2026).
7. Bill "Honest Ads Act" от 04.13.2023 № H.R.2599 // № 118th Congress // Congress.gov. - 2024 г. URL: https://www.congress.gov/bill/118th-congress/house-bill/2599/titles (дата обращения: 24.03.2026).
8. Rules about campaigning and media on polling day // The Electoral Commission URL: https://www.electoralcommission.org.uk/ (дата обращения: 24.03.2026).
9. Governments Shrug Off Democratic Oversight: EU Rule of Law 2024 Report By 37 NGOs // Liberties URL: https://www.liberties.eu/en (дата обращения: 24.03.2026).

УДК 342.531.17

Сафронова А.И.
обучающаяся 4 курса
Научный руководитель: Шармоянц А.Н., к.ю.н., доцент
Институт «Таврическая академия»
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»,
г. Симферополь

ВИДЫ, ГЕНЕЗИС И ЗНАЧЕНИЕ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ ЦЕНЗОВ В РОССИИ

Аннотация.: Статья посвящена анализу видов, исторического генезиса и современного значения избирательных цензов в России. Рассматривается развитие системы ограничений от сословно–имущественных требований дореволюционной эпохи до современных правовых и административных барьеров. Особое внимание уделяется влиянию конституционных преобразований 1990–х гг., которые заложили основу

принципов всеобщего и равного избирательного права. В работе раскрывается содержание возрастных, гражданских, резидентских и правовых цензов, а также анализируются новые ограничения, влияющие на доступ граждан к пассивному избирательному праву. Показано, что система цензов формирует рамки политической конкуренции и определяет степень участия населения в электоральном процессе. Сформулирован вывод, что избирательные цензы остаются ключевым инструментом регулирования политической активности и поддержания стабильности избирательной системы.

Ключевые слова: избирательные цензы, генезис избирательных ограничений, виды избирательных цензов, эволюция избирательного законодательства, электоральные права граждан.

Abstract. This article analyzes the types, historical genesis, and contemporary significance of electoral qualifications in Russia. It examines the evolution of the system of restrictions, from the class and property requirements of the pre–revolutionary era to modern legal and administrative barriers. Particular attention is paid to the impact of the constitutional reforms of the 1990s, which laid the foundation for the principles of universal and equal suffrage. The paper explores the content of age, citizenship, residency, and legal qualifications and analyzes new restrictions affecting citizens' access to passive suffrage. It demonstrates that the system of qualifications shapes the framework of political competition and determines the degree of public participation in the electoral process. It concludes that electoral qualifications remain a key instrument for regulating political activity and maintaining the stability of the electoral system.

Keywords: Electoral qualifications, genesis of electoral restrictions, types of electoral qualifications, evolution of electoral legislation, electoral rights of citizens.

Развитие избирательного права в России отражает переход государства от советской модели формирования власти к современным принципам демократического участия, в которой ключевую роль играют избирательные цензы как инструмент определения круга лиц, наделенных правом избирать и быть избранными. Важно подчеркнуть, что эволюция избирательных цензов в российском праве тесно связана с политическими преобразованиями, структурой государственной власти и характером социально–правовых отношений на различных исторических этапах. Избирательные цензы – установленные в законе условия для осуществления активного и пассивного избирательного права (применяются к избирателям и кандидатам на выборную должность). При этом избирательные цензы не являются абсолютными – принцип всеобщего избирательного права предполагает, что избирательными правами может обладать максимально широкий круг граждан.

В дореволюционной России доминировали сословные и имущественные цензы, которые фактически закрепляли политическое преимущество элит. Земские и городские выборы строились на многоступенчатой модели, в которой вес голоса определялся величиной налоговых выплат. Данные требования отражали логику самодержавного режима, в котором участие в политике рассматривалось как привилегия, а не как универсальное право. Со временем такие цензы начали восприниматься как тормоз модернизации, и именно давление общественных движений стало одним из факторов постепенного расширения электоральной базы [3].

Уже в ходе Февральской революции 1917 г. произошел резкий слом прежних механизмов, в частности временное правительство отменило гендерный и имущественный цензы, открыло путь к подготовке выборов в Учредительное собрание (представительный орган, избранный в ноябре 1917 г. для определения государственного устройства России) на основе всеобщего равного голосования. В частности, Учредительное собрание Россию федеративной демократической республикой, отказавшись от монархической формы правления. Данная ситуация стала первым случаем в российской истории, когда женщины и малоимущие получили полноценное политическое право, что принципиально отличало

российский опыт от ряда европейских стран, в которых гендерный ценз сохранялся вплоть до середины XX в.

При этом выборы в Учредительное собрание 1917 г. фактически стали последними свободными выборами классической либеральной модели. После прихода к власти большевиков произошел радикальный поворот в понимании природы избирательных цензов (отказались от всеобщего избирательного права и ввели избирательные цензы, которые отличались от общепринятых в электоральной практике цензов). Данная ситуация связана с большевистской доктриной «диктатуры пролетариата» и предоставлением прав только «трудящимся» (к участию в выборах допускались лица, добывающие средства к жизни производительным и общественно полезным трудом. От участия в выборах отстранялись граждане, обладавшие каким-либо имуществом или доходами - лица, прибегающие к наемному труду с целью извлечения прибыли, живущие на нетрудовые доходы, частные торговцы и другие) [5].

Важно подчеркнуть, что большевики рассматривали такой ценз как инструмент защиты революции и легитимации диктатуры пролетариата, при этом реальное число лишенцев достигало 4–5% населения, однако значение ценза было не количественным, а функциональным - служил средством политического давления на экономически самостоятельные группы. В ходе принятия Конституции РСФСР 1918 г. заложены основы новой избирательной системы, которая обеспечивала политическое лидерство большевиков в высшем органе представительной власти - Всероссийском съезде Советов рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов [6].

Реформа 1936 г., завершившая историю советских цензов, имеет двойственное значение. Конституция СССР отменила трудовой ценз, многостепенность и неравное представительство, восстановила принцип тайного голосования и ввела всеобщее равное право. Однако, данные изменения имели декларируемый, а не реальный характер - нарезка округов и партийная монополия обеспечивали сохранение контроля над электоральными процессами. Отмена цензов стала возможной лишь в условиях, когда советское руководство считало общество полностью управляемым, а электоральная система – не угрожающей политическим рискам.

Генезис избирательных цензов в России формировался под влиянием международных правовых стандартов, конституционных преобразований начала 1990–х гг. и последующего укрепления единого правового пространства. Ключевым моментом стало принятие Конституции РФ 12 декабря 1993 г., закрепившей базовый принцип всеобщего, равного и прямого избирательного права при тайном голосовании. В этот период устранены прежние ограничения советской эпохи, включая политические и социальные запреты, что предопределило формирование современных видов избирательных цензов – возрастного, гражданского, дееспособности и ценза отсутствия судимости по тяжким преступлениям [4].

Уже в середине 2000–х гг. начинается этап централизации избирательного законодательства, что повлияло на систематизацию и уточнение избирательных цензов. В этот период в праве появляется важный дополнительный ценз – ограничение пассивного избирательного права для граждан, имеющих двойное гражданство или иные правовые связи с иностранными государствами. Данный ценз стал отражением политической необходимости укрепления национального суверенитета и минимизации внешнего влияния на формирование государственных органов [7].

Интерес представляет положение о том, что современный этап развития избирательных цензов, начавшийся после 2012 г., характеризуется переходом к концепции «управляемого совершенствования» избирательной системы. Данная трансформация выражается в создании дополнительных административных и технических условий для голосования, включая дистанционные и электронные формы волеизъявления, что, хотя и не является цензом в прямом смысле, фактически меняет характер доступа к избирательному процессу. В этих условиях ценз дееспособности и отсутствие тяжкой судимости остаются неизменными базовыми элементами правового статуса избирателя [1].

К классическим видам избирательных цензов в России относятся возрастной, резидентский, правовой (связанный с наличием или отсутствием судимости), гражданский, а в отдельных периодах – имущественный и образовательный. Генезис этих требований во многом связан с попытками государства регулировать степень политической вовлеченности общества. При этом российская избирательная система изначально строилась на принципе ограниченного участия, поскольку власть стремилась минимизировать риски политической неопределенности и управлять социальной динамикой через формальные критерии допуска.

В современных классификациях цензы подразделяются на технические, охранные и дискриминационные. Технические включают условия, связанные с возрастом, гражданством, проживанием, дееспособностью. Охранные направлены на исключение с выборов лиц, потенциально опасных для государственного строя, например осужденных или должностных лиц, ограниченных служебным статусом.

Необходимо подчеркнуть, что реализация активного избирательного права связана с возрастом совершеннолетия, который в соответствии с конституцией составляет 18 лет, участие в иных избирательных действиях и процедурах – граждане также по общему правилу приобретают с наступления возраста совершеннолетия. Возраст реализации пассивного избирательного права по традиции более высок и зависит от уровня и вида органа или должности, на которую баллотируется кандидат, в частности 18 лет – возраст реализации данного права на выборах депутатов представительного органа муниципального образования [2].

Резидентский ценз в российской практике играет особую роль, поскольку позволяет государству контролировать степень привязки кандидата к региону или муниципалитету. Требование проживать на территории определенное количество лет служит, с одной стороны, гарантией осведомленности кандидата о местной специфике, а с другой – средством снижения конкуренции со стороны внешних политических акторов. Именно резидентские ограничения стали одним из механизмов «управляемой селекции» кандидатов на региональном уровне.

В числе наиболее дискуссионных ограничений остается ценз, связанный с наличием судимости или фактом отбывания наказания. Данные ограничительные меры затрагивают сферу политических прав и фактически отделяют значительную группу граждан от участия в принятии решений. Приговор суда, помимо установления ответственности, автоматически лишает гражданина возможности участвовать в выборах, что формирует проблему соразмерности наказания и фактического объема утраты прав [8].

Однако, в то же время лица, находящиеся в местах лишения свободы, объективно не могут полноценно воспринимать политические процессы, а их волеизъявление может быть искажено обстоятельствами нахождения в изоляции. Поэтому практика ограничения избирательных прав данной категории лиц соответствует международным стандартам и направлена на обеспечение устойчивости политической системы. Особое значение для развития российской системы приобрели изменения 2020–2021 гг. Существенное расширение перечня преступлений, влекущих многолетний запрет на участие в выборах, а также введение ценза причастности к организациям, признанным экстремистскими или террористическими, привели к формированию новой модели политической ответственности.

В мае 2024 г. Государственная Дума РФ приняла закон, который запрещает иноагентам участвовать в российских выборах (Федеральный закон от 15 мая 2024 г. N 99-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации»»). Кандидат обязан к моменту представления документов для регистрации прекратить статус иностранного агента. Данное положение распространяется на выборы в федеральные органы государственной власти, органы власти субъектов РФ, органы публичной власти федеральной территории, а

также органы местного самоуправления. Лица, включенные в реестр причастных к деятельности экстремистской или террористической организации, лица, подвергнутые административной ответственности за демонстрацию экстремистской символики, не могут быть членами избиркомов с правом решающего голоса.

Таким образом, развитие избирательного права в России отражает эволюцию от ограниченной сословной системы дореволюционного периода к современным принципам демократического участия, основанного на универсальном и равном избирательном праве. Исторически избирательные цензы – имущественные, образовательные, сословные, ограничивали круг участников и обеспечивали контроль над политической активностью, тогда как Конституция РФ 1993 г. закрепила возрастной, гражданский, дееспособности, резидентский цензы и ограничения для лиц с тяжкими судимостями, формируя современную модель. Современный этап характеризуется «управляемым совершенствованием» системы, в частности внедряются электронные и дистанционные формы голосования, уточняются ограничения для граждан с двойным гражданством, сохраняется баланс между расширением участия, защитой государственного строя и региональной привязкой кандидатов. Российская практика показывает, что цензы служат одновременно инструментом демократизации, стабилизации политической системы и обеспечения ответственности участников выборов.

Список использованных источников:

1. Ильин А.Б., Юрчук В.С. О некоторых аспектах эволюции избирательного права в России // Вестник Московского университета им. С. Ю. Витте. Серия 2: Юридические науки. – 2022. – С. 6–13.
2. Колесник Н.В. Эволюция избирательных технологий в России: от поквартирного обхода до «цифры» и обратно // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2023. – С. 121–142.
3. Кондрашев А.А., Сидорова Н.А. Избирательные цензы и ограничения пассивного избирательного права на выборах в России // Правоприменение. – 2022. – С. 59–74.
4. Провоторов Р.А. Преступления против избирательных прав: к вопросу эволюции норм российского избирательного и уголовного законодательства // Право и практика. – 2023. – С. 143–148.
5. Саламатова М.С. Трансформация принципов избирательного права в советских конституциях (1918–1977 годы) // Историко–правовые проблемы: новый ракурс. – 2023. – С. 132–143
6. Сорокин А.А. Вопрос об избирательных правах женщин в земском самоуправлении в российской империи в начале XX века // Историко–правовые проблемы: новый ракурс. – 2024. – С. 73–86.
7. Углов С.А. Эволюция избирательного права в России в XXI веке // Вопросы российской юстиции. – 2023. – С. 76–81.
8. Хасаева А.И. Актуальные проблемы избирательного права // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2022. – С. 253–255.

УДК 342.8

Цепенникова Е.А.
обучающаяся 4 курса
Научный руководитель: Лузик А.А., старший преподаватель
Институт «Таврическая академия»
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»,
Россия, г. Симферополь

РОЛЬ НАБЛЮДАТЕЛЕЙ В ИЗБИРАТЕЛЬНОМ ПРАВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация: в данной статье проводится анализ института наблюдателей в рамках подотрасли избирательного права, а также определяется его значение в рамках избирательного процесса. Раскрываются такие вопросы, как понятие и сущность избирательного права, история создания, а также проблемы функционирования данного института, и его значимость.

Ключевые слова: институт наблюдателей, общественные наблюдатели, выборы, прозрачность выборов, избирательное право, конституционные права, Конституция России.

Annotation: This article analyzes the institution of observers within the subfield of electoral law and determines its significance within the electoral process.. It explores the concept and essence of electoral law, its history, and the challenges faced by this institution. The article also highlights the importance of this institution and provides specific suggestions for its improvement

Keywords: institution of observers, public observers, elections, transparency of elections, electoral law, constitutional rights, Constitution of Russia.

Актуальность темы данной работы обусловлена несколькими факторами. Во-первых, в 2023 году институт наблюдателей отметил свой юбилей — 30 лет, его официальное оформление было установлено Указом Президента Российской Федерации от 1 октября 1993 г. № 1557, которым была введена в действие уточненная редакция Положения о выборах депутатов Государственной Думы в 1993 г. В п. 4 ст. 15 «Порядок формирования участковых избирательных комиссий» была установлена направить до 5 наблюдателей от каждого кандидата в участковые избирательные комиссии с целью контроля за ходом проведения выборов [1]. Во-вторых, сложная геополитическая обстановка способствует более пристальному вниманию к процедуре проведения выборов не только внутри страны, но и за ее пределами, в связи с чем роль наблюдателей, как субъектов, осуществляющих контроль за законностью избирательного процесса, значительно возрастает.

Избирательное право — одно из основных гарантированных Конституцией России прав граждан. В науке многие ученые определяют его как «конституционное право граждан избирать и быть избранными в выборные органы, государственные и муниципальные органы власти и право участвовать в референдуме» [2]. Его закрепление и функционирование есть результат долгого исторического развития и борьбы граждан за возможность самостоятельно решать то, как будет развиваться страна, какие решения будут приниматься, и какая политика проводится. Безусловно, введение всеобщего равного избирательного права в России после Революции 1917 года, закрепленное в «Положении о выборах во Всероссийское учредительное собрание», как отмечают ученые-историки (А. С. Степаненко, Е. В. Барашева, П. А. Шипицина и др.), стало «большим прорывом» на пути к демократизации общественного строя России [3], однако, простое утверждение всеобщих выборов не значит их эффективность.

Одной из наиболее известных историй, запечатленных в ходе избирательного процесса прошлых лет, является так называемое «Ленинградское дело», в ходе которого,

как описывает в своих трудах В. А. Кутузов, были произведены массовые фальсификации при проведении выборов на VIII Ленинградской городской объединённой партийной конференции. Как удалось выяснить в ходе проведения расследования, кандидаты, чьи имена были зачеркнуты в бюллетенях в силу политических обстоятельство по неизвестной причине набрали большее число голосов. Стоит отметить, что, согласно рассекреченным судебным решениям того времени (1950-е гг.) за указанное нарушение, а также по совокупности с иными противозаконными деяниями, практически все участники настоящего заговора были приговорены к смертной казни через расстрел [4]. Анализируя данную ситуацию, можно сделать несколько выводов. Во-первых, фальсификация голосов на избирательном процессе была явной и очевидной для всех. Во-вторых, ни о каком институте общественных и иных наблюдателей не шло и речи в условиях жесткой политической борьбы, когда большая часть конституционных прав была лишь декларирована, а не фактически реализовывалась.

Появление данного института — событие, которое было закреплено в российском законодательстве относительно недавно. Окончательное его оформление, как уже было указано ранее, произошло в 1993 году, однако, закрепленные Указом Президента положения не позволяли полностью регулировать вопрос функционирования наблюдателей, поскольку нормативно-правовой акт содержал значительное количество пробелов. В связи с этим, законодательство в области избирательного права претерпело некоторые изменения. Так, например, Федеральный закон от 22.02.2014 № 20-ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» содержит отдельную статью, которая посвящена деятельности наблюдателей. В ней закреплен перечень субъектов, уполномоченных назначать наблюдателей, а также требования к наблюдателям (например, то, что ими не могут быть граждане, находящиеся в непосредственном подчинении у кандидатов или лица, которые замещают определенные государственные должности и т. д.) Кроме того, закон закрепляет необходимость письменного удостоверения статуса наблюдателя на выборах. Безусловно, большое значение удаляется вопросу прав и определенным запретам. Так, наблюдатели вправе знакомится со списками кандидатов, сведениями о них, находится в помещении для голосования, наблюдать за выдачей бюллетеней. Однако они не вправе выдавать бюллетени, расписываться в них за избирателя, в том числе и заполнять их по просьбе избирателя.

Анализируя действующее законодательство, политическую обстановку в мире, роль института наблюдателей нельзя недооценивать, ведь именно он в большинстве своем обеспечивает прозрачность выборов, а также контроль за соблюдением правовой процедуры их проведения. Это подчеркивается в постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 22.04.2013 года № 8-П, где отмечено, что наблюдатель на выборах не является носителем самостоятельных интересов, связанных с реализацией права избирать и быть избранным, а является производным участником избирательного процесса, обеспечивающим контроль в отношении законной реализации избирательных процедур, включая правильность подсчета голосов избирателей, в пределах конкретного избирательного участка.

Исходя из этого можно сделать вывод, что наблюдатели занимают важное место в системе контроля за законностью процедуры выборов. Соответственно существует потребность в наличии правовой грамотности и соответствующей подготовки наблюдателей. Однако данный аспект на сегодняшний день не получил должной правовой регламентации. Так законодательством не предусмотрена обязанность наблюдателей проходить какую-либо подготовку перед направлением на избирательные участки, соответственно, существуют риски, что они могут не знать свои права и ограничения, не имеют базового понимания функционирования самого процесса проведения выборов, не владеют знаниями в области избирательного права. Вышеизложенное может ставить под сомнение эффективность их деятельности.

Аналогичный вопрос поднимали также эксперты Независимого общественного мониторинга (НОМ), говоря о том, что «во время общероссийского голосования вместе с общественными организациями и партиями, система общественных палат мобилизовала более 500 тысяч общественных наблюдателей. Однако важно переходить от акцента «количество» на акцент по «качеству» [5]. Стоит обратить внимание на то, что попытки проведения массового обучения наблюдателей проводились неоднократно, участие в этом принимали, к примеру, такие организации как НОМ или Молодая гвардия Единой России [6]. Однако это носило юридически необязательных характер.

В этой связи, учитывая значимость института наблюдателей на выборах для обеспечения прозрачности процесса, и честного результата, считаем, что существует необходимость законодательного закрепления процедуры обучения наблюдателей. В частности, внести изменения в п. 2 ст. 33 ФЗ О выборах депутатов ГД, изложив ее следующим образом: «Наблюдателем может быть гражданин Российской Федерации, обладающий активным избирательным правом, а также имеющий документ, подтверждающий факт прохождениям им обучения на знание основ избирательного права России…».

При этом обучение наблюдателей возможно на различных базах. Это могут быть краткосрочные школы на базе политических партий, организация курсов на базе высших учебных заведений, специализирующихся на юриспруденции и около смежных науках.

Однако в дополнение к этому необходимо сформулировать и закрепить определенные стандарты, в соответствии с которыми будет происходить обучение. Безусловно, их основу будет составлять избирательное право и избирательный процесс, а также иное федеральное законодательство, регулирующее вопросы проведения выборов, референдума и т. д.

В совокупности это не только увеличит качество функционирования института наблюдателей, но и повысит их статус, а следовательно, их роль в избирательном процессе увеличится.

Список использованных источников:

1. Об утверждении уточненной редакции Положения о выборах депутатов Государственной Думы в 1993 году и внесении изменений и дополнений в Положение о федеральных органах власти на переходный период: Указ Президента Российской Федерации от 01.10.1993 г. № 1557 // СПС КонсультантПлюс. – Текст : электронный. – URL : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2564/ (дата обращения: 23.12.2025);
2. Бабанян С. С. «К вопросу об определении понятия избирательных прав граждан в Российской Федерации» // СПС Киберленика. – URL : https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ob-opredelenii-ponyatiya-izbiratelnyh-prav-grazhdan-v-rossiyskoy-federatsii?ysclid=mjkc6s15us133645919 (дата обращения: 23.12.2025);
3. Степаненко А. С., Барашева Е. В., Шипицина П. А. История развития избирательного процесса в России // СПС Киберленика. – URL : https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-razvitiya-izbiratelnogo-protsessa-v-rossii?ysclid=mjkc923zv319635867 (дата обращения: 23.12.2025);
4. Бранденбергер Д. «Ленинградское дело» и наследие сталинизма // СПС Киберленика. – URL : https://cyberleninka.ru/article/n/leningradskoe-delo-i-nasledie-stalinizma/viewer (дата обращения: 23.12.2025);
5. НОМ озвучил планы по подготовке наблюдателей. Независимый общественный мониторинг. [Электронный ресурс]. URL: https://nom24.ru/info/events/nom-ozvuchil-plany-po-podgotovke-nablyudateley-i-ekspertov-k-vyboram-/?ysclid=mjkcloj4ox892264801 (дата обращения: 23.12.2025);
6. Школа наблюдателей. Молодая гвардия. [Электронный ресурс]. URL: https://mger.ru/novosti/tema/shkola-nablyudateley/ (дата обращения: 23.12.2025).

Секция 4.
Проблема понимания правовых понятий и оценочных категорий в правоотношениях публичного и частного права

УДК 347.232

Заулочная С. А.
кандидат юридических наук, доцент
Крымский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации
г. Симферополь

ПРАВОВЫЕ ПОДХОДЫ К РЕГУЛИРОВАНИЮ ОТКАЗА ОТ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ: СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА НАЦИОНАЛЬНЫХ МОДЕЛЕЙ

Аннотация. Статья посвящена сравнительно-правовому анализу института отказа от права собственности в законодательстве Российской Федерации и некоторых государств постсоветского пространства. Автором исследуются общие черты и различия в правовом регулировании дереликции в сопоставлении со статьей 236 Гражданского кодекса Российской Федерации, выявляются подходы, которые могут быть интересны российскому законодателю. На основе проведенного анализа формулируются предложения по совершенствованию отечественного регулирования, направленные на повышение определенности правовых норм и обеспечение баланса частных и публичных интересов.

Ключевые слова: отказ от права собственности, дереликция, сравнительное правоведение, форма отказа, бесхозяйное имущество.

Abstract. The article is devoted to a comparative legal analysis of the institution of waiver of property ownership in the legislation of the Russian Federation and certain post-Soviet states. The author explores the common features and differences in the legal regulation of dereliction in comparison with Article 236 of the Civil Code of the Russian Federation, identifying approaches that may be of interest to the Russian legislator. On the basis of the conducted analysis, proposals are formulated for improving domestic regulation, aimed at increasing the certainty of legal norms and ensuring a balance between private and public interests.

Keywords: waiver of property ownership, dereliction, comparative law, form of waiver, ownerless property.

Дереликция (отказ от права собственности) представляет собой одностороннее волеизъявление собственника, направленное на прекращение права собственности на принадлежащее ему имущество без определения правопреемника. Сущность данного института заключается в предоставлении собственнику возможности освободиться от бремени содержания имущества, которое стало для него экономически обременительным или утратило потребительскую ценность, с одновременным созданием правовой возможности приобретения этого имущества иными лицами.

Целью данного исследования является сопоставление различных законодательных подходов к регулированию отказа от права собственности в государствах постсоветского пространства. Сравнительно-правовой анализ создает основу для критического осмысления чужого опыта и выделения наиболее перспективных правовых конструкций, адаптация которых возможна в рамках отечественного правопорядка.

В соответствии со ст. 236 ГК РФ, гражданин или юридическое лицо вправе отказаться от права собственности путем объявления либо совершения иных действий,

определенно свидетельствующих об устранении от владения, пользования и распоряжения имуществом без намерения сохранить на него какие-либо права [1]. Отказ не влечет немедленного прекращения прав и обязанностей собственника. Они сохраняются до момента приобретения права на имущество другим лицом, что обусловливает наличие переходного периода, в течение которого первоначальный собственник продолжает нести бремя содержания имущества и уплаты налогов. Исключение из данного правила установлено для земельных участков, право собственности на которые в силу ст. 53 Земельного кодекса Российской Федерации (далее – ЗК РФ) прекращается с момента государственной регистрации, а сами участки переходят в собственность публично-правового образования [2].

Если обратиться к Гражданскому кодексу Республики Беларусь (далее – ГК РБ), статья 237 которого регулирует отказ от права собственности, можно выделить следующие особенности, отличающие белорусскую модель. Во-первых, ч. 2 п. 1 ст. 237 ГК РБ вводит специальное основание отказа, признавая отказом от права собственности на материалы, использованные при самовольном строительстве, действия (бездействие), указанные в ст. 223 ГК РБ. Во-вторых, белорусский законодатель предусматривает, что отказ не влечет прекращения прав и обязанностей, за исключением отказа от права собственности на материалы, из которых возведена самовольная постройка, а также случаев, когда имущество в соответствии с законодательством подвергнуто утилизации или уничтожению (ч. 2 ст. 237 ГК РБ) [3].

Гражданский кодекс Республики Казахстан (далее – ГК РК) в ст. 250 предусматривает, что отказ от права собственности может быть выражен в устной или письменной форме, а также посредством действий (бездействия), определенно свидетельствующих об устранении от владения. Законодатель прямо указывает на принципиальные требования, предъявляемые к отказу: он должен быть правомерным, добровольным и указывающим на отказ от владения, пользования и распоряжения имуществом. Наиболее значимым положением казахстанской модели является прямое исключение государства и его органов из числа субъектов, имеющих право на отказ от права собственности, за исключением случаев, установленных законом [4]. Четкое закрепление требований к отказу создает ясные критерии для правоприменения, а легальное исключение публичных образований исключает доктринальные споры о субъектном составе.

Анализ ст.204 Гражданского кодекса Азербайджанской Республики (далее – ГК АР) также позволяет выделить некоторые особенности. Законодатель дифференцирует порядок отказа от права собственности в зависимости от вида имущества. Для отказа от недвижимости предусмотрена обязательная формализованная процедура, заключающаяся в подаче собственником заявления, и его последующей регистрации в государственном реестре недвижимого имущества. Заявление приобретает обязательную силу только после внесения записи в реестр. Для отказа от движимого имущества устанавливается менее формальный порядок, который требует письменного объявления собственника либо совершения действий, определенно свидетельствующих об устранении от владения, пользования и распоряжения имуществом без намерения сохранить какие-либо права [5].

Ст. 184 Гражданского кодекса Грузии (далее – ГК Г) предусматривает, что для отказа от права собственности или иного права на недвижимую вещь необходимы заявление правомочного лица о том, что оно отказывается от этого права, и регистрация этого заявления в публичном реестре [6]. Исходя из содержания ст. 190 ГК Г, для отказа от права собственности на движимое имущество достаточно прекратить владение вещью [6].

Гражданский кодекс Республики Армения (далее – ГК РА) в ст. 280 устанавливает, что гражданин или юридическое лицо может отказаться от права собственности на принадлежащее ему имущество, объявив об этом в письменной форме или совершив действия, определенно свидетельствующие об устранении от владения, пользования и распоряжения имуществом без намерения сохранить какие-либо права на это имущество.

Особенностью армянского подхода является специальное регулирование отказа для отдельных категорий вещей. В случае, если собственник товаров и транспортных средств, находящихся в розыске либо имеющих перебитые или стертые номера, не известен, истечение года с момента их ввоза является основанием для признания факта отказа от права собственности [7]. Указанный правовой механизм позволяет, во-первых, разрешить проблему длительного нахождения имущества в неопределенном правовом статусе, обусловленного отсутствием собственника при невозможности его установления, посредством введения ограниченного во времени презумптивного правила, а во-вторых, обеспечить баланс между необходимостью защиты потенциальных прав собственника и публичным интересом в определенности правового режима имущества, изъятого из законного оборота либо имеющего признаки незаконного изменения идентификации.

Наиболее обоснованным с точки зрения предотвращения возложения издержек на общество и негативных последствий для экологии представляется регулирование, закрепленное в ст. 307 Гражданского кодекса Республики Таджикистан (далее – ГК РТ). Сохраняя базовую модель, близкую к российской, таджикский законодатель ввел требование, в соответствии с которым лицо, отказавшееся от права собственности на вещь, обязано возместить необходимые расходы на ее утилизацию, если законом не предусмотрено иное. Данное правило предотвращает переложение экологических и экономических издержек на общество и побуждает собственника к осознанному подходу при отказе от имущества, особенно в отношении объектов, требующих специальной утилизации [8].

Таким образом, проведенный сравнительный анализ позволяет выделить ряд правовых решений, заслуживающих внимания с позиции совершенствования отечественного института отказа от права собственности. Как нам представляется, к таким положениям можно отнести: возложение на отказывающегося собственника обязанности по утилизации имущества с отрицательной стоимостью; конкретизация порядка отказа от права собственности на недвижимое имущество; легальное исключение публично-правовых образований из числа субъектов отказа; установление презумпции отказа для отдельных категорий имущества по истечении определенного срока.

Учет указанных подходов при совершенствовании российского законодательства будет способствовать определенности правового регулирования и обеспечению баланса частных и публичных интересов.

Список использованных источников:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 01.03.2026)

2. Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 № 136-ФЗ (ред. от 30.01.2026) // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 01.03.2026)

3. Гражданский кодекс Республики Беларусь от 7.12.1998 г. № 218-З (ред. от 20.07.2022) // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. - URL: https://pravo.by/ (дата обращения: 17.03.2026)

4. Гражданский кодекс Республики Казахстан от 27.12.1994 № 268-XIII. (ред. от 12.03.2026) // Единая платформа интернет-ресурсов государственных органов. – URL: https://www.gov.kz (дата обращения: 11.03.2026)

5. Гражданский кодекс Азербайджанской Республики от 28.12. 1999 № 779-IQ (с изм. и доп. на 14.02.2026). - URL: https://prg.kz/document/?doc_id=30420111&pos=11;470 (дата обращения: 13.03.2026)

6. Гражданский кодекс Грузии от 26. 06. 1997 № 786 (ред. от 11.11.2025) // Законодательный Вестник Грузии. – URL: https://matsne.gov.ge/ru/ (дата обращения: 20.03.2026)

7. Гражданский кодекс Республики Армения от 05.05.2025 No. НО-239 (ред. от 03.07.2025) // официальный сайт Национального Собрания Республики Армения. – URL: http://www.parliament.am/ (дата обращения: 20.03.2026)

8. Гражданский кодекс Республики Таджикистан от 24.12. 2022 года №1918 (в ред. от 14.05.2025). URL: https://tjk.minpromtorg.gov.ru/ (дата обращения: 20.03.2026)

УДК 347.426.42

Казанцева Е.В.
кандидат юридических наук
Казанцев А. Ю.
Крымский филиал Российского университета правосудия им. В.М. Лебедева
г. Симферополь

ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ КОМПЕНСАЦИИ МОРАЛЬНОГО ВРЕДА ЗА ВРЕД, ПРИЧИНЕННЫЙ ОРГАНАМИ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ

Аннотация. В статье авторы, раскрывают практические аспекты определения компенсации морального вреда, причиненного органами публичной власти в судебных решениях. Установлено, что отсутствие критериев определения морального вреда, субъективность его восприятия, отсутствие четких и однозначных критериев определения размера компенсации порождают плюрализм в судебных решениях и как результат нарушение прав человека.

Ключевые слова: возмещение, компенсация, моральный вред, право, судебное решение.

Annotation. In the article, the authors reveal the practical aspects of determining compensation for moral damage caused by public authorities in court decisions. It has been established that the lack of criteria for determining moral harm, the subjectivity of its perception, and the lack of clear and unambiguous criteria for determining the amount of compensation give rise to pluralism in court decisions and, as a result, human rights violations.

Keywords: compensation, compensation, moral damage, law, court decision

Актуальность исследования проблематики морального вреда как гражданско-правовой категории обусловлена несколькими взаимосвязанными факторами. В современном обществе, провозглашающем приоритет прав и свобод человека, защита нематериальных благ приобретает особое значение. Моральный вред, являясь следствием нарушения этих благ, затрагивает самые глубинные аспекты личности: ее достоинство, честь, репутацию, психическое благополучие. В условиях динамично развивающихся общественных отношений, возрастания социальной напряженности и информационной открытости, риски причинения морального вреда существенно увеличиваются. Это требует совершенствования правовых механизмов защиты личности от негативных последствий правонарушений, а также повышения эффективности применения существующих норм.

Не вдаваясь в полемику теоретических аспектов, отметим практические аспекты определения морального вреда, как части механизма восстановления нарушенных прав.

Одним из ключевых особенностей любого института права является определение его места в системе правовых норм и закрепление дефиниции. Следует отметить, что прямого указания на «право» и(или) «компенсацию» морального вреда в современном международном законодательстве, регулирующем права человека и в Конституции России,

отсутствует. При этом, право презюмируется через призму определения компенсации (возмещения) вреда. На международном уровне это право связано с общими принципами защиты прав человека и возмещения ущерба. Конституция России косвенно затрагивает вопрос морального вреда через гарантии защиты прав человека и обеспечение доступа к правосудию. Непосредственное регулирование компенсации морального вреда осуществляется гражданским законодательством, но конституционные нормы создают правовую основу для такой защиты.

Институт компенсации морального вреда, закрепленный в ст. 151 Гражданского кодекса РФ, является общим ключевым инструментом гражданско-правовой защиты нематериальных благ. При этом, в остальных нормах гражданского законодательства возмещение морального вреда рассматривается через призму «причинения вреда» (ст. 1064 Гражданского кодекса РФ). Следовательно, в решениях суда всегда отмечается, что право на компенсацию морального вреда, причиненного незаконными действиями публичными органами, должно быть закреплено в законодательстве. Анализ законодательства, с учетом тематики нашего исследования позволяет отметить:

Во-первых, разность такого закрепления, к примеру: «вред … подлежит возмещению» (ст. 1069 Гражданского кодекса РФ); «… гражданин имеет право на … компенсацию морального вреда, причиненного незаконным действием (бездействием) государственного органа … по решению суда» (ст. 16 Федерального закона от 02.05.2006 № 59-ФЗ). В законодательстве о защите прав потребителей, как и в трудовом законодательстве, право на моральную компенсацию предусмотрено в самостоятельной норме (ст. 15 Закона РФ от 07.02.1992 № 2300-1; ст. 237 Трудового кодекса России). «Право на компенсацию морального вреда» определено и иных Федеральных законах: ч. 2 ст. 17 ФЗ от 27.07.2006 № 152; ст. 19 и ст. 98 ФЗ от 21.11.2011 № 34-ФЗ и так далее. Таким образом, в первом случае речь идет о «подлежащей» компенсации, во втором – о праве на возмещение.

Во-вторых, закрепленные в законодательстве нормы о компенсации гражданам морального вреда, причиненного публичными органами – это реализация государством компенсационного механизма, направленного на защиту нарушенных прав.

Для взыскания компенсации необходимо судебное подтверждение, как следует из анализа судебной практики, суд самостоятельно:

1) Устанавливает все условия, необходимые для наступления ответственности за причиненный вред должностными лицами публичного органа.

Несмотря на то, что законодательство и научная доктрина однозначно отмечаю, что моральный вред возмещается при наличии общих условий ответственности за незаконные действия (наличия вреда, противоправность деяния и наличие причинной связи между вредом и противоправным деяниям [1, с. 29]), суды допускают нарушения в их установлении. К примеру, истица З. обратилась с исковым требованием к МВД России о выплате компенсации морального вреда в размере двадцати тысяч рублей за незаконное привлечение к административной ответственности. В суде первой инстанции в компенсации морально вреда отказано, ввиду отсутствия вины должностного лица. Апелляционный суд, ссылаясь на недостаточность определения условий ответственности суда первой инстанции, обязал возместить моральный вред в полном объеме. А кассационный суд указал на недостаточность установления условий возмещения морального вреда нижестоящими судами, отменил решение и обязал суд первой инстанции установить причинно-следственную связь между действиями органов власти и моральным вредом с учетом требований гражданского законодательства [2]. Указанные примеры, к тому же не единичные и свидетельствуют о нарушении законности судебными органами и, как следствие, нарушение прав граждан.

2) Степень физических страданий (состояние истца связанное с его здоровьем) и нравственных страданий (душевное состояние истца), связанных с индивидуальными особенностями потерпевшего.

К примеру, в кассационном определении в иске потерпевшего к МВД России по г. Пермь, за незаконное удержание транспортного средства на спецстоянке, заявлена компенсация морального вреда в размере 200 тысяч рублей. Однако суд определил компенсацию в пятьдесят раз меньше – 4 тысячи рублей, обосновав свое решение указанием на «степень нравственных страданий» (в определение не раскрыто), «необоснованностью» привлечения к ответственности и степенью вины должностного лица [3]. Точно такие же обоснования приведены и в определении седьмого кассационного суда общей юрисдикции Ханты-Мансийского автономного округа, при определении потерпевшим компенсации в пятнадцать тысяч рублей, суд определил в пять тысяч [4]. Заслуживает внимание решение, в котором истец определил причиненный моральный вред в размере тридцати миллионов рублей. Суд для определения физических страданий назначил проведение судебно-медицинской экспертизы, по результатам проведения который установлено: выявленные дефекты (состояние здоровья человека) к какому-либо неблагоприятному исходу не привели, следовательно, оценке по степени тяжести вреда, причиненного здоровью, не подлежат. Как указал в решении суд, оснований не доверять выводам экспертов не имеется, следовательно, определил компенсацию в размере двадцати тысяч [5].

Следует отметить, что в судебных решениях встречаются указания на то, что законодательство не содержит нормы, обязывающие истца подтверждать свои нравственные страдания в спорах, о компенсации вреда, причинённого публичными органами [6], следовательно, достаточно только физических страданий. При этом, как показывает анализ судебной практики, ни в описательных частях, ни в мотивировочных, отсутствует описание какие именно нравственные страдания возникли у истца, и как следствие, чем руководствовался судья, принимая решение об уменьшении размера компенсации. Практически в каждом изученным авторами решении суда, размер компенсации значительно снижен. Таким образом, отсутствие в законодательстве и судебной критериев оценивания судом размера компенсации, приводит к ущемлению прав потерпевших.

3) Определяет заслуживающие внимания иные обстоятельства, влияющие на размер компенсации, к примеру, поведение потерпевшего, степень умаление его благ. Как показывает анализ судебной практики, данное требование имеют «формальное указание», так как в судебных решениях содержится лишь указание на такое право, при этом в самих решениях они отсутствуют. Отметим, что данная позиция авторов обосновывается на изучении двадцати пяти судебных решений за 2024-2025 год, размещенных в свободном доступе.

4) Анализирует и определяет (в каждом конкретном случает) степень вины должностных лиц публичных органов. Данная особенность устанавливаются в описательной части судебного решения. Однако, как указывал Конституционный Суд России, что компенсация морального вреда может иметь место, и не зависимо от вины должностного лица публичного органа, при условии, что доказано его незаконные действия, вина всегда влияет только на размер компенсации [7].

Подводя итог, отметим, определение морального вреда, с целью реализации защиты интересов граждан определяется в судебном порядке. Отсутствие критериев определения морального вреда, субъективность его восприятия, отсутствие четких и однозначных критериев определения размера компенсации порождают плюрализм в судебных решениях и как результат нарушение прав человека.

Список использованных источников:

1. Казанцева, Е. В. К вопросу о возмещении морального вреда, причиненного сотрудниками органов внутренних дел / Е. В. Казанцева // Актуальные проблемы права и правоприменительной деятельности : Материалы Всероссийской научно-практической

конференции, Новороссийск, 29 мая 2020 года. – Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2020. – С. 26-32.

2. Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 31.03.2025 по делу № 88-8852/2025 // СПС КонсультантПлюс

3. Определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 7 октября 2025 г. № 88-13451/2025 // СПС КонсультантПлюс

4. Определение Седьмого кассационный суд общей юрисдикции е от 13 марта 2025 г. № 88-3645/2025 // СПС КонсультантПлюс

5. Решение Калининский районный суд города Тюмени от 2 июля 2024 г. по делу N 2- 35/2024 // СПС КонсультантПлюс

6. Первый кассационный суд общей юрисдикции определение от 12 мая 2022 г. по делу № 88-11933/2022(2-1956/2020) // СПС КонсультантПлюс

7. Постановление Конституционного Суда РФ от 16.06.2009 № 9-П // СПС КонсультантПлюс

УДК 340.11+342.9

Краснобаева Л.А.
кандидат юридических наук, доцент
Белорусский государственный университет, Республика Беларусь, г. Минск

ОЦЕНОЧНЫЕ КАТЕГОРИИ В АДМИНИСТРАТИВНОМ ПРАВЕ

Аннотация. В данной статье рассматривается проблема интерпретации оценочных категорий в контексте административных правоотношений. Автор приходит к заключению, что оценочные категории могут быть классифицированы на относительно-определенные и абсолютно-определенные. Подчеркивается, что использование оценочных категорий в административном праве неизменно сопряжено с административным усмотрением, которое представляет собой ключевой элемент системы государственного управления.

Ключевые слова: административное право, административное усмотрение, оценочные категории, добросовестность, добровольность, целесообразность.

Abstract. This article examines the problem of interpretation of evaluative categories in the context of administrative legal relations. The author comes to the conclusion that the evaluation categories can be classified into relatively definite and absolutely definite ones. It is emphasized that the use of evaluation categories in administrative law is invariably associated with administrative discretion, which is a key element of the public administration system.

Keywords: administrative law, administrative discretion, evaluation categories, good faith, voluntariness, expediency.

Оценочная категория как правовое понятие, отражает наиболее общие свойства явлений и действий, конкретизируемое путем его оценки в рамках конкретной правоприменительной ситуации. Опираясь на различные определения и признаки, выделенные в доктринальных источниках [1; 2; 3], признаками оценочных категорий в административном праве являются: формальная неопределенность; правоприменитель принимает решение на основе *усмотрения* и его пределы ограничены правовыми рамками; не обладают самостоятельным характером; содержатся не только в законах, но и в подзаконных нормативных правовых актах.

Основываясь на классификации, данной А. С. Рясиной, в административном праве можно выделить качественные оценочные категории [4, с. 30]. Например, *«безупречная служба», «безупречно прослужившие»*, обозначенные в Законе Республики Беларусь от

01.06.2022 № 175-З «О государственной службе; *«уважительная причина»* в Законе Республики Беларусь от 18.07.2011 № 300-З «Об обращениях граждан и юридических лиц» (далее – Закон № 300-З) и Законе Республики Беларусь от 28.10.2008 № 433-З «Об основах административных процедур», *«целесообразность», «экономическая целесообразность»* в Кодексе Республики Беларусь об архитектурной, градостроительной и строительной деятельности от 17.07.2023 № 289-З, Законе Республики Беларусь от 13.12.2022 № 227-З «Об урегулировании неплатежеспособности», Указе Президента Республики Беларусь от 07.04.2022 № 136 «Об органе государственного управления в сфере цифрового развития и вопросах информатизации», *«добросовестно», «добросовестность сторон»* в Законе Республики Беларусь от 05.01.2008 № 313-З «О дорожном движении», в постановлении Министерства юстиции Республики Беларусь от 07.04.2017 № 67 «Об утверждении Инструкции по исполнительному производству».

При этом оценочные категории в административном праве следует обозначить как *относительно-определенные и абсолютно-определенные*. Относительно-определенные это те, в которых не содержатся полные указания об условиях действия административной нормы, и они предоставляют право должностным лицам толкования и применения с учетом конкретных обстоятельств. В данном контексте под безупречной службой следует понимать продолжительные, не менее десяти лет, государственно-служебные правоотношения, характеризующиеся профессионализмом и компетентностью, этическими и моральными качествами, эффективностью и ответственностью, преданностью государству.

Термин «целесообразность» подразумевает действия, которые являются рациональными, практически обоснованными и направленными на достижение установленной цели. В контексте правоприменительной практики это означает, что административно-правовые нормы должны быть ориентированы на достижение конкретных целей, а правоприменительные акты строго соответствовать этим целям. Правовая целесообразность проявляется в следующих аспектах: определение целей правового регулирования; включение в систему принципов правового регулирования наряду с законностью и справедливостью; обеспечение эффективности правового воздействия в рамках административного права. В случае соответствия правоприменительного акта установленным целям можно говорить о его целесообразности, что, в свою очередь, свидетельствует о его соответствии принципу законности. Таким образом, выделение принципа целесообразности в качестве автономного в административном праве представляется методологически необоснованным и не подкрепленным теоретико-прикладными аргументами.

Оценочная категория «добросовестность» заимствована из частного права, которое характеризует субъективную сторону поведения участников гражданских правоотношений и является принципом гражданского законодательства, употребляемым с категорией «разумность». В публичных правоотношениях она нашло свое закрепление, во-первых, как отражение поведения участников административных правоотношений («добросовестно рассчитывавшим предотвратить», «добросовестное исполнение служебных обязанностей» и т.д.), во-вторых, как принцип. Например, принцип равноправия и добросовестности сторон исполнительного производства означает, что взыскатель и должник обладают равными возможностями по реализации предусмотренных законодательством прав, обязаны добросовестно пользоваться принадлежащими им правами и исполнять обязанности. Данная конструкция является дискуссионной, так как равноправие сторон отражает закрепленный конституционно-правовой принцип равенства и равноправия, а добросовестность характеризует личность участника и заключается в его личном ответственном отношении к свои обязательствам, что не может являться принципом исполнительного производства как процесса применения исполнительного документа судебными исполнителями и иными работниками органов принудительного исполнения судебных постановлений и иных исполнительных документов.

Абсолютно-определенные оценочные категории те, для реализации которых установлены условия действия административной нормы, например, статьей 11 Закона № 300-З предусмотрено, что «в случае, если срок пропущен по уважительной причине (*тяжелое заболевание, инвалидность, длительная командировка и др*.), наличие которой подтверждено соответствующими документами, представленными заявителем, этот срок подлежит восстановлению по решению руководителя организации».

Оценочные категории в административном праве тесно связаны с административным усмотрением. Это ключевой элемент в системе государственного управления, который предоставляет должностным лицам право принимать решения в условиях правовой неопределенности и позволяет учитывать особенности каждого конкретного случая и адаптировать правоприменительную практику к меняющимся условиям. Процесс принятия таких решений отличается высокой степенью субъективности и требует от должностных лиц не только профессиональных знаний, но и морально-этических ориентиров для интерпретации и применения административно-правовых норм. В свою очередь, оценочные понятия способствуют адаптивности административного усмотрения, что позволяет должностным лицам принимать обоснованные и справедливые решения в рамках правового поля. Однако чрезмерное использование административного усмотрения может привести к злоупотреблениям и нарушениям прав граждан. Недостаточная гибкость в применении оценочных понятий, напротив, может ограничить возможности адаптации правоприменительной практики к новым реалиям.

Как известно, нормы административного права характеризуются императивностью и подкрепляются механизмом административного принуждения, что обеспечивает их неукоснительное соблюдение субъектами правоотношений. В этой связи, обратим внимание на широко употребляемую в законодательстве и правоприменительной практике категорию «добровольность». Так, Закон Республики Беларусь от 17.07.2018 № 130-З «О нормативных правовых актах» устанавливает, что требования технических нормативных правовых актов, не относящихся к области технического нормирования и стандартизации, являются обязательными для соблюдения, если … этими техническими нормативными правовыми актами не предусматривается *добровольность их применения»* (статья 27). Закон Республики Беларусь от 11.10.2024 № 33-З «Об аккредитации в Национальной системе аккредитации Республики Беларусь» трактует добровольность «*как свободу выбора* заявителем на аккредитацию деятельности…» (статья 3). Право на обращение реализуется заявителями добровольно (статья 3 Закона № 300-З), Закон Республики Беларусь от 30.12.2010 № 225-З «О внешней трудовой миграции», Закон Республики Беларусь от 04.01.2014 № 125-З «О физической культуре и спорте», Закон Республики Беларусь от 14.02.2023 № 250-З «Об основах гражданского общества» и другие, рассматривают добровольность как принцип взаимодействия с органами государственной власти. Добровольность в праве означает свободное волеизъявление субъекта права, без внешнего принуждения или давления. Однако в контексте реализации норм административного права данная категория требует тщательного анализа с точки зрения его соответствия основным принципам справедливости и законности и не всегда должна быть возведена в ранг принципа взаимодействия с институтами государства.

В заключение следует отметить, что, несмотря на положения Закона Республики Беларусь от 17 июля 2018 года № 130-З «О нормативных правовых актах», которые предписывают, что определения терминов должны быть ясными, точными, лаконичными и исключать возможность многозначного толкования, полностью избежать использования оценочных категорий в правовой сфере представляется затруднительным. Оценочные категории имеют определенные преимущества при изложении текста административно-правовой нормы, обеспечивают их динамичность, позволяют отобразить явления нравственного характера, предоставляют должностным лицам органов государственного управления право выбора и свободу усмотрения в конкретной ситуации.

Список использованных источников:

1. Белоусова, К. А. Понятие и сущность оценочных категорий в праве / К. А. Белоусова, Г. С. Беляева, М. А. Умарова // Право и государство: теория и практика. – 2020. – № 8(188). – С. 59-62.
2. Касияненко, Н. В. Оценочно-правовые понятия в нормотворчестве и правореализации : автореферат дис. ... канд. юрид. наук: специальность 12.00.01 / Касияненко Наталья Валерьевна; Национальный центр законодательства и правовых исследований Респ. Беларусь; БГУ. – Минск, 2022. – 28 с.
3. Петраков, С. В. Теоретико-правовой анализ содержания оценочных категорий и понятий права / С. В. Петраков // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2013. – № 23. – С. 28-32.
4. Рясина, А. С. Виды оценочных категорий / А. С. Рясина // Актуальные проблемы современности: наука и общество. – 2016. – № 1(10). – С. 29-31.

УДК 349.6

Морозов А.А.
кандидат юридических наук
Северо-Западный филиал ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева»
г. Санкт-Петербург

ПРАКТИКИ ВОЗМЕЩЕНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ВРЕДА: ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Аннотация. В настоящей статье рассматриваются особенности правового регулирования возмещения вреда окружающей среде и тенденции его совершенствования с учетом современного экологического состояния регионов Российской Федерации. Анализ действующего природоохранного законодательства и правоприменительной практики указывает на необходимость детализации отдельных положений, касающихся возмещения вреда, причинённого природным объектам.

Ключевые слова: экологическое право, возмещение экологического вреда, охрана окружающей среды, экологические правоотношения, рациональное природопользование.

Abstract. This article examines the legal framework for environmental compensation and trends in its improvement, taking into account the current environmental status of regions in the Russian Federation. An analysis of current environmental legislation and law enforcement practices highlights the need to further detail certain provisions related to compensation for damage caused to natural resources.

Keywords: environmental law, compensation for environmental damage, environmental protection, environmental legal relations, rational use of natural resources.

На современном этапе правовое регулирование возмещения экологического вреда приобретает особую значимость, поскольку оно способствует как устойчивому развитию окружающей среды нашей страны, так и ставит задачи по предупреждению и устранению негативного влияния на экологию. Масштабные экологические кризисы происходят с тревожной периодичностью и характеризуются возрастающей степенью разрушительности. Возрастающее антропогенное воздействие оказывает всё большее давление на окружающую среду, что неизбежно влечет за собой ухудшение состояния природных объектов, изменение естественного природного состояния [1, с. 71]. Это напрямую сказывается и на условия жизни населения.

Одним из основополагающих национальных интересов государства является экологическое благополучие населения, реализация комплекса мер по охране окружающей

среды, сохранение и разумное использование природных ресурсов. В Федеральном законе «Об охране окружающей среды» содержатся нормы, регламентирующие механизм оценки и компенсации вреда, причиненного окружающей среде, а также устанавливается ответственность лиц, виновных в его нанесении. Ключевым принципом по охране окружающей среды является платность за природопользование и обязательность возмещения экологического вреда [2].

При этом определение размера причиненного вреда природной среде представляет собой сложный этап компенсационной процедуры. В связи с тем, что природные объекты не имеют конкретно установленной цены, для расчета компенсации используются специальные методики, таксы или оценка стоимости восстановительных работ. Учитывая, что вред от нарушений экологического законодательства носит системный характер, становится очевидным необходимость регулярного пересмотра текущих методологических основ компенсации ущерба. С целью повышения эффективности расчета и возмещения ущерба природным ресурсам, в 2018 году были обновлены соответствующие методики исчисления [3]. Последующая их доработка осуществляется с учетом реального опыта применения. Кроме того, в свете недавних правовых изменений введен запрет на заготовку древесины из определенных видов деревьев и кустарников в соответствие с утвержденным перечнем [4]. Ко всему прочему, 23 апреля 2025 года был внесен законопроект, предусматривающего заключение и исполнение соглашения об устранения нарушений требований природоохранного законодательства с последующим освобождением от административной ответственности. Суть такого диспозитивного механизма заключается в том, что юридические лица как участники экологических правоотношений, не имеющие возможности оперативно устранить выявленные нарушения, смогут реализовать долгосрочную инвестиционную программу по ликвидации причиненного вреда. Такие меры ответственности способствуют на добровольной основе привлекать физических и юридических лиц к восстановлению природного состояния.

Несмотря на предпринимаемые шаги по охране окружающей среды, сфера экологического регулирования остается недостаточно развитой и не отвечает современным экологическим стандартам [5, с. 63]. Данное обстоятельство подтверждается как ухудшением состояния природной среды, так и сложностями в процессе урегулирования экологических споров. В частности, расширение производств, строительство автомобильных и железных дорог неизбежно влечет к вырубке значительного количества лесных насаждений, увеличению объемов вредных выбросов в атмосферу, ухудшению экологического состояния регионов России в целом [6, с. 325]. Например, процедура получения разрешений на вырубку лесных массивов для подготовки строительных участков по государственным и муниципальным контрактам предусматривает обязательную компенсационную стоимость и проведение соответствующих мероприятий по озеленению взамен уничтоженных лесных насаждений. Существуют также исключения из установленных правил. В случаях, когда проводится вырубка деревьев сухостойного или аварийного состояния для устранения угрозы жизни и здоровью граждан, и если иными способами устранить опасность было невозможно, компенсация с участников экологических правоотношений не взимается [7]. Так, для осуществления строительной деятельности на землях лесного фонда выносится законодательный акт, разрешающий сплошную вырубку лесов без проведения государственной экологической экспертизы. Такой правовой акт имеет временный характер, на период проведения строительных работ. Однако, снижение государственного контроля за подобной деятельностью организаций может повлечь приведет к массовому уничтожению лесного покрова не только на согласованных земельных участках, но и на землях с неопределенным правовым статусом в потребительских целях. При рассмотрении споров данной категории, зачастую не представляется возможным установить основания для привлечения лиц к ответственности за причиненный вред окружающей среде, ввиду того, что соответствующие работы осуществлялись в рамках выполнения договорных обязательств [8]. В результате

возникшие негативные последствия не компенсируются природе ни в денежной форме, ни путем восстановления природных ресурсов.

Один из основоположников экологического права в России, профессор О.С. Колбасов считал, что возрастающее негативное влияние человека на природу порождает потребность в правовом регулировании поведения граждан по отношению к окружающей среде [9, с. 106].

Анализируя возможность возмещения вреда в натуральном виде, представитель научного сообщества обращают внимание, что «продолжительное восстановление природных ресурсов не гарантирует полного возвращения экологических систем к их первоначальному состоянию» [10, с. 69]. Соглашаясь с представленной позицией, добавим, что полное возмещение причиненного вреда не всегда достижимо даже при проведении всех необходимых восстановительных мероприятий. Данная процедура в судебном порядке оценивается, насколько обоснованы и достаточны предложенные меры рекультивации, реальна ли возможность их выполнения стороной правоотношений самостоятельно или с привлечением третьих лиц. Если полное восстановление окружающей среды до первоначального состояния невозможно из-за крайне сложных для устранения последствий, ущерб возмещается в денежном форме.

Безусловно, природные объекты объективно нуждаются в комплексной защите и надлежащих охранных мероприятиях, которые могут быть реализованы посредством соответствующего правового регулирования. При этом ключевым условием является обеспечение действенного применения и соблюдения таких правовых механизмов.

На основе вышеизложенного, сохранение природных систем и обеспечение высокого качества окружающей среды – это не просто желательные цели, а необходимое условие для устойчивого развития регионов Российской Федерации. Специфика правовой природы экологического вреда, причиненного окружающей среде, включая его ретроспективные проявления, обуславливают потребность в систематическом совершенствовании действующего природоохранного законодательства. Учет практических особенностей при разработке правового регулирования способствует повышению результативности экологических инициатив.

Список использованных источников:

1. Морозов А. А. Правовое регулирование охраны атмосферного воздуха / А. А. Морозов // Воздушное и космическое право: актуальные проблемы международного и национального правового регулирования : Сборник научных статей по результатам Всероссийской научно-практической конференции, посвящённой Всемирному дню авиации и космонавтики, Санкт-Петербург, 12 апреля 2025 года. – Санкт-Петербург: ООО Центр научно-информационных технологий Астерион, 2025. – С. 69-73.

2. Федеральный закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ (ред. от 28.12.2025) «Об охране окружающей среды» // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 2.

3. Постановление Правительства РФ от 03.11.2018 № 1321 (ред. от 08.09.2023) «Об утверждении такс для исчисления размера ущерба, причиненного водным биологическим ресурсам» // Собрание законодательства РФ. – 2018. – № 46.

4. Приказ Министерства природных ресурсов и экологии Российской Федерации от 14 марта 2025 г. № 102 «Об утверждении перечня видов (пород) деревьев и кустарников, заготовка древесины которых не допускается» // Собрание законодательства РФ. – 2025. – № 817.

5. Морозов А. А. Вопросы формирования экологического сознания в рамках национальных программ охраны окружающей среды / А. А. Морозов // Юридическая наука и практика. – 2025. – Т. 21, № 3. – С. 62-68.

6. Морозов А. А. Оптимизация межотраслевых связей в гражданском и экологическом праве / А. А. Морозов // Вопросы российской юстиции. – 2024. – № 34. – С. 325-332.

7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 49 «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении вреда, причиненного окружающей среде» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2018. – № 2.

8. Обзор судебной практики по вопросам применения законодательства об охране окружающей среды (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 24.06.2022) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2022. № 11.

9. Колбасов О. С. Концепция экологического права / О.С. Колбасов // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2016. – № 1 (17). – 174 с.

10. Морозов А. А. Основания принудительного прекращения права пользования водным объектом в Российской Федерации / А. А. Морозов // Эколого-правовой режим водопользования в Российской Федерации и зарубежных странах: теория и практика : Сборник материалов Международного круглого стола, Санкт-Петербург, 10 июня 2021 года. – Санкт-Петербург: Центр научно-производственных технологий «Астерион», 2021. – С. 68-72.

УДК: 342.924

Анкудинова Я.С.
старший преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин
Крымский юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации,
г. Симферополь

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА И ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА ПРОТЕСТА ПРОКУРОРА В ПРОИЗВОДСТВЕ ПО ДЕЛАМ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ

Аннотация. Статья посвящена анализу правовой природы протеста прокурора в производстве по делам об административных правонарушениях. Автор исследует разграничение протеста как акта прокурорского реагирования и как процессуального средства административного преследования. В работе раскрыты характеристики постановления по делу как индивидуального ненормативного акта и выявлена функциональная двойственность деятельности прокурора в зависимости от его роли в процессе. На основе положений КоАП РФ и законодательства о прокуратуре предложено уточненное определение протеста и обоснована его роль в защите публичных интересов и восстановлении прав граждан.

Ключевые слова: прокурорский надзор, протест прокурора, административное преследование, акт прокурорского реагирования, индивидуальный правовой акт, законность, защита прав граждан, КоАП РФ.

Abstract. The article analyzes the legal nature of the prosecutor's protest in proceedings on administrative offenses. The author examines the differentiation of the protest as an act of prosecutorial response and as a procedural tool for administrative prosecution. The study reveals the characteristics of a case decision as an individual non-normative act and identifies the functional duality of the prosecutor's activities depending on their role in the process. Based on the provisions of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation and the legislation on the prosecutor's office, a refined definition of the protest is proposed, and its role in protecting public interests and restoring citizens' rights is substantiated.

Keywords: prosecutorial supervision, prosecutor's protest, administrative prosecution, act of prosecutorial response, individual legal act, legality, protection of citizens' rights, CoAOP RF.

Одной из функций института пересмотра дела выступает возможность реализации надзора прокурора за соблюдение законности органами административной и судебно-административной юрисдикции [1, с. 78]. Прокурор согласно положениям ст. 25.11 КоАП РФ наделен полномочием приносить протест на постановление по делу об административном правонарушении независимо от участия в деле, что в научной литературе определяется как, «важнейшая административно-процессуальная форма прокурорского надзора» [2, с. 18].

Примечательно, что данное право реализуется им независимо от фактического участия в первичном рассмотрении дела, что в доктрине характеризуется как важнейшая административно-процессуальная форма осуществления прокурорского надзора [3, с. 145].

Для того чтобы полноправно определить правовую природу протеста прокурора на постановление по делу, необходимо детально проанализировать содержание данного понятия. Протест прокурора традиционно рассматривается как одно из его ведущих правовых средств. Характеризуя этот инструмент, Е.Р. Ергашев определяет его как строго регламентированное законодательством и совершаемое в установленном процессуальном порядке официальное возражение прокурора, действующего от имени государства. Данное возражение адресовано конкретным, определенным законом субъектам и касается принятия ими незаконных правовых актов с целью их последующей отмены или изменения [4, с. 143]. В то же время ведомственные нормативные установки, в частности Инструкция по делопроизводству в органах и учреждениях прокуратуры Российской Федерации, трактуют протест как специфический акт прокурорского реагирования на противоречащий закону правовой акт государственного органа либо должностного лица, который в обязательном порядке должен содержать мотивированное требование об аннулировании такого акта или приведении его в соответствие с действующим правовым полем [5].

При этом крайне важно учитывать, что протест прокурора на правовой акт, противоречащий законодательству, предусмотренный ст. 36 Закона «О прокуратуре», и протест, закрепленный ст. 25.11 КоАП РФ, существенно различаются по своей правовой природе. Данная научная позиция находит активную поддержку в трудах А.П. Стуканова, который предлагает разделять указанные виды прокурорского реагирования на две самостоятельные категории [3, с. 145]. С целью установления различий обратимся к определению правовой акт и ненормативный индивидуальный правовой акт. Постановление по делу об административном правонарушении выступает индивидуальным правовым актом, не носящим нормативного характера. Р.Ф. Васильев определял категорию «правовой акт», как «волеизъявление управомоченного субъекта права, регулирующее общественные отношения путем установления (изменения, отмены, изменения сферы действия) правовых норм, а также установления (изменения, прекращения) конкретных правоотношений, результат которого в виде велений, обращений, соглашений и т.п. в установленных законах случаях фиксируется в документальной форме (акте-документе)» [6, с. 15]. В то время как ненормативный индивидуальный правовой акт имеет следующие признаки, в соответствии с которыми постановление по делам об административных правонарушениях можно отнести к указанной категории, так как постановление не устанавливает общих норм поведения, носят индивидуальный, определенный характер; в нем содержится властное предписание, направленное на установление, изменение или прекращение прав и обязанностей определенных лиц; принимаются в инициативном порядке, поэтому носят односторонний характер. Положениями ст. 36 Закона «О прокуратуре» законодатель четко выделяет в разные категории протест в порядке осуществления функции надзора и протесты в рамках участия в рассмотрении дел судами.

С учетом указанных положений можно говорить о двоякой трактовке понимания термина «протест». В первом случае можно выделить подачу прокурором протеста в порядке надзора в отношении противоречащих закону правовых акты и здесь протест выступает как акт реагирования. Второй вариант в рамках участия в рассмотрении дел судами и осуществления функции административного преследования - принесение в

вышестоящий суд кассационный или частный протест, а в арбитражный суд - апелляционную или кассационную жалобу, где протест выступает актом прокурора. Таким образом протест прокурора на постановление по делу об административном правонарушении нельзя рассматривать исключительно как акт прокурорского реагирования. Позиция двойственности правовой природы протеста прокурора находит поддержку в работах профессора А.Ю. Винокурова, обосновывающего невозможность рассмотрения протеста исключительно как акта прокурорского реагирования, традиционно применяемого в надзорной деятельности, основанием разграничения А.Ю. Винокуров приводит роль прокурора при рассмотрении дела по существу, и того, кем рассматривалось дело [7, с. 52–56]. КоАП РФ, закрепив положение о невозможности реализации функции надзора в отношении дел, находящихся на рассмотрение судами, обусловил появление определенной рассогласованности в случае с опротестованием постановления по делу об административном правонарушении, вынесенного судьей. О наличии надзорной функции можно говорить при оспаривании постановления о назначении административного наказания и о прекращении производства по делу об административном правонарушении, вынесенного во внесудебном порядке.

Основываясь на критерии реализуемой функции, представляется целесообразным выделить две категории протестов. К первой относятся протесты в рамках административного преследования, когда прокурор, инициировавший возбуждение дела, заинтересован в достижении целей наказания. Ко второй - протесты в рамках надзорной функции, где прокурор вступает в дело как незаинтересованное лицо с целью содействия вынесению справедливого решения.

Таким образом протест на постановление по делам об административных правонарушениях – акт прокурора, регламентированный законом и оформляемый в установленном порядке, выражающейся в возражение прокурора на индивидуальный правовой акт, не носящий нормативного характера, с целью восстановление нарушенных прав и законных интересов гражданина.

Список использованных источников:

1. Хазанов С.Д. Общая характеристика стадии пересмотра в производстве по делам об административных правонарушениях [Электронный ресурс] // Журн. рос. права. 2004. № 10. С. 69-80.

2. Рябус О.А. Процессуальный статус участников производства по делам об административных правонарушениях: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2006. 22 с.

3. Стуканов А.П. Прокурорский надзор за исполнением законов органами административной юрисдикции Российской Федерации: Монография. СПб.: Юридический центр Пресс, 2000. 225 с.

4. Прокурорский надзор в Российской Федерации: учебник для бакалавров / под науч. ред. Е.Р. Ергашева. М.: Издательство Юрайт, 2011. 413 с.

5. О введении в действие Инструкции по делопроизводству в органах и организациях прокуратуры Российской Федерации: Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 29.12.2011 № 450// Электронный документ // СПС КонсультантПлюс

6. Васильев Р.Ф. О понятии правового акта // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Право. 1998. № 5. С. 3-25

7. Винокуров А. Ю. Административное преследование как функция прокуратуры Российской Федерации // Админ. и муницип. право. 2012. №10. С. 52-56

УДК 347.211

Дмитриенко А.Я.
Институт «Таврическая академия»
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»,
г. Симферополь

СУЩНОСТЬ И МЕСТО ВИРТУАЛЬНОГО ИМУЩЕСТВА В СИСТЕМЕ ГРАЖДАНСКОГО ОБОРОТА

Аннотация. В статье представлен анализ научных позиций относительно природы виртуальной собственности и ее содержания. Рассмотрена проблема определения места виртуальных игровых объектов в системе гражданского оборота.

Ключевые слова: виртуальное имущество, игровое имущество, имущество, исключительные права, пользовательское соглашение

Abstract. The article provides the analysis of scientific positions on the nature of virtual property and its contents. The problem concerning the determining the place of virtual game objects in the civil circulation system is considered.

Key words: virtual property, game property, property, exclusive rights, user agreement

Развитие индустрии компьютерных игр породило такой специфический объект, как виртуальное имущество, которое, не будучи закрепленным на законодательном уровне, тем не менее, имеет некоторую экономическую ценность, выступает объектом общественных отношений и даже в ряде случаев выступает предметом исковых требований. Казалось бы, можно говорить о появлении нового объекта в системе гражданского оборота. Отсутствие нормативного регулирования таких объектов порождает правовую неопределенность, ввиду чего представляется интересным исследовать существующие в доктрине, а также правоприменительной практике, подходы к определению и содержательному наполнению данного понятия, а также модели правовой регламентации места таких объектов в системе гражданского оборота.

В литературе к категории виртуального имущества могут быть отнесены предметы (лут) и аналог денежных знаков (валюты) в компьютерных онлайн играх, виртуальные токены, цифровые денежные средства, персональные аккаунты (в тех же онлайн играх, на сайтах, в социальных сетях) и т.д. Однако более узким и, по нашему убеждению, более логичным подходом является понимание виртуального имущества как такого, которое существует исключительно в виртуальной цифровой среде и не имеет реального материального выражения. По утверждению М.А. Рожковой, виртуальное имущество представляет собой «составляющую часть виртуальной вселенной… электронного образа несуществующего мира» [1]. Соответственно, это те объекты, которые существуют исключительно в рамках виртуальной вселенной и утрачивают всяческую ценность за ее пределами.

С этой точки зрения к данной категории должно быть отнесено непосредственно внутриигровое имущество, которое может быть получено или куплено при прохождении многопользовательских онлайн игр, а в некоторых случаях – передано или продано другому игроку. Ввиду этого, в рамках данной работы предлагается сосредоточить основное внимание непосредственно на таком объекте, как виртуальное игровое имущество, оставляя за пределами дискуссию о сущности и правовом режиме вышеперечисленных объектов.

А.А. Григорян под термином в*иртуальное имущество* предлагает понимать собственность участников в онлайн-играх, в том числе внешний вид и всевозможные улучшения навыков аватара, которым управляет игрок в игровой вселенной. [2, с. 23].

В рамках внутриигрового пространства игроки могут совершать действия, схожие с гражданско-правовыми сделками – обмениваться, продавать, перерабатывать и т.д. Что, при первом приближении, наводит нас на мысль о том, что такие объекты должны быть отнесены к объектам права собственности и регулироваться нормами вещного права. К примеру, к такому выводу приходит А.И. Савельев, обосновывая его тем, что такие виртуальные объекты приобретаются за реальные деньги и, соответственно, в случае блокировки аккаунта пользователя или утраты приобретенного виртуального имущества пользователь может требовать защиты своих вещных прав [3, с. 147]. В.И. Фатхи предлагает разделять виртуальное имущество и его правовой режим в зависимости от того, приобретено ли оно за реальные деньги или безвозмездно, и предоставлять защиту только первой категории виртуальных объектов, поскольку они связаны с деньгами, выступающими объектом гражданского оборота [4, с. 115].

Полагаем, что деление игрового имущества по этому критерию является не вполне удачным ввиду, как минимум, двух причин. Во-первых, если мы рассматриваем оборотоспособность виртуального имущества внутри игрового пространства, то не исключен вариант, при котором лицо при прохождении игрового процесса «добывает» те или иные предметы, а не приобретает их, а затем может за плату передать другим игрокам.

Наличие связи с реальным объектом гражданского оборота как критерия разделения режима виртуальных предметов внутри игры представляется недостаточным и неочевидным в каждом конкретном случае (так как игровые предметы могут приобретаться за реальные деньги, а в дальнейшем подлежать обмену, перерабатываться, утрачиваться по иным причинам в ходе прохождения сюжетной линии игры). Все это препятствует дальнейшему установлению универсальной модели правового регулирования и единообразию правоприменения.

Кроме того, при тщательном анализе сущности того, что мы подразумеваем под виртуальным имуществом, признать предметы, существующие только в виртуальном пространстве, имуществом в классическом цивилистическом понимании мы, очевидно, не можем, поскольку существенным признаком последнего является материальная природа, объективное существование в реальном мире, что делает возможным как фактическое господство, так и осуществление иных правомочий собственника. Следовательно, правовой режим собственности не может быть распространен на виртуальное имущество. Такая позиция разделяется рядом ученых, к примеру, Б.А. Борисовым, М.А. Рожковой и др. [1, 5].

В доктрине существует подход, согласно которому виртуальное имущество стоит отнести к категории объекта исключительных прав. При данном подходе компьютерная игра рассматривается как программа для ЭВМ, а игровое имущество – как часть этой программы, часть программного кода [6, с. 89].

А.Ж. Пагов также указывает, что игровое имущество «представляет собой программный код внутри самой программы-видеоигры и предстает перед пользователем в объективной форме» [7]. В этом случае возникает вопрос об определении правообладателя и возможности передачи прав на объекты виртуального игрового пространства посредством норм о передаче или предоставлении исключительных прав.

Отношения, возникающие между пользователем определенной онлайн игры и правообладателем, регулируются нормами пользовательского соглашения, которое «подписывает» игрок при регистрации. Соответственно, игрок выступает в качестве лицензиата, а характер права, возникающего у него, это право пользования объектом исключительных прав, и самостоятельного исключительного права у него не возникает.

Даже если предположить, что в ходе игрового процесса присутствует творческий характер действий персонажа, и создается какой-то объект, мы все равно не можем признать за игроком интеллектуальные права на него, поскольку он как бы заключен внутри программного кода игры и не будет являться самостоятельным объектом.

Более того, часто пользовательские соглашения, к которым присоединяется пользователь (игрок) при регистрации в игровом пространстве, являются смешанным договором, который включает элементы как лицензионного соглашения, так и отдельных видов договоров (например, договор возмездного оказания услуг). М.А. Рожкова, исследуя данную проблематику, приходит к выводу о том, что регламентация отношений, связанных с виртуальным имуществом, должна осуществляться в рамках регулирования договорных обязательств по оказанию информационных услуг [1].

Интересно отметить также складывающуюся в исследуемой сфере судебную практику. Здесь наблюдается две основных тенденции: первая соотносится с последним из изложенных доктринальных воззрений, при которой защита прав игроков многопользовательских онлайн игр, в том числе на предметы и имущество внутри виртуального игрового пространства) осуществляется исходя из условий пользовательских соглашений, тем самым признается господство обязательственного статута.

Вторая тенденция в судебных разбирательствах, вытекающих из споров относительно виртуального имущества, характеризуется отказом в удовлетворении исковых требований со ссылкой на ст. 1062 ГК РФ. Данный подход представляется не вполне верным. Указанная статья регулирует отношения, возникающие из основанных на риске игр и пари, а механика и сущность компьютерных игр не всегда имеет рисковый характер, не предполагает условия о выигрыше и может быть основана на иных целях. Следовательно, нормы ст. 1062 ГК РФ не должны быть применимы к отношениям, возникающим из компьютерных игр и связанных с оборотом виртуального имущества.

Таким образом, вопрос о природе и месте виртуального имущества в гражданском обороте является сложным и неопределенным. Дальнейшее развитие правового регулирования либо же применение аналогии права к отношениям, возникающим по поводу виртуального внутриигрового имущества, возможно только при условии отграничения его от иных объектов гражданского права, четкого понимания сущности и возможностей для защиты прав обладателей таких виртуальных объектов.

Список использованных источников:

1. Рожкова М.А. Проблемы установления самостоятельного правового режима для цифровых объектов [Электронный ресурс] // Журнал Суда по интеллектуальным правам. – 2025. – № 2 (48). – С. 146-157. – URL: https://www.ipcmagazine.ru/articles/1816485/
2. Виртуальное имущество и цифровая личность: правовые аспекты регулирования в киберпространстве / А.А. Григорян // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права : научно-практический журнал. – 2024. – № 4 – с. 23-29. / СПС «Гарант».
3. Савельев, А.И. Правовая природа виртуальных объектов, приобретаемых за реальные деньги в многопользовательских играх / А.И. Савельев // Вестник гражданского права. – 2014. – Т. 14, № 1. – с. 127-150.
4. Правовой статус виртуального имущества в контексте гражданско-правового регулирования / В.И. Фатхи // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. – № 4. – 2022. – с. 113-121.
5. Борисов, Б.А. Цифровые объекты гражданских прав: объекты виртуального мира в контексте гражданско-правового регулирования // Науки и образование: хозяйство и экономика;предпринимательство; право и управление. - 2020. – № 4 (119). – С.88-91.
6. Федоров М.В., Пономарченко А.Е., Лунева А.В. Виртуальное игровое имущество как объект гражданских правоотношений // Российский юридический журнал. – 2025. – № 3. – С. 111-122. / СПС «Гарант».
7. Пагов А.Ж. Виртуальное пространство и игровое имущество: аспекты правового регулирования // Цифровое право (Digital Law Journal). – 2025. – Т. 6, № 2. – С. 91-111. / СПС «Гарант».

УДК 342.4

Соляная М.А.
аспирант кафедры истории и теории государства и права
Научный руководитель: Сибилева А.Ю., к.ю.н., доцент
Институт «Таврическая академия»
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»,
г. Симферополь

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КАТЕГОРИЙ «НАЦИОНАЛЬНОЕ МЕНЬШИНСТВО» И «МЕНЬШИНСТВО» В КОНТЕКСТЕ КОНСТИТУЦИОННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. В работе произведен анализ конституционного законодательства Российской Федерации относительно нормативного закрепления и толкования понятий «многонациональный народ», «народ Российской Федерации», «коренной малочисленный народ», «этническая общность», «малочисленная этническая общность», «национальное меньшинство». Автором рассмотрены вышеуказанные понятия в нормативно-правовых актах Российской Федерации, выявлены пробелы в законодательстве и представлены предложения по их упразднению.

Ключевые слова: нация, народ, национальное меньшинство, этническая общность, коренной народ, многонациональный народ, малочисленная этническая общность.

Abstract. This paper analyzes the constitutional legislation of the Russian Federation regarding the normative consolidation and interpretation of the concepts of "multinational people," "people of the Russian Federation," "indigenous small people," "ethnic community," "numerically small ethnic community," and "national minority." The author examines the above concepts in the regulatory legal acts of the Russian Federation, identifies gaps in the legislation, and presents proposals for their elimination.

Keywords: nation, people, national minority, ethnic community, indigenous people, multinational people, small ethnic community.

Российская Федерация – одно из самых многонациональных государств мира. В Конституции РФ права и свободы человека являются высшей ценностью: использование в ней вместо термина «гражданин РФ» дефиниции «человек» – свидетельство того, что в Российской Федерации под защитой находятся права всех людей, в том числе и граждан других государств, и/или лиц без гражданства, вне зависимости от расы, пола, языка или вероисповедания [1]. Таким образом, доминантой правовой системой Российской Федерации выступают права и свободы человека. В Конституции РФ помимо категории «многонациональный народ» используются также понятия «народы РФ» (ст. 9), «коренной малочисленный народ» и «этническая общность» (ст. 69), «малочисленная этническая общность» (ст. 72), а также «национальное меньшинство», указанное в ст. 71 и ст. 72 [1].

Согласно ст. 1 Федерального закона № 82-ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» от 30 апреля 1999 года к коренным малочисленным народам Российской Федерации относятся народы, которые живут на территории ранее заселенной своими предками, сохраняющие традиционные промыслы и образ жизни своего народа. Коренные малочисленные народы осмыслены как этническая общность, однако толкования понятия «этнической общности» ни как самостоятельной категории, ни как составной части «коренного малочисленного народа» не представлено [2], а это, безусловно, требуется.

Согласно ст. 4 Федерального закона № 402-ФЗ «О нематериальном этнокультурном достоянии Российской Федерации» от 20.10.2022 года: под этнической общностью законодатель подразумевает совокупность проживающих или рожденных на определенной

территории людей, обладающих общей культурой, языком, этническим самосознанием, имеющих собственную ценностную систему, а ее представители свободно определяют свою национальную принадлежность в многонациональном государстве [3]. Но юридического толкования понятия «малочисленная этническая общность» в законодательном поле не представлено. Это понятие фигурирует лишь в пункте «м» ст. 72 Конституции РФ [1], где данная категория лиц, использующих исторически исконную среду обитания, выведена в качестве субъект защиты традиционного образа жизни.

Исходя из сути вышеуказанных толкований логично заключить, что различия между «этнической общностью» и «малочисленной этнической общностью» заключаются в количественном составе представителей этих групп. При этом законодательством их численность не регламентирована. Также в законодательстве отсутствует толкование понятия «национальное меньшинство», хотя введение его в текст Конституции РФ, по нашему мнению, вызывает необходимость его официального разъяснения и закрепления.

В международном законодательстве упоминание «национального меньшинства» встречается в нескольких документах, в частности, в Декларации ООН о правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам (принята резолюцией 47/135 Генеральной Ассамблеи от 18 декабря 1992 года) [4] и в Международном пакте о гражданских и политических правах (принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи от 16 декабря 1966 года) [5]. В первом документе понятие «национального меньшинства» не конкретизируется, а лишь упоминается наряду с этническим, культурным, религиозным и языковым меньшинством [4]; во второй – никак не толкуется.

Однако в ст. 1 Конвенции об обеспечении прав лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам от 21 октября 1994 года (г. Москва), имеется следующее толкование: «лица, постоянно проживающие на территории одной Договаривающейся Стороны и имеющие ее гражданство, которые по своему этническому происхождению, языку, культуре, религии или традициям отличаются от основного населения данной Договаривающейся Стороны» [6]. Но всё же использование данного толкования в законодательстве Российской Федерации некорректно в связи с подписанием Президентом Российской Федерации 20 декабря 2021 года распоряжения № 368-РП «О намерении Российской Федерации не стать участником Конвенции об обеспечении прав лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам» [7]. Однако следует учитывать, что на современном этапе своего развития Россия занимает четкую позицию относительно сохранения и развития положения национальных меньшинств, которая заключается, в том числе, в проявлении усиленного внимания к межнациональным вопросам, связанным с сохранением мира и укреплением отношений между нациями.

Ф. Капоторти, выступая специальным докладчиком Подкомиссии по предотвращению дискриминации и защите меньшинств, в своем исследовании о правах лиц, принадлежащих к этническим, религиозным и языковым меньшинствам, сформировал следующее толкование определения «меньшинства». Таковым является группа граждан, уступающих в численности другим группам, но которая обладает собственной этнической, религиозной или языковой чертой или характеристиками, отличительными по сравнению с остальными гражданами государства, и стремящихся к сохранению своей этнической идентичности, увековечиванию своего языка, традиций и культуры [8].

Л.В. Андриченко трактует национальное меньшинство как этническое общество или часть такового, имеющее собственное сознание, участники которого постоянно, компактно или дисперсно проживают на территории государства и не занимают доминирующего положения в сравнении с другими гражданами, имеют отличительные этнические признаки, в том числе характеризующиеся особенностями языка, культуры или традиций [9].

Интересно также исследование Н. Витрук о правах национальных меньшинств в Российской Федерации, в котором ученый проводит анализ проекта Федерального закона

«О национально-культурной автономии» от 22 октября 1995 года. В проекте понятие «национальное меньшинство» трактуется как «общность граждан РФ, осознающих свою принадлежность к народам (национальностям), имеющим государственные образования за пределами Российской Федерации либо не имеющие таковых, но основная часть которых проживает вне территориальных пределов Российской Федерации» [10]. Однако данное определение не нашло законодательного закрепления. И в настоящее время понятие «национального меньшинства» в отечественном законодательстве отсутствует.

Предполагаем, что сложность официального толкования определения «национальное меньшинство» заключается в широкой области его применения, а также в высокой вариативности ситуаций его проявлений. В зависимости от исторически сложившейся обстановки национальные меньшинства могут иметь разную территориальную привязку, то есть их представители могут проживать либо централизовано в определенных районах, либо рассредоточено на территории всего государства или же проживать другом государстве. Также следует учитывать, что критерий солидарности и сохранения общей этнической идеи, поддержания культурных и традиционных ценностей, у представителей разных национальных меньшинств развит неодинаково. Некоторые из них имеют прочную коллективную идентичность и осознают необходимость сохранения своих коренных этнических особенностей, выражающихся в традициях, обычаях, языке или вероисповедании; иные же национальные меньшинства порой имеют лишь поверхностное представление о своей этнической, национальной истории и не считают нужным выделять себя в категорию национального меньшинства.

Учитывая вышеизложенное, можно прийти к выводу, что в настоящее время имеется множество факторов, свидетельствующих о сложности термина «национальное меньшинство», тем не менее данный факт не отменяет необходимости точного его толкования. Однако, по нашему мнению, в законодательстве Российской Федерации необходимо устранить терминологический пробел, закрепив определение «национального меньшинства», которое необходимо для поддержания стабильности национальной безопасности государства, а также для сохранения и дальнейшего развития национальных культурных и исторических ценностей народов, в следующей интерпретации: национальные меньшинство представляет собой малочисленную в сравнении с другими группами граждан, проживающих в государстве или за его пределами, группу лиц, которые имеют общую территориальную привязку, общие этнические корни и традиционные ценности, обусловившие осознание ими своей принадлежности к определенной нации, которые могут иметь отличительные особенности языка, вероисповедания, культуры и традиций.

Список использованных источников:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // КонсультантПлюс: [сайт]. – 2026. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения 26.03.2026) – Текст: электронный.

2. О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации: Федеральный закон от 30.04.1999 N 82-ФЗ // КонсультантПлюс: [сайт]. – 2026. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_22928/ (дата обращения 26.03.2026) – Текст: электронный.

3. О нематериальном этнокультурном достоянии Российской Федерации: Федеральный закон от 20.10.2022 N 402-ФЗ // КонсультантПлюс: [сайт]. – 2026. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_429409/ (дата обращения 26.03.2026) – Текст: электронный.

4. Декларация о правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам (Принята резолюцией 47/135 Генеральной

Ассамблеи от 18 декабря 1992 года на 92-ом пленарном заседании 47-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН) // КонсультантПлюс: [сайт]. – 2026. – URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&n=16269#t1zlWFVlr6aa6sH8 (дата обращения 26.03.2026) – Текст: электронный.

5. Международный пакт о гражданских и политических правах (Принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // КонсультантПлюс: [сайт]. – 2026. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5531/ (дата обращения 26.03.2026) – Текст: электронный.

6. Конвенция «Об обеспечении прав лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам» (вступила в силу 10 января 1997 года) // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов: [сайт]. – 2026. – URL: https://docs.cntd.ru/document/901732493 (дата обращения 26.03.2026) – Текст: электронный.

7. Распоряжение Президента Российской Федерации от 20.12.2021 г. № 368-РП О намерении Российской Федерации не стать участником Конвенции об обеспечении прав лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам // ГарантРу: [сайт]. – 2026. – URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/403158232/ (дата обращения 26.03.2026) – Текст: электронный.

8. Capotorti, F. Study of the rights of persosns belonging to ethnic, religious and linguistic minorities // Human Rights Study Series. 1978. № 5. P. 10.

9. Андриченко Л.В. Регулирование и защита прав национальных меньшинств и коренных малочисленных народов в Российской Федерации: Дис. д-ра юрид. наук. М., 2005. С. 45-46.

10. Витрук Н. Права национальных меньшинств в Российской Федерации // Конституционноеправо. Восточно-Европейское обозрение. 2001 № 2 (35). С. 65–80. EDN: HSLFFX

УДК 342.9.

Аблятифова С. Э.
обучающаяся 2 курса
Научный руководитель: Асанова Л.В., к.ю.н., доцент
Институт «Таврическая академия»
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского»
г. Симферополь

К ВОПРОСУ О РЕФОРМИРОВАНИИ АДМИНИСТРАТИВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы и перспективы реформирования административного законодательства Российской Федерации. Анализируются недостатки действующего КоАП РФ, включая фрагментарность, нестабильность и усиление карательной направленности. Обосновывается необходимость комплексного подхода к реформе с учетом цифровизации и защиты прав участников процесса.

Ключевые слова: КоАП РФ, административное право, реформирование, административная ответственность, цифровизация, процессуальные гарантии

Abstract. The article examines the problems and prospects of reforming administrative legislation in the Russian Federation. It analyzes the shortcomings of the current Code of Administrative Offences, including fragmentation, instability, and increasing punitive orientation. The need for a comprehensive reform approach considering digitalization and protection of participants' rights is substantiated.

Keywords: Code of Administrative Offences, administrative law, reform, administrative liability, digitalization, procedural guarantees

Проблемы и перспективы реформирования административного законодательства в Российской Федерации привлекают внимание как научного сообщества, так и практикующих юристов. Затрагивая данный аспект, хотелось бы отметить, что действующий Кодекс об административных правонарушениях Российской Федерации, с нашей точки зрения, характеризуется значительной перегруженностью и фрагментарностью регулирования, что связано с постоянным внесением поправок и расширением перечня составов административных правонарушений, а также усилением санкций, что затрудняет правоприменение и снижает предсказуемость правового регулирования [1].

Кроме того, многие ученые и практики отмечают проблему усиления репрессивной направленности законодательства, когда расширяется круг субъектов административной ответственности, увеличиваются размеры штрафов и внедряются автоматизированные механизмы фиксации правонарушений, что создает впечатление, что административное право используется как инструмент «фискального контроля», а не как механизм защиты общественных интересов и регулирования общественных отношений. Одновременно наблюдается рост нормативного хаоса, когда различные поправки вносятся без системного анализа взаимодействия новых составов правонарушений с уже действующими нормами, что порождает неопределенность для граждан и юридических лиц. Данная проблема, с нашей точки зрения, связана с масштабным перечнем самого предмета административного права.

Особое внимание хотелось бы также уделить процессуальной части КоАП РФ, которая требует модернизации с учетом цифровизации и внедрения электронного производства. С 2025 года в Кодексе закреплена возможность подачи документов в электронной форме, участия в рассмотрении дел дистанционно и использования информационных систем для взаимодействия участников процесса, что призвано повысить доступность и эффективность административного судопроизводства, однако практика применения данных нововведений пока различается по регионам и вызывает вопросы о достаточности процессуальных гарантий и защите прав лиц, привлекаемых к административной ответственности. [2]

Нестабильность законодательства также является значительной проблемой, так как постоянное внесение изменений и новых составов правонарушений создает сложности для субъектов права и органов власти. В частности, расширение административной ответственности в сфере персональных данных и информационной безопасности требует дополнительной подготовки государственных органов, бизнеса и граждан к новым требованиям, а также корректировки внутренней документации и процедур.

Но, главной проблемой непосредственного подхода к реформе, является то, что можно отметить множество отдельных поправок и правок, но отсутствует комплексная концепция реформирования КоАП РФ как единого законодательного акта. Набор разрозненных изменений не решает глубинных проблем, и причиной этому является отсутствие целостной стратегии развития административного законодательства. Дискуссия о необходимости создания полностью нового КоАП РФ или же коренной переработки действующего продолжается.

В настоящее время КоАП РФ уже не может рассматриваться как полноценная правовая основа для реализации судопроизводства по делам об административных правонарушениях. Нормативный документ утратил ясность, системность, согласованность норм, их единство в регулировании общественных правоотношений. Это влечет проблемы в правоприменительной практике при защите интересов граждан, предпринимателей и организаций. С учетом этого, 30.01.2020 Министерство Юстиции разработало и опубликовало проекты Кодекса Российской Федерации об административных

правонарушениях, Процессуального кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, а также вводного закона к обоим кодексам [4]. Законопроекты подготовлены во исполнение поручения, данного Правительством Российской Федерации по результатам разработки концепции нового КоАП РФ. Проект нового КоАП РФ предусматривает пересмотр и уточнение действующих норм Общей и Особенной частей КоАП РФ, а также положений о субъектах административной юрисдикции. При подготовке Особенной части проекта нового КоАП РФ проанализированы многочисленные и не всегда обоснованные коррективы, внесенные в Особенную часть действующего КоАП РФ, критически оценены санкции действующих норм Особенной части КоАП РФ, исключены из санкций несопоставимые между собой виды, размеры и сроки альтернативных наказаний [4; 6, с.93].

Таким образом, главным фактом выступает, то что в правовом пространстве уже создан и принят проект нового КоАП РФ. Минюстом России разработан проект нового Кодекса РФ об административных правонарушениях. В новый КоАП РФ предлагается включить три раздела: «Общая часть», «Особенная часть», «Субъекты административной юрисдикции».

«В Общей части отражены вопросы, касающиеся в том числе принципов законодательства об административных правонарушениях, административного правонарушения и административной ответственности, административных наказаний и правил их назначения, освобождения от административной ответственности и от административного наказания. В Особенную часть предлагается включить 36 глав, объединяющих в себе составы административных правонарушений на основе их классификации по видовым объектам противоправного посягательства. В третьем разделе перечисляются субъекты административной юрисдикции, уполномоченные на возбуждение, рассмотрение и пересмотр дел об административных правонарушениях. Данный проект принят 22 июля 2025 года его приняла Государственная Дума, а 25 июля – Совет Федерации. Документ получил название Федеральный закон от 31 июля 2025 г. № 281-ФЗ «О внесении изменений в КоАП РФ» [7;8].

Перспективы реформирования КоАП РФ связаны с развитием цифровизации административного процесса, внедрением электронного документооборота и дистанционного участия в рассмотрении дел, а также с дифференциацией санкций с учетом характера правонарушения, степени общественной опасности деяния и личности правонарушителя. Особое внимание уделяется совершенствованию процессуальных гарантий, защите прав граждан и юридических лиц, а также повышению прозрачности и предсказуемости административного регулирования

Современные законопроекты предусматривают расширение возможностей органов власти по автоматизированной фиксации правонарушений и применению данных информационных систем для привлечения к ответственности, что вызывает дискуссии о балансе между эффективностью контроля и соблюдением прав граждан. Ученые и практики подчеркивают, что цифровизация должна сопровождаться четким регулированием процедур, обеспечением доказательной базы и защитой процессуальных прав участников административного производства

Таким образом спектр проблем обширный, но, единый и не рушимый критерий выражается (для решения данных проблем) все же в комплексном подходе к данной реформе. Именно таким подходом в процессуальном аспекте в Российской Федерации занялся Минюст.

Разработчиками Концепции в лице Минюста России, Минэкономразвития России с участием заинтересованных органов государственной власти и экспертных организаций отмечается, что со дня вступления в силу действующего в настоящее время КоАП РФ назрела объективная необходимость научного осмысления и анализа сложившейся практики его применения, а также критической оценки эффективности его норм с учетом внесенных многочисленных изменений, конституционных требований.

Главным результатом такой работы должна стать стабильность института административной ответственности, трансформации его из преимущественно карательно-фискального инструмента в институт назначения наказания, подлежащего дифференцированному применению с учетом риск-ориентированного подхода в случае, если профилактические и принудительно-профилактические меры не имели должного воздействия. Нормы КоАП должны претерпеть такие изменения, которые будут соответствовать целям указанной реформы, что, несомненно, подразумевает как сокращение составов административных правонарушений, так и изменение подходов к назначению наказаний [3].

Одной из основных проблем реформы является несистемность и фрагментарность действующего Кодекса. Как отмечает Ю. Н. Старилов: «Многократные поправки привели к логическим противоречиям между нормами, что затрудняет их применение на практике» [4]. По мнению автора, реформирование должно включать структурную систематизацию положений, упрощение классификаций правонарушений и гармонизацию норм с другими отраслями права. Автор подчёркивает, что без системного подхода любые косметические изменения будут малоэффективными и приведут к новым противоречиям в практике административных органов [4].

Также в дискуссии научного пространства частным критерием-проблемы выступает: усиление процессуальных гарантий. Защита прав участников административного процесса – отдельная и критически важная тема, которая была упомянута Еленой Сергеевной Герман, в своей кандидатской диссертации «Административно-процессуальный статус физического лица – участника производства по делам об административных правонарушениях, имеющего личный интерес в деле», она анализировала проблемы защиты прав участников административного процесса [9]. А.М. Визиров, отмечает, что: «Формальные процессуальные гарантии часто не реализуются на практике» [5, с.7-8]. Он подчёркивает необходимость усиления прав участников на всех этапах процесса, внедрения методических рекомендаций для судей и административных комиссий, а также повышения уровня правовой культуры участников процесса [5, с. 8].

Таким образом, указывается, что без усиления процессуальных гарантий любые реформы будут носить номинальный характер, а реальные права граждан не будут защищены.

Исходя из анализа существующих разработок нового КоАП РФ и мнений ученых, считаем, что реформа необходима и перспективна, но должна быть комплексной. Действующий кодекс уже не соответствует современным экономическим, технологическим и социальным реалиям, поэтому его фрагментарные поправки не решат накопившиеся проблемы.

Проведённый анализ проблем и перспектив реформирования Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях позволяет сделать вывод о том, что действующая модель административной ответственности в Российской Федерации находится в состоянии системного кризиса, обусловленного фрагментарностью нормативного регулирования, нестабильностью законодательства и усилением карательно-фискальной направленности.

Ключевые недостатки действующего КоАП РФ проявляются в отсутствии внутренней согласованности норм, несоразмерности санкций, недостаточной реализации процессуальных гарантий, а также в несоответствии современным условиям цифровизации и усложнения общественных отношений. Постоянное внесение поправок без единой концепции развития законодательства приводит к нормативной перегруженности и снижает предсказуемость правоприменения, что негативно отражается как на гражданах, так и на юридических лицах.

В этой связи реформирование КоАП РФ должно носить комплексный и системный характер, предполагающий не просто модернизацию отдельных положений, а формирование новой концепции административной ответственности.

Таким образом, эффективное реформирование КоАП РФ возможно лишь при условии отказа от фрагментарного подхода и перехода к созданию целостной, внутренне согласованной системы административного права. Реализация данной задачи предполагает скорейшую доработку и утверждение новой редакции Кодекса, ориентированной на баланс публичных интересов и прав личности, что позволит повысить качество правоприменения и укрепить доверие к институту административной ответственности в Российской Федерации.

Список использованных источников:

1. Почему так важно не спешить с реформой КоАП? // Комментарий для журнала «Закон»2019.URL:https://zakon.ru/blog/2019/7/30/pochemu_tak_vazhno_ne_speshit_s_reformoj_koap__kommentarij_dlya_zhurnala_zakon /(дата обращения 23.03.2026) – Текст: электронный.
2. Федеральный закон от 07.04.2025 N 59-ФЗ "О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях" – 2025. - URL: https://www.consultant.ru/law/hotdocs/88853.html /(дата обращения 23.03.2026) – Текст: электронный.
3. Концепция нового Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях// ГАРАНТ: [сайт]. – 2019. - URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72165640/(дата обращения 23.03.2026) – Текст: электронный.
4. **«Концепция нового Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях и „судьба“ административно-деликтного права: два новейших вопроса в современной правовой теории»** / Ю. Н. Старилов //[сайт]. – 2020. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptsiya-novogo-kodeksa-rossiyskoy-federatsii-ob-administrativnyh-pravonarusheniyah-i-sudba-administrativno-deliktnogo-prava: (дата обращения 23.03.2026) – Текст: электронный.
5. Вазиров А.М., Фунда Д.П. Процессуальные гарантии в административном производстве: проблемы защиты прав субъектов // Human Progress. 2025. Том 11, Вып. 1. С. 25.URL: https://cyberleninka.ru/article/n/protsessualnye-garantii-v-administrativnom-proizvodstve-problemy-zaschity-prav-subektov-predprinimatelskih-otnosheniy/viewer:. (дата обращения 23.03.2026) – Текст: электронный.
6. Основные тенденции развития административного права : учебное пособие для магистров / Ю.Б. Круглова. – Ульяновск : УлГУ, 2024. – 198 с. (дата обращения 23.03.2026) – Текст: непосредственный.
7. Минюстом России разработан проект нового Кодекса РФ об административных правонарушениях //[сайт]. – 2020.URL:https://www.consultant.ru/law/hotdocs/60590.html (дата обращения 23.03.2026) – Текст: электронный.
8. Федеральный закон от 31 июля 2025 г. N 281-ФЗ "О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях и Федеральный закон "О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях"– 2025. - URL: https://base.garant.ru/412423444/ /(дата обращения 23.03.2026) – Текст: электронный.
9. Административно-процессуальный статус физического лица - участника производства по делам об административных правонарушениях, имеющего личный интерес в деле / Е. С. Герман //[сайт]. – 2011. – URL: https://www.dissercat.com/content/administrativno-protsessualnyi-status-fizicheskogo-litsa-uchastnika-proizvodstva-po-delam-ob/(дата обращения 23.03.2026) – Текст: электронный.

УДК 342.9

Агуреева В.Н., Бедоева Д.Т.
обучающиеся 2 курса
Научный руководитель: Анкудинова Я.С., старший преподаватель
Крымский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации
г. Симферополь

ОСОБЕННОСТИ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОГО СТАТУСА ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ

Аннотация. В статье обсуждаются особенности административно-правового статуса прокуратуры России. Анализ основан на положениях Конституции РФ, федеральном законе «О прокуратуре Российской Федерации» и положениях КоАП. Особое внимание уделяется тому, что статус прокуратуры имеет несколько уровней — общий, специальный и персональный, а также ее иерархической структуре. Отмечается, что прокуратура занимает особое место как независимый надведомственный орган с широкими полномочиями в применении административных мер и координации работы правоохранительных органов. Акцент сделан на федеральном регулировании, разнообразии функций и контрольной роли, благодаря которым обеспечивается законность и защита прав граждан.

Ключевые слова. прокуратура, административно-правовой статус, надзор, федеральный статус, полномочия прокурора, органы государственной власти, законодательство Российской Федерации.

Abstract. The article discusses the features of the administrative and legal status of the Prosecutor's Office of Russia. The analysis is based on the Constitution of the Russian Federation, the Federal Law "On the Prosecutor's Office of the Russian Federation," and the provisions of the Code of Administrative Offenses. Special attention is given to the fact that the status of the Prosecutor's Office has several levels - general, special, and personal, as well as its hierarchical structure. It is noted that the Prosecutor's Office occupies a special place as an independent supervisory body with broad powers to apply administrative measures and coordinate the work of law enforcement agencies. The article emphasizes the federal regulation, the diversity of functions, and the supervisory role, which ensure the rule of law and protect the rights of citizens.

Keywords. Prosecutor's Office, administrative and legal status, supervision, federal status, prosecutor's powers, state authorities, legislation of the Russian Federation.

Нормативное определение статуса органов прокуратуры Российской Федерации в первую очередь определяется Конституцией Российской Федерации [1] и Федеральным законом №2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» от 17.01.1992 (далее – Закон о прокуратуре) [2].

Конституция РФ в ст. 129 закрепляет прокуратуру как единую федеральную централизованную систему органов, осуществляющих надзор за соблюдением Конституции Российской Федерации и исполнением законов, надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина, уголовное преследование в соответствии со своими полномочиями, а также выполняющих иные функции.

Помимо определения, Конституция РФ устанавливает, что полномочия, организация и порядок деятельности определяются федеральным законом. Согласно пункту «о» статьи 71 Конституции РФ, прокуратура относится к ведению РФ, что в свою очередь подчёркивает ее федеральный статус.

Говоря о Законе о прокуратуре, следует обратить внимание на то, что он детализирует функции и принципы деятельности вышеупомянутой системы органов. Так, в ст. 1 Закона закреплены основные функции, в числе которых надзор за исполнением законов, надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина, координацию деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью и так далее.

Перечисленные нормативно-правовые акты, регулирующие деятельность прокуратуры, определяют административно-правовой статус органа. Административно-правовой статус – совокупность прав и обязанностей физического или юридического лица, закрепленных за ним нормами административного права. Физические лица вступают в административно-правовые отношения в определенном административно-правовом качестве, т.е. обладают соответствующим административно-правовым статусом [3]. Прокуратура являет собой уникальную структуру, совмещающую в себе элементы как правоохранительных, так и государственных органов и именно из-за её особого места в системе государства, административно – правовой статус органа – это сложная, многоуровневая конструкция, порождающая ряд дискуссионных вопросов.

Прокуратура представляет собой самостоятельный орган, не входящий ни в одну из ветвей государственной власти, но активно взаимодействующий с каждой из них [4]. Из этого вытекает следующий парадокс – прокуратура, не являясь органом исполнительной власти, наделена полномочиями применения мер административного принуждения, что обычно является прерогативой исполнительной ветви власти. То есть прокурор воздействует на подконтрольные субъекты посредством актов реагирования. Такая форма деятельности отличает прокуратуру от органов исполнительной власти и подчеркивает ее надзорный характер. Вместе с тем заслуживает внимания вопрос о пределах реализации прокурорским работником полномочий по возбуждению дел об административным правонарушениях. В соответствии со статьей 28.4 КоАП РФ**,** прокурор обладает исключительным правом возбуждать дела об административном правонарушении, а также правом возбудить дело о любом другом административном правонарушении [5]. Однако на практике реализация данных полномочий конкретизируется приказом Генерального прокурора России от 19.02.2015 N 78 «Об организации работы по реализации полномочий прокурора в производстве по делам об административных правонарушениях». Тем самым, прокуратура, находясь вне системы ветвей власти, реализует надзорные функции через акты реагирования и обладает исключительными полномочиями по возбуждению дел об административном правонарушениях, что подчеркивает ее особый правовой статус и специфику компетенции.

Говоря об особенностях статуса, необходимо упомянуть многофункциональный характер прокурорской деятельности, который находит свое отражение в уже рассмотренной нами статье 1 Закона о прокуратуре. Деятельность органов прокуратуры первоочередно направлена на обеспечение в Российской Федерации верховенства закона, единства и укрепления законности, защиты прав и свобод человека и гражданина, а также охраняемых законом интересов общества и государства.

Еще одной особенностью статуса прокуратуры РФ является то, что прокуратура как организация отнесена к вопросам исключительного ведения Российской федерации (статья 71 Конституции РФ). Это означает, что ни субъекты, ни органы местное самоуправление не вправе определять организацию, полномочия или принципы деятельности прокуратуры. Это помогает обеспечить стабильность правового статуса прокуратуры. Изменения в ее организации и полномочиях возможны только на федеральном уровне, посредством принятия или изменения федеральных законов.

Возвращаясь к принципу иерархичности необходимо указать, то, что прокуратура имеет определённое деление по критерию уровня реализации административно-правового статуса и степени его конкретизации. Правовой статус можно фрагментировать на три части:

1. Общий статус — это статус прокуратуры как целостной системы органов.

2. Специальный статус — это статус части системы прокурорских органов, определенный в зависимости от характера выполняемых ею функций применительно к конкретной сфере общественных отношений.

3. Персональный статус - статус конкретной прокуратуры района (города), осуществляющей свою деятельность исходя в первую очередь из территориальных особенностей местности, находящейся под ее юрисдикцией [6].

Из вышесказанного вытекает еще одно деление, теперь уже по месту в системе иерархичности. По данному признаку согласно статье 11 Закона по прокуратуре принято выделять Генеральную прокуратуру Российской Федерации, прокуратуры субъектов Российской Федерации, приравненные к ним военные и другие специализированные прокуратуры, научные и образовательные организации, редакции печатных изданий, являющиеся юридическими лицами, а также прокуратуры городов и районов, другие территориальные, военные и иные специализированные прокуратуры.

Помимо органов, в структуру прокуратуры, как расширенной системы, входят и организации, что закреплено на законодательном уровне в ст. 4 Федерального закона «О прокуратуре». Этот факт также свидетельствует об особенности административно – правового статуса прокуратуры, ведь, помимо органов, непосредственно осуществляющих надзорную деятельность, в ее структуру входят и специфические организации, такие как научные и образовательные учреждения, редакции печатных изданий, являющиеся юридическими лицами. Будучи включенными в систему прокуратуры, эти учреждения также осуществляют свою деятельность в соответствии с принципами, регулирующими работа органов. При этом создается особый механизм взаимодействия и подчинения, не характерный для иных государственных органов.

Обобщая все вышесказанное, можно сделать вывод о том, что специфика статуса прокуратуры обусловлена ее особым положением в системе государственных органов. С одной стороны, прокуратура не входит ни в одну из ветвей власти, с другой напротив – наделена широкими властными полномочиями. это придает ее деятельности надведомственный характер и обеспечивает возможность эффективного контроля за соблюдением законодательства различными субъектами.

Административно-правовой статус органов прокуратуры Российской Федерации обладает рядом уникальных черт, обусловленных их особым местом в механизме государства.

Список использованных источников:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // «Российская газета». — 1993. — № 237. — С. 3–5.

2. Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-I (ред. от 29.12.2025) «О прокуратуре Российской Федерации» // «Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации». — 1992. — № 8. — Ст. 366.

3. Корбутова О. М. Понятие административно-правового статуса и применение его к должностному лицу //Инновационная наука. – 2021. – №. 11-1. – С. 86-88.

4. Елец С. А. Место прокуратуры в системе государственных органов Российской Федерации //Вестник экономики и права. – 2024. – №. 95. – С. 113-124.

5. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 29.12.2025), ст. 28.4 // «Российская газета». — 2001. — № 256. — С. 3–6.

6. Дибиров Ю. С. Особенности административно-правового статуса органов прокуратуры // Символ науки. – 2016. – № 12-3. – С. 84–86.

УДК 342.922

Алейникова В.А.
обучающаяся 2 курса
Научный руководитель: Максимов И.В., д.ю.н., профессор
ФГАОУ ВО «Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА)»,
г. Москва

ИНОАГЕНТ: ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ПОНЯТИЯ И ЕГО ТРАНСФОРМАЦИЯ.

Аннотация. В статье рассматривается эволюция понятия «иностранный агент» в российском законодательстве с 2012 по 2022 год. Автор прослеживает этапы расширения круга лиц, подпадающих под данный статус: от некоммерческих организаций до средств массовой информации, а затем и физических лиц. Особое внимание уделено расширению критериев отнесения лиц к иностранным агентам — от получения финансирования из иностранных источников до концепции «иностранного влияния», не связанной с материальной поддержкой. Освещаются правовые последствия включения в реестр иноагентов, а также судебная практика оспаривания распоряжения Минюста. Исследование включает формально-юридический метод, сравнительно-правовой анализ и правовое моделирование, позволяющие предложить пути гармонизации законодательства в данной сфере.

Ключевые слова: иностранный агент, реестр иностранных агентов, иностранное влияние, суверенитет, ограничение прав.

Abstract. The article examines the evolution of the concept of "foreign agent" in Russian legislation from 2012 to 2022. The author traces the stages of expanding the range of persons subject to this status: from non-profit organizations to mass media, and then to individuals. Special attention is paid to the expansion of the criteria for classifying individuals as foreign agents — from receiving funding from foreign sources to the concept of "foreign influence" not necessarily linked to material support. The legal consequences of being included in the register of foreign agents are highlighted, as well as judicial practice challenging orders of the Ministry of Justice. The research methodology includes the formal legal method, comparative legal analysis, and legal modeling, which make it possible to propose ways to harmonize legislation in this area.

Keywords: foreign agent, register of foreign agents, foreign influence, sovereignty, restriction of rights.

Слово «агент» имеет латинскую этимологию («agens» - лицо, действующее по поручению кого-либо; представитель организации, учреждения и т. д., выполняющий поручения). Соответственно, иностранный агент – лицо, которое совершает действия в интересах иностранного государства.

Впервые термин появился в отечественном праве в 2012 году. Тогда был принят Федеральный закон о внесении изменений в законодательство о некоммерческих организациях, предусматривающий, что сведения о юридических лицах, получающих денежные средства и иное имущество от иностранных источников и участвующих в политической деятельности на территории Российской Федерации (далее – РФ), должны быть внесены в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента. Закон также предусматривает ежеквартальное представление в уполномоченный орган документов о целях использования имущества, в том числе полученного от иностранных источников [1].

Таким образом, указанный федеральный закон был принят для установления контроля государства над политической деятельностью некоммерческих организаций, получающих финансирование из зарубежных стран. Это превентивная мера, направленная

на недопущение подрыва суверенитета страны, что доказывает положение ст. 67 Конституции РФ (Российская Федерация обеспечивает защиту своего суверенитета и территориальной целостности.) [2].

В 2017 году понятие «иноагент» было распространено на СМИ. Им признается юридическое лицо, зарегистрированное в иностранном государстве, или иностранная структура без образования юридического лица, распространяющее(ая) для неограниченного круга лиц сообщения и материалы и получающее(ая) денежные средства и (или) иное имущество от иностранных государств, их государственных органов; международных и иностранных организаций; иностранных граждан, лиц без гражданства либо уполномоченных ими лиц; российских юридических лиц, получающих имущество от указанных источников. [3] Принятие закона стало ответной мерой на признание США иноагентом компании, обслуживающей российский телеканал [4].

С 2019 года стало возможно признавать иностранным агентом физическое лицо, если оно одновременно распространяет сообщения и материалы, которые созданы и (или) распространены СМИ – иностранным агентом – и (или) участвует в создании указанных сообщений и материалов; получает имущество от иностранных государств, организаций, граждан либо от российских юридических лиц, учрежденных СМИ-иноагентами или финансируемых из-за рубежа. [5].

Первым специализированным правовым актом, объединяющим нормы, связанные с признанием лица иноагентом, стал Федеральный закон «О контроле лиц, находящихся под иностранным влиянием». Он был принят 14 июля 2022 года, спустя почти шесть месяцев с момента начала специальной военной операции.

Под иностранным агентом понимается лицо, получившее поддержку и (или) находящееся под иностранным влиянием в иных формах и осуществляющее политическую деятельность, целенаправленный сбор сведений в области военной, военно-технической деятельности Российской Федерации, распространение предназначенных для неограниченного круга лиц сообщений и материалов и (или) участие в создании таких сообщений и материалов, а также иные виды деятельности, установленные указанным законом [6, ст. 4].

Иностранные агенты при осуществлении деятельности, обозначенной выше, обязаны указывать, что она совершена таким лицом. Это правило распространяется и на субъектов права, ссылающихся на материалы иноагента. За нарушение указанного предписания предусмотрен штраф по статье 19.34 КоАП РФ: для граждан он составляет от тридцати тысяч до пятидесяти тысяч рублей; для должностных лиц - от ста тысяч до трехсот тысяч рублей; для юридических лиц - от трехсот тысяч до пятисот тысяч рублей [7]. Кроме того, Роскомнадзором будут приниматься меры по ограничению доступа к информационному ресурсу соответствующего лица [8, ст. 15.9].

В соответствии со ст. 2 указанного закона под иностранным влиянием понимается предоставление иностранным источником лицу поддержки и (или) оказание воздействия на лицо, в том числе путем принуждения, убеждения и (или) иными способами.

Поддержка предполагает предоставление лицу иностранным источником денежных средств и (или) иного имущества, а также оказание лицу помощи в иных формах.

Таким образом, законодатель расширил перечень случаев, влияющих на признание лица иноагентом. Для того чтобы попасть в их число, достаточно «иностранного влияния», которое может пониматься вне связи с материальной поддержкой из зарубежных стран.

Для предотвращения злоупотребления правом на законодательном уровне необходимо определить, что может трактоваться как иностранное влияние. С этой целью стоит выделить закрытый перечень форм иностранного влияния. Кроме того, необходимо пояснить размер материальной поддержки, достаточный для признания лица иноагентом. По буквальному толкованию норм любое, даже незначительное финансирование из зарубежа, позволяет внести лица в реестр иноагентов.

Одним из последствий признания лица иноагентом является запрет заниматься педагогической, просветительской деятельностью, производить информационную продукцию для несовершеннолетних. Следовательно, у физических лиц, признанных иноагентами, отпадает возможность работать в сфере образования даже при наличии у них соответствующего диплома.

Иностранный агент не может получать имущественную поддержку от государства, принимать участие в закупках товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд. Иностранные агенты обязаны получать предварительное согласие Правительственной комиссии на совершение сделки, влекущей к приобретению от 5% до 25% акций в организации, имеющей стратегическое значение для обеспечения обороны страны и безопасности государства [9]. Перечень стратегически важных предприятий содержится в указе Президента [10]. Следовательно, ограничение прав иностранных агентов связано с государственными ресурсами и стратегически важными активами.

Признание лица иностранным агентом осуществляется Минюстом РФ посредством внесения сведений о таком лице в соответствующий реестр [11]. Распоряжение Минюста РФ можно оспорить в судебном порядке. Так, в апелляционном определении Московского городского суда написано, что истец обратился в суд с целью признать решение Минюста незаконным, так как оно нарушает права на частную жизнь и свободу слова. Факт осуществления политической деятельности (распространение мнения о решениях органов публичной власти и проводимой ими политике) был подтвержден. Суд применил расширительное толкование понятия «иностранное влияние», связав его с участием истца в распространении сообщений и материалов иностранных агентов, предназначенных для неограниченного круга лиц. В удовлетворении иска было отказано [12].

В заключение стоит отметить, что эволюция понятия «иноагент» связана с политическими событиями в мире. С одной стороны, расширение перечня обстоятельств, по которым лицо может быть признано иностранным агентом, позволяет обеспечить общественную стабильность и защитить суверенитет страны. С другой – создает риск неоправданного умаления прав людей в случае формального толкования норм.

Список использованных источников:

5. Федеральный закон от 20.07.2012 № 121-ФЗ (ред. от 04.06.2014) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части регулирования деятельности некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента» // «Российская газета», № 166, 23.07.2012

6. «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС «Гарант».

7. Федеральный закон от 25.11.2017 № 327-ФЗ «О внесении изменений в статьи 10.4 и 15.3 Федерального закона "Об информации, информационных технологиях и о защите информации" и статью 6 Закона Российской Федерации "О средствах массовой информации"» // «Российская газета», № 268, 27.11.2017

8. Минюст России. Реестр иностранных агентов: [сайт]. – URL: https://minjust.gov.ru/ru/events/47071/ (дата обращения: 27.03.2026)

9. Федеральный закон от 02.12.2019 № 426-ФЗ (ред. от 14.07.2022) «О внесении изменений в Закон Российской Федерации "О средствах массовой информации" и Федеральный закон "Об информации, информационных технологиях и о защите информации"» // «Российская газета», № 273, 04.12.2019.

10. Федеральный закон «О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием». // «Российская газета», № 154-155, 19.07.2022.

11. «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 23.03.2026) // «Парламентская газета», № 2-5, 05.01.2002
12. Федеральный закон от 27.07.2006 N 149-ФЗ (ред. от 29.12.2025) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»// «Парламентская газета», № 126-127, 03.08.2006.
13. Федеральный закон от 29.04.2008 N 57-ФЗ (ред. от 08.03.2026) «О порядке осуществления иностранных инвестиций в хозяйственные общества, имеющие стратегическое значение для обеспечения обороны страны и безопасности государства» // «Российская газета», № 96, 07.05.2008
14. Указ Президента РФ от 04.08.2004 № 1009 (ред. от 02.12.2025) «Об утверждении Перечня стратегических предприятий и стратегических акционерных обществ» // «Собрание законодательства РФ», 09.08.2004, № 32, ст. 3313.
15. Указ Президента РФ от 13.01.2023 № 10 (ред. от 17.09.2025) «Вопросы Министерства юстиции Российской Федерации» (вместе с «Положением о Министерстве юстиции Российской Федерации») // «Собрание законодательства РФ», 16.01.2023, № 3, ст. 553.
16. Апелляционное определение Московского городского суда от 12.12.2025 по делу № 33а-8491/2025 (УИД 77RS0007-02-2025-009644-05) Категория: Споры с Минюстом России. // СПС «Консультант Плюс».

УДК 342.9

Богданова А.О.
обучающаяся 2 курса
Научный руководитель: Асанова Л.В., к.ю.н., доцент
Институт «Таврическая академия»
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»,
г. Симферополь

АДМИНИСТРАТИВНАЯ ЮСТИЦИЯ В РОССИИ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Аннотация. В статье рассматривается современное состояние системы административной юстиции в Российской Федерации, ее роль в механизме защиты прав и свобод граждан. Особое внимание уделяется перспективам развития и совершенствования нормативно-правового регулирования административной юстиции.

Ключевые слова: административная юстиция, права граждан, правосудие, судебная система, эффективность судебного процесса.

Annotation. The article examines the current state of the administrative justice system in the Russian Federation and its role in protecting the rights and freedoms of citizens. Special attention is paid to the prospects for developing and improving the legal regulation of administrative justice.

Keywords: administrative justice, citizens' rights, justice, judicial system, and the effectiveness of the judicial process.

Становление и развитие административной юстиции является одной из важных частей правовой системы государства. В Российской Федерации данный институт прошел длительный и сложный путь эволюции, главным событием которого стало принятие в 2015 году Кодекса административного судопроизводства [1]. Этот шаг ознаменовал формальное завершение процесса обособления административного судопроизводства от уголовного, гражданского и арбитражного, создав специализированную процессуальную основу для разрешения споров между гражданами (организациями) и органами публичной власти.

Процесс развития административной юстиции в России начался с конца XIX – начала XX века. В этот период была проведена судебная реформа Александра II, которая стала важным этапом на пути становления института административной юстиции. Данная реформа в основном уделяла внимание совершенствованию уголовного и гражданского судопроизводства, однако благодаря судебной реформе стали складываться и элементы административного судопроизводства. Так, были созданы земские суды, которые иногда рассматривали административные вопросы.

После октябрьской революции в России были проведены значительные реформы в системе административной юстиции. Так, были созданы новые органы административной юстиции, которые были направлены на обеспечение правовой защиты граждан от произвольных действий государства. Однако реальные шаги были предприняты лишь в постсоветский период. Долгое время разрешение публично-правовых споров осуществлялось в рамках гражданского судопроизводства (глава 25 ГПК РСФСР), что не учитывало специфику данных правоотношений и, в частности, неравенство сторон [2].

Важным этапом развития административной юстиции является принятие Конституции Российской Федерации. Наиболее полно концепция отдельного административного судопроизводства закреплена в статье 118 Конституции РФ, которая гласит, что судебная власть осуществляется посредством конституционного, гражданского, арбитражного, административного и уголовного судопроизводства. Опираясь на эту статью, многие ученые говорят о несоблюдении Конституции РФ в этой части.

Принятие КАС РФ стало еще одним важным шагом, который законодательно закрепил следующие принципы: активную роль суда, возложение бремени доказывания законности оспариваемого решения на административный орган.

Однако в отечественной доктрине сохраняются споры о концептуальных основах дальнейшего развития. Одна группа ученых, возглавляемая Ю.Н. Стариловым, настаивает на необходимости создания полностью обособленной системы специализированных административных судов, по аналогии с арбитражной системой, что обеспечило бы максимальную специализацию судей и единство практики [3, с.360-372]. Другие исследователи, придерживаются мнения, выдвинутого в свое время Н.Г. Салищевой, полагая, что на данном этапе достаточно специализации судей и составов в рамках существующих судов общей юрисдикции, что менее затратно и не требует кардинальной перестройки судебной системы [4, с.22-34].

Стоит упомянуть, что современный институт административной юстиции охватывает несколько нерешенных проблем.

Одним из ключевых и до сих пор не до конца решенных вопросов является проблема разграничения юрисдикции. Несмотря на попытки законодателя и разъяснения Верховного Суда РФ, на практике суды часто сталкиваются с трудностями в определении, подлежит ли спор рассмотрению в порядке административного, гражданского или арбитражного судопроизводства. Особенно это касается дел, связанных с экономическими спорами, где присутствует публичный элемент. Так, Верховный Суд РФ в кассационном определении указал, что оспаривание действий судебного пристава-исполнителя, даже если они связаны с исполнением решения по гражданскому делу, осуществляется по правилам КАС РФ, то есть в порядке административного судопроизводства, а не ГПК РФ [5]. Исходя из этого, основным критерием разграничения должен стать характер спорного правоотношения: если оно основано на властном подчинении одной стороны другой (публично-правовое отношение), спор должен рассматриваться по правилам КАС РФ, независимо от экономического содержания требований.

Вторым важным направлением решения проблемы является усиление принципа активной роли суда. Статья 63 КАС РФ возлагает на суд обязанность по содействию в сборе доказательств, однако на практике судьи часто занимают пассивную позицию, характерную для гражданского процесса, перекладывая все бремя доказывания на административного истца [6]. С нашей точки зрения необходимо внести изменения в КАС РФ, которые бы более

императивно обязывали суд по собственной инициативе истребовать все необходимые для правильного разрешения дела доказательства у административного ответчика. Можно предусмотреть механизм судебных запросов с установлением коротких сроков для их исполнения и введением более строгой ответственности должностных лиц за неисполнение требований суда. Например, установить в КоАП РФ специальный состав за непредставление доказательств по запросу суда в рамках административного дела, с повышенными штрафами.

Кроме того, важным направлением является обеспечение реального исполнения судебных решений, вынесенных против органов публичной власти. Проблема неисполнения или несвоевременного исполнения таких решений является одной из наиболее острых. Действующий механизм судебного контроля за исполнением (глава 38 КАС РФ) работает недостаточно эффективно. Представляется перспективным совершенствование механизмов исполнения судебных решений в части введения дополнительных гарантий своевременного исполнения, в том числе путем закрепления за судом права на применение процедуры бесспорного списания денежных средств со счетов органа власти или вышестоящего распорядителя бюджетных средств в случаях длительного неисполнения судебного акта. Важно упомянуть, что в долгосрочной перспективе следует вернуться к вопросу о создании самостоятельной системы федеральных административных судов. Этот шаг, хоть и затратный, является логическим завершением процесса институционализации административной юстиции и позволит обеспечить максимальную специализацию и независимость судей.

Таким образом, реализация предложенных мер позволит не только повысить эффективность административного судопроизводства, но и положительно повлияет на правовую систему страны в целом. Построение полноценного и эффективно функционирующего института административной юстиции является важной задачей для реального обеспечения в Российской Федерации принципов правового государства.

Список использованных источников:

1. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ (ред. от 29.12.2025) // Собрание законодательства РФ. 2015. № 10. Ст. 1391.

2. Панова, Инна Викторовна. Административно-процессуальное право России: Монография / И. В. Панова. - 4, пересмотр. - Москва: ООО "Юридическое издательство Норма"; Москва: ООО "Научно-издательский центр ИНФРА-М", 2016. - 288 с. - ISBN 978-5-91768-670-7: Б. ц. - Текст: непосредственный.

3.Соловей Ю.П. К ЗАВЕРШЕНИЮ ДИСКУССИИ О ПОНИМАНИИ АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРОЦЕССА // Сибирское юридическое обозрение. 2021. №3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/k-zaversheniyu-diskussii-o-ponimanii-administrativnogo-protsessa (дата обращения: 16.03.2026).

4. Салищева Надежда, Абросимова Елена Б. СУДЕБНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ АДМИНИСТРАТИВНОЙ РЕФОРМЫ, ИЛИ ВНОВЬ ОБ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ЮСТИЦИИ // СКО. 2008. №5 (66). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sudebnoe-obespechenie-administrativnoy-reformy-ili-vnov-ob-administrativnoy-yustitsii(дата обращения: 16.03.2026).

5. Кассационное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда РФ от 18.04.2018 № 14-КГ18-1 //https://legalacts.ru/sud/kassatsionnoe-opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-18042018-n-14-kg18-1 (дата обращения: 28.03.2026).

6. Бородин, С. С. Совершенствование полномочий суда в административном судопроизводстве / С. С. Бородин. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2021. — № 14 (356). — С. 176-178. — URL: https://moluch.ru/archive/356/79624.

УДК 349.412.44

Ибрагимов Э. Р.
обучающийся 2 курса магистратуры
Научный руководитель: Шевченко В.И., к.ф.н., доцент
Институт «Таврическая академия»
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»,
г. Симферополь

ДИНАМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПРАВОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ КАК МЕХАНИЗМ РАЗРЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ ПРЕКРАЩЕНИЯ ПРАВ НА НЕИСПОЛЬЗУЕМЫЕ ЗЕМЕЛЬНЫЕ УЧАСТКИ

Аннотация. С 1 сентября 2025 г. существует критерий, по которому земельный участок признаётся как неиспользуемый. Данная мера была введена, чтобы оптимизировать пользование землёй как объектами природных ресурсов и вещного права. Законодатель вводя классификатор, установленный Постановление Правительства Российской Федерации от 31.05.2025 № 826, с целью рационального и целевого использования земельного участка. Чтобы предугадать возможные негативные последствия обратимся к динамическому аспекту правовой реальности, чтобы через призму философии права понять как данные изменения могут повлиять на земельные правоотношения в российской правовой действительности.

Ключевые слова: онтология, философия права, правовая реальность, динамический аспект. Ограничение прав, земельные участки.

Abstract:. Since 1 September 2025 a set of criteria has been in force under which a land plot may be formally classified as “unused.” This measure was introduced in order to optimize the use of land both as a natural resource and as an object of property rights. By adopting the classifier established by Government Decree of the Russian Federation No. 826 of 31 May 2025, the legislature seeks to ensure the rational and purposive use of land plots. To anticipate potential adverse consequences of these changes, it is necessary to appeal to the dynamic aspect of legal reality and, through the prism of the philosophy of law, to explore how these amendments may affect land relations within the Russian legal order.

Keywords: ontology, philosophy of law, legal reality, dynamic aspect, limitation of rights, land plots.

Право частной собственности на землю традиционно рассматривается как одно из ключевых правомочий собственника: владеть, пользоваться и распоряжаться. Однако в современной правовой действительности оно не является абсолютным. Наиболее показательно это проявляется в таком правовом институте как изъятие земельного участка за его неиспользование по целевому назначению. Именно здесь отчетливо проявляется динамический аспект правовой реальности: право собственности и его пределы формируются и изменяются во времени под воздействием поведения частного субъекта и удовлетворения публичных интересов.

Нормативной основой для изъятия земельного участка за неиспользование выступают положения Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ) и земельного законодательства в лице Земельного кодекса РФ (далее – ЗК РФ). Ст. 284 ГК РФ допускает возможность изъятия земельных участков, предназначенных для сельскохозяйственного использования либо жилищного и иного строительства, в случае их неиспользования по назначению в течение установленного срока, как правило, трех лет, с учетом исключительных обстоятельств, таких как период освоения земель или стихийные бедствия. Ст. 285 ГК РФ закрепляет возможность изъятия при использовании земельного участка с нарушением требований закона, включая нецелевое использование, существенное

снижение плодородия почв и причинение вреда окружающей среде [1]. Постановление Правительства Российской Федерации от 31.05.2025 № 826 "Об установлении признаков неиспользования земельных участков из состава земель населенных пунктов, садовых земельных участков и огородных земельных участков" конкретизирует критерии неиспользования и ненадлежащего использования, а также процедуры и сроки, по истечении которых возможно обращение в суд с требованием о принудительном прекращении права [3].

С точки зрения динамического аспекта правовой реальности, важен не столько сам факт существования ограничений, сколько процесс их «развертывания» во времени. Право собственности возникает в относительно полном объеме, но его сохранение обусловлено надлежащим осуществлением правомочий: собственник обязан использовать участок по целевому назначению, соблюдать требования рационального землепользования и охраны окружающей среды. При систематическом неиспользовании либо нарушении установленных требований право собственности постепенно утрачивает свою устойчивость, переходя из состояния максимально гарантированного субъективного права в состояние риска прекращения.

Механизм изъятия земельного участка за неиспользование носит поэтапный характер и наглядно демонстрирует динамику правового статуса собственника. На первоначальном этапе путем мероприятий государственного земельного надзора фиксируется факт неиспользования земельного участка либо его использования с нарушением требований закона. Согласно положению п. 5 ст. 71 ЗК РФ должностные лица органов государственного земельного надзора, уполномоченные на осуществление государственного земельного надзора (далее - должностное лицо, уполномоченное на осуществление государственного земельного надзора), в случае выявления при проведении контрольного (надзорного) мероприятия нарушений обязательных требований к использованию и охране объектов земельных отношений после оформления акта контрольного (надзорного) мероприятия выдают контролируемому лицу предписание об устранении выявленных нарушений обязательных требований с указанием срока их устранения.

В соответствии с п. 6 ст. 71 ЗК РФ, в случае неустранения в установленный срок нарушений, указанных в предписании, предусмотренном п. 5 вышеуказанной статьи, орган государственного земельного надзора, выдавший такое предписание, не позднее тридцати дней со дня вступления в законную силу постановления по делу об административном правонарушении, связанном с неисполнением такого предписания, информирует о его неисполнении с приложением соответствующих документов [2].

Далее происходит отсчет установленных сроков неиспользования, как правило, трехлетнего периода для земель сельскохозяйственного назначения и одного года для участков, предоставленных для строительства, если на земельном участке заметят хлам, отсутствие забора, заросли сорняков, с возможностью исключения времени, в течение которого использование было объективно невозможно. Собственнику может выдаваться предписание об устранении нарушений, за неисполнение которого наступает административная ответственность в форме штрафа. Если нарушения не устранены, уполномоченный орган обращается в суд с иском о принудительном прекращении права собственности и продаже участка с публичных торгов. Вырученные средства возвращаются прежнему собственнику за вычетом расходов, связанных с изъятием и реализацией.

Изменения законодательства последних лет усиливают динамический компонент правового регулирования в рассматриваемой сфере. Уточняются и конкретизируются признаки неиспользования земельного участка: захламление территории, зарастание сорной растительностью, отсутствие объектов капитального строительства на участках, предоставленных для индивидуального жилищного строительства, и другие внешние признаки заброшенности. Упрощаются процедурные механизмы инициирования прекращения права на неиспользуемые участки, в том числе за счет сокращения числа

обязательных согласований и перераспределения полномочий между органами власти. Тем самым меняется не только содержание прав и обязанностей собственника, но и сама конфигурация правового поля, в котором он действует: усиливается акцент на социальной функции собственности и на необходимости фактического использования земли как особого, ограниченного ресурса [4].

В доктрине институт изъятия земли за нецелевое использование рассматривается не только как мера ответственности, но и как инструмент обеспечения публичных интересов. Земля выступает не просто объектом частного оборота, но и основой сельскохозяйственного производства, пространственной организации территории, экологической безопасности. Поэтому длительное неиспользование участка либо его использование способами, противоречащими требованиям рационального землепользования, оценивается как нарушение баланса между частными и публичными интересами. В этой связи обсуждается и проблема так называемого фактического изъятия земельных участков для публичных нужд, когда органы власти или иные субъекты де-факто лишают собственника возможности пользоваться участком без соблюдения установленной законом процедуры и без предоставления справедливой компенсации [5]. Сравнивая между собой правомерное изъятие земельного участка за неиспользование, основанного на последовательной и прозрачной процедуре, с фактическим изъятием подчеркивает значимость процедурных гарантий как части динамической правовой реальности.

Таким образом, динамический аспект правовой реальности в контексте правового ограничения права собственности на землю проявляется в нескольких взаимосвязанных плоскостях:

1) в изменчивости содержания права собственности, зависящей от фактического поведения собственника и его соответствия целям и условиям предоставления участка.

2) в поэтапности правового механизма изъятия, превращающего статичное субъективное право в элемент процесса, подверженного юридическим трансформациям.

3) в эволюции законодательных подходов, усиливающих требования к использованию земли и конкретизирующих основания вмешательства государства. В-четвертых, в доктринальной рефлексии, раскрывающей изъятие за неиспользование как способ достижения баланса частных и публичных интересов при сохранении принципов стабильности гражданского оборота и справедливой компенсации.

В данной перспективе изъятие земельного участка за неиспользование можно рассматривать как правовой механизм, в котором динамическая правовая реальность выступает одновременно и средством, и результатом разрешения проблемы допустимых пределов ограничения права собственности на землю.

Список использованных источников:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федеральный закон Российской Федерации от 30 ноября 1994 года № 51 – ФЗ : [Принят Государственной Думой 21 октября 1994 года] : сайт – КонсультантПлюс, 2011 – . – URL https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/?ysclid=mltgkqjb7y56775259 (дата обращения: 19.02.2026). – Режим доступа : открытый. – Текст : электронный.

2. Земельный кодекс Российской Федерации : [Федеральный закон № 136 от 25.10.2001; ред. от 25.12.2023 г.] : сайт – КонсультантПлюс, 2011 – . – URL https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_33773/?ysclid=ls1zpkqunp99829332 (дата обращения: 19.02.2026) – Режим доступа : открытый. – Текст : электронный.

3. Постановление Правительства Российской Федерации от 31.05.2025 № 826 "Об установлении признаков неиспользования земельных участков из состава земель населенных пунктов, садовых земельных участков и огородных земельных участков" : сайт – Официальное опубликование правовых актов, 2025 – . – URL

http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202506020049?ysclid=mltf52qlu6103629686&index=3 (дата обращения: 19.02.2026). – Режим доступа : открытый. – Текст : электронный.

4. Балашов Д. Прекращение прав на неиспользуемые земельные участки (изъятие земельных участков) / Д. Балашов : сайт – Гарант, 2025 – . – URL https://www.garant.ru/consult/civil_law/1796208/?ysclid=mltex1zltm669372415 (дата обращения: 19.02.2026). – Режим доступа : открытый. – Текст : электронный.

5. Лиманская А. П. Изъятия земельных участков в связи с их неиспользованием и использованием с нарушением законодательства / А. П. Лиманская : сайт – Cyberleninka, 2024 – . – URL https://cyberleninka.ru/article/n/izyatiya-zemelnyh-uchastkov-v-svyazi-s-ih-neispolzovaniem-i-ispolzovaniem-s-narusheniem-zakonodatelstva (дата обращения: 19.02.2026). – Режим доступа : открытый. – Текст : электронный.

УДК 340.12

Катренко А.И.
обучающийся 2 курса магистратуры
Научный руководитель: Лукашева Н.Н., к.ю.н., доцент
Институт «Таврическая академия»
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»,
г. Симферополь

МЕДИАЦИЯ КАК ОСНОВА ЛЕГИТИМНОСТИ ПРАВА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ И ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ В ПУБЛИЧНОЙ И ЧАСТНОЙ СФЕРАХ

Аннотация. В статье рассматривается медиация как основа легитимности права, анализируя её теоретические основания и процессуальные аспекты в публичной и частной сферах. Авторы подчёркивают, что медиация, как социальный и правовой институт, способствует преодолению отчуждения граждан от правовой системы и обеспечивает признание личности в коллективных субъектах. Особое внимание уделяется необходимости антипозитивистского подхода, интегрирующего современные теории права, такие как коммуникативная теория Юргена Хабермаса и концепции делиберативной демократии. В работе также раскрывается роль медиации в гражданском процессе как механизма повышения эффективности судопроизводства и обеспечения легитимности решений через добровольный консенсус.

Ключевые слова: медиация, легитимность права, делиберативная демократия, коммуникативная теория, альтернативное разрешение споров.

Abstract. The article explores mediation as a foundation for the legitimacy of law, analyzing its theoretical foundations and procedural aspects in both public and private spheres. The authors emphasize that mediation, as a social and legal institution, helps overcome the alienation of citizens from the legal system and ensures the recognition of individuals within collective entities. Special attention is given to the need for an anti-positivist approach that integrates modern legal theories, such as Jürgen Habermas's communicative theory and the concepts of deliberative democracy. The paper also examines the role of mediation in civil proceedings as a mechanism for improving judicial efficiency and ensuring the legitimacy of decisions through voluntary consensus.

Keywords: mediation, legitimacy of law, deliberative democracy, communicative theory, alternative dispute resolution.

В современном обществе легитимность права не может быть гарантирована исключительно через парламентские дискуссии. Демократическое участие должно простираться за рамки формальных институтов и охватывать структуры гражданского

общества, включая не только вовлеченность граждан в правотворчество, но и в правоприменение. Необходимость преодоления отчуждения граждан от правовой системы, обеспечения признания личности коллективными субъектами обусловливает широкое распространение консенсуальных процедур, ориентированных на активное участие граждан. Особое место среди них занимает медиация, которая в отечественной юриспруденции приобрела значительную популярность в последние десятилетия.

В настоящее время медиация признается как социальный, так и правовой институт, что позволяет анализировать ее в контексте вопросов легитимности права. Согласно преобладающему мнению в российской науке, медиация, рассматриваемая как деятельность по урегулированию конфликтов, представляет собой сферу общественной жизни, регулируемую социальными нормами, и может быть квалифицирована как социальный и правовой институт.

Термин "медиация" происходит от латинского "mediare" – "посредничать". В правовой доктрине выделяются различные аспекты понимания медиации, как подчеркивают отечественные исследователи А.С. Мордовец и М.А. Фастова, включая шесть ключевых интерпретаций:

1. Как способ разрешения разногласий, когда стороны не достигают консенсуса самостоятельно, тем самым прибегают к участию нейтральной третьей стороны;
2. Как средство мирного урегулирования споров, в том числе в международном праве, через переговоры с посредником;
3. Как процедура – добровольная, неформальная и конфиденциальная, где квалифицированный нейтральный посредник (медиатор) содействует сторонам в достижении согласованного решения, сохраняя контроль за исходом за самими участниками;
4. Как форма вмешательства третьей стороны в конфликт, сочетаемая с другими механизмами, такими как примирение или арбитраж;
5. Как процесс оптимизации поиска компромисса между конфликтующими сторонами с участием нейтрального медиатора;
6. Как роль незаинтересованного лица (посредника), путем проведения переговоров и способствующего достижению соглашения, выступая альтернативным методом разрешения споров в гуманном гражданском обществе [1].

Институт посредничества известен с античных времен (Древняя Греция, Древний Китай) и был распространен в средневековой Европе, однако современная медиация как альтернатива судебным процедурам формируется в середине XX века, преимущественно в англо-саксонской правовой семье [2]. Термин "медиация" впервые используется в 1947 году в названии Федеральной службы медиации и примирения США (Federal Mediation and Conciliation Service) [3]. В 1970-х годах наблюдается интенсивное развитие медиации в Северной Америке и Западной Европе, где она интегрируется в правовые системы как ключевой институт. Таким образом, актуальные факторы развития медиации требуют анализа с позиций теории государства и права.

После закрепления альтернативных способов разрешения споров в российском законодательстве, темы восстановительного правосудия, посредничества и примирительных процедур стали предметом обширных научных публикаций. Однако был достигнут значительный пробел в теоретическом обосновании медиации с позиций общей теории права, обусловленный доминированием юридического позитивизма, который подчеркивает всесилие государства как источника права и исключает равноправное участие граждан. Этатистская модель права как инструмента государственной власти, унаследованная от советского периода, согласно позиции А.Я. Вышинского, затрудняет интеграцию медиации в отечественную теорию права [4]. Медиация выступает необходимым механизмом обеспечения доверия к правовой системе и легитимности права в современном обществе. Философия права, способная обосновать ее сущность, должна исходить из потребности в дискуссии равных субъектов. Следовательно, неспособность

отечественных теоретиков права обосновать медиацию коренится в позитивизме, адекватная теория должна быть антипозитивистской, признающей равенство и демократическое участие граждан в правоприменении. В зарубежной философии права это отражено в коммуникативной теории Ю. Хабермаса и концепциях делиберативной демократии, подчеркивающих необходимость демократических обсуждений за пределами парламентаризма [5].

Для научного понимания медиации требуется антипозитивистский подход, интегрирующий современную социологию и философию. Обоснование медиации в обществе модерна, ее распространение во второй половине XX века, объясняется потребностью в признании личности и проблемами делегирования воли представителям, как утверждает А. Хоннет [6]. Современное индустриальное общество ослабляет традиционные связи, вызывая отчуждение и требует новых форм солидарности, о чем говорил М. Вебер [7]. Рациональное право модерна, отходя от этических оснований, нуждается в демократическом участии для легитимации. Формирование социального государства усиливает юридификацию, расширяя позитивное право на сферы, ранее регулируемые моралью, что разрушает консенсуальные механизмы и провоцирует кризис легитимности. В ответ возникают общественные движения, замещающие утраченные связи, хотя не все они демократичны. Медиация поддерживает консенсус, как подчеркивает Хабермас в теории коммуникативного действия, реализуя делиберативную демократию [5]. Это лежит в основе идей Н. Кристи о "конфликтах как собственности" и развитии восстановительного правосудия.

Как отмечает Н. Кристи, в правовой мысли медиация ассоциируется с формальным равенством, делиберативной демократией и коммуникативной теорией [8]. Обоснование ее необходимости возможно лишь с непозитивистских позиций. В российской науке это прежде всего отражено в работах А.В. Полякова, направленных на определение коммуникативной теории и сопоставлении с либертарной теории, где подчеркивается участие граждан как соавторов права [2].

С точки зрения гражданского процесса, раскрытие медиации приобретает особую актуальность, поскольку она служит механизмом повышения эффективности судопроизводства, снижения нагрузки на суды и обеспечения легитимности решений через добровольный консенсус. В Гражданском процессуальном кодексе РФ (далее - ГПК РФ) медиация закреплена как одна из примирительных процедур. Согласно ч. 1 ст. 153.5 ГПК РФ, стороны вправе урегулировать спор путем проведения процедуры медиации в порядке, установленном настоящим Кодексом и федеральным законом. Суд может способствовать примирению (ст. 153.1), вправе приостанавливать производство по делу на срок проведения медиации (ст. 153.5 ГПК РФ), утверждать медиативное соглашение как мировое (ст. 153.10 ГПК РФ) [9]. Необходимость раскрытия медиации в гражданском процессе обусловлена кризисом перегрузки судов. Так, согласно данным Верховного Суда Российской Федерации, в 2025 году по всем видам судопроизводства рассмотрено свыше 34 млн дел, малая часть из которых были разрешены внесудебно [10]. Обобщая, медиация усиливает легитимность, минимизируя принуждение и повышая удовлетворенность сторон.

В России медиация привлекает всё больше внимания со стороны законодателя. Законопроект № 290871-7 предлагал профессионализацию медиаторов, обязательное членство в саморегулируемых организациях, расширение предмета (семейные, трудовые споры), досудебный порядок и исключение сроков медиации из процессуальных [11]. Однако он не был принят, институт регулируется Федеральным законом "Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)" от 27.07.2010 N 193-ФЗ [12].

Тем не менее, обоснование медиации с позиций современных теорий права позиционирует ее как неизбежный элемент эволюции общества, реализующий потребность в участии негосударственных субъектов в правоприменении. Непозитивистские подходы (коммуникативная и либертарная теории) предоставляют методологическую основу для

понимания консенсуальных практик, подчеркивая формальное равенство и демократическое участие как условия легитимности. В гражданском процессе раскрытие медиации необходимо для баланса эффективности и справедливости, с учетом текущих реформ, усиливающих ее роль.

Список использованных источников:

1. А.С. Мордовец, М. А. Фастова. Медиация: теоретико-правовое исследование учебное пособие // Национальная электронная библиотека URL: https://rusneb.ru/catalog/000200_000018_RU_NLR_BIBL_A_010711535/ (дата обращения: 08.03.2026).
2. Поляков Андрей Васильевич. Коммуникативная концепция права (генезис и теоретико-правовое обоснование) Автореф. дис. на соиск. учен. степ. д.ю.н. Спец. 12.00.01 // Национальная электронная библиотека URL: https://rusneb.ru/catalog/000200_000018_RU_NLR_bibl_525417/ (дата обращения: 08.03.2026).
3. Taft-Hartley Act, 1947 (Labor Management Relations Act) // National Labor Relations Board. Official history and text. URL: https://www.nlrb.gov/about-nlrb/who-we-are/our-history/1947-taft-hartley-substantive-provisions (дата обращения: 09.03.2026)
4. АН СССР. Институт права им. А.Я. Вышинского Теория государства и права: Учебное пособие для юрид. высш. учебн. завед // Национальная электронная библиотека URL: https://rusneb.ru/catalog/000201_000010_BJVVV1088254/ (дата обращения: 08.03.2026).
5. Хабермас, Юрген. Теория коммуникативной деятельности // РОССИЙСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ БИБЛИОТЕКА URL: https://search.rsl.ru/ru/record/01011173004 (дата обращения: 08.03.2026).
6. «Борьба за признание». Идея признания в социально-критической теории А.Хоннета // ACADEMIA URL: https://clc.li/heKiI (дата обращения: 08.03.2026).
7. Вебер М. Избранные произведения // Национальная электронная библиотека URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_001582883/?ysclid=mmjk2lipbg447908585 (дата обращения: 08.03.2026).
8. Нильс Кристи. Конфликты как собственность // Национальная электронная библиотека URL: https://rusneb.ru/catalog/000200_000018_RU_NLR_bibl_1123667/?ysclid=mmjk3va1in88238253 (дата обращения: 08.03.2026).
9. Гражданский процессуальный кодекс (ГПК РФ) // СПС "Гарант" URL: https://base.garant.ru/12128809/ (дата обращения: 08.03.2026).
10. Доклад Председателя Верховного Суда Российской Федерации // Верховный Суд Российской Федерации URL: https://www.vsrf.ru/files/35517/?ysclid=mml368uhkk406915496 (дата обращения: 08.03.2026).
11. Досье на проект федерального закона N 290871-7 "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях совершенствования медиативной практики" (внесен 19.10.2017 членом СФ Л.Н. Боковой) (снят с рассмотрения) // СПС "Гарант" URL: https://base.garant.ru/71790884/ (дата обращения: 08.03.2026).
12. Федеральный закон от 27 июля 2010 г. N 193-ФЗ "Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)" (с изменениями и дополнениями) // СПС "Гарант" URL: https://base.garant.ru/12177508/ (дата обращения: 08.03.2026).

УДК 343.215

Огданец Д.В.
обучающаяся 2 курса
Научный руководитель: Асанова Л.В., к.ю.н., доцент
Таврическая академия ФГАОУ ВО
«Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского»
Юридический факультет

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЙ СТАТУС САМОЗАНЯТЫХ ГРАЖДАН: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена необходимостью устранения правовой неопределенности административно-правового статуса самозанятых граждан в условиях цифровизации и трансформации форм занятости. Цель работы – выявление коллизий в правовом регулировании (отсутствие дефиниции в КоАП РФ, противоречивая практика привлечения к ответственности, проблемы цифрового контроля) и разработка предложений по их устранению. На основе анализа судебной практики и зарубежного опыта обоснованы направления совершенствования законодательства: закрепление понятия «самозанятый» в КоАП РФ, дифференциация административной ответственности, корректировка ГК РФ, развитие цифровых механизмов обжалования.

*Ключевые слова**:** самозанятые, административно-правовой статус, налог на профессиональный доход, цифровизация, административная ответственность.*

*Abstract**.** The relevance of the study is due to the need to eliminate legal uncertainty in the administrative and legal status of self-employed citizens in the context of digitalization and transformation of forms of employment. The purpose of the work is to identify conflicts in legal regulation (the absence of a definition in the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation, contradictory practice of bringing to liability, problems of digital control) and to develop proposals for their elimination. Based on the analysis of judicial practice and foreign experience, directions for improving legislation are substantiated: consolidation of the concept of "self-employed" in the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation, differentiation of administrative liability, amendment of the Civil Code of the Russian Federation, development of digital appeal mechanisms.*

Keywords: self-employed, administrative and legal status, tax on professional income, digitalization, administrative liability.

Институт самозанятости является одним из наиболее динамично развивающихся феноменов современного административного права, поскольку его становление и реализация отражают процесс адаптации публично-правового регулирования к вызовам цифровой экономики и трансформации форм занятости. Появление специального налогового режима «Налог на профессиональный доход», введенного Федеральным законом № 422-ФЗ, стало ответом государства на необходимость легализации широкого круга лиц, осуществляющих самостоятельную деятельность без образования юридического лица. Однако административно-правовой статус самозанятых граждан до настоящего времени остается неурегулированным в части определения их места в системе субъектов административной ответственности, порядка осуществления контрольной деятельности, а также соотношения публично-правовых обязанностей с предоставленными законом преференциями [1].

Основополагающее значение для понимания природы административно-правового статуса самозанятых имеет его нормативное закрепление в Федеральном законе от 27.11.2018 № 422-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход» (далее – Закон № 422-ФЗ). В

соответствии с данным законом, самозанятые граждане определяются как физические лица, перешедшие на специальный налоговый режим, которые обязаны вести учет доходов в мобильном приложении «Мой налог», уплачивать налог по льготным ставкам (4% при реализации товаров физическим лицам, 6% – юридическим лицам) и не вправе привлекать наемных работников [1]. Законодатель намеренно отказался от отнесения самозанятых к индивидуальным предпринимателям, что позволило снизить административную нагрузку (отсутствие отчетности, контрольно-кассовой техники, фиксированных страховых взносов), но одновременно породило правовую неопределенность в вопросах применения мер административной ответственности.

Ключевой проблемой является то, что отсутствие статуса индивидуального предпринимателя не освобождает гражданина от административной ответственности за осуществление незаконной предпринимательской деятельности (ст. 14.1 КоАП РФ). На практике возникает ситуация, при которой лицо, добросовестно уплачивающее налог на профессиональный доход, может быть привлечено к административной ответственности, если налоговый орган или суд сочтут, что его деятельность выходит за рамки разрешенных для самозанятых видов, либо если правоохранительные органы переквалифицируют отношения с заказчиками как трудовые. Данная коллизия свидетельствует о размывании границ между публично-правовыми режимами и отсутствии четкой дефиниции самозанятого как специального субъекта административного права.

Анализ судебной практики последних лет позволяет выделить еще одну проблему – противоречивый подход к квалификации самозанятых в качестве носителей публично-правовых обязанностей. Так, в вопросе привлечения к административной ответственности по ст. 15.27 КоАП РФ (противодействие легализации доходов) суды не имеют единой позиции: одни полагают, что самозанятые, получающие крупные суммы, подпадают под требования о внутреннем контроле, другие – исключают их из субъектного состава данной нормы. Аналогичные сложности возникают при применении положений Федерального закона № 54-ФЗ о контрольно-кассовой технике: формально самозанятые освобождены от ее использования, однако при проверках налоговые органы нередко указывают на необходимость выдачи чека по требованию покупателя, что вступает в противоречие с императивными нормами [2, с. 45].

Особого внимания заслуживает вопрос о соотношении административной и финансовой ответственности самозанятых. Закон № 422-ФЗ устанавливает щадящие размеры штрафов за налоговые правонарушения (20% от суммы неуплаченного налога при отсутствии умысла), однако за административные правонарушения, не связанные с неуплатой налогов, самозанятые несут ответственность на общих основаниях как физические лица. Это порождает ситуацию, при которой гражданин, легализовавший свою деятельность и добросовестно уплачивающий налоги, может быть подвергнут административному штрафу в размере, многократно превышающем сумму налоговых обязательств, например, за осуществление деятельности без государственной регистрации в качестве ИП, если вид деятельности формально требует такой регистрации. Правоприменительная практика в этой сфере остается противоречивой, а разъяснения Верховного Суда РФ носят рекомендательный характер [3, с. 18].

Одним из фундаментальных изменений, происходящих в сфере административного регулирования самозанятости, является трансформация контрольной (надзорной) функции государства. Классическая модель административного надзора, основанная на плановых проверках, уступает место «цифровому надзору». В отношении самозанятых государство фактически отказалось от традиционных инструментов административного принуждения (выездные проверки) в пользу автоматизированного мониторинга через мобильное приложение «Мой налог» и взаимодействие с банками. С одной стороны, это снижает административное давление и соответствует принципам оптимизации контрольно-надзорной деятельности. С другой стороны, это порождает проблему процессуальных гарантий: автоматическая блокировка счетов или начисление штрафов на основе

алгоритмов лишают гражданина права на непосредственный диалог с контролирующим органом на ранних этапах. Происходит трансформация базовой категории «административный процесс»: она обретает черты цифрового юрисдикционного производства, где роль человеческого фактора минимизирована, а решения, принимаемые автоматизированными системами, не всегда подлежат оперативному обжалованию в упрощенном порядке [4, с. 8].

В зарубежной практике (Франция, Германия, Италия) вопросы административно-правового статуса самозанятых решаются иначе. Статус «auto-entrepreneur» во Франции предполагает не только налоговые льготы, но и четкую административную процедуру перехода в статус индивидуального предпринимателя при превышении пороговых значений дохода, при этом административные санкции дифференцированы в зависимости от того, действует ли субъект в рамках упрощенного режима или уже вышел за его пределы. Перспективным для российской правовой системы представляется заимствование административно-правовых механизмов «эволюционного перехода», позволяющих плавно изменять правовой статус без применения штрафных санкций за несвоевременную регистрацию [5, с. 22].

Важным аспектом, требующим отдельного внимания, является отсутствие единой межведомственной позиции по вопросам квалификации деятельности самозанятых. ФНС, Роструд, Роспотребнадзор и иные контролирующие органы зачастую по-разному оценивают одни и те же правоотношения с участием самозанятых, что приводит к противоречивым предписаниям и росту судебных споров. Отсутствие координации между ведомствами порождает ситуацию, при которой гражданин, получивший положительное решение от одного органа, впоследствии привлекается к ответственности другим. Данная проблема усугубляется тем, что на уровне подзаконного регулирования до сих пор не сформированы четкие критерии разграничения деятельности самозанятого и трудовых отношений, а также критерии допустимого объема и характера деятельности для лиц, применяющих специальный налоговый режим.

Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы. Административно-правовой статус самозанятых граждан является динамично развивающейся категорией, отражающей глубинные изменения в подходах государства к регулированию экономики в условиях цифровизации. Однако существующая правовая конструкция страдает рядом недостатков: отсутствием легальной дефиниции самозанятого в КоАП РФ, коллизиями между налоговым и административным законодательством, неопределенностью процессуальных гарантий при автоматизированном контроле, отсутствием единых межведомственных подходов.

В целях совершенствования административного законодательства, по нашему мнению, представляется целесообразным реализовать следующие направления.

Во-первых, необходимо законодательное закрепление дефиниции «самозанятый» в КоАП РФ как специального субъекта административной ответственности с выделением особенностей производства по делам об административных правонарушениях (сокращенные сроки, уведомление через мобильное приложение, возможность уплаты штрафа в половинном размере в течение 10 дней). Такая дифференциация позволит учитывать специфический правовой режим данной категории лиц и исключить применение к ним санкций, ориентированных на профессиональных предпринимателей.

Во-вторых, требуется реформирование категории «административное наказание» применительно к данной группе лиц: целесообразно расширение практики предупреждений как доминирующего вида наказания за первичные правонарушения, учитывая социальную функцию данного института как механизма вовлечения граждан в легальную экономику. Введение «налоговой амнистии» для самозанятых, добровольно зарегистрировавшихся в первые годы эксперимента, показало свою эффективность; аналогичный подход может быть распространен и на административную ответственность.

В-третьих, необходимо внести изменения в статью 2 Гражданского кодекса РФ, установив, что деятельность, осуществляемая с применением специального налогового режима «Налог на профессиональный доход», не признается предпринимательской для целей административной ответственности, за исключением случаев, прямо предусмотренных федеральным законом. Это позволит устранить дуализм в правоприменении и обеспечит единообразную квалификацию деятельности самозанятых.

В-четвертых, следует усовершенствовать цифровые механизмы административного контроля, предусмотрев в мобильном приложении «Мой налог» функционал для оперативного обжалования решений, принятых в автоматическом режиме, с использованием элементов искусственного интеллекта для предварительного анализа доводов заявителя.

В-пятых, требуется создание межведомственного координационного органа (или принятие единого методического документа) для выработки единообразных подходов к оценке деятельности самозанятых органами ФНС, Роструда, Роспотребнадзора и иными контролирующими структурами, что позволит минимизировать противоречия в правоприменении и повысить предсказуемость правового статуса для граждан.

Реализация предложенных направлений позволит не только устранить существующие противоречия в правовом регулировании, но и создать условия для дальнейшего расширения легальной самозанятости как одного из ключевых факторов устойчивого экономического развития в условиях цифровой трансформации общественных отношений.

Список использованных источников:

1. Федеральный закон от 27.11.2018 № 422-ФЗ (ред. от 28.12.2024) «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход» // КонсультантПлюс: [сайт]. – 2026. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_311940/ (дата обращения: 28.03.2026). – Текст: электронный.

2. Агамагомедова С.А. Административно-правовое регулирование специальных налоговых режимов в условиях цифровой экономики // Административное право и процесс. – 2023. – № 4. – С. 42-48. – Текст: непосредственный.

3. Зубарев С.М. Цифровая трансформация публичной власти: риски и правовые гарантии // Государство и право. – 2022. – № 10. – С. 15-23. – Текст: непосредственный.

4. Старостин С.А., Костенников М.В. Актуальные проблемы административного права в условиях цифровизации // Административное право и процесс. – 2024. – № 1. – С. 5-11. – Текст: непосредственный.

5. Киселев А.А., Петров В.В. Правовой статус самозанятых: сравнительно-правовой анализ // Вестник гражданского права. – 2023. – № 3. – С. 88–105. – Текст: непосредственный.

6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // КонсультантПлюс: [сайт]. – 2026. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_181602/ (дата обращения: 28.03.2026). – Текст: электронный.

УДК 343.341

Одуденко С.Е., Таймазова А.К.
обучающиеся 3 курса
Научный руководитель: Даниленко Ю.А., к.ю.н., доцент
Институт «Таврическая академия»
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»,
г. Симферополь

ЗАНЯТИЕ ВЫСШЕГО ПОЛОЖЕНИЯ В ПРЕСТУПНОЙ ИЕРАРХИИ: ПРОБЛЕМАТИКА КВАЛИФИКАЦИИ

Аннотация. В статье рассматриваются теоретико-правовые и практико-судебные аспекты квалификации деяний, связанных с выполнением лицом роли руководителя или организатора в преступном сообществе иерархического типа. Цель исследования – выявить критерии, позволяющие надёжно отличать «высшее положение» в иерархии от иных форм участия (руководство, организация, пособничество), а также предложить методические подходы к доказыванию соответствующей роли в условиях современной преступной практики. Методологическая база статьи включает анализ норм уголовного права, изучение судебной практики, сравнительно-правовой обзор, а также методы логико-правового и системно-структурного анализа.

Ключевые слова: преступная иерархия; высшее положение; руководитель; организатор; преступное сообщество; признаки руководства; квалификация преступления; доказательная база; структура преступной группы; умысел на руководство; судебная практика; уголовно-правовая ответственность.

Annotation. The article examines the theoretical, legal, and practical-judicial aspects of the qualification of acts related to a person's role as a leader or organizer in a hierarchical criminal community. The purpose of the study is to identify criteria that reliably distinguish a "higher position" in the hierarchy from other forms of participation (leadership, organization, and complicity), as well as to propose methodological approaches for proving the relevant role in the context of modern criminal practice. The methodological framework of the article includes an analysis of criminal law norms, a study of judicial practice, a comparative legal review, and methods of logical-legal and system-structural analysis.

Keywords: criminal hierarchy; higher position; leader; organizer; criminal community; signs of leadership; crime qualification; evidence base; structure of a criminal group; intent to lead; judicial practice; criminal liability.

В 2019 г. в целях усиления борьбы с организованной преступностью введена ответственность за занятие высшего положения в преступной иерархии [1].

В силу того, что законодательного закрепления понятия лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии, не существует, практика по делам данной категории фактически отсутствует с момента введения ч. 4 в ст. 210 УК РФ и ст. 210.1 УК РФ. В основном указанная новация затрагивала авторитетных лидеров преступной среды, именуемых «ворами в законе» [2].

В п. 24. Постановления Пленума Верховного суда РФ от 10.06.2010 №12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участии в нем (ней)» отмечено следующее: «Решая вопрос о субъекте преступления, указанного в части 4 статьи 210 УК РФ, судам надлежит устанавливать занимаемое этим лицом положение в преступной иерархии, в чем конкретно выразились действия такого лица по созданию или по руководству преступным сообществом (преступной организацией) либо по координации преступных действий, созданию устойчивых связей между различными самостоятельно действующими

организованными группами либо по разделу сфер преступного влияния и преступных доходов, а также другие преступные действия, свидетельствующие о его авторитете и лидерстве в преступном сообществе (преступной организации). О лидерстве такого лица в преступной иерархии может свидетельствовать и наличие связей с экстремистскими и (или) террористическими организациями или наличие коррупционных связей и т.п. В приговоре необходимо указать, на основании каких из названных признаков суд пришел к выводу о наличии в действиях лица состава преступления, предусмотренного частью 4 статьи 210 УК РФ. [3].

Новеллу можно назвать проявлением криминализации «опасного состояния личности», учение о котором было разработано представителями отечественной социологической школы уголовного права в XIX [4, с. 6–7.]. Стоит отметить, что со времен разработки указанной новеллы она претерпела немало критики со стороны научного сообщества.

Осознавая всю важность уголовно-правовой борьбы с организованной преступностью и ее лидерами, следует отметить, что данная норма не бесспорна с точки зрения такого основополагающего принципа уголовного права, как законность. Наказывать только за то, что в преступном мире тот или человек называется преступным авторитетом, при том, что законодательного определения данного понятия не существует, по меньшей мере незаконно. Кроме того, подобный подход противоречит существующим требованиям об основаниях уголовной ответственности (ст. 9 УК), а именно – о наличии в содеянном все признаков состава преступления. В первую очередь здесь отсутствует обязательный признак объективной стороны состава преступления – общественно опасное деяние [5].

Некоторые авторы отмечают также, появление ст. 210.1 в структуре УК РФ является опасным прецедентом по возрождению идеи об опасном состоянии личности или же опасной личности в извращении указанной категории [6, с. 94].

В связи с этим интересен зарубежный опыт. В частности, в УК Грузии с 2006 г. имеется аналогичная ст. 210.1 УК РФ норма, закрепляющая ответственность за пребывание лица в положении именно «вора в законе» (ч. 2 ст. 223.1) [7]. На этом основании можно заключить, что отечественный законодатель перенял грузинский опыт уголовно-правового противодействия проявлениям организованной преступности. При этом используемый в ее диспозиции термин «вор в законе» имеет бланкетное содержание, которое раскрывается в ч. 4 ст. 3 Закона «Об организованной преступности и рэкете», принятом в 2005 г. [8]. Как видно, в отличие от российского аналога, в грузинском уголовном законе достаточно точно определен субъект соответствующего преступления.

Любопытна также и правоприменительная практика по данному вопросу. По последней информации (за 2024 год), осужденных по ст. 210.1 УК РФ насчитывалось 23 человека, а по ч. 4 ст. 210 УК РФ – 2 человека [9]. Таким образом, анализ судебно-следственной практики показал, что при расследовании уголовных дел о преступлениях, предусмотренных ст. 210.1 УК РФ, уголовные дела о преступлениях, ответственность за совершение которых установлена ч. 4 210 УК РФ, не возбуждаются, что может свидетельствовать об отсутствии как таковых преступных сообществ (организаций) в понимании ст. 210 УК РФ, управление которыми осуществляет лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии.

Более того, практический смысл термина «преступная иерархия» в контексте ст. 210.1 УК РФ не отождествляется с термином «преступное сообщество», поскольку в настоящее время судебная практика показывает, что доказывать наличие преступного сообщества (организации), в котором лицо занимает высшее положение, не требуется, достаточно лишь доказать наличие у лица высокого статуса, а также присущих такому статусу полномочий и их реализацию в отношении подчиненных субъектов преступной среды.

Например, Московский городской суд в своем постановил в отношении Д., обвиняемого, в частности, в совершении преступления, предусмотренного ст. 210.1 УК РФ,

обвинительный приговор по делу 2-0019_2021, установив в ходе рассмотрения дела, что Д. с 12 апреля 2019 г. занимал высшее положение в преступной иерархии. При этом вопрос о существовании преступного сообщества (организации) рассмотрен не был [10].

Для квалификации действий лица по ст. 210.1 УК РФ представляется возможным определить сущностное содержание преступной иерархии как систему отношений между лицами, придерживающимися принятых в преступном мире правил и традиций, основанную на принципе соподчиненности, действующую на определенной территории [11, с. 72].

Исходя из этого предлагаем выделить следующие конструктивные признаки лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии, установление которых позволит квалифицировать действия лица по ст. 210.1 УК РФ:

1) функция стратегического руководства (лицо формулирует цели, направления преступной деятельности и распределяет задачи)

2) право принимать окончательные решения

3) иерархическая власть и подотчётность (наличие формальной или неформальной системы подотчётности – либо прямых «подчинённых», либо сети координаторов)

4) координирующая функция через посредников (управление через доверенных лиц, стягивание усилий нескольких ячеек или групп)

5) определенная территория контроля.

Также, для устранения проблемы понимания субъекта преступления, предусмотренного ст. 210.1 УК РФ, имеются два альтернативных варианта:

а) изменение ст. 210.1 УК РФ путем раскрытия термина «занятие высшего положения в преступной иерархии» в диспозиции или в примечании к статье;

б) официальное толкование данного термина Пленумом Верховного Суда РФ, разъясняющего, какими свойствами должно обладать лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии (применительно к ст. 210.1 УК РФ), а также значение термина «преступная иерархия».

Последний вариант видится наиболее оптимальным, поскольку он не требует законодательной корректировки текста УК РФ.

Список использованных источников:

1. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части противодействия организованной преступности : Федеральный закон № 46-ФЗ : [принят Государственной думой 14 марта 2019 года] : (последняя редакция). – Доступ из справочно-правовой системы КонсультантПлюс.

2. Уголовное право. Особенная часть: преступления против общественной безопасности и общественного порядка : учебник для вузов / под общей редакцией В. И. Гладких, А. К. Есаяна. – Москва : Издательство Юрайт, 2025. – 352 с. – (Высшее образование). – ISBN 978-5-534-13708-8. – Текст : электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. – URL: https://urait.ru/bcode/567546. (дата обращения: 21.03.2026).

3. О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участии в нем (ней) : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.06.2010 N 12. – Доступ из справочно-правовой системы КонсультантПлюс.

4. Набоков, Владимир Дмитриевич (1869-1922) ... Об "опасном состоянии" преступника как критерии мер социальной защиты : [Докл. 8-му Общ. собр. Рус. группы Междунар. союза криминалистов 1910 г.] / В.Д. Набоков. – Санкт-Петербург : тип. т-ва "Обществ. польза", 1910. -38 с. ; 19.

5. Уголовное право. Особенная часть: преступления против общественной безопасности и общественного порядка : учебник для вузов / под общей редакцией В. И. Гладких, А. К. Есаяна. – Москва : Издательство Юрайт, 2025. – 352 с. – (Высшее образование). – ISBN 978-5-534-13708-8. – Текст : электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. – URL: https://urait.ru/bcode/567546. (дата обращения: 21.03.2026).
6. Бриллиантов А.В., Щербаков А.Д. Теория опасного состояния личности: шаг вперед или два назад? / А.В. Бриллиантов, А.Д. Щербаков // Государство и право. – 2020. – № 10. – С. 90–99.
7. Уголовный кодекс Грузии | სსიპ ”საქართველოს საკანონმდებლო მაცნე” // Законодательный вестник Грузии. – URL: https://matsne.gov.ge/ru/document/view/16426.?publication=149. – (дата обращения: 21.03.2026).
8. Закон Грузии Об организованной преступности и рэкете | სსიპ ”საქართველოს საკანონმდებლო მაცნე” // Законодательный вестник Грузии. – URL: https://matsne.gov.ge/ru/document/view/27814?publication=2. – (дата обращения: 21.03.2026).
9. Уголовное судопроизводство. Данные о назначенном наказании по статьям УК // Судебная статистика РФ. – URL: https://stat.апи-пресс.рф/stats/ug/t/14/s/17. – (дата обращения: 21.03.2026).
10. Дело 2-0019_2021. Приговор. документ - обезличенная копия // Официальный портал судов общей юрисдикции города Москвы. – URL: https://mos-gorsud.ru/mgs/cases/docs/content/93262870-5114-11ec-a1d3-1311a57f7dff. – (дата обращения: 21.03.2026).
11. Бельский С.В. Понятие высшего положения в преступной иерархии (статья 210.1 Уголовного кодекса Российской Федерации) / С.В. Бельский // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2023. – N 3 (65). – С. 68–73.

УДК 347.922

Рабаданова Д.М.
Научный руководитель Латынин А.О.
Крымский юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации,
г. Симферополь

ОЦЕНОЧНЫЕ КАТЕГОРИИ «ВОЗРАСТ», «СОСТОЯНИЕ ЗДОРОВЬЯ», КАК ОСНОВАНИЯ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА ГРАЖДАНИНА НА СУДЕБНУЮ ЗАЩИТУ В ПОРЯДКЕ СТ. 45 ГПК РФ

Аннотация. Статья посвящена проблеме неопределенности оценочных категорий «возраст» и «состояние здоровья» в ст. 45 ГПК РФ, которые служат основанием для обращения прокурора в суд в защиту прав граждан. Анализ судебной практики свидетельствует об отсутствии единообразия в толковании этих категорий. Для устранения субъективизма предлагается законодательно конкретизировать возрастные критерии (несовершеннолетие и достижение пенсионного возраста) и утвердить перечень объективных медицинских обстоятельств, подтверждающих невозможность гражданина самостоятельно обратиться в суд.

Ключевые слова. Прокурор, оценочные категории, возраст, состояние здоровья, судебная защита, невозможность самостоятельного обращения в суд

Abstract. The article is devoted to the problem of uncertainty of the evaluative categories «age» and «state of health» in Article 45 of the Code of Civil Procedure of the Russian Federation, which serve as a basis for the prosecutor's appeal to the court in defense of citizens' rights. An

analysis of judicial practice shows that there is no uniformity in the interpretation of these categories. To eliminate subjectivity, it is proposed to legally specify the age criteria (underage and retirement age) and approve a list of objective medical circumstances that confirm a citizen's inability to independently appeal to the court.

Keywords. Prosecutor, evaluation categories, age, health condition, judicial protection, inability to appeal to the court independently

Прокуратура Российской Федерации, осуществляя свою функцию надзора за соблюдением прав и свобод человека и гражданина, выступает в роли публичного защитника интересов, таким образом, реализуя право каждого на судебную защиту, закрепленное в ч.1 ст.46 Конституции Российской Федерации.

Право прокурора на обращение в суд с заявлением в защиту прав граждан, а также интересов общества или государства предусмотрено ст.45 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее ГПК РФ) и корреспондирует с положениями ст.35 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации», устанавливающей общие основания участия прокурора в рассмотрении дел судами [4].

Однако стоит учитывать, что защита личного интереса гражданина, может осуществляться прокурором только в случае, если такое лицо по состоянию здоровья, возрасту и недееспособности не может самостоятельно обратиться в суд. ГПК связывает прокурора обязанностью доказывать, помимо самого факта посягательства, правомерность своего обращения в суд. Часть 3 ст.131 ГПК устанавливает, что в случае обращения прокурора в защиту законных интересов граждан в заявлении должно содержаться обоснование невозможности предъявления иска самим гражданином [2]. Данное положение направлено на недопущение избыточного осуществления прокурором своих полномочий по защите прав граждан, в условиях, когда у самого управомоченного лица отсутствуют объективные препятствия для самостоятельной реализации права на обращение в суд.

По смыслу ч.1 ст.45 болезненное состояние и возраст – сами по себе уважительные причины, и представления дополнительных доказательств невозможности самостоятельного обращения граждан в суд не требуется [8].

Однако судебная практика показывает, что все, не так бесспорно. Закрепленные в ст.45 ГПК оценочные категории как «возраст», «состояние здоровья» должны формулироваться более четко, чтобы избегать на практике субъективизма прежде всего со стороны судей в решении вопроса о допустимости к рассмотрению заявлений (исков) прокурора [7, с.260].

Так, определением Балахнинского городского суда Нижегородской области исковое заявление прокурора, поданное в порядке ст. 45 ГПК РФ, было принято к производству [6]. Прокурор обосновывал свою исковую инициативу тем, что лицо является пенсионером по старости, в силу возраста не в состоянии эффективно осуществлять защиту своих нарушенных прав, не обладает юридическими знаниями и относится к социальной уязвимой категории граждан.

При аналогичных обстоятельствах определением Московского областного суда было отменено определение Люберецкого городского суда Московской области в котором было отказано в принятии искового заявления судом на основании того, что не были приняты во внимание доводы о том, что в силу преклонного возраста, являясь пенсионером по старости и не имея юридического образования, лицо относится к категории социально незащищенных лиц и не может самостоятельно полноценно реализовать и защищать в суде свои права и законные интересы [5].

Приведенные примеры судебной практики демонстрируют отсутствие единообразия в подходе судов к оценке обстоятельств, обосновывающих право прокурора на обращение в суд в порядке ст. 45 ГПК РФ, что приводит к противоречиям в судебной практике и исключает возможность восстановления нарушенных прав социально незащищенных категорий граждан.

Проблемным аспектом выступает отказ судов в удовлетворении заявлений прокурора, поданных в защиту прав несовершеннолетних, при наличии у последних законных представителей, а также отсутствие законодательно определенного возрастного критерия, позволяющего отнести пожилых граждан к категории лиц, не обладающих способностью к самостоятельной судебной защите [9].

Вместо абстрактного указания на возраст следует предложить конкретизировать его в виде двух четких категорий: 1) нижняя возрастная граница - несовершеннолетие (до 18 лет); 2) верхняя возрастная граница - достижение общеустановленного пенсионного возраста (60 лет для женщин и 65 лет для мужчин), а не факт нахождения на пенсии.

Чтобы исключить субъективизм судей, необходимо также четко определить, что понимается под невозможностью самостоятельно обратиться в суд по состоянию здоровья. К числу таких обстоятельств целесообразно отнести: 1) наличие инвалидности, независимо от группы инвалидности, так как ст. 39 Конституции Российской Федерации и Федеральный закон №181 «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» от 24.11.1995 года, определяют государственную политику в области социальной защиты инвалидов и закрепляют систему гарантированных государством мер; 2) наличие психического расстройства (даже если лицо не признано недееспособным, но состоит на учете у психиатра); 3) тяжелое заболевание, препятствующее явке в суд или совершению иных процессуальных действий (онкология в активной фазе, инсульт, паралич, слепота, глухота и т.д.); 4) документально подтвержденное длительное лечение в стационаре; 5) заключение врачебной комиссии о невозможности гражданина самостоятельно защищать свои права в суде.

Список использованных источников:

1.Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 01.07.2020 N 11-ФКЗ, от 06.10.2022) // Справочная правовая система «КонсультантПлюс» URL: https://www.consultant.ru (дата обращения: 25.03.2026).

2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 15.12.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2026) // Справочная правовая система «КонсультантПлюс» URL: https://www.consultant.ru (дата обращения: 25.03.2026).

3. Федеральный закон от 24.11.1995 № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации», Справочная правовая система «КонсультантПлюс» URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19586/(дата обращения: 27.03.2026).

4. Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» от 17.01.1992 N 2202-1, Справочная правовая система «КонсультантПлюс» URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_262/(дата обращения: 27.03.2026).

5.Определение Московского областного суда от 15 мая 2024 г. по делу № 33-16834/2024 // URL: https://sudrf.cntd.ru/document/1306348530 (дата обращения: 26.03.2026).

6.Решение Балахинского городского суда Нижегородской области от 7 октября 2025 г. по делу № 2-1236/2025 2-1236/2025~М-582/2025 М-582/2025 // Балахинский городской суд Нижегородской области URL: https://sudact.ru/regular/doc/TxCbCm5ZkNxR// (дата обращения: 26.03.2026).

7. Прокурорский надзор. Особенная и Специальная части: учебник для вузов / под общей редакцией О. С. Капинус; под научной редакцией А. Ю. Винокурова — 6-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2024. — 462с. — (Высшее образование). — ISBN 978-5-534-15984-4. — Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт URL: https://urait.ru/bcode/537367 (дата обращения: 26.03.2026).

8.Фирсова О.А. Состояние здоровья как обоснование предъявления иска прокурором // / О. Фирсова // Законность. – 2007. – № 2(868). – С. 9-11. – EDN KWGEMZ (дата

обращения: 28.03.2026).

9.Ергашев Евгений Рашидович, Поджаров Дмитрий Александрович О некоторых проблемах участия прокурора в гражданском процессе // Российское право: образование, практика, наука. 2020. № 1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/o-nekotoryh-problemah-uchastiya-prokurora-v-grazhdanskom-protsesse (дата обращения: 28.03.2026).

УДК 342.7

Шубин И.А.
обучающийся
Научный руководитель: Рыбакова О.С., к.ю.н., доцент
ФГАОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»,
г. Москва

ПРАВОВОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ МОЛОДЕЖИ В КОНТЕКСТЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ: СОВРЕМЕННЫЕ ВЫЗОВЫ И ПУТИ РЕГУЛИРОВАНИЯ

Аннотация. Статья посвящена исследованию правового просвещения молодежи как ключевого элемента государственной молодежной политики Российской Федерации. На основе всестороннего анализа нормативной правовой базы выявляются основные проблемы правового регулирования просветительской деятельности. Особое внимание уделено вызовам цифровой среды, оказывающим существенное влияние на правовую культуру молодых граждан. По результатам проведенного исследования предложены конкретные изменения в законодательство, направленные на закрепление правового просвещения в качестве самостоятельного направления молодежной политики.

Ключевые слова: молодежь, молодежная политика, правовое просвещение, правовая культура, цифровая среда, традиционные ценности, государственное управление.

Abstract. The article is devoted to the study of legal enlightenment of youth as a key element of the state youth policy of the Russian Federation. Based on a comprehensive analysis of the regulatory legal framework, the main problems of legal regulation of educational activities are identified. Special attention is paid to the challenges of the digital environment that have a significant impact on the legal culture of young citizens. Based on the results of the study, specific legislative changes aimed at consolidating legal enlightenment as an independent direction of youth policy are proposed.

Keywords: youth, youth policy, legal enlightenment, legal culture, digital environment, traditional values, public administration.

Современная государственная молодежная политика представляет собой базовый элемент обеспечения национальной безопасности и поступательного развития государства. Закрепление вопросов молодежной политики в тексте Основного закона государства послужило отправной точкой для масштабного реформирования всей отрасли права. Указанный шаг обусловил потребность в согласовании норм федерального законодательства, определяющих статус молодежи, с новыми вызовами, в том числе обусловленными формированием цифрового общества.

Важно констатировать, что фундаментом для правомерного поведения молодых граждан выступает высокий уровень правовой культуры. В связи с этим особую значимость приобретает правовое просвещение. Как указывает О.С. Рыбакова, целенаправленная работа по формированию правового мировоззрения молодежи имеет важнейший идеологический потенциал, необходимый для подготовки молодого поколения к активной и правомерной общественной жизни [1, с. 55].

Для достижения указанных целей требуется формирование прочной законодательной базы. Особое внимание следует уделить анализу Федерального закона от 29 декабря 2012 года № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации». В 2021 году законодателем были внесены изменения в указанный закон в направлении правового закрепления термина «просветительская деятельность». Согласно пункту 35 статьи 2 Федерального закона под просветительской деятельностью понимается деятельность, осуществляемая вне рамок образовательных программ, направленная на распространение знаний, опыта, формирование умений, навыков, ценностных установок и компетенции в целях развития человека. Представляется обоснованным вывод о том, что данная правовая конструкция создает правовую основу для реализации мероприятий именно по правовому просвещению молодежи.

Анализ части 3 статьи 12.2 указанного закона показывает, что порядок, условия и формы осуществления просветительской деятельности устанавливаются Правительством Российской Федерации. Подобный подход законодателя требует согласования данных норм с положениями законодательства о молодежи, поскольку в настоящее время механизмы реализации просветительских функций разрознены. Отсутствие прямого указания на правовое просвещение как на самостоятельную форму работы с молодежью порождает пробел в правовом регулировании.

Показательным в данном контексте выступает анализ Указа Президента Российской Федерации от 8 мая 2024 года № 314 «Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения». В подпункте «а» пункта 4 данного Указа историческое просвещение определяется как регулируемая государством деятельность общества и государства по формированию исторического сознания. При этом пункт 12 прямо указывает на необходимость реализации соответствующих программ в молодежной среде. Указ таким образом создает базовый стандарт государственного подхода к просвещению для дальнейшего его распространения и на правовое просвещение.

Опираясь на приведенный пример, важно проанализировать Основы государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан. В частности, пункт 15 указанных Основ закрепляет роль государственной молодежной политики в формировании правовой культуры. Однако текст документа, принятого более десяти лет назад (в 2011 году), не учитывает современных условий обмена информацией. Внедрение специального президентского указа, строго регламентирующего основы правового просвещения (по аналогии с Указом № 314), позволило бы привести к единому стандарту механизмы государственной поддержки профильных проектов.

Особую актуальность проблематика правового просвещения приобретает в условиях повсеместного распространения цифровых технологий. Цифровая среда стала неотъемлемой частью социума, порождая как новые возможности познания, так и существенные угрозы для правомерного поведения молодого поколения. Как отмечает Т.А. Полякова, обеспечение информационной безопасности и формирование правового сознания в виртуальном пространстве выступают приоритетными задачами современного государства [2, с. 56].

Формирование культуры правомерного поведения в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» осложняется проблемой правового нигилизма. Отсутствие у молодежи навыков критического анализа информации приводит к росту правонарушений в цифровой среде, в том числе связанных с распространением деструктивного контента. Как справедливо указывает А.А. Вилков, восприятие мер государственной молодежной политики поколением, выросшим в условиях цифровизации, напрямую зависит от ценностных установок и уровня правовой грамотности [3, с. 25].

Стратегические векторы государственного управления в рассматриваемой сфере закреплены на высшем уровне. Государство берет на себя обязанность по защите общества от распространения информации, противоречащей правовым нормам. Как отмечает

В.В. Комарова, социальная функция государства обязывает его создавать современные и безопасные механизмы реализации политики, направленной на молодежь [4, с. 14].

Особое внимание органов государственной власти сосредоточено на сохранении системы нравственных координат. Правовое просвещение неотделимо от воспитания уважения к традиционным ценностям, закрепленным в Указе Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 года № 809. Данный акт содержит прямое указание на необходимость создания условий для воспитания молодых граждан в духе уважения к закону и правовому порядку.

В августе 2024 года Правительством Российской Федерации была утверждена Стратегия реализации молодежной политики на период до 2030 года, которая определяет комплексный подход к развитию молодежной среды. Положения Стратегии прямо направлены на вовлечение молодых людей в созидательную практику и повышение уровня их правовой грамотности. При этом для практической реализации данных стратегических ориентиров требуется принятие отдельных нормативных правовых актов.

Анализ нормативной основы позволяет выявить существенный пробел в базовом законе о молодежной политике. Статья 6 Федерального закона от 30 декабря 2020 года № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» содержит перечень основных направлений реализации молодежной политики, включающий воспитание патриотизма, поддержку инициатив и обеспечение здорового образа жизни. Однако в данном перечне отсутствует прямое упоминание организации правового просвещения, что лишает уполномоченные органы государственной власти четкого правового основания для создания централизованных программ в этой области.

На основании вышеизложенного, автором предлагается решение обозначенной проблемы путем внесения изменений в действующее законодательство. Представляется целесообразным дополнить часть 1 статьи 6 Федерального закона № 489-ФЗ самостоятельным направлением следующего содержания: «организация правового просвещения среди молодежи, в том числе направленного на повышение уровня правовой культуры и правомерного поведения в цифровой среде». Такое дополнение позволит строго определить предмет ведения соответствующих органов исполнительной власти и обеспечит прямое согласование норм указанного закона с положениями Закона «Об образовании в Российской Федерации» в части осуществления просветительской деятельности.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что правовое просвещение молодежи должно выступать базовым элементом государственной политики. Закрепление данного института в текстах федеральных законов, а также разработка отдельного акта на уровне Президента Российской Федерации, регламентирующего основы правового просвещения, обеспечат формирование у молодого поколения устойчивого правового мировоззрения, способного противостоять современным вызовам и угрозам информационной безопасности.

Список использованных источников:

1. Рыбакова О.С. К вопросу о необходимости формирования конституционно-правового мировоззрения современной молодёжи // Конституционное и муниципальное право. 2024. № 5. С. 53-59. DOI: 10.18572/1812-3767-2024-5-53-59.
2. Полякова Т.А. Базовые принципы обеспечения информационной безопасности: концептуальные подходы и векторы развития в условиях цифровизации // Правовая информатика. 2020. № 2. С. 53-58. DOI: 10.21681/2412-8163-2020-2-53-58.
3. Вилков А.А. Государственная молодёжная политика в современной России глазами «цифрового» поколения // Российский социально-гуманитарный журнал. 2025. № 2. С. 15-28. DOI: 10.18384/2224-0209-2025-2-1605.
4. Комарова В.В. Социальная государственность: риски и современные механизмы реализации молодежной политики // Актуальные проблемы российского права. 2023. Т. 18. № 1. С. 6-21. DOI: 10.17803/1994-1471.2023.146.1.006-021.

УДК 342.9

Шупенков Д.В.
обучающийся 2 курса
Научный руководитель: Асанова Л.В., к.ю.н., доцент
Институт «Таврическая академия»
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского», Российская Федерация, г. Симферополь

ИЗМЕНЕНИЕ АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРОЦЕССА С ПОЯВЛЕНИЕМ ЭЛЕКТРОННОГО СЕРВИСА «ГОСУСЛУГИ» И МЕССЕНДЖЕРА MAX

Аннотация. В статье рассматривается трансформация административного процесса в Российской Федерации под влиянием цифровизации государственного управления, с учетом последних изменений и нововведений. Анализируются изменения, внесенные в КоАП РФ Федеральным законом № 59-ФЗ, которые закрепили за Единым порталом государственных и муниципальных услуг («Госуслуги») статус официального канала для подачи процессуальных документов, извещения участников производства и дистанционного участия в рассмотрении дел. Особое внимание уделяется появлению и внедрению национального мессенджера MAX, интегрированного с «Госуслугами» и мобильной подписью «Госключ». Рассматривается его роль как инфраструктурного элемента для юридически значимого обмена информацией, включая перспективы использования в сфере безопасности дорожного движения. В статье делается вывод о формировании новой модели экстерриториального цифрового взаимодействия в административном процессе, а также обозначаются сопутствующие правовые проблемы, такие как цифровое неравенство.

Ключевые слова: Административный процесс; цифровизация; ЕПГУ; Госуслуги; национальный мессенджер MAX; КоАП РФ; Госключ; извещение в электронной форме;

Abstract. The article examines the transformation of the administrative process in the Russian Federation under the influence of the digitalization of public administration, taking into account the latest changes and innovations. The article analyzes the changes made to the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation by Federal Law No. 59-FZ, which granted the Unified Portal of State and Municipal Services (Gosuslugi) the status of an official channel for submitting procedural documents, notifying participants in proceedings, and remotely participating in the consideration of cases. Special attention is given to the emergence and implementation of the national messenger MAX, which is integrated with Gosuslugi and the mobile signature Goskluch. The article examines its role as an infrastructure element for legally significant information exchange, including the prospects for its use in the field of road safety. The article concludes that a new model of extraterritorial digital interaction is being formed in the administrative process, and it also identifies the associated legal issues.

Keywords: Administrative process; digitalization; Unified State Portal; State Services; national messenger MAX; Code of Administrative Offenses of the Russian Federation; State Key; electronic notification;

Активное внедрение цифровых технологий в государственное управление достигло нового этапа. Если ранее цифровизация административных процедур касалась преимущественно оказания государственных услуг, то с 2025 года произошла глубокая интеграция цифровых платформ непосредственно в административный процесс. Ключевую роль в этом процессе сыграли два взаимосвязанных элемента: федеральная государственная информационная система «Единый портал государственных и муниципальных услуг» («Госуслуги») и новый национальный мессенджер MAX. Принятие ряда федеральных законов, в частности Федерального закона № 59-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс

Российской Федерации об административных правонарушениях» [1], коренным образом изменило порядок взаимодействия граждан, организаций и органов публичной власти.

Кардинальные изменения были внесены в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП РФ). Федеральный закон от 07.04.2025 № 59-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях», вступивший в силу 1 июля 2025 года, позволил использование цифровых каналов для совершения процессуальных действий.

С этого момента заявления, ходатайства, жалобы и иные документы могут подаваться участниками производства не только на бумаге, но и в электронной форме. Ключевым каналом для такой подачи определен личный кабинет гражданина на портале «Госуслуги». Это означает, что ЕПГУ превратился в полноценный инструмент, обеспечивающий юридически значимый обмен документами между государством и обществом.

Появление электронного сервиса «Госуслуги» в административном процессе повлекло за собой изменение институтов административного права. Во-первых, изменились правила извещения (уведомления). Ранее надлежащее уведомление лица о времени и месте рассмотрения дела являлось одной из самых сложных проблем, часто ведущих к отмене постановлений. Теперь извещения, протоколы и постановления могут направляться в личный кабинет на «Госуслугах». Законодатель установил презумпцию получения: датой получения документа считается день, следующий за днем его размещения в личном кабинете [2]. «Для постановлений по делам об автофиксации правонарушений действует специальное правило – документ считается полученным с момента входа гражданина в личный кабинет» [3].

Во-вторых, законодательно закреплена возможность дистанционного участия в производстве. Лицо, в отношении которого ведется производство, или его законный представитель вправе ходатайствовать об участии в составлении протокола или рассмотрении дела посредством веб-конференции (полностью удаленно) или видео-конференц-связи (с явкой в другой орган). Это существенно расширяет гарантии прав граждан, особенно проживающих в отдаленных населенных пунктах, и соответствует принципу процессуальной экономии.

Параллельно с развитием портала «Госуслуги» формируется новая цифровая экосистема. Её правовой статус закреплен Федеральным законом от 24 июня 2025 года № 156-ФЗ «О создании многофункционального сервиса обмена информацией» [4]. Новый сервис обмена информацией стал называться MAX, название было определено Распоряжением Правительства от 12 июля 2025 года №1880-р «Об определении организации, обеспечивающей создание и функционирование многофункционального сервиса обмена информацией» [5]. MAX позиционируется не просто как средство общения, а как инфраструктурный элемент взаимодействия государства и граждан.

Ключевой особенностью MAX является его тесная интеграция с «Госуслугами» и использование мобильной электронной подписи «Госключ». Это позволяет совершать юридически значимые действия непосредственно в интерфейсе мессенджера: подписывать договоры и соглашения, получать уведомления от государственных органов [6]. Фактически MAX становится инструментом, через который гражданин может оперативно реагировать на процессуальные действия государства.

Важной вехой стало распространение функционала MAX на сферу безопасности дорожного движения. Планируемые изменения в Правила дорожного движения предполагают возможность предъявления сотрудникам ГИБДД водительского удостоверения и свидетельства о регистрации транспортного средства через приложение MAX с использованием штрихкода, сгенерированного на «Госуслугах» [7]. В случае принятия этих поправок, административная процедура проверки документов приобретет полностью цифровой формат, а сам мессенджер будет выполнять функцию идентификации и аутентификации личности.

Вместе с тем, цифровизация ставит новые правовые вопросы. Требуется решить проблемы, связанные с цифровой неграмотностью, когда лица, не имеющие доступа к интернету или навыков работы с приложениями, могут оказаться в неравном положении.

На совещании судей судов общей юрисдикции, военных и арбитражных судов, председатель Верховного суда Российской Федерации Игорь Краснов отметил, что: «Интеграция портала «Госуслуги» с национальным мессенджером MAX будет способствовать повышению доступности правосудия и оптимизации бюджетных расходов». Особое внимание он уделил предложению о введении обязательного направления всей судебной документации гражданам и организациям исключительно через учетные записи на портале «Госуслуги»» [8]. По мнению главы Верховного суда, «…такая мера позволит пресечь случаи преднамеренного уклонения участников процессов от явки в суд, а также снизить нагрузку на судебную систему» [8]. Кроме того, Краснов отдельно отметил, что: «Потенциал использования цифрового идентификатора, электронной подписи и видеоконференцсвязи предоставляют гражданам возможность оперативного обращения в судебные инстанции. Электронные дела, могут стать аналитической базой для применения технологий искусственного интеллекта, что в свою очередь позволит сократить издержки судов различных уровней» [8].

Стоит особо отметить, что законодательное закрепление возможности дистанционного участия в производстве, безусловно, расширяет доступность, но действующее законодательство не содержит чёткого механизма фиксации и правовых последствий невозможности использования цифровых каналов по независящим от лица причинам (отсутствие связи, взлом учётной записи, цифровая неграмотность). Отсутствие таких гарантий ставит добросовестных участников производства в зависимость от стабильности работы государственных информационных систем.

Подводя итог, целесообразным следует предусмотреть создание на базе многофункциональных центров (МФЦ) оборудованных мест для бесплатного доступа к порталу «Госуслуги» и мессенджеру MAX, где граждане могут получить помощь в совершении процессуальных действий.

Также, следует отметить, что Госуслуги стали не просто порталом, а процессуальным инструментом, обеспечивающим подачу документов и получение уведомлений. MAX, в свою очередь, превращается в универсальный коммуникатор, позволяющий не только обмениваться информацией, но и подтверждать личность, предъявлять документы и подписывать их юридически значимой подписью. Дальнейшее развитие административного процесса будет связано с углублением этой интеграции, распространением цифровых форматов на новые составы правонарушений и совершенствованием механизмов защиты прав граждан в цифровой среде.

Список использованных источников:

1. Федеральный закон от 07.04.2025 №59-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» // КонсультантПлюс: [сайт]. — 2026. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_59999/ (дата обращения 16.03.2026) — Текст: электронный.

2. Федеральный закон от 31.07.1998 №146-ФЗ «Налоговый кодекс Российской Федерации» // КонсультантПлюс: [сайт]. – 2026. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19671/ (дата обращения 16.03.2026) – Текст: электронный.

3. Постановление Правительства РФ от 19.06.2021 №947 «Об утверждении Правил направления экземпляров постановлений и копий решений по жалобам на постановления по делу об административном правонарушении и материалов, полученных с применением работающих в автоматическом режиме специальных технических средств, имеющих функции фото- и киносъемки, видеозаписи, или средств фото- и киносъемки,

видеозаписи, лицу, в отношении которого возбуждено дело об административном правонарушении, в форме электронного документа, подписанного усиленной квалифицированной электронной подписью уполномоченного должностного лица, с использованием Единого портала государственных и муниципальных услуг» // КонсультантПлюс: [сайт]. – 2026. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_388138/92d969e26a4326c5d02fa79b8f9cf4994ee5633b/ (дата обращения 16.03.2026) – Текст: электронный.

4. Федеральный закон от 24.06.2025 №156-ФЗ «О создании многофункционального сервиса обмена информацией и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // КонсультантПлюс: [сайт]. – 2026. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_508287/ (дата обращения 16.03.2026) – Текст: электронный.

5. Распоряжение Правительства РФ от 12.07.2025 №1880-р «Об организации, обеспечивающей создание и функционирование многофункционального сервиса обмена информацией» // КонсультантПлюс: [сайт]. – 2026. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_509899/ (дата обращения 16.03.2026) – Текст: электронный.

6. Установка мессенджера MAX: правовые аспекты и обязанности пользователей – Max-Platform // MAX Platform: [сайт]. – 2026. – URL: https://max-platform.ru/articles/ustanovka-messendzhera-max-pravovye-aspekty-i-obyazannostipolzovatelej/ (дата обращения 16.03.2026) – Текст: электронный.

7. МВД предложило разрешить предъявлять права в мессенджере Max // Авто.ру: [сайт]. – 2026. – URL: https://auto.ru/mag/article/mvd-predlozhilo-razreshit-predyavlyat-prava-v-messendzhere-max/?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F (дата обращения 16.03.2026) – Текст: электронный.

8. Краснов предложил интегрировать «Госуслуги» и Max для цифровой модернизации правосудия // MK: [сайт]. – 2026. – URL: https://www.mk.ru/social/2026/02/19/krasnov-predlozhil-integrirovat-gosuslugi-i-max-dlya-cifrovoy-modernizacii-pravosudiya.html (дата обращения 28.03.2026) – Текст: электронный.